Р. Ю. Почекаев

ЛЕГИТИМАЦИЯ ВЛАСТИ, УЗУРПАТОРСТВО И САМОЗВАНСТВО

в государствах Евразии

Тюрко-монгольский мир XIII — начала XX в.

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге рассматриваются факторы легитимации власти в тюрко-монгольских государствах Евразии, начиная с империи Чингис-хана в первой половине XIII в. и заканчивая последними попытками создания независимых ханств в Центральной Азии уже в первой половине XX в., а также проблема узурпаторства и самозванства в этих государствах. На основе анализа многочисленных конкретных примеров автор определяет общие тенденции и основные факторы борьбы за власть, ее методы и приемы, прослеживает эволюцию этих факторов на разных этапах политико-правового развития тюрко-монгольских государств, способы правового обоснования узурпаторами и самозванцами своих претензий на верховную власть (некоторые из них до сих пор используются в политической борьбе в странах Среднего Востока и Центральной Азии).

Книга предназначена для историков государства и права, историков и востоковедов, специалистов по политологии и политической антропологии, а также для студентов, обучающихся этим специальностям.

- Роман Почекаев
  - ○
  - ○ Введение
  - ○ Часть I
    - ■ Глава 1
      - ■
      - ■ § 1. Особенности претензий на власть в периоды междуцарствия
      - ■ § 2. Конкуренты в борьбе за трон как узурпаторы в глазах друг друга
    - ■ Глава 2
      - ■
      - ■ § 1. Претензии на власть на основании происхождения и статуса
      - ■ § 2. Обвинение законного монарха как основание для выдвижения альтернативных претендентов
  - ○ Часть II
    - ■ Глава 3
      - ■
      - ■ § 1. Ближайшие родственники: Борджигины, потомки братьев Чингис-хана

- § 2. Борьба за власть Чингисидов по женской линии
- § 3. Среднеазиатские династии XVIII–XIX вв.: претензии на преемство не только от Чингисидов, но и от Тимуридов
- Глава 4
  -
  - § 1. Происхождение от мусульманских святителей
  - § 2. Воля святителя как источник права на ханскую власть
- Глава 5
  -
  - § 1. Захват власти региональными правителями как вариант выхода из политического кризиса
  - § 2. «Тираны»: приход к власти региональных династий как ответ на «имперскую политику» Чингисидов

○ Часть III
- Глава 6
  -
  - § 1. Зависимость от иностранных монархов как фактор снижения легитимации
  - § 2. Попытки смены династии иностранными монархами
- Глава 7
  - § 1. Назначение тюрко-монгольских монархов сюзеренами и отношение к ним местного населения
  - § 2. Иностранные сюзерены как ханы и способы их легитимации
  - § 3. Чингисиды – узурпаторы в глазах иностранных сюзеренов
- Глава 8
  -
  - § 1. Борьба против иностранного владычества как средство захвата власти
  - § 2. Превращение религиозного фактора в национальный
  - § 3. Отказ от иностранной поддержки в пользу национального фактора

○ Часть IV
- Глава 9

- [ ]
- [ ] § 1. Самозванцы, выдававшие себя за реально существовавших правителей
- [ ] § 2. Самозванцы, выдававшие себя за вымышленных членов правящих семейств
- [ ] § 3. Претенденты на трон с сомнительным происхождением
- [ ] § 4. Особые случаи самозванства
- [ ] Глава 10
- [ ]
- [ ] § 1. Претенденты на верховную власть
- [ ] § 2. Авантюристы «регионального масштаба»
- [ ] § 3. Самозванцы без властных амбиций
- Часть V
- [ ] Глава 11
- [ ] Глава 12
- Заключение
- Литература
- Список имен[187]
- Summary

- notes
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23

- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67

- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111

- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155

- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187

Роман Почекаев
Легитимация власти, узурпаторство и самозванство в государствах Евразии. Тюрко-монгольский мир XIII – начала XX в

Рецензент – доктор исторических наук, ординарный профессор НИУ ВШЭ *И. Н. Данилевский*

© Почекаев Р. Ю., 2017
© Издательский дом Высшей школы экономики, 2017

Введение

В «Сборнике летописей» персидского историка и выдающегося государственного деятеля конца XIII – начала XIV в. Рашид ад-Дина, описывается весьма показательный эпизод, ярко отражающий политическую идеологию потомков Чингис-хана. В 1300 г. персидский ильхан Газан (покровитель Рашид ад-Дина) прибыл в Дамаск – город, за который он соперничал с мамлюкским султаном ан-Насиром. Рашид ад-Дин рассказывает, как Газан сумел убедить жителей Дамаска в легитимности своих притязаний на власть над городом:

> Государь ислама спросил их: «Кто я?» Они все воскликнули: «Царь Газан, сын Аргуна, сына Хулагу-хана, сына Тулуй-хана, сына Чингис-хана». Потом Газан-хан спросил: «Кто отец Насира?» Они ответили: «Альфи». Газан-хан спросил: «Кто был отцом Альфи?» Все промолчали. Всем стало ясно, что царствование этого рода случайно, а не по праву, и что все являются слугами знаменитого потомства предка государя ислама [Рашид ад-Дин, 1946, с. 184] (см. также: [Султанов, 2006, с. 60]).

В самом деле в Монгольской империи, которая к середине XIII в. охватывала огромное пространство на территории Евразии, а затем и в государствах, образовавшихся после ее распада, сложилась политико-правовая традиция, в соответствии с которой только потомки Чингис-хана имели право занимать трон. Несмотря на то что механизмы перехода власти были довольно разнообразны и порой даже противоречили друг другу, сам принцип сохранения верховной власти и ханского титула исключительно в роду Чингисидов долгое время оставался незыблемым. Поэтому правление «золотого рода»[1] в различных государствах Евразии имело, по выражению исследователей, «беспрецедентную продолжительность» – более 700 лет: с конца XII по начало XX в. (см., напр.: [Барфилд, 2002, с. 50]).[2]

История правления потомков Чингис-хана, их борьбы за власть на бескрайнем пространстве Монгольской империи и ее преемников неоднократно привлекала внимание исследователей. Не занимаясь непосредственно вопросами самозванства и узурпаторства, некоторые из них не могли в той или иной степени не затронуть их при изучении проблематики легитимации власти в Монгольской империи и пост-имперских чингисидских государствах. К числу наиболее существенных

работ по данной тематике можно отнести работы Т. Д. Скрынниковой, Т. И. Султанова, В. В. Трепавлова, Д. ДеВиза, А. фон Кюгельген, Б. М. Бабаджанова, Т. К. Бейсембиева, не говоря о многочисленных статьях и сборниках работ, опубликованных как перечисленными, так и другими авторами.[3]

Исследуя историю этого весьма разветвленного рода, его права и претензии на власть, способы прихода к власти, большинство исследователей не слишком много говорят о случаях покушения на монополию Чингисидов, по крайней мере до второй половины XVIII в., когда представители «золотого рода» были почти одновременно лишены власти в ряде государств. Нельзя сказать, что случаи прихода к власти нечингисидов (а также в ряде случаев и самозванцев, выдававших себя за потомков Чингис-хана) в более ранние периоды вообще не упоминаются специалистами, однако в их работах они предстают как некие случайные «интерполяции» в длительном пребывании у власти потомков «золотого рода». Специальных исследований об узурпаторах и самозванцах, посягавших на властную монополию Чингисидов, насколько нам известно, до сих пор не было.

Это представляется довольно странным, принимая во внимание тот интерес, который во все времена историки питали к разного рода авантюристам, не имевшим права на трон, но рискнувшим бросить вызов легитимным правителям и порой бравшим верх над ними. Тем более что и источники содержат немало сведений о таких претендентах на власть, что дает специалистам прекрасную базу для исследований и анализа.

Поэтому неудивительно, что историография самозванцев и узурпаторов весьма обширна. Так, только в России в последние 200 лет был издан целый ряд одних только обзорных трудов о самозванцах и узурпаторах, не считая еще более многочисленных исследований, посвященных отдельным авантюристам: от «Краткой повести о бывших в России самозванцах» конца XVIII в. [Краткая повесть, 1793] до появившихся на рубеже XX–XXI вв. научных и научно-популярных работ (см., напр.: [Баганова, 2010; Корниенко, 2011; Юзефович, 1999]). Появляются работы, посвященные даже философскому и психологическому анализу феномена самозванства [Тульчинский, 1996].

Популярность жизнеописаний самозванцев и узурпаторов вполне объяснима как среди авторов, так и среди читателей. В самом деле история прихода тех или иных государственных деятелей к власти всегда вызывала интерес и профессиональных историков, и любителей прошлого. Если же к власти приходили лица, не имевшие законного права претендовать на нее – самозванцы и узурпаторы, – интерес к их деяниям возрастал

вдвойне. Ведь даже вокруг легитимных правителей всегда возникали мифы и легенды, однако большей частью они формировались уже после смерти монархов – в историографии и народной памяти. Лица же, незаконно захватившие трон (или хотя бы претендовавшие на него), изначально создавали вокруг себя мифическое пространство в надежде на то, что оно будет выглядеть настолько реальным, что сделает их правление легитимным, всеми признанным. Наиболее эффективным средством при этом становилась апелляция к закону, к правовым основаниям власти. Толкуя в свою пользу спорные нормативные положения, либо же эффективно используя пробелы и коллизии в праве, значительное число самозваных представителей законных династий и даже узурпаторов, не относившихся к правящим семействам, преуспели в захвате трона, а наиболее удачливые из них даже основали собственные династии. Тогда как проигравшие самозванцы и узурпаторы нередко уподоблялись исчадиям ада и наиболее закоренелым грешникам, что в общем-то вполне логично, ведь историю всегда пишут победители (см., напр.: [Василик, 2012]).

Источники донесли до нас сведения о многочисленных авантюристах, которые выдавали себя за других лиц – законных претендентов на трон. Маг Гаумата, выдававший себя в VI в. до н. э. за сына персидского царя Кира II, самозваные византийские императоры, «фальшивые» Жанны д'Арк и английские короли эпохи войн Алой и Белой Розы, лже-Ричарды и лже-Эдуарды, лица, выдававшие себя за Людовика XVII – сына Людовика XVI, погибшего в годы Великой французской революции.

Не менее богата на самозванцев и история России. В годы Смутного времени (1598–1613) на трон претендовали едва ли не десятки подставных сыновей Ивана Грозного (Лжедмитрии I, II, III и т. д.), его сыновей – Ивана Ивановича и Федора Ивановича, Василия Шуйского… Во второй половине XVIII в. на сцену вышли многочисленные претенденты на трон под именем императора Петра III (самым известным из них, хотя и далеко не единственным, является Емельян Пугачев), а также менее значительные авантюристы вроде «княжны Таракановой». В XX в. и в России, и за ее пределами появилось множество самозванцев, выдававших себя за сына и дочерей бывшего императора Николая II, казненных вместе с ним в 1918 г., либо за их прямых потомков.

По большей части эти самозванцы разоблачались еще до вступления на трон: их арестовывали, судили и казнили, либо ссылали на каторгу или в монастырь. Некоторым (как, например, Лжедмитрию I) удавалось на короткое время занять трон, но, как правило, и их ожидала скорая насильственная смерть. Впрочем,

бывали и исключения. Так, некий Сверре (Сверрир), выдавший себя за сына одного из норвежских королей, не только сам правил в последней четверти XII в., но и основал династию, пребывавшую на троне Норвегии в течение всего следующего столетия.

Еще чаще претензии на власть предъявляли лица, даже не пытавшиеся выдать себя за представителей законного правящего рода, вместо этого они открыто делали ставку на собственное политическое влияние в стране, военную силу или же свое огромное состояние. Сегодня таких претендентов принято именовать узурпаторами, в античном же мире и средневековой Италии их называли тиранами – даже если они правили вовсе не с той жестокостью, с которой сегодня мы ассоциируем это понятие: «тираном» назывался любой правитель, захвативший власть с нарушением законов наследования. Такими тиранами были многочисленные правители древнегреческих государств, например, сицилийские Фаларис и два Дионисия – Старший и Младший, десятки так называемых солдатских императоров в Риме II–III вв. н. э. и, наверное, сотни правителей городов-государств в средневековой Италии.

В некоторых странах существовали довольно причудливые формы легитимации власти узурпаторов, в результате чего многие из таких авантюристов признавались законными правителями.

Например, в древнем и средневековом Китае применялась доктрина так называемого мандата Неба. Любой удачливый авантюрист, сумевший свергнуть предыдущего императора и основать династию хотя бы из двух-трех поколений правителей, признавался в официальной историографии избранником Неба, обладателем его «мандата» и, следовательно, законным правителем. Свергнутый же им законный император (как правило потомок такого же авантюриста, захватившего власть тем же путем) объявлялся лишенным такого «мандата» за свои прегрешения – истинные или мнимые. В результате легитимными китайскими императорами и основателями законных династий становились мелкие торговцы, крестьяне и даже буддийские монахи.

Иной способ легитимации власти узурпаторами применялся в Византийской империи, где на трон нередко вступали представители сановной или военной знати самого различного происхождения – греки, армяне, сирийцы и т. д. Чтобы стать законным монархом, было достаточно породниться с легитимным императорским родом. Такая практика наиболее широко применялась в Византии в эпоху Македонской династии (867–1056). Например, в первой четверти X в. друнгарий флота

(адмирал) Роман Лакапин выдал свою дочь замуж за законного императора Константина VII Багрянородного, а вскоре объявил императором себя самого и трех своих сыновей. Спустя примерно полвека полководец Никифор Фока провозгласил себя императором, обосновав претензии на трон своей женитьбой на Феофано – вдове сына Константина Багрянородного, причем он считался соправителем ее сыновей от первого брака, «багрянородных» Василия II и Константина VIII. Несколько лет спустя Никифор Фока был убит еще одним полководцем – Иоанном Цимисхием, который, в свою очередь, женился на дочери Константина Багрянородного и также формально объявил себя соправителем Василия II и Константина VIII.

А как же обстояли дела с легитимацией власти, узурпаторством и самозванством в чингисидских и постчингисидских государствах – империи Чингис-хана, возникшей в начале XIII в., и ее преемников, просуществовавших вплоть до начала XX в. (когда пали Бухарский эмират и Хивинское ханство, и практически все государства на территории бывшей Монгольской империи были реорганизованы по советскому образцу)? Отсутствие достаточного количества источников, сложные, запутанные и не до конца понятые правила наследования власти в этих государствах – все это затрудняет исследование феномена узурпации и самозванства в тюрко-монгольском мире. Тем не менее подробное ознакомление с историческими источниками и рядом специальных исследовательских работ позволяет сделать два важных вывода. Во-первых, сами потомки Чингис-хана, равно как и их соперники в борьбе за власть причудливым образом сочетали элементы традиционного, харизматического и рационального господства (в соответствии с терминологией М. Вебера) (подробнее см.: [Крадин, 2004, с. 90–92]), апеллируя к религиозным, генеалогическим и правовым факторам. Во-вторых, попыток узурпации трона и выступлений самозванцев в этих государствах было ничуть не меньше, чем в истории, например, Античного мира, средневековой Европы или мусульманского Востока.

Среди узурпаторов находились как сами представители «золотого рода» Чингисидов, пытавшиеся занять трон в обход правил перехода власти – Тэмугэ-отчигин, брат Чингис-хана, Ногай в Золотой Орде, ряд самозваных ханов Мавераннахра, Казанского и Сибирского ханства, Бухары, Хивы и проч. Другую группу узурпаторов составляли претенденты на верховную власть из числа лиц, не являвшихся потомками Чингис-хана, тем не менее многие из них оказались удачливыми и даже положили начало собственным династиям: бухарские эмиры из династии

Мангытов, Инаки (Кунграты) в Хиве, ханская династия Мингов в Коканде и др. При этом в отношении данных правителей очень важно учитывать различие между терминами «легальность» и «легитимность»:[4] многие претенденты на трон (например, Мухаммад-Рахим, первый бухарский правитель из рода Мангытов, или первые хивинские ханы из династии Инаков) приходили к власти легально, т. е. с соблюдением официальной процедуры – избрания на курултае, церемонии интронизации и проч., но при этом в глазах поборников «чингисизма», конечно же, не выглядели легитимными, т. е. законными и всеми признанными правителями, поскольку не принадлежали к роду Чингисидов; аналогичным образом, в глазах подданных тюрко-монгольских правителей сомнительными выглядели права на власть тех потомков Чингис-хана, которые формально также законным образом вступали на трон, но фактически являлись ставленниками иностранных государей-сюзеренов.

Находились и самозванцы, выдававшие себя за Чингисидов. Например, в 1361 г. на золотоордынский трон вступил самозванец, выдававший себя за покойного царевича Кильдибека, в конце XVI – начале XVII в. в Средней Азии действовал целый ряд самозванцев, выдававших себя за реальных или даже вымышленных представителей династии Шайбанидов. В некоторых случаях чингисидские правители «становились» самозванцами исключительно благодаря мнению авторитетных историков. Так, например, казахстанский исследователь В. П. Юдин в свое время утверждал, что ни знаменитый золотоордынский хан Узбек, ни целая династия Туга-Тимуридов (потомки тринадцатого сына Джучи, первого правителя Золотой Орды) не принадлежали к Чингисидам. С легкой руки историков XIX–XX вв. самозванцами стали признаваться золотоордынские ханы Кульна и Наурус. Известный исследователь-востоковед середины XIX в. О. И. Сенковский («Барон Брамбеус») заявил о том, что знаменитый основатель бухарского ханства Мухаммад Шайбани-хан также не был Чингисидом. Таким образом, исследование конкретных примеров узурпаций и самозванства в тюрко-монгольских государствах уже представляется весьма захватывающим.

Большинство исследователей, занимающихся историей узурпаторства и самозванства, сосредоточены на изучении конкретных личностей, их политических биографий, что выглядит вполне логичным. При написании настоящей книги нам, безусловно, неоднократно приходилось обращаться к истории жизни и деятельности тех или иных узурпаторов и самозванцев, однако сразу хотелось бы отметить, что мы вовсе не

ставили целью представить в нашей книге набор биографий незаконных претендентов на власть, который мог бы быть составлен на основе систематизации разрозненных сообщений из различных источников и отдельных фрагментов исследовательских работ, либо же составление некоей «энциклопедии», включающей сведения *обо всех* незаконных претендентах на власть в тюрко-монгольском мире. Нас заинтересовал сам феномен самозванства, причины появления авантюристов, способы обоснования ими своих претензий и привлечения сторонников.

Таким образом, фактически речь пойдет о специфическом аспекте политико-правовой культуры тюрко-монгольского мира в чингисидский и постчингисидский периоды. Наибольший интерес представляют механизмы использования политических принципов, правовых норм, обычаев и традиций (или их отсутствия), которые позволяли лицам, не имевшим права на трон, все же претендовать на него и нередко добиваться успеха в своих претензиях. Наша цель – найти ответ на вопрос, почему политические обстоятельства и правовая ситуация в том или ином тюрко-монгольком государстве предрасполагала к появлению узурпаторов и самозванцев, какие пробелы в системе власти и законодательстве позволяли им находить лазейки и претендовать на трон в обход действовавших правовых норм.

Конкретные личности в контексте изучения этих проблем будут, таким образом, своеобразными case studies – наглядными иллюстрациями в пользу выявленных тенденций. Также мы не ставили задачу составить энциклопедический справочник узурпаторов и самозванцев в тюрко-монгольских государствах, соответственно, не претендуя на упоминание в работе всех известных в истории этих государств незаконных претендентов на трон. В работе упоминаются либо наиболее яркие, либо наиболее типичные случаи узурпаций и самозванства – по возможности из различных государств и регионов Евразии (территории распавшейся Монгольской империи), чтобы показать однородность процессов и тенденций борьбы за власть в многочисленных чингисидских и постчингисидских государствах. А поскольку каждый претендент на престол мог пользоваться целым набором таких средств, не стоит удивляться тому, что одни и те же лица будут фигурировать в разных главах и разделах этой книги. Кроме того, следует иметь в виду, что в ряде случаев вопрос, являлся ли тот или иной претендент на престол узурпатором или нет, не такой уж однозначный: он мог быть узурпатором в глазах представителей законной правящей династии, но при этом – законным монархом с точки зрения

процедуры избрания, т. е. выражения воли подданных, либо законным монархом по происхождению, но узурпатором в глазах государя-сюзерена, не дававшего своего согласия на его приход к власти. В таких случаях мы специально оговариваем, по какому критерию претендент мог считаться незаконным.

Итак, исследование феномена самозванства и узурпации в тюрко-монгольских государствах для нас является еще одним аспектом в глобальном исследовании политико-правового развития этих государств, а конкретно – его особенностей в кризисные периоды. Источники, содержащие сведения о деятельности самозванцев и узурпаторов дают прекрасный материал для анализа как условий политико-правовых кризисов в этих государствах, так и попыток выхода из них с помощью таких радикальных мер, каковыми, без сомнения, следует признать претензии на власть и трон тех, кто не имел права на них.

Легко будет заметить, что на раннем этапе истории Монгольской империи и чингисидских государств число узурпаторов и тем более самозванцев было относительно невелико. Но по мере их распада и снижения авторитета потомков Чингис-хана появлялись все новые факторы легитимации власти (религиозные, иностранные и проч.), позволявшие все большему и большему количеству авантюристов предъявлять претензии на ханский трон и на политико-правовое наследие Чингисидов в самых разных государствах и даже отдельных их частях. Соответственно, если в первой части книги мы характеризуем (и довольно подробно) отдельные случаи узурпации престола, то начиная со второй речь идет уже о целых династиях узурпаторов и самозванцев, естественно, каждый конкретный случай в рамках одной работы рассмотреть невозможно. Поэтому автор был вынужден ограничиваться либо характеристикой способов легитимации власти, использовавшихся целыми «узурпаторскими династиями», либо же выбирать таких деятелей, которые наиболее ярко отражали ту или иную тенденцию борьбы за власть.

Следует сказать несколько слов о написании имен собственных в настоящей книге. Автор использовал принятые в востоковедной литературе формы написания имен Чингис-хан, Мухаммад, Сайид-Ахмад. При этом учитывалось различие звучания одних и тех же имен у тюрков и монголов, например, тюркского Тимур и монгольского Тэмур. Иные варианты написания имен конкретных деятелей могут встречаться в цитатах, в которых автор книги сохранял те формы имен, которые использовали авторы цитируемых произведений. В прилагаемом именном указателе имена приведены в той форме, в какой они

даны автором книги.

В процессе написания книги автору пришлось столкнуться с рядом сложных и спорных моментов, существенную помощь в разрешении которых, а также в нахождении источников и литературы ему оказали Б. М. Бабаджанов, П. О. Рыкин, Т. Д. Скрынникова, Т. И. Султанов, К. З. Ускенбай, А. С. Эркинов, которым автор выражает глубокую искреннюю благодарность.

Санкт-Петербург,

2012–2015

Часть I
Факторы легитимации в имперскую эпоху

В 1206 г. была создана империя Чингис-хана, достигшая своего расцвета к середине XIII в. В этот же период были заложены основы идеологии «чингисизма», закрепившейся в сознании подданных «золотого рода» в течение последующих двух веков как особая, имперская система политико-правовых ценностей. «Чингисизм» представлял собой сложную, комплексную идеологическую конструкцию, включающую политические, правовые, а по мнению некоторых исследователей, даже и религиозные элементы [Юдин, 1992*а*, с. 16]. В рамках настоящей работы нас интересует один из элементов этой идеологии, а именно – монополия на власть членов «золотого рода» Чингис-хана и его потомков.

Глава 1
Ссылки на закон и на завещание

Чтобы добиться ханского титула и верховной власти в Монгольской империи и государствах, возникших после ее распада, было необходимо принадлежать к потомкам Чингис-хана по прямой мужской линии и пройти процедуру избрания на курултае [Султанов, 2006, с. 67].[5] Однако представители «золотого рода» (т. е. отвечавшие первому из требований) нередко пытались добиться власти, оспаривая законность избранных монархов, либо же в обход курултая. И таких случаев в истории чингисидских государств было не так уж мало. Многочисленность претендентов и ожесточенная борьба за власть, первые проявления которой имели место практически сразу после смерти Чингис-хана, объясняется тем, что у монголов не было четкого порядка престолонаследия.[6] Некоторые исследователи даже распад Монгольской империи во многом связывают с этой причиной [Бартольд, 2002*а*, с. 147; Чхао, 2008, с. 90–92; Jackson, 1978, p. 193].

Отсутствие установленного законом порядка престолонаследия вовсе не означало, что любой потомок Чингис-хана, пожелавший стать ханом, мог предъявить претензии и получить всеобщее признание как законный монарх. Т. И. Султанов на основе анализа многочисленных источников выделяет ряд условий, которые давали тем или иным претендентам из «золотого рода» преференции в борьбе за власть [Султанов, 2006, с. 87–102]. В период единства Монгольской империи – с рубежа 1220–1230-х годов и до второй половины XIII в. – претенденты на трон предпочитали апеллировать к законам Чингис-хана, известным сегодня под названием «Великая Яса», а также к завещаниям ханов-предшественников.

Это выглядит довольно странным, учитывая, что в этот период монгольское имперское законодательство еще только формировалось. Тем не менее монголы (вероятнее всего, под влиянием своих китайских или среднеазиатских советников) очень быстро усвоили преимущества опоры на писаный закон и стали настоящими «позитивистами» (в юридическом понимании этого термина), стараясь обосновывать любые свои действия – даже такие, как разрушение городов, грабеж и резню населения, расправы с политическими противниками – ссылками на те или иные нормы имперского законодательства. В полной мере это проявилось и в борьбе за трон: узурпаторы нередко старались

использовать нормы права в своих интересах.

§ 1. Особенности претензий на власть в периоды междуцарствия

Претенденты, ссылавшиеся на нормативно-правовые акты, нередко шли не просто на «субъективное толкование» норм, но и на откровенную фальсификацию. Правда, объективности ради следует отметить, что подобные действия стимулировало уже упоминавшееся выше отсутствие четко разработанного законодательства о наследовании трона, неопределенность и расплывчатость ряда правовых понятий и категорий в монгольским имперском праве.

Узурпация de facto: Тулуй как регент и как претендент на трон. Институт регентства в Монгольской империи и чингисидских государствах был достаточно распространен, несмотря на то что никакого правового закрепления статуса регентов в чингисидском праве не существовало (по крайней мере нам такие правовые акты неизвестны). Фактически сосредоточивая в своих руках власть, равную ханской, регенты тем не менее не являлись полноправными монархами, прекрасно понимая, что рано или поздно им придется отказаться от власти в пользу монарха, выбранного в законном порядке.

Неудивительно, что многие временные правители старались всячески оттянуть избрание монарха и сохранить ситуацию «переходного периода», тем самым оставаясь верховными правителями государства (см.: [Флетчер, 2004, с. 227]).

Строго говоря, в формально-юридическом отношении такие правители не являлись узурпаторами, поэтому в большинстве подобных случаев можно условно говорить об «узурпации de facto», выражавшейся именно в преднамеренном затягивании процесса избрания монарха. И все-таки в некоторых случаях наиболее амбициозные регенты, располагая значительным административным ресурсом, могли рискнуть и пойти на откровенную узурпацию.

На основе имеющихся источников можно выделить три типа регентства в тюрко-монгольских государствах: регенты в переходный период (от смерти предыдущего монарха до избрания следующего); временные правители в период нахождения законного монарха (или наиболее вероятного наследника умершего хана) вне государства; наконец, регенты при малолетних монархах. Известны случаи попыток узурпации – откровенной и фактической – представителей каждой из этих категорий.

Наиболее ответственным, несомненно, являлось регентство в период после смерти предыдущего хана и до избрания следующего. Временным правителем назначался или избирался член ханского рода, достаточно авторитетный и энергичный, чтобы не допустить смуты, нередко начинавшейся после кончины монарха и вместе с тем лишенный чрезмерных амбиций, которые толкнули бы его на окончательное закрепление власти в своих руках. Правда, порой бывало, что изначально соответствовавшие этим требованиям регенты, уже вкусив власти, начинали ею злоупотреблять, стремясь сохранить ее в своих руках.

Так действовал и самый первый регент Монгольской империи, ставший временным правителем после смерти Чингис-хана в 1227 г. – его четвертый сын Тулуй, носивший также титул Еке-нойона, или Улуг-нойона, т. е. «Великого князя». В соответствии с монгольским обычным правом Тулуй являлся отчигином семейства Чингисидов (формально – «хранителем домашнего очага», фактически же – «главой дома и коренного юрта [отца] своего» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 19]). Коренной юрт Чингис-хана (в монгольской политической традиции – «голун (голын) улус», буквально – «центральное владение» [БАМРС, 2001, с. 429]) включал фамильные владения Чингисидов в Монголии, в бассейне рек Онона, Керулена и Толы, а также и немалые владения в недавно завоеванном Северном Китае [Трепавлов, 1993, с. 97] (см. также: [Гумилев, 1992*а*, с. 145]). Кроме того, согласно Рашид ад-Дину, Тулую как регенту должны были подчиняться «те из войск, что относились к центру, правой руке и левой руке» – практически все войска Монгольской империи [Рашид ад-Дин, 1952*б*, с. 274] (см. также: [Трепавлов, 1993, с. 97]).[7] В результате, Тулуй, при жизни отца бывший на вторых ролях в политической жизни, вдруг оказался во главе огромной империи. Естественно, было бы странным, если бы он не пожелал сохранить свою власть на как можно более долгое время.

Ряд источников донес до нас сведения о властных амбициях Тулуя. Так, Рашид ад-Дин отмечает, что после смерти Чингис-хана

> Тулуй-хан (sic! – *Р. П.*) водворился в коренном юрте, который состоял из престольного города и великих станов Чингис-хана, и воссел [на царский престол] [Рашид ад-Дин, 1960, с. 109].

Вполне вероятно, что в данном случае термин «царский престол» является всего лишь устойчивым выражением и не свидетельствует о властных амбициях четвертого сына Чингис-

хана. Однако слова персидского автора подтверждаются еще одним источником – китайской династийной историей «Юань ши», составленной в 1369 г. В биографии Елюя Чу-цая, советника Чингис-хана и Угедэя, первого чжуншулина (канцлера) Монгольской империи, содержится следующее сообщение:

> Тай-цзун (Угедэй. – *Р. П.*) должен был вступить на престол, собрались все [его] сородичи на съезд, но еще не принимали [окончательного] решения. Жуй-цзун (Тулуй. – *Р. П.)*был родным младшим братом Тай-цзуна, и поэтому [Елюй] Чу-цай сказал Жуй-цзуну: «Это – великая забота династии. Надо побыстрее разрешить [ее]». На это Жуй-цзун сказал: «Дело еще не готово. Можно ли выбрать другой день?» [Елюй] Чу-цай ответил: «Пропустите этот – не будет [другого более] счастливого дня» [Мункуев, 1965, с. 188] (см. также: [Султанов, 2001, с. 41]).

Как видим, намерения Тулуя были вполне очевидны: он стремился затянуть, насколько это возможно, проведение курултая, на котором следовало избрать ханом его старшего брата Угедэя, и за это время расположить монгольскую знать в свою пользу [Султанов, 2006, с. 39].

Интересно также отметить, что тот же Рашид ад-Дин (являвшийся, напомним, помимо всего прочего, еще и официальным придворным историографом монгольских правителей Ирана – потомков Хулагу, сына Тулуя) отмечает, что

> Чингис-хан имел в мыслях передать ему также каанство и царский престол и сделать его наследником престола, но [потом] он сказал: «Эта должность, в которой ты будешь ведать моими юртом, ставкой, войском и казной, для тебя лучше, и ты будешь спокойнее душой, – так как у тебя будет много войска, то твои сыновья будут самостоятельнее и сильнее других царевичей» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 107–108].

Подобное сообщение противоречит вышеприведенному решению Чингис-хана о назначении наследником Угедэя, но в полной мере легитимирует последующий приход к власти потомков Тулуя, которые, как известно, довольно быстро отстранили Угедэидов от власти в Монгольской империи. Вместе с тем нельзя не предположить, что слова, приписанные персидским историком Чингис-хану, могли и в самом деле использоваться Тулуем и его сторонниками в целях сохранения за

ним верховной власти и затягивания организации курултая для выборов хана. Таким образом, мы не можем обвинять Тулуя в узурпации трона в полном смысле этого слова: он не предъявлял претензий на трон в обход наследника по завещанию Чингис-хана, не пытался захватить его силой. Однако будучи регентом он допустил именно «фактическую» узурпацию, т. е. попытался сохранить верховную власть в своих руках как можно дольше, пренебрегая своей обязанностью созвать курултай для избрания хана.

Но прошло слишком мало времени после смерти Чингис-хана, чтобы его потомки, родичи и сановники успели утратить пиетет к нему и пренебречь его последней волей, поэтому курултай состоялся, и воля основателя империи не была нарушена: Угедэй стал его преемником.[8] Тем не менее претензии Тулуя на верховную власть не прошли для него бесследно: брат-хан до конца жизни так и не доверял ему полностью. Ближайшим соратником и фактическим соправителем Угедэя на протяжении всего его правления являлся не Тулуй, а старший брат Чагатай, в отличие от младшего свято соблюдавший волю отца и никогда не претендовавший на главенство в империи.[9] Во время войны против империи Цзинь в Северном Китае Тулуй поначалу возглавлял боевые действия против чжурчженей, однако вскоре Угедэй, несмотря на явные военные успехи младшего брата, сначала отозвал его ко двору, поручив верховное командование полководцу Субэдэй-багатуру, а затем и вообще лично возглавил войска [Бичурин, 2005, с. 113; Рашид ад-Дин, 1960, с. 21; Храпачевский, 2009, с. 164–165, 229]. Когда же Тулуй умер, Угедэй отказывался признавать заслуги брата: после завоевания Китая он даже не намеревался выделить потомкам Тулуя владения на вновь присоединенных территориях и пошел на это только после многократных увещеваний Сорхактани, вдовы брата [Мэн, 2008, с. 33; Россаби, 2009, с. 37–38].

В монгольской имперской и постимперской историографии, однако, Тулуй представлен как воплощение всех добродетелей, активный помощник сначала своего отца Чингис-хана, а затем – и брата Угедэя. Сначала он содействовал отцу и брату в их завоеваниях в Средней Азии и Китае, проявив себя умелым полководцем, а затем – и любящим братом, пожертвовавшим своей жизнью, чтобы спасти брата-хана. Согласно монгольским летописям, а также и сообщению персидского историка Рашид ад-Дина, создававшего свой «Сборник летописей» при дворе персидских ильханов – прямых потомков Тулуя, во время похода Угедэя в Китай местные духи наслали на Угедэя страшную

болезнь, у него отнялся язык и он вообще был близок к смерти. Шаманы заявили, что спасти хана сможет только одно – если за него пожертвует жизнью его родственник, и Тулуй, выпив заговоренную воду, скончался, а Угедэй поправился [Палладий, 1866, с. 153–154; Козин, 1941, с. 192–193] (ср.: [Рашид ад-Дин, 1960, с. 22–24, 107–110]; см. также: [Почекаев, Почекаева, 2012, с. 60–61]).[10] Впрочем, подобные панегирики первому регенту Монгольской империи в монгольской же историографии неудивительны: ведь в Монголии с середины XIII до первой четверти XX в. у власти находились преимущественно его потомки! Трудно не предположить, что трогательная история о смерти Тулуя в качестве искупительной жертвы за венценосного брата – всего лишь более поздняя историографическая попытка «реабилитации» Еке-нойона после его попытки (пусть и не явной) нарушить завещание отца и начать борьбу за трон [Franke, 1978, p. 23–24]. Вероятно, той же цели служит и утверждение Рашид ад-Дина о том, что Тулуй

> большей частью состоял при Угедей-каане и проявил старания в возведении его в каанское достоинство,[11] в котором нельзя не усмотреть лукавства придворного историка персидских ильханов – потомков первого регента Монгольской империи.

В заключение стоит отметить, что хотя сам Тулуй и не добился ханского титула, в официальной придворной историографии (правда, создававшейся, как уже неоднократно отмечалось, при его прямых потомках) он фигурирует в качестве монарха: Рашид ад-Дин именует его «Тулуй-хан», а в «Юань ши» он упоминается с храмовым императорским именем «Жуй-цзун» [Бира, 1978, с. 106]. Кроме того, своим примером он создал довольно опасный прецедент, в соответствии с которым появлялось еще одно преимущество в претензиях на власть – правление в «коренном юрте», которое при определенных обстоятельствах могло стать решающим фактором в соперничестве за трон и ханский титул. Именно этот довод впоследствии использовал Арик-Буга – сын самого Тулуя, начав длительную и кровавую борьбу за трон со своим родным братом Хубилаем.

Узурпаторы поневоле: сыновья Гуюка в борьбе за отцовский трон. Следующий переходный период, а с ним и новое регентство наступили довольно быстро – после скоропостижной смерти Гуюк-хана в 1248 г. Формально регентшей стала ханша Огул-Гаймиш, вдова Гуюка – по воле двух наиболее влиятельных в то время в Монгольской империи лиц:

Бату, правителя Золотой Орды, и Сорхактани, вдовы Тулуя и правительницы «Коренного юрта». Однако, как сообщают имперские историки Джувейни и Рашид ад-Дин, власть регентши была лишь номинальной, и мало кто ее признавал, не исключая ее родных сыновей Наку и Ходжи, которые сами видели себя правителями и вели себя соответственно, фактически узурпировав властные полномочия.

Надо сказать, впрочем, что некоторые основания для претензий на власть у них имелись. Дело в том, что когда Гуюк был избран ханом, он, после традиционного отказа от власти в пользу «более достойных родственников», соизволил, наконец, принять ханский титул, но поставил следующее условие:

> «Я соглашусь на том условии, что после меня [каанство] будет утверждено за моим родом». Все единодушно дали письменную присягу: «Пока от твоего рода не останется всего лишь кусок мяса, завернутого в жир и траву, который не будут есть собака и бык, мы никому другому не отдадим ханского достоинства» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 119]. Как видим, Гуюк предпринял попытку заполнить пробел в законодательстве о престолонаследии и ввести прямое правопреемство от отца к сыновьям [Султанов, 2006, с. 88]. Однако подобные действия настолько шли вразрез с древними традициями избрания ханов, что формально такая клятва не имела силы, что и вызвало последующее трехлетнее междуцарствие.

Тем не менее Бату и Сорхактани, действуя в собственных интересах, в какой-то степени подтолкнули Наку и Ходжу к фактической узурпации власти. В 1249 г. Бату собрал в своих владениях Чингисидов, нойонов и военачальников, которые обсудили ситуацию в Монгольской империи и решили

> из уважения к сыновьям Гуюка оставить власть в их руках, пока не будет созван курултай [Juvaini, 1997, p. 264].

Ободренные таким решением, Наку и Ходжа вернулись в Монголию, где тотчас создали собственные, практически ханские дворы, стали отдавать распоряжения и даже издавали ярлыки – указы, право издания которых принадлежало исключительно законно избранным монархам [Рашид ад-Дин, 1960, с. 122; Juvaini, 1997, p. 265]. При этом оба претендента на трон совершенно не учли, что принятое в их пользу решение и их

собственные последующие действия противоречили официальному признанию их матери в качестве регентши. Они постоянно конфликтовали с ней в течение всего своего самовольного «правления» – равно как и между собой, и со старшими родственниками, а также с канцлером Чинкаем, мнение которого они должны были учитывать в соответствии с решением курултая 1249 г. [Рашид ад-Дин, 1960, с. 122; Juvaini, 1997, p. 265].

Мы уже высказывали мнение, что признание регентшей слабовольной и неопытной Огул-Гаймиш, а затем и фактическое предоставление аналогичных полномочий ее сыновьям представляло собой целенаправленную деятельность Бату и Сорхактани по дискредитации рода Угедэя и подготовке «общественного мнения» к выдвижению в качестве претендента на трон представителя другой ветви Чингисидов. Сыновья Гуюка в этом смысле полностью оправдали ожидания своих старших родичей [Почекаев, Почекаева, 2012, с. 50–51].

Тем не менее Наку и Ходжа, даже когда большинством Чингисидов уже была фактически согласована в качестве будущего хана кандидатура их двоюродного дяди Мунке, сына Тулуя, упрямо продолжали цепляться за свои властные полномочия, по-прежнему упирая на обещание, данное участниками курултая 1246 г. их отцу о том, что власть останется за их родом. Вероятно, они так и не уяснили для себя, что завещание предшественника, в соответствии с правовыми взглядами Чингисидов и монгольской знати, являлось не более чем одним из возможных оснований для претензий на власть и далеко не всегда доминирующим. Если в 1229 г. подобное завещание Чингис-хана было выполнено, то уже при избрании Гуюка его воля была проигнорирована: Чингис-хан следующим ханом после Угедэя завещал выбрать Годана – второго сына самого Угедэя [Juvaini, 1997, p. 251] (см. также: [Бартольд, 1963*в*, с. 553]), однако на курултае 1246 г. большинство сошлось на том, что Годан болен[12] и не сможет эффективно править, почему ему и предпочли его старшего брата Гуюка. Аналогичным образом было проигнорировано и завещание самого Угедэя, который видел своим преемником не Гуюка, а внука – Ширэмуна, «который был очень одарен и умен» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 118–119]. Естественно, имея в качестве прецедентов нарушение завещаний двух ханов (в том числе и самого Чингис-хана), монгольская знать вовсе не чувствовала себя связанной обещанием, данным третьему!

Выдвигая Мунке как кандидата на ханский трон, Бату подчеркивал его личные качества – мудрость, храбрость, опыт в

командовании войсками в походах. Сыновья же Гуюка и их сторонники могли противопоставить этому по-прежнему только обещание, данное их отцу при избрании. Именно этот довод неоднократно приводился самими Наку и Ходжой, а также их приверженцами в течение трехлетних споров по поводу избрания нового хана. Так, в своем послании к Бату они писали:

> Царская власть полагается нам, как же ты [ее] отдаешь кому-то другому? [Рашид ад-Дин, 1960, с. 131].

Их сторонник Ильджидай-нойон из племени джалаир прямо на курултае, на котором формально должно было состояться избрание Мунке, заявил:

> Вы все постановили и сказали, что до тех пор пока будет от детей Угедей-каана хотя бы один кусок мяса и если его завернуть в траву, – и корова ту траву не съест, а если его обернуть жиром, – и собака на тот жир не посмотрит, – мы [все же] его примем в ханство, и кто-либо другой не сядет на престол. Почему же теперь вы поступаете по-другому? [Рашид ад-Дин, 1952*а*, с. 95].

Надо полагать, Наку и Ходжа осознавали ненадежность своего положения, поскольку не могли ни чем другим, кроме воли своего отца, подкрепить его, однако от власти отказываться не собирались и всячески старались затянуть проведение курултая, на котором они оказались бы ее официально лишены. Эта ситуация очень сильно напоминает позицию их двоюродного деда Тулуя перед избранием их родного деда Угедэя с той только разницей, что у Тулуя в руках была реальная власть, тогда как сыновья Гуюка обладали лишь ее видимостью.

Видя, что на сыновей Гуюка не действуют никакие разумные доводы – например, об их молодости, о том, что хан избирается всеобщим решением на курултае, а не вступает на престол по завещанию предшественника, Бату и его сторонники были вынуждены пойти на радикальную меру. Выдвинув против рода Угедэя многочисленные обвинения в нарушении имперского права, другие Чингисиды и монгольская знать признали их недостойными ханской власти и официальным решением курултая лишили права занимать ханский трон [Рашид ад-Дин, 1960, с. 80] (см. также: [Бартольд, 1963*в*, с. 558; Почекаев, 2006, с. 233–234; Allsen, 1987, p. 34–38]).

Наку и Ходжа даже после воцарения Мунке не были привлечены к ответственности за свою узурпацию надо полагать потому, что, хотя они и держали свои собственные дворы и

издавали ханские ярлыки, прямых попыток добиться трона в обход действующих законов не предпринимали. Однако когда сыновья Гуюка и их сторонники все же предприняли попытку совершить переворот и устранить Мунке, только что избранного ханом, они были преданы суду и понесли соответствующее наказание за то, что «преступали закон и имели особые замыслы» [Храпачевский, 2009, с. 238]: Наку (как и его ближайший сообщник Ширэмун) был сослан в действующую армию, а Ходжа, непосредственно в заговоре не участвовавший, лишился своих владений, получив взамен удел в более отдаленной области, тогда как менее знатные участники заговора были казнены (подробнее см.: [Почекаев, Почекаева, 2012, с. 53–56]).

Как видим, отсутствие четких правил наследования ханского трона в Монгольской империи в очередной раз привело к длительному междуцарствию, когда власть (хотя бы частично) оказалась почти на два года в руках молодых, неопытных царевичей, которые претендовали и на большее. Несмотря на то что они фактически узурпировали властные полномочия, официальных норм для отстранения их от власти у старших родственников не было, почему и понадобилось специальное решение курултая, которым они и все их семейство обвинялись в преступлениях, позволяющих лишить их каких бы то ни было прав на ханский титул и власть в империи. Впрочем, законность такого решения, в свою очередь, была проблематичной, что и привело в дальнейшем, как мы увидим ниже, к активной борьбе потомков Угедэя за власть в Монгольской империи и ее отдельных улусах.

§ 2. Конкуренты в борьбе за трон как узурпаторы в глазах друг друга

Вышеприведенные примеры узурпации имели место в периоды междуцарствия, когда монарх умер, а его преемник еще не был избран. Ниже будут рассмотрены примеры обоснования своих претензий на власть претендентами, бросавшими вызов ханам, которые уже прошли процедуру избрания на курултае и, соответственно, являлись легитимными монархами.

Легитимация победой: Хубилай против Арик-Буги. Хан Мунке скончался в 1259 г., а уже в 1260 г. практически одновременно состоялись два курултая, на которых два брата покойного хана были провозглашены его преемниками. В июне-июле 1260 г. Хубилай созвал курултай в китайском городе Кайпин, на котором представители ханского правящего рода, монгольской знати и военного командования провозгласили его

ханом. По утверждению Рашид ад-Дина, это было сделано в ответ на то, что Арик-Буга объявил себя ханом в Монголии [Рашид ад-Дин, 1960, с. 160], современные же авторы считают, что Хубилай первым объявил себя преемником Мунке, и Арик-Буга сделал то же самое лишь в ответ на его действия (см., напр.: [Гумилев, 1992*а*, с. 165–166]).

Таким образом, различные авторы – как средневековые хронисты, так и современные исследователи – при изучении событий 1260–1264 гг., как правило, оправдывают либо Хубилая, либо Арик-Бугу. В официальной монгольской историографии (имперской, позднесредневековой и даже современной) утвердилось мнение, что Арик-Буга был всего лишь узурпатором власти, самовольно и без всяких на то оснований («по глупости», как писал Рашид ад-Дин) провозгласившим себя ханом; разделяют эту позицию и современные исследователи, опирающиеся на упомянутые источники [Рашид ад-Дин, 1960, с. 157–163; Эрдэнипэл, 2005, с. 189] (см. также: [История, 1954, с. 105; Мэн, 2008, с. 119–120]; ср.: [Чхао, 2008, с. 28]). Ряд же авторов полагают, что как раз Арик-Буга имел все права на ханский трон, тогда как Хубилай был не только узурпатором, но и попирателем монгольских традиций, которым предпочитал китайские [Гумилев, 1992*а*, с. 165–167; Далай, 1983, с. 34 и след.; Хафизов, 2000, с. 44] (ср.: [Россаби, 2009, с. 88, 95]).

Позиция средневековых авторов объясняется достаточно просто: им приходилось разделять официальную идеологию ханских дворов, при которых они создавали свои произведения [Султанов, 2000]. Современные же исследователи довольно опрометчиво доверяют сведениям своих средневековых коллег, фактически «становясь на сторону» одного из претендентов. На наш взгляд, в конфликте между Хубилаем и Арик-Бугой было бы некорректным обвинять в узурпации одного из них, а второго, соответственно, объявлять законным монархом – в данном случае имела место именно борьба различных факторов легитимации. Арик-Буга был младшим сыном старшей супруги своего отца Тулуя – соответственно, обладателем «коренного юрта» и хранителем домашнего очага, отчигином, или эцзеном.[13] Однако никаких достоинств (за исключением личного мужества) у него не было, что признают даже те авторы, которые считают Арик-Бугу законным ханом [Гумилев, 1992*а*, с. 165; Далай, 1983, с. 34–35]. Хубилай же, во-первых, являлся старшим из остававшихся в живых братьев покойного брата Мунке и уже успел себя зарекомендовать как талантливый военачальник и администратор. Таким образом, каждый из братьев при равном происхождении имел ряд дополнительных факторов,

позволявших им предъявить претензии на трон.

Таким образом, борьба между двумя братьями являлась борьбой равнозначных факторов легитимации, и только военная сила позволяла поставить окончательную точку в этом конфликте. Это понимали и сами претенденты на трон, и Чингисиды, поддерживавшие каждого из них, поскольку противостояние претендентов на монгольский трон отвлекало их от контроля за остальными улусами империи и позволяло местным правителям проводить фактически независимую политику.

Подтверждением такой точки зрения служит даже состав представителей «золотого рода» на курултаях, провозгласивших ханами Арик-Бугу и Хубилая. Так, в возведении на трон Арик-Буги участвовали правительница Чагатайского улуса Эргэнэ-хатун (вдова Кара-Хулагу, внука Чагатая), Асутай и Урунгташ – сыновья хана Мунке, Карачар – сын Орду (сына Джучи), Алгуй – внук Чагатая, Есу – сын Кадака (сына Чагатая), Курмиши и Начин – сыновья Кадана (сына хана Угедэя), Наймадай – сын Тогачара (внука Тэмугэ-отчигина) и один из сыновей Белгутэя [Рашид ад-Дин, 1960, с. 159–160]. Хубилая же на созванном им курултае поддержали, в частности, Чинг-Тимур, сын Кадака (сына Чагатая), Есунке (сын Хасара, брата Чингис-хана), Тогачар (сын Тэмугэ-отчигина), Чавту (сын Белгутэя) [Муизз, 2006, с. 28], Еке-Кадан и Нарин-Кадан [Рашид ад-Дин, 1960, с. 160].[14] Таким образом, в лагерях разных претендентов оказались близкие родственники: родные братья Есу и Чинг-Тимур, Тогачар и его сын Наймадай, два сына Белгутэя; по некоторым сведениям, либо Еке-Кадан, либо Нарин-Кадан (их родословная Рашид ад-Дином не уточняется) – это Кадан, шестой сын хана Угедэя (см.: [Гумилев, 1992*а*, с. 165]; ср.: [Рашид ад-Дин, 1960, с. 158]), в таком случае против него, союзника Хубилая, выступили на стороне Арик-Буги двое его сыновей. Очень трудно предположить, что близкие и равные друг другу по статусу царевичи могли бы поддержать узурпатора против законного монарха – несомненно, каждая партия ставила на соответствующий фактор легитимации каждого из претендентов.

Однако Арик-Буга, в отличие от Хубилая, предпринял попытку откровенной фальсификации в целях повышения своей легитимности. Во все монгольские улусы от его имени были разосланы послания следующего содержания:

> Хулагу-хан, Берке и царевичи согласились и объявили меня кааном, не обращайте внимания на слова Кубилая, Тогачара, Йисункэ, Еке-Кадана и Нарин-Кадана

и не слушайте их приказов [Рашид ад-Дин, 1960, с. 160].

Ни о какой поддержке Арик-Буге со стороны Хулагу – правителя (впоследствии – ильхана) Ирана и Берке – правителя Улуса Джучи (Золотой Орды) речи фактически не шло. Эти два самых влиятельных улусных правителя Монгольской империи даже не соизволили прибыть ни на один из курултаев. Каждый из них номинально поддержал одного из претендентов: Берке – Арик-Бугу, а Хулагу – Хубилая, однако эта позиция отражала не столько реальное признание каждым из них соответствующего претендента на трон, сколько их собственное противостояние (как известно, именно при Берке и Хулагу началась почти столетняя вой на Золотой Орды и Ирана за Азербайджан) [Закиров, 1966, с. 10–11; Мэн, 2008, с. 121; Chambers, 2001, p. 156] (ср.: [Арсланова, 2004; Mirgaliev, 2012]). Отношения же с кандидатами на трон монгольских ханов у улусных правителей складывались достаточно противоречиво.

Так, Берке выразил поддержку Арик-Буге и даже инициировал в Булгаре чеканку монеты с его именем [Мухамадиев, 1983, с. 49; Хафизов, 2000, с. 20],[15] однако вовсе не стремился явно его поддерживать.[16] Более того, сам Арик-Буга очень настороженно относился к своему «союзнику», на что указывает, в частности, следующее сообщение:

> Ариг-Бука… сказал «Самое лучшее – это чтобы Алгу, сын Байдара сына Чагатая… прислал бы нам помощь оружием и провиантом и охранял бы границу Джейхуна, чтобы войско Хулагу и войско Берке не могли прийти с той стороны на помощь Кубилаю» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 161] (см. также: [Бартольд, 1963*в*, с. 573]).

Как видим, претендент на престол не делал различий между Берке, который вроде бы был на его стороне, и Хулагу, явным союзником Хубилая!

В свою очередь, Хулагу, открыто принявший сторону Хубилая (и то лишь из опасения, что Арик-Буга, заменивший правителя Чагатайского улуса, поступит точно также и относительно него, тогда как Хубилай подобных намерений не выражал), после поражения и пленения Арик-Буги активно выступил против его смертной казни – вместе с Берке и Алгуем, кажется, единственный раз придя к согласию с этими своими соперниками [Рашид ад-Дин, 1960, с. 167–168] (см. также: [Бартольд, 1963*в*, с. 575–576]). В результате, как и в случае с заговором сыновей Гуюка, жизни лишились лишь эмиры Арик-Буги, тогда как царевичи – инициаторы восстания (Арик-Буга, Асутай и др.) –

сохранили и жизни, и владения. Как мы увидим далее, потомки Арик-Буги сохранили влияние в Монголии и впоследствии создали немало проблем потомкам Хубилая в этом регионе.

Очень показателен эпизод о встрече Хубилая и Арик-Буги после пленения последнего, описанный Рашид ад-Дином:

> Он (Хубилай. – *Р. П.)*спросил: «Дорогой братец, кто был прав в этом споре и распре – мы или вы?» Тот ответил: «Тогда – мы, а теперь – вы» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 166].

На наш взгляд, этот диалог в полной мере отражает специфику ситуации, сложившейся в Монгольской империи в 1260–1264 гг.: при равных правах на престол Хубилай, сумевший победить своего брата-соперника силой оружия, был признан не столько как имеющий больше законных прав, сколько как победитель.

Тем не менее долго и спокойно наслаждаться ему своей властью не пришлось: вскоре после победы над Арик-Бугой против него поднялся еще один претендент на трон – Хайду, внук Угедэя.

Потомок низложенной династии и Яса Чингис-хана. Подобно Арик-Буге, Хайду представлен в монгольской имперской историографии как мятежник и узурпатор, а его действия – как бунт против законной власти (см.: [Чхао, 2008, с. 28]). И надо сказать, в отношении этого претендента на трон такая характеристика имеет больше оснований, нежели в отношении Арик-Буги. Дело в том, что, как мы помним, ок. 1250–1251 гг. Бату, правитель Золотой Орды и глава рода Борджигин, сформулировал обвинение против «детей Угедей-каана», вынеся вердикт о том, что «каанство им не подобает» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 80]. Это решение было подтверждено на курултае, на котором Мунке был возведен в ханы.

Однако с формально-юридической точки зрения оно не было законным, поскольку нарушало главный династический принцип Чингисидов – право на трон любого прямого потомкам Чингис-хана по прямой мужской линии. Кроме того, далеко не все потомки Угедэя были виновны в тех преступлениях, в которых Бату и его соратники обвинили это семейство (как тот же Хайду, родившийся между 1233 и 1236 г.). Кстати говоря, хан Мунке, пришедший к власти именно в силу этого решения, по-видимому, сам осознавал его незаконность: в его правление Хайду получил титул тайцзы [Chavannes, 1908, p. 368–371], попав, таким образом, в число наиболее высокопоставленных Чингисидов, имевших некоторые преимущества при избрании нового хана.[17]

Однако вскоре Хайду был лишен своего титула по подозрению в заговоре против Мунке, а после его смерти поддержал Арик-Бугу в борьбе с Хубилаем, но, в отличие от своего патрона, не сдался Хубилаю после поражения, а продолжил борьбу.

Сразу же после поражения Арик-Буги и сдачи его в плен Хайду начал боевые действия против Хубилая, который в результате своей победы стал единственным легитимным монархом Монгольской империи, в качестве какового и был признан остальными улусными правителями. Однако Хайду не побоялся выступить против него, подвергаясь риску прослыть мятежником и узурпатором. В 1269 г. по его инициативе в долине реки Талас прошел курултай с участием представителей Улусов Джучи, Чагатая и Угедэя, на котором эти улусы были объявлены независимыми от монгольского хана [Рашид ад-Дин, 1946, с. 71] (см. также: [Бартольд, 1943, с. 54–55; Biran, 1997, p. 26–27]).[18] В результате Хубилай из верховного правителя и сюзерена всех улусов Монгольской империи превратился всего лишь в одного из улусных правителей, контролировавшего, правда, значительную часть Монголии и Северный Китай.

Не удовлетворившись ролью самостоятельного улусного правителя и даже получив (также по итогам курултая) контроль над значительной частью Чагатайского улуса, в 1271 г. Хайду провел собственный курултай, на котором был провозглашен монгольским ханом в противовес Хубилаю [Biran, 1997, p. 37]. С правовой точки зрения сам факт такого курултая был незаконен: Хубилай не умер и не был низложен семейным советом Чингисидов или курултаем, поэтому не было причин созывать съезд для избрания нового хана. Формальным поводом для созыва курултая стало то, что в этом году Хубилай официально принял титул китайского императора Ши-цзу, положив начало новой китайской династии Юань. Несомненно, в реальности речь шла не о превращении Монгольской империи в китайскую – с формальной точки зрения принятие китайского императорского титула по сути являлось, как сказали бы сегодня, актом личной унии, в результате которой монгольский хан становился одновременно и китайским «сыном Неба» – легитимным монархом в глазах своих новых подданных. Однако Хайду немедленно обвинил Хубилая в предательстве монгольского наследия и, по-видимому, объявил его низложенным в качестве монгольского хана. Сам Хайду провозглашал (и не только на словах) приверженность к кочевому образу жизни и степным традициям [Гумилев, 1992*а*, с. 168; Далай, 1983, с. 47; Хафизов, 2000, с. 22; Grousset, 2000, p. 291].

Тем не менее права Хайду на ханский трон в течение всего

времени его правления оставались спорными. Другие улусные правители, заинтересованные в смуте в Монголии, поскольку это ослабляло контроль каждого из противоборствовавших ханов за другими улусами, фактически признавали ханами и Хубилая, и Хайду, время от времени поддерживая то одного, то другого.[19] Поэтому претендент попытался изыскать дополнительные факторы легитимации, чтобы привлечь на свою сторону больше сторонников. При этом он не останавливался перед тем, чтобы пойти на прямые фальсификации.

Так, он стал распространять слова, якобы сказанные его дедом – ханом Угедэем при его рождении:

> Пусть этот мой сыночек будет моим преемником после меня [Карши, 2005, с. 119].

Апеллирование к воле прежнего хана к этому времени стало традиционным приемом в борьбе различных претендентов на престол: еще на курултае 1246 г. некоторые влиятельные нойоны выдвигали царевича Годана, второго сына Угедэя, на том основании, что «его однажды отличил Чингис-хан» [Juvaini, 1997, p. 251]. В позднесредневековых монгольских летописях приводятся слова, якобы сказанные Чингис-ханом пред смертью о Хубилае:

> Слова мальчика Хубилая особые. Слушайтесь его приказаний [Золотое сказание, 2005, с. 34] (ср.: [Лубсан Данзан, 1973, с. 240]; см. также: [Далай, 1983, с. 35]).

Так, придворные историки монгольских ханов, считавшихся прямыми потомками Хубилая, обосновывали бóльшую легитимность Хубилая по сравнению с Арик-Бугой, фактически давая понять, что Чингис-хан видел его одним из своих преемников.

Вместе с тем апеллирование к воле покойного Угедэя было не слишком убедительным доводом в пользу законности притязаний Хайду. Во-первых, как известно из источников, преемник Чингис-хана видел своим наследником вовсе не Хайду, сына Кашина, а своего другого внука – Ширэмуна, сына Куджу [Рашид ад-Дин, 1960, с. 118, 119], и, вероятно, еще были живы люди, помнившие об этом, следовательно, была опасность, что Хайду уличат в подлоге. Во-вторых, ссылка на волю Угедэя вряд ли могла привлечь на сторону его внука тех, кто поддерживал потомков Тулуя. Ведь Мунке-хан, придя к власти, под предлогом изъятия незаконно выданных ярлыков «множества ханш и царевичей» (по-видимому, имеются в виду Огул-Гаймиш и ее сыновья,

пытавшиеся узурпировать власть после смерти Гуюка) приказал отменить указы и изъять жалованные грамоты всех своих предшественников на монгольском троне, не допустив исключения даже в отношении ярлыков Чингис-хана [Рашид ад-Дин, 1960, с. 141–142; Juvaini, 1997, p. 598–599].[20] Что тут было говорить о воле «всего лишь» Угедэя?

Надо полагать, Хайду и сам осознавал слабость этого довода в пользу законности своих прав на престол, и потому использовал второй, куда более хитроумный и интересный с правовой точки зрения. Он решил апеллировать к Великой Ясе Чингис-хана, заявив, что она содержит положения, дающие ему все основания претендовать на ханский титул – якобы согласно воле Чингис-хана, именно потомки Угедэя должны занимать трон Монгольской империи, соответственно его соперник Хубилай являлся не более чем узурпатором [Wassaf, 1856, S. 126] (см. также: [Караев, 1995, с. 20; Morgan, 1986, p. 170]).

Рискованный шаг Хайду в данном случае объяснялся неопределенностью самого понятия «Великая Яса». В исследовательской литературе считается общепринятым мнение, что под этим термином фигурировал некий свод законов Чингис-хана, принятый в 1206 г. и с тех пор являвшийся основным законодательством Монгольской империи; его положения не могли быть изменены преемниками основателя империи. Однако в свете новейших исследований представляется, что Великая Яса в широком смысле означала общий правопорядок в империи, а в узком смысле – некую совокупность указов и постановлений Чингис-хана и, вероятно, его ближайших преемников, исполнение которых и обеспечивало этот самый правопорядок.[21] Сведения о Ясе как о своде законов («Великой книге Ясы») представлены в трудах средневековых авторов, являвшихся представителями «книжной культуры», в глазах которых такое обширное и могущественное государство как Монгольская империя, не могло управляться на основании разрозненных указов и постановлений. Следовательно, у него должна была быть собственная кодификация; сложное для понимания «немонголами» правовое явление «Великая Яса» вполне подходило на эту роль. Учитывая, что принципы созданного Чингис-ханом правопорядка касались в первую очередь организации системы высшей власти и взаимоотношения между центром и улусами империи, носителями ценностей Ясы были преимущественно потомки Чингис-хана и представители высшей монгольской знати. Соответственно, в глазах рядового населения империи, не слишком сведущего в специфике монгольского имперского права, версия историков выглядела вполне убедительно, а

недоступность этих норм для сведения простых подданных монгольских ханов довольно правдоподобно объяснялась «закрытостью» и «секретностью» ее норм для всех, кроме членов «золотого рода» [Juvaini, 1997, p. 25].[22]

Не исключено, что именно на этом решил сыграть Хайду, вероятно, бывший в курсе подобных представлений о Великой Ясе. Для обеспечения своей легитимности в глазах населения империи, принадлежавшего к оседлым народам Китая и особенно Средней Азии, он объявлял, что действует на основе свода законов Чингис-хана. Для кочевого же населения достаточно было того, что Хайду апеллировал к воле основателя Монгольской империи. По-видимому, такие аргументы оказались достаточно убедительны для его приверженцев: в течение 1271–1301 гг. Хайду, признаваемый значительной частью населения Монголии и Чагатайского улуса в ханском достоинстве, вел успешную борьбу сначала с Хубилаем, а затем, после его смерти в 1294 г., – с его преемником Тэмуром, в одном из сражений с войсками которого был ранен и вскоре скончался [Рашид ад-Дин, 1960, с. 13]. Надо сказать, что и его противники не брезговали подобными фальсификациями: например, персидские ильханы, близкие родственники и союзники Хубилая и его преемников, в свою очередь, утверждали, что только потомки Тулуя, имеют право на трон, поскольку именно они наиболее скрупулезно соблюдали все положения Ясы – в отличие от нарушивших их потомков Угедэя (подробнее см.: [Ayalon, 1971, p. 157–159]).

Однако в большей степени Хайду надеялся на поддержку своих претензий на трон не столько на основании ссылок на сфабрикованные им завещание Угедэя и установления Чингис-хана, а на то, что его поддержат (или по меньшей мере не будут противодействовать ему) другие улусные правители, заинтересованные в как можно меньшем контроле своей деятельности из метрополии – будь то Каракорум, Пекин, либо другой монгольский или китайский город, объявленный столицей. Так оно и оказалось: улусные правители предпочитали не принимать сторону ни «монгольского» хана Хайду, ни «китайского» хана Хубилая. Вероятно, именно поэтому некоторые средневековые авторы именуют одновременно ханами или «царями» и Хайду, и Хубилая, не пытаясь при этом делать вывод о большем преимуществе того или другого в правах на трон (см., напр.: [Карши, 2005, с. 123–124; Марко Поло, 1997, с. 353 и след.]). Также, безусловно, следует принять во внимание, что Хайду и его соперники сражались преимущественно за спорные территории в Монголии: императоры Юань не претендовали на конт роль над родовыми владениями Хайду (улусом Угедэя), как

и Хайду не пытался установить контроль над их владениями в Китае.

Глава 2
От империи к империям: новые основания претензий на власть

Если борьба между Хубилаем и Арик-Бугой все еще происходила в рамках общей политики сохранения единства империи, то выступление Хайду против Хубилая фактически положило этой политике конец. Поскольку территории, контролировавшиеся Хайду, блокировали для хана – императора Юань выходы на западные улусы Монгольской империи, он утратил возможность даже номинально их контролировать. Курултай, проведенный владетелями трех западных улусов (Золотой Орды, Чагатайского улуса и улуса Угедэидов) в Таласской долине в 1269 г. стал как бы правовым закреплением фактического изменения отношений между монгольским ханом и улусными владетелями. И Хубилай, надо отдать ему должное, сумел в полной мере осознать изменение политической ситуации, всецело сосредоточив свои политические и военные усилия на востоке владений империи Чингис-хана: в Монголии, Южном Китае, позднее – в Японии, Вьетнаме и Индонезии [Акимбеков, 2011, с. 295, 310–311, 389] (ср.: [Dardess, 1973, p. 7–10]). Остальные же улусы были предоставлены «сами себе», и хотя на рубеже XIII–XIV вв., после смерти Хубилая, была предпринята попытка восстановления Монгольской империи, она возродилась уже на новом уровне – как конфедерация, содружество независимых государств, в которой императору Юань принадлежало лишь номинальное верховенство (подробнее см.: [Почекаев, 2009*а*]).

В политическом отношении эти изменения означали, что теперь борьба за власть, ранее шедшая за трон всей Монгольской империи, началась и в улусах. Безусловно, мы не можем утверждать, что пока владения Джучидов, Чагатаидов, Угедэидов и Хулагуидов формально и фактически подчинялись властям из Каракорума, в них не происходило никакой политической борьбы. Различные Чингисиды, поддерживаемые разными влиятельными родоплеменными кланами, и в течение первых трех четвертей XIII в. старались захватить власть в том или ином улусе. Однако, во-первых, они не претендовали на ханский титул, во-вторых, в конечном счете решение о правителе каждого улуса (по крайней мере формально) оставалось за верховным правителем империи. [23] Соответственно, боровшиеся за власть улусные владетели юридически не считались узурпаторами и не имели

необходимости задействовать широкий арсенал правовых средств для обоснования своей власти. В изменившейся же ситуации ставки в политической игре существенно возросли: на кону стоял уже ханский трон, и претендентам было необходимо доказывать свои права на него. Однако те правовые средства, которые были актуальны для Монгольской империи – ссылки на волю Чингис-хана и на общеимперские правила наследования, оказывались неактуальными в новых условиях. Во-первых, они перестали вызывать доверие в силу постоянного злоупотребления ими; во-вторых, в новых государствах Чингисидов появилась необходимость адаптировать монгольскую политико-правовую систему к местным традициям государственности и права. Поэтому Чингисиды, считавшие, что власть в том или ином улусе принадлежит им, но не получившие ее законным образом (в результате избрания на курултае), стали изобретать новые правовые обоснования своих претензий.

§ 1. Претензии на власть на основании происхождения и статуса

Происхождение и место в семейной иерархии «золотого рода» являлось одним из важных оснований, которыми пользовались претенденты на трон – как пытавшиеся избраться в ханы законным путем, на курултае, так и старавшиеся добиться трона в обход закона. Естественно, наиболее веским из таких оснований было старшинство в роду, поскольку в восточных обществах уважение к старшим до сих пор является действующей традицией. И нередко именно это основание в качестве главного фактора своей легитимации выдвигали члены ханского рода, которых при избрании на курултае «обошли» в пользу их младших родственников.

По мнению некоторых исследователей, в тюрко-монгольских государствах существовала лествичная система наследования, т. е. власть после смерти правителя должна была перейти к старшему из оставшихся в живых родственников – обычно следующих по старшинству братьев [Султанов, 2006, с. 91].[24] Официальной правовой нормы в отношении такого правила наследования, впрочем, в тюрко-монгольском мире не существовало, хотя и имел место ряд прецедентов. По-видимому, первым из них было решение монгольского хана Гуюка назначить в 1246 г. правителем Чагатайского улуса своего друга Есу-Мунке, сына Чагатая, в ущерб уже назначенному ранее правителю – Кара-Хулагу, внуку Чагатая. Хан обосновал свое решение следующей фразой:

Как может быть наследником внук, когда сын находится в живых? [Рашид ад-Дин, 1960, с. 119].

Впоследствии, упирая на свое старшинство, многие члены «золотого рода» стали заявлять о своем непризнании избранных монархов и претендовать на трон. Так, например, Хуладжу, представитель рода Хулагуидов – правящей династии монгольского государства ильханов в Иране, буквально последовал решению хана Гуюка. В 1289 г. он провозгласил себя ильханом, обосновав это тем, что он – сын Хулагу, основателя династии, тогда как находившийся на троне ильхан Аргун – всего лишь его внук и, следовательно, племянник самого Хуладжу [Рашид ад-Дин, 1946, с. 110, 145].

Опираясь на старшинство, предъявляли претензии на власть не только представители разных поколений, но и старшие братья по отношению к младшим. Так, в 1328 г., когда после очередного переворота на трон империи Юань должен был вступить Ток-Тэмур (Дзайагату-хан, император Вэньцзун), его старший брат Хошала (Хутукту-хан, император Минцзун) тут же предъявил права на трон и заявил, что уже был признан ханом в Монголии [Далай, 1983, с. 128; Dardess, 1973, p. 20]. В той же империи Юань в 1332 г. на трон вступил малолетний Ринчинбал (Хутукту-хан, император Нинцзун), сын Хошалы, однако буквально через месяц в столицу явился его старший брат Тогон-Тэмур (Ухагату-хан, император Шуньди), заявивший, что имеет больше прав на трон, и с его ведома младший брат был отравлен, освободив трон для старшего [Далай, 1983, с. 128; Чуан, 2010, т. 20; History, 2006, p. 557].

Из вышеприведенных примеров видно, что лествичное право в тюрко-монгольских государствах отнюдь не было распространено в качестве главного основания для претензий на трон. Напротив, настолько многочисленные случаи, когда старшие родичи выражали несогласие с избранием в ханы младших, свидетельствуют об обратном: мало было являться старшим в роду, чтобы стать ханом.[25] Кроме того, в некоторых случаях могло сыграть роль и противоположное семейное положение – статус младшего в роду. Порой младшие представители рода претендовали на трон, упирая именно на свое особое положение. Ведь после смерти монгольского хана Мунке его брат Арик-Буга, будучи младшим в роду, был оставлен управлять «Коренным юртом» в Монголии, когда Мунке отправился в поход против китайской империи Сун. Полагая, что наместничество в «Коренном юрте» дает ему приоритет в наследовании трона Монгольской империи, он, узнав о смерти

старшего брата, тут же объявил себя правителем и созвал курултай для своего утверждения [Рашид ад-Дин, 1960, с. 160] (см. также: [Россаби, 2009, с. 95]; ср.: [Гумилев, 1992*а*, с. 165–167; Далай, 1983, с. 34; Хафизов, 2000, с. 44]).

В некоторых случаях основанием для претензий на власть в обход курултая или в ущерб уже правившему законному монарху могло стать положение фактического наследника трона. Так, например, будущие ильханы Аргун и его сын Газан выдвигались как претенденты на трон, являясь наместниками своих отцов в Хорасане: обладание этой должностью рассматривалось как признание наследником трона [Рашид ад-Дин, 1946, с. 99, 128]. [26]

Вместе с тем порой статус того или иного претендента на трон повышался путем генеалогических фикций и даже фальсификаций. Так, например, в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дин называет ильхана Абагу (деда своего покровителя Газана) старшим сыном Хулагу – основателя чингисидской династии правителей Ирана [Рашид ад-Дин, 1946, с. 19]. Соответственно, другие Чингисиды, бросавшие вызов Аргуну и Газану, характеризуются придворным историком как узурпаторы: именно в таком ключе он трактует события 1289 г., когда Аргун расправился со своим двоюродным братом Джушкабом и еще несколькими царевичами-Хулагудидами, и 1302/1303 г., когда Газан подавил выступление царевича Альафранга и казнил многих его сторонников, включая представителей духовенства [Там же, с. 122, 198–199]. Между тем, согласно сведениям ас-Сафади, египетского хрониста середины XIV в., старшим сыном Хулагу был не Абага, а Джумкур, отец вышеупомянутого Джушкаба. Соответственно, последний имел даже некоторые преимущество перед Аргуном в борьбе за власть. Что же касается претензий на власть Альафранга, то он, как и Газан, был сыном ильхана (Гайхату), и его поддерживала группировка представителей мусульманского духовенства, соперничавшая за власть и влияние с той, к которой принадлежал историк Рашид ад-Дин.[27]

В последние годы правления золотоордынского хана Узбека, по некоторым сведениям, его соправителем являлся его второй сын Джанибек. Еще при жизни Узбека, в 1340–1341 гг., появляются монеты с именем Джанибека, что, как полагают исследователи, могло свидетельствовать о фактическом признании его соправителем-наследником отца (см., напр.: [Винничек, Лебедев, 2004, с. 123; Григорьев, Григорьев, 2002, с. 42; Федоров-Давыдов, 1963, с. 186]). В 1340 г. папа римский Бенедикт XII направил три письма в Золотую Орду – хану Узбеку,

ханше Тайдуле и царевичу Джанибеку, что также свидетельствует об особом статусе последнего среди сыновей Узбека и других Джучидов [Юргевич, 1863, с. 1004–1005]. Когда же Узбек умер, и его старший сын Тинибек двинулся к ханской ставке, чтобы на правах старшего предъявить права на трон, Джанибек уже настолько свыкся с мыслью о своем правлении, что даже сказал матери:

> Вот теперь является брат мой, чтобы отнять у меня царство [СМИЗО, 1884, с. 263].

При помощи Тайдулы он выступил против старшего брата, не признав его ханом.

Опора на статус как основание претензий на власть в постимперский период. Считаем целесообразным отметить, что подобное основание претензий на власть использовалось не только в имперский период тюрко-монгольских государств: Чингисиды нередко опирались на него и в дальнейшем, вплоть до XVII–XVIII вв. Так, в 1661 г., после смерти монгольского правителя Дзасагту-хана Норбо, его преемником был избран его второй сын Ванчок, а не старший – Цу-Мэргэн, которого подданные не любили. Однако последний, опираясь на свое право первородства, сумел привлечь на свою сторону ряд других монгольских правителей, разгромил и убил брата и захватил ханский трон [Позднеев, 1883, с. 168–170] (см. также: [Кычанов, 1980, с. 48–49]).

Подобные примеры имели место не только в периоды междуцарствия, когда обострялась борьба за трон. Порой даже решение хана относительно своего потенциального наследника (о завещаниях ханов как основании для претензий на трон мы поговорим ниже) становилось поводом для интриг, мятежей и проч. Так, в 1664 г. кашгарский хан Абдаллах решил назначить своим наследником второго сына – Нур ад-Дина, а не старшего, Юлбарса, который считался таковым в течение 20 лет. Возмущенный старший сын начал мятеж против отца [Чурас, 1976, с. 233–237] (см. также: [Караев, 1995, с. 116–117]). Схожая ситуация возникла в Бухарском ханстве в правление Аштарханида Надир-Мухаммада, когда против него поднялась часть бухарской знати, возмущенная явным предпочтением ханом своих прежних сановников, которых он перевел в столицу из своего бывшего удела в Балхе. Решив свергнуть хана, в 1645 г. они выставили против него в качестве равнозначного претендента его же старшего сына Абд ал-Азиза [Ахмедов, 1982, с. 109–110].

Со временем, когда отдельные ханские династии, представлявшие собой ветви Чингисидов, существенно

размножились, вопросы о старшинстве стали еще более запутаны, чем ранее. И теперь претендовать на власть на основании старшинства мог не только близкий родственник – дядя или старший брат, но и весьма отдаленный родич. Примеры такого соперничества в борьбе за власть были нередки в Казахстане. Наверное, один из наиболее ярких примеров – противостояние знаменитого казахского хана Абу-л-Хайра и его дальнего родственника султана Борака. Абу-л-Хайр происходил от Усека, девятого сына Джанибека, одного из основателей Казахского ханства, жившего во второй половине XV в., и был первым ханом в своем роду. Борак же являлся потомком Джадыка, одного из старших сыновей Джанибека, и несколько его прямых предков (а также родной брат) уже правили казахами. Поэтому Борак с самого начала противился избранию Абу-л-Хайра в ханы, а в 1748 г. убил его. Дело убийцы рассматривали бии – выборные народные судьи, перед которыми он сумел оправдаться, упирая на то, что

> ево-де (Абу-л-Хайр-хана. – *Р. П.)*род против нашего силою не будет, ибо-де наша фамилия честная и многолюдная (цит. по: [Ерофеева, 2007, с. 121]).

Более того, год спустя Борак сам был избран ханом [Ерофеева, 2001, с. 118–119].

Претензии на власть лиц, обладавших статусом полуофициального наследника трона, также имели место в постимперский период. Так, Мухаммад-Тимур-султан, сын Мухаммада Шайбани-хана, основателя Бухарского ханства, при отце являлся кем-то вроде младшего соправителя, нося титул «валиахд» [Султанов, 2006, с. 95]. Это позволило ему претендовать на трон после смерти отца, а когда старшие родичи предпочли ему другого кандидата, Мухаммад-Тимур во время похода на Хорасан весной 1513 г. решил самовольно провозгласить себя ханом в Герате, повелел читать хутбу[28] и чеканить монету со своим именем [Семенов, 1954*б*, с. 142; Horikawa, 1994, S. 1710].

В некоторых случаях наследники выступали даже против ханов, благодаря которым и приобретали свой статус. Наиболее ярко это проявлялось в Крымском ханстве, где существовал особый институт калга-султана – своеобразного соправителя-наследника, которого назначал хан (при своем вступлении на престол, либо же после смерти или отстранения предыдущего калга-султана), но вместе с тем утверждал курултай и одобрял номинальный сюзерен – султан Османской империи (подробнее см.: [Бартольд, 2002*в*, с. 537]). Вследствие сложной политической

ситуации в Крымском ханстве в результате политики взаимных уступок и компромиссов довольно часто случалось так, что калга-султаном назначался не только не тот царевич, которого хан сам желал видеть своим наследником, но и напротив – соперник монарха в борьбе за трон. Поэтому были нередки случаи, когда калга-султаны открыто выступали против своих ханов-соправителей: Ислам-Гирей – против своего дяди Сахиб-Гирея в 1532–1537 гг.,[29] Алп-Гирей – против своего брата Мухаммад-Гирея II в 1584 г. [Халим Гирай, 2004, с. 40] (ср.: [Гайворонский, 2007, с. 287]), Фатх-Гирей против своего брата Гази-Гирея II в 1596 г. [Смирнов, 2005*а*, с. 333–335; Халим Гирай, 2004, с. 49–50] и т. д.

Завершая рассмотрение этого основания претензий на власть, следует сказать, что к происхождению обычно апеллировали те претенденты, которые не имели возможности опереться на более существенный фактор легитимации, поэтому случаи его использования относительно немногочисленны. Большинство же узурпаторов действовали более тонко и, можно сказать, более грамотно с правовой точки зрения.

§ 2. Обвинение законного монарха как основание для выдвижения альтернативных претендентов

В некоторых случаях наиболее веским основанием для претензий на трон становились не столько происхождение, статус или способности претендента, сколько выдвижение им обвинения против законного правителя. Стоило обвинить хана в каких-либо преступлениях, несовместимых с занятием ханского трона, и мятежник-узурпатор, посягнувший на власть легитимного монарха, превращался в героя, бросившего вызов произволу и стремившегося восстановить законность в государстве. Естественно, такие действия не были уникальными, использовавшимися только в тюрко-монгольском мире: мятежи против монархов были достаточно частыми в средневековой Западной Европе до появления доктрины о власти короля, освященной божественной волей и о приравнивании мятежа против монарха к государственной измене (см., напр.: [Макглинн, 2011, с. 100]).

В чингисидских же государствах для таких случаев у претендентов на власть имелось прекрасное правовое средство – возможность обвинения и смещения хана курултаем, поскольку курултай же формально хана и избирал. Арабский путешественник Ибн Баттута, посетивший в середине XIV в. Центральную Азию, оставил подробную характеристику такой

возможности:

> Чингис составил книгу своих постановлений, называемую у них Йасак, а у них положено, что тот, кто не выполняет постановлений этой книги, должен быть свергнут. По его постановлению они должны собираться раз в год на пиршество, которое называется туй, или «день праздника». К тому дню съезжаются со всех концов страны потомки Чингиса – эмиры, хатун и крупные военачальники. Если их султан изменит что-либо в этих постановлениях, то их предводители встают и говорят: «Ты изменил то-то и то-то, сделал так-то и так-то, а потому тебя нужно свергнуть». Его берут за руки и заставляют сойти с царского трона и на его место сажают другого потомка Чингиса [Ибрагимов, 1988, с. 87].

Первым таким решением можно было бы признать вышеупомянутое лишение потомков Угедэя права занимать трон, имевшее место на курултае в 1251 г., но в данном случае речь шла об отстранении одной из ветвей правившей династии за преступления их уже скончавшихся предков, а не о низложении законного хана. Подобная практика в Монгольской империи и государствах Чингисидов берет начало несколько позже.

Наверное, первым, кто использовал обвинение другого монарха как способ легитимации собственных претензий на трон, стал Арик-Буга, который в 1260 г. провел курултай, где был провозглашен ханом в ущерб своему старшему брату Хубилаю и тут же разослал по всем улусам Монгольской империи приказ не выполнять приказы Хубилая и не слушать его сторонников [Рашид ад-Дин, 1960, с. 160]. Арик-Буга сумел сплотить вокруг себя многочисленных сторонников потому, что, по мнению исследователей, поставил в вину своему брату отход от кочевых традиций (соблюдение которых завещал своим потомкам Чингис-хан) и предпочтение их китайским обычаям (см.: [Гумилев, 1992*а*, с. 165–167; Далай, 1983, с. 34 и след.; Хафизов, 2000, с. 44]; ср.: [Россаби, 2009, с. 88, 95]). Это обвинение (по-видимому, небезосновательное) оказалось настолько убедительным, что позволило Арик-Буге в течение четырех лет противостоять старшему брату – более талантливому полководцу и правителю, обладавшему к тому же бо льшими материальными и людскими ресурсами. Более того, после поражения Арик-Буги оно осталось актуальным, и его использовал также следующий соперник Хубилая – Хайду, потомок Угедэя, который в 1271 г. провел в Монголии курултай, на котором Хубилай был признан

незаконным правителем, поскольку как раз в этом году принял титул императора основанной им же китайской династии Юань (тем самым подтвердив обвинение, выдвинутое против него противниками), а Хайду, напротив, был объявлен ханом как ревнитель древних степных обычаев (подробнее см.: [Гумилев, 1992*а*, с. 168]).

В дальнейшем аналогичное обвинение было выдвинуто против еще одного монарха – Тармаширина, хана Чагатайского улуса. Он продолжил политику ряда своих предшественников по «сращиванию» кочевой и оседлой знати, покровительствовал среднеазиатскому чиновничеству, купечеству, городам и сам принял ислам, который начал активно устанавливать в качестве официальной религии в своем государстве (даже сменив свое буддийское имя на мусульманское – Алла ад-Дин). Это позволило его соперникам обвинить Тармаширина в нарушении Ясы – правопорядка, установленного Чингис-ханом. В 1334 г. царевич Бузан, двоюродный брат Тармаширина, поднял восстание против хана, а чтобы придать легитимный характер своим действиям, организовал курултай, на котором хан был обвинен в отходе от принципов Ясы и объявлен низложенным, а вскоре и убит [Ибрагимов, 1988, с. 87; Строева, 1958, с. 216].[30]

В некоторых случаях обвинение против хана в источниках представлено менее определенно, так что не вполне понятно, в чем конкретно обвиняли их родичи, которые свергали монархов. Так, например, золотоордынский хан Тинибек в 1342 г. был убит своим братом Джанибеком, как пишет Ибн Баттута, «за постыдные дела» [СМИЗО, 1884, с. 296].[31] Еще один золотоордынский хан Азиз-Шейх был убит агентами знаменитого временщика Мамая, стремившегося посадить на престол своего ставленника, однако официальной версией его убийства стали некие установленные им «скверные обычаи» [СМИЗО, 1941, с. 130].

Несомненно, нарушение установлений самого Чингис-хана относительно образа жизни и взаимоотношений с оседлыми подданными, в чем противники обвиняли Хубилая, было весьма тяжелым преступлением. Но не единственным: зачастую претенденты на трон обвиняли правивших монархов и в других нарушениях законов Чингис-хана. Одним из распространенных обвинений являлось нарушение требований о наказании потомков «золотого рода». Один из биликов Чингис-хана (правовых и нравоучительных изречений, приравнивавшихся по юридической силе к законам) гласил:

Если кто-нибудь из нашего уруга (рода. – *Р.*

> *П.)*единожды нарушит ясу, которая утверждена, пусть его наставят словом. Если он два раза [ее] нарушит, пусть его накажут согласно билику, а на третий раз пусть его сошлют в дальнюю местность Балджин-Кульджур. После того, как он сходит туда и вернется обратно, он образумится. Если бы он не исправился, то да определят ему оковы и темницу. Если он выйдет оттуда, усвоив адаб (нормы поведения. – *Р. П.)*, и станет разумным, тем лучше, в противном случае пусть все близкие и дальние [его] родичи соберутся, учинят совет и рассудят, как с ним поступить [Рашид ад-Дин, 1952*б*, с. 263–264].

Уже в 1251 г. по обвинению в нарушении этого принципа были отстранены от власти потомки Угедэя: их обвинили в казни без суда Актылун-хаан – дочери Чингис-хана. Впоследствии к этому обвинению нередко прибегали узурпаторы-Чингисиды, бросавшие вызов законным монархам. Так, в 1284 г. хулагуидский царевич Аргун выступил против своего дяди Тохудара – ильхана Ирана, под предлогом, что тот без суда казнил нескольких своих родственников – царевичей из рода Хулагу (на самом деле, они были казнены за участие в заговоре против ильхана с целью возведения на трон самого Аргуна) [Рашид ад-Дин, 1946, с. 111; Хронограф, 2005, с. 123, 125].[32] По версии Муин ад-Дина Натанзи, и вышеупомянутый чагатайский хан Тармаширин был убит за то, что «пером наказания стал подписывать имена своих сородичей» [Натанзи, 2007, с. 58].

В предыдущем разделе мы рассмотрели примеры апеллирования претендентов на трон к завещанию предшествующего (или одного из предшествующих) монарха. Как следствие, в качестве обвинения монарха порой фигурировало нарушение им последней воли его предшественника. Как мы помним, нарушение семейством Угедэя его же последней воли (выбрать ханом его внука Ширэмуна) стало одним из поводов для отстранения этой ветви Чингисидов от ханского трона. Нередко к этому прибегали и узурпаторы, свергавшие законных ханов.

Так, в 1291 г. золотоордынский временщик Ногай захватил хана Тула-Бугу (которого несколькими годами ранее сам же и возвел на престол) и предал его в руки своего сообщника – царевича Токты, сына Менгу-Тимура, сказав ему:

> «Вот этот завладел царством отца твоего и твоим царством», тем самым обвинив плененного монарха в незаконном захвате трона [СМИЗО, 1884, с. 108].[33]

В 1323 г. в результате заговора погиб монгольский хан Шудибала (Гэгэн-хан, император Юань Инцзун), который сам, впрочем, ничего не нарушал, поскольку занял трон по воле своего отца. Однако нарушителем был признан именно его отец – Буянту-хан (Аюрбарибада, император Жэньцзун), который должен был после своей смерти передать трон сыну своего брата, а не собственному сыну, который пострадал таким образом за грехи родителя [Далай, 1983, с. 127–128; History, 2006, p. 527, 532–533].[34]

Несмотря на то что любой прямой потомок Чингис-хана по мужской линии имел законное право занять трон в любом из государств, возникших после распада Монгольской империи, уже на рубеже XIII–XIV вв. фактически в каждом из четырех улусов закрепилась собственная династия, происходящая от одного из сыновей Чингис-хана – Джучи (Золотая Орда), Чагатая (Мавераннахр, Средняя Азия) и Тулуя (империя Юань в Китае и государство ильханов в Иране). Поэтому когда в результате династических кризисов к власти в каком-либо чингисидском государстве приходили представители другой ветви «золотого рода», их соперники в борьбе за власть всегда могли обвинить их в том, что они являются нелегитимными монархами – по сравнению с представителями местной династии.

Так, в государстве ильханов в Иране в 1335 г. пресеклась старшая ветвь потомков Хулагу, и на трон вступил Арпа-хан, который вообще не принадлежал к Хулагуидам: он являлся потомком Арик-Буги, брата Хулагу. Несмотря на то что Арпа-хан занял трон на основе завещания своего предшественника Абу Саида и был официально признан в ханском достоинстве, против него вскоре выступил Муса – представитель боковой ветви Хулагуидов, заявивший, что имеет больше прав на трон Ирана, чем потомок Арик-Буги, чьи предки никогда здесь не правили [Хафиз Абру, 2011, с. 144–149; Shajrat, 1838, p. 311].[35]

Примерно в это же время аналогичная ситуация сложилась в Чагатайском улусе. После свержения хана Тармаширина в 1334 г. здешние ханы из рода Чагатая менялись едва ли не каждый год. В 1346 г. эмир Казаган, фактический правитель Мавераннахра, убив очередного хана, возвел на трон свою марионетку – хана Данишменда, который не был Чагатаидом, а являлся потомком Угедэя.[36] Надо полагать, Казаган считал, что хан с сомнительной легитимностью будет во всем ему покорен. Однако по какой-то причине уже два года спустя сам временщик убил своего ставленника, обвинив его в том, что тот не принадлежит к династии законных правителей Чагатайского улуса, и возвел на трон следующего ставленника Баян-Кули – на этот раз из дома

Чагатая [Натанзи, 2007, с. 60–61; Shajrat, 1838, p. 376].

В конце 1340-х годов Чагатайский улус распался на две части, в каждой из которых (Мавераннахр и Могулистан), впрочем, у власти продолжали находиться Чагатаиды. Однако в силу политических причин между ними пролегла такая грань, что когда Ильяс-Ходжа, правитель Могулистана, правнук чагатайского хана Дувы, в начале 1360-х годов попытался стать ханом и в Мавераннахре, местная знать оказала ему упорное сопротивление как чужаку и, в конце концов, вытеснила из страны, возведя на престол другого Чагатаида, также правнука Дувы [Йазди, 2008, с. 34–37] (см. также: [Нагель, 1997, с. 129–130]).[37]

По сообщению Муин ад-Дина Натанзи, в Золотой Орде в период смуты конца 1350–1370-х годов (в русских летописях называемой «Замятней великой») на трон Белой (Синей[38]) Орды – правого крыла Улуса Джучи был приглашен Орда-Шейх, представитель правящей династии левого крыла Золотой Орды. Вскоре он был убит одним из местных эмиров, сказавшим:

> Как это уруг султанов Ак Орды станет властителем трона царей Кок Орды [СМИЗО, 1941, с. 130].

Несмотря на то что к сведениям Натанзи следует относиться осторожно, и сообщение о правлении Орда-Шейха не подтверждается другими источниками, сам принцип обвинения хана в том, что он не принадлежит к местной правящей династии, как видим, отражен в этом пассаже очень четко.

«Узурпаторы по происхождению»: представители низложенных династий в борьбе за трон. Происхождение от Чингис-хана, как известно, автоматически влекло наличие у его потомков права претендовать на ханский трон. Однако иногда происхождение могло сыграть и злую шутку с представителями «золотого рода» – например, если претендент на престол принадлежал к семейству, по той или иной причине лишенному права наследования трона. Обвинение против монарха в подобных случаях могло носить двоякий характер: с одной стороны, претендент на власть мог обвинить в узурпации самого представителя отстраненной от власти ветви «золотого рода» – даже если он занимал трон с соблюдением всех официальных процедур; с другой стороны, сами представители низложенных династий могли выдвинуть обвинения против монархов в попрании своих прав, поскольку законность отстранения от власти целой ветви Чингисидов была сомнительна.

Так, в 1251 г. на курултае семейство Угедэя, третьего сына и преемника Чингис-хана на троне Монгольской империи, было

обвинено в ряде преступлений против «золотого рода» и на этом основании лишено права занимать ханский трон [Рашид ад-Дин, 1960, с. 80; Бартольд, 1963*в*, с. 558]. В результате претензии *всех* потомков Угедэя (включая и тех, кто не участвовал в нарушении монгольского законодательства, и даже тех, кто еще не родился!) на власть в империи и чингисидских государствах признавались незаконными.

Впрочем, правомерность этого решения всегда оставалась под вопросом. Как отмечалось выше, уже хан Мунке признал Хайду, внука Угедэя, одним из своих возможных наследников. Не препятствовало решение курултая 1251 г. потомкам Угедэя и в дальнейшем претендовать на троны в других государствах. Впрочем, их соперники в борьбе за власть неоднократно ссылались на незаконность притязаний Угедэидов на ханский трон в качестве повода для выступления против них. Так, как незаконные монархи были убиты два монгольских хана из рода Угедэя – Гуйличи в 1408 г. и Адай в 1438 г. С ними расправились приверженцы потомков Хубилая – единственных, по их мнению, законных претендентов на трон Монголии [Грумм-Гржимайло, 1926, с. 574–575, 580–582; Покотилов, 1893, с. 32–33, 46–51].[39]

Интересно отметить, что монгольские летописцы из числа приверженцев династии потомков Хубилая впоследствии постарались вычеркнуть факт правления в Монголии представителей «незаконной» ветви Чингисидов: в монгольских хрониках имя Гуйличи вообще замалчивается,[40] и Адай-хан фигурирует как потомок Хубилая (см., напр.: [Галдан, 2012, с. 154]).[41] Лишь благодаря среднеазиатскому сочинению XV в. «Шаджрат ал-атрак» («Родословное древо тюрков») нам становится известной подлинная генеалогическая принадлежность этих ханов [Shajrat, 1838, p. 219–220] (см. также: [Бира, 1978, с. 162–164; Honda, 1958, p. 247–248]).

Сходной с судьбой Угедэидов оказалась судьба еще одной ветви потомков Чингис-хана – семейства Арик-Буги, сына Тулуя (четвертого сына Чингис-хана). В 1260–1264 гг. он вел борьбу за власть со своим братом Хубилаем, потерпел поражение и попал в плен. В результате его потомство также оказалось фактически отстраненным от наследования ханского трона, однако несколько его потомков все же становились ханами. Так, в 1323 г. в результате заговора и убийства одного из ханов – императоров Юань произошел переворот и у власти оказался хан Есун-Тэмур (император Юань Тайдин-ди). В соответствии с официальной монгольской историографией он происходил от Каммалы, сына Хубилая, однако монгольский историк Лубсан Данзан допускает интересную оговорку:

> В некоторых историях говорится, что [это] был Арик-Буга-хаган [Лубсан Данзан, 1973, с. 250].

Вероятно, следует понимать, что Есун-Тэмур принадлежал к потомству Арик-Буги, о чем предпочли умолчать придворные историки потомков Хубилая.

Семейство Арик-Буги традиционно пользовалось популярностью в Монголии, и когда потомки Хубилая – монгольские ханы и императоры Юань – были изгнаны в 1368 г. из Китая и вынуждены довольствоваться одной только Монголией, потомки Арик-Буги сочли их намерения посягательством на свой родовой удел и начали междоусобную борьбу [Грумм-Гржимайло, 1926, с. 569]. В 1388 г. хан Тогус-Тэмур (Усхал-хан), потомок Хубилая, потерпел поражение от китайцев и был убит по приказу царевича Есудара, происходившего от Арик-Буги. Есудар захватил власть, и хотя некоторое время спустя он был убит, с конца XIV в. и в течение всей первой четверти XV в. его родственники не без успеха боролись за власть над Монгольским ханством. Исследователи относят к потомкам Арик-Буги ханов Энхэ, Дэлбэг и Ойрадтая (Урадая), а возможно – и Гун-Тэмура, которые в официальной монгольской историографии все объявлены потомками Хубилая [Бира, 1978, с. 160–164]. Естественно, это было сделано с целью умолчать о том, что потомки Арик-Буги, лишенные права занимать трон, в этот период успешно противостояли потомкам Хубилая, едва ли не чаще становясь ханами, чем последние.

По-видимому, на рубеже 1350–1360-х годов от власти были отстранены потомки золотоордынского хана Узбека (подробнее см.: [Почекаев, 2009*б*, с. 39–40]). Именно с этим следует связать тот факт, что потомкам Узбека, ставленникам знаменитого золотоордынского бекляри-бека Мамая – ханам Абдаллаху и Мухаммаду-Булаку, не удавалось удерживать золотоордынскую столицу Сарай и приходилось вести постоянную борьбу с претендентами из других ветвей рода Джучидов – Шибанидами и Туга-Тимуридами, которые после отстранения потомков Узбека считали себя не менее законными претендентами (подробнее см.: [Почекаев, 2010]).

Изучение случаев призвания к власти «узурпаторов по происхождению» (равно как и их свержения по обвинению в незаконности) показывает, что они оказывались востребованы либо региональными элитами, либо столичной оппозицией, которых не устраивали чрезмерно властные, хотя и законные, правители. Сами претенденты зачастую являлись лишь марионетками в руках влиятельной племенной аристократии и

сходили с политической сцены, когда нужда в них исчезала.

Обвинение монархов как основание претензий на власть в постимперский период. Как и претензии на власть на основании собственного статуса в семейной иерархии, обвинение монархов как повод для свержения и захвата трона также неоднократно использовалось Чингисидами вплоть до XVIII в.

Выше мы рассматривали случаи, когда против монарха восставали его родичи, выдвигая в качестве обвинения незаконную расправу с другими членами ханского рода – пусть и не так часто как в имперскую эпоху. В некоторых же случаях узурпаторам было достаточно самого факта гибели одного из членов «золотого рода» по вине хана, чтобы обвинить и свергнуть монарха. Так, например, ок. 1530 г. несколько султанов из местной династии Арабшахидов восстали против хана Хасан-Кули и осадили его столицу Ургенч. Во время штурма был убит один из осаждавших его султанов – 20-летний Аганай. Несмотря на то что он принадлежал к числу мятежников и погиб во время мятежа, родственники убитого в отмщение за его гибель свергли и умертвили хана и его старшего сына, а остальное потомство выслали из Хивинского ханства, лишив права наследовать трон [Абуль-Гази, 1996, с. 115–116; МИКХ, 1969, с. 439].

В 1711 г. бухарский хан Убайдаллах II также был убит по обвинению в многочисленных расправах с родичами и знатью, хотя на самом деле всего лишь пытался укрепить центральную власть и казнил тех, кто противился его воле. Однако после царствования ряда неэффективных ханов из рода Аштарханидов его деятельность вызвала сильное недовольство знати и духовенства, которые расправились с ханом, возведя на трон его, куда менее властного, брата Абу-л-Файза [Бухари, 1957, с. 267] (см. также: [Гафуров, 1955, с. 384–385]).

В результате распада чингисидских империй в XIV–XV вв. многие ветви рода Чингисидов, правившие в отдельных государствах, пресеклись, и фактор приоритета той или иной ветви «золотого рода» при занятии престола конкретного ханства, казалось бы, утратил актуальность. Однако он неоднократно «реанимировался» узурпаторами и в последующие века. Так, в 1538 г. бухарский хан Убайдаллах, воспользовавшись междоусобицами в хивинском правящем семействе Араб ша хи дов, вторгся в Хивинское ханство, оккупировал его и возвел на трон своего сына Абд ал-Азиза. Однако, несмотря на поддержку отца и ослабление местной династии, последнему так и не удалось удержаться на троне: соперничавшие между собой Арабшахиды объединились против чужака и уже в следующем году вытеснили его из Хорезма. Убайдаллаху пришлось

смириться с этим и признать ханом (пусть и зависимым от себя) местного династа.

Иногда вместо формального лишения права на трон та или иная ветвь рода Чингисидов теряла права на власть в результате свержения. Таким образом, возникал правовой парадокс: не будучи формально отстраненной от наследования трона и имея в роду прямых предков законных ханов, представители таких родов все же выглядели узурпаторами в глазах тех правителей, которые сменяли эти свергнутые династии.

В результате многочисленных междоусобиц в Хивинском ханстве две ветви местной правящей династии (потомки ханов Ильбарса и Хасан-Кули) к середине XVI в. оказались в изгнании, найдя убежище в соседнем Бухарском ханстве. Юридически их никто не лишал права на трон, но поскольку они в течение долгого времени не бывали в Хорезме, их связи с родным государством, правящим домом и знатью становились все менее прочными, а сами они приобретали статус «казаков» – своеобразных царевичей-изгоев, лишенных владений. В начале XVII в. два представителя этих семейств – Хосров-султан, потомок Ильбарса, и Салих-султан, потомок Хасан-Кули – попытались захватить власть, они не нашли поддержки у местного населения, оба были схвачены своим родственником Араб-Мухаммад-ханом и казнены за попытку свержения законного монарха [Абуль-Гази, 1996, с. 154–155].

Эта тенденция продолжилась в Хивинском ханстве и в XVIII в. и даже приобрела определенное правовое закрепление. Представители отстраненных от власти ветвей рода Арабшахидов с начала XVIII вв. сформировали в Приаралье едва ли не «альтернативное» ханство, где при поддержке местного узбекского и каракалпакского населения проводили официальные церемонии интронизации и приобретали, таким образом, право претендовать на хивинский трон. Естественно, в глазах ханов, правивших в столице, они являлись узурпаторами, однако эту точку зрения далеко не всегда разделяли знать, армия и население Хивы. Один из них, Ишим-султан, потомок хана Агатая (правил в Хиве в середине XVI в.), был поддержан аральскими узбеками и каракалпаками, враждебными Хиве, и в начале 1710-х годов не без успеха противостоял законно избранному хану Ядгару [МИКХ, 1969, с. 458; Munis, Agahi, 1999, p. 54–55]. Другой претендент, Шах-Тимур, имел еще больше прав на трон, поскольку не только его далекие предки, но и родной отец, и еще несколько близких родственников управляли Хивинским ханством, хотя и принадлежали к ветви рода, ранее выехавшей из Хивы [МИКХ, 1969, с. 461; Munis, Agahi, 1999, p. 58].

Неудивительно, что его претензии в течение 1720–1730-х годов поддерживали не только в Приаралье, но и в самой Хиве. Долгое время он являлся своеобразным средством сдерживания самовластия местных легитимных ханов: сановники и родоплеменные вожди угрожали хивинским ханам, что если те не станут более покладистыми, то на трон будет возведен именно Шах-Тимур [Беневени, 1986, с. 65, 67; МИКХ, 1969, с. 461–464; Munis, Agahi, 1999, p. 58–63].

Около 1695 г. на престоле Яркенда, принадлежавшего потомкам Чагатая, оказался казахский султан Ишим, который, впрочем, вскоре был вынужден покинуть город под давлением правителей соседнего Кашгара – именно на том основании, что принадлежал к другой династии Чингисидов [МИКХ, 1969, с. 418] (см. также: [Валиханов, 1986*б*, с. 139]).

Несколько более удачной оказалась судьба представителей еще одной «чужой» династии – казахских ханов в Хивинском ханстве. На протяжении 1728–1771 гг. казахские ханы и султаны, потомки Туга-Тимура, тринадцатого сына Джучи (причем из двух разных ветвей его потомков), соперничали за трон с законной хивинской династией Арабшахидов – потомков Шибана, пятого сына того же Джучи. Несмотря на то что сторонники «местной» династии раз за разом свергали или даже убивали казахских «чужаков», те постоянно приходили вновь и находили все большее число сторонников среди местного населения и знати (подробнее см.: [МИКХ, 1969, с. 463–475; МИТТ, 1938, с. 335–337; Munis, Agahi, 1999, p. 62–81]; см. также: [Атдаев, 2010, с. 32–34, 65–81; Веселовский, 1877, с. 182–251]). Это убеждает нас в том, что правление «посторонней» династии, если оно являлось достаточно продолжительным, могло создать определенный прецедент, который в некоторых случаях мог привести и к окончательной смене династии. Впрочем, как мы увидим ниже, это в большей мере проявилось в тех же среднеазиатских ханствах, когда ханы-Чингисиды в XVIII – начале XIX в. были вынуждены уступить власть представителям местных менее знатных родов.

Часть II
Распад империй: «старые» и «новые» факторы легитимации

Кризис, а затем и распад чингисидских государств имперского типа привели к резкому снижению авторитета «золотого рода», кроме того, в результате постоянных междоусобиц некоторые его ветви, правившие в отдельных государствах, были практически полностью уничтожены. Не приходится удивляться, что в таких условиях представители тюрко-монгольской родоплеменной знати, которых Чингисиды презрительно именовали «черной костью», посмели бросить вызов «золотому роду» и разрушить его монополию на ханский трон.

Претензии на верховную власть правителей нечингисидского происхождения (т. е. уже изначально узурпаторов в глазах ревнителей чингисидских традиций) нередко базировались на сложном комплексе различных оснований. Стремясь компенсировать отсутствие принадлежности к «золотому роду», эти претенденты задействовали и комбинировали самые различные факторы легитимации, в том числе и такие, которые, казалось бы, взаимно исключали друг друга. Именно поэтому одни и те же претенденты и династии неоднократно фигурируют ниже в главах, посвященных различным основаниям претензий на власть представителей нечингисидских династий.

Глава 3
Генеалогический фактор

Не имея возможности причислить себя к потомкам Чингис-хана по прямой мужской линии, могущественные аристократические кланы распадавшихся чингисидских государств все же стремились обосновать свои права на верховную власть на основании «старого» фактора – через связь с «золотым родом». Как правило, они претендовали на то, что в их жилах течет частичка крови Чингис-хана либо через чингисидских царевен, выходивших замуж за предков претендентов, либо через более отдаленное родство по мужской линии, но по боковой линии – не от прямых потомков Чингис-хана, а от его более дальних родственников.

§ 1. Ближайшие родственники: Борджигины, потомки братьев Чингис-хана

Чтобы понять, почему потомки братьев Чингис-хана, начиная с середины XIV в., стали пытаться занять ханский трон в различных тюрко-монгольских государствах, оттесняя членов «золотого рода», необходимо впомнить события XIII в., когда были созданы первые прецеденты посягательств Борджигинов на трон Чингисидов.

«Дело» Тэмугэ-отчигина и восстание Наяна. В монгольской исторической хронике «Сокровенное сказание», традиционно датируемой 1240 г., описывается сцена выбора Чингис-ханом своего наследника, которым стал его третий сын Угедэй. В ответ на решение отца последний задал следующий вопрос:

> А что как после меня народятся такие потомки, что, как говорится, хоть ты их травушкой-муравушкой оберни – коровы есть не станут, хоть салом обложи – собаки есть не станут!» И тогда Чингис-хан ответил: «Ну, а уж если у Огодая народятся такие потомки, что хоть травушкой-муравушкой оберни – коровы есть не станут, хоть салом окрути – собаки есть не станут, то среди моих-то потомков ужели так-таки ни одного доброго и не родится? [Козин, 1941, с. 186].[42]

Именно эта фраза Чингис-хана для его потомков, со временем ставших придавать любым изречениям своего родоначальника

силу закона, стала основой принципа организации высшей власти в Монгольской империи и других чингисидских государствах: только прямые потомки Чингис-хана могли занимать ханский трон [Султанов, 2006, с. 20] (см. также: [Марко Поло, 1997, с. 245]).

Однако невозможно точно установить, когда именно этот принцип был официально введен в действие. Скорее всего, в первые годы после смерти Чингис-хана формального порядка наследования трона не существовало. Ханы избирались на курултае – съезде всех потомков Чингис-хана и монгольской знати, и даже прямое указание ханом своего потенциального преемника отнюдь не влекло непременную обязанность участников курултая избрать ханом указанного царевича, нося всего лишь «рекомендательный» характер [Султанов, 2006, с. 92]. Как мы помним, даже младший брат Угедэя, Тулуй, ставший регентом после смерти Чингис-хана и до избрания его преемника, не оставлял надежды занять трон, всячески затягивая проведение курултая и, следовательно, избрание Угедэя [Биография, 1965, с. 188] (см. также: [Султанов, 2001, с. 41]). Тем не менее авторитет недавно умершего Чингис-хана и влияние его ближайших сподвижников – исполнителей его посмертной воли были настолько велики, что Угедэй был избран новым монгольским ханом без особых споров и разногласий. Гораздо больше проблем возникло после смерти самого Угедэя (1241 г.), когда на трон предъявили претензии сразу трое его собственных потомков: старший сын Гуюк, второй сын Годан (якобы предназначенный в преемники Угедэю самим Чингис-ханом) и, наконец, Ширэмун, внук Угедэя, который сам хотел сделать его своим преемником. Пользуясь раздорами в ханском семействе, Туракина, вдова Угедэя, около пяти лет самовластно управляла государством в качестве регентши (подробнее см.: [Почекаев, Почекаева, 2012, с. 31–46]). В условиях нестабильной политической ситуации, постоянных смещений влиятельных сановников и назначений на их посты приближенных самой Туракины и отсутствия законодательства о престолонаследии Тэмугэ-отчигин, младший (и последний оставшийся в живых) брат Чингис-хана, также решил вступить в борьбу за власть, положив начало многовековому соперничеству прямых потомков Чингис-хана и потомков его братьев. В 1242 или 1243 г. он, собрав своих многочисленных нукеров, двинулся к ханской ставке, намереваясь занять трон.

Однако авантюра Тэмугэ окончилась неудачно. Регентша Туракина сумела собрать верные войска и под командой своего сына Мелик-огула выслала их навстречу мятежному родичу.

Тэмугэ, всю жизнь бывший на вторых ролях, почел за лучшее отказаться от своего намерения захватить власть. При этом он постарался сохранить лицо, представив свое выступление как некое недоразумение, а поспешный отход связал с тем, что кто-то из его окружения умер, и необходимо соблюсти траурные церемонии. Выразив на прощание сожаление о случившемся, он отправился восвояси. Джувейни завершает свой рассказ о выступлении Тэмугэ-отчигина довольно ехидной фразой:

> В это время распространились слухи о прибытии Гуюка и его войск, с которыми он расположился на берегу Эмиля, в связи с чем его [Тэмугэ] сожаление стало еще больше [Juvaini, 1997, p. 244] (ср.: [Рашид ад-Дин, 1960, с. 116–117]).

На этом, казалось, недоразумение между родственниками было улажено, и в течение нескольких лет о поступке брата Чингис-хана никто не вспоминал.

Нарушил ли он какой-либо закон? Еще раз подчеркнем, что никаких нормативных правил относительно порядка престолонаследия в Монгольской империи в то время не существовало. Вышеприведенная фраза Чингис-хана, послужившая основой для правила о том, что трон может принадлежать только его прямым потомкам, была сказана не на официальном мероприятии – курултае: она была произнесена фактически в приватной беседе хана со своими сыновьями и ближайшими сановниками. Она даже не была включена в состав биликов Чингис-хана – его изречений, которые Чингисиды порой применяли наравне с законами. Даже тот факт, что Чингис-хану наследовал его сын Угедэй, не мог служить обязательным прецедентом, поскольку являлся пока еще лишь единичным, а не посторяющимся из раза в раз примером.

Кроме того, по всей вероятности, еще были живы люди, которые помнили, что в XII в. диапазон кандидатов на ханский трон был довольно широк. Например, прямому предку Чингис-хана, Хабул-хану из рода Кият в середине XII в. наследовал не его прямой потомок или ближайший родственник, а троюродный брат Амбагай – предводитель племени тайджиутов.[43] Этот правитель, в свою очередь, завещал избрать ханом либо Хутулу – сына Хабула, либо собственного сына Хадана [Гэрэлбадрах, 2006, с. 60]. Да и сам Тэмуджин, будущий Чингис-хан, стал ханом не без проблем: с ним за власть боролись несколько потомков Хабул-хана (Алтан, Хучар, Сача-бэки), а также и представитель рода Амбагая, предводитель тайджиутов Таргутай-Кирилтух. Таким образом, больше прецедентов было в пользу Тэмугэ-отчигина, а

не потомков Чингис-хана.

Тем не менее в 1246 г., когда новым монгольским ханом на курултае был избран Гуюк – старший сын Угедэя и Туракины, одним из первых его решений стало предание Тэмугэ-отчигина суду, который возглавили Орду – старший сын Джучи, первенца Чингис-хана, и Мунке – старший сын вышеупомянутого Тулуя. Они осудили Тэмугэ «на основании Ясы», т. е. законодательства Чингис-хана, и приговорили к смерти [Рашид ад-Дин, 1960, с. 119; Juvaini, 1997, p. 255]. Единственное преступление, за которое брат Чингис-хана был осужден с такой формулировкой, было, по-видимому, стремление самовольно занять трон – без созыва курултая. Даже иностранным дипломатам известно такое постановление Чингис-хана. Так, Иоанн де Плано Карпини отмечает:

> Одно постановление такое, что всякого, кто, превознесясь в гордости, пожелает быть императором собственною властью без избрания князей, должно убивать без малейшего сожаления [Карпини, 1997, с. 48].

Сейчас уже практически невозможно сказать, каковы были намерения Тэмугэ-отчигина – действительно ли он намеревался захватить трон без созыва курултая или же, взяв под контроль ханскую ставку, провести курултай, легитимировав фактический захват трона (именно так в 1251 г. поступил царевич Мунке, ставший новым монгольским ханом). Однако поскольку его намерения были пресечены на стадии «покушения на преступление», и он оказался проигравшим, Чингисиды могли обвинить его в каких угодно намерениях и формально доказать в суде его вину, чтобы иметь законные основания избавиться от опасного конкурента в борьбе за трон.

На наш взгляд, именно обвинение Тэмугэ-отчигина, суд над ним и казнь положили начало принципу, согласно которому лишь прямые потомки Чингис-хана имели право на ханский трон. В результате частное волеизъявление Чингис-хана в отношении своего преемника, скрепленное казнью его родного брата, приобрело силу закона, действовавшего на протяжении столетий. Рискнем предположить, что причиной (или по крайней мере одной из причин), по которой заклятые враги Гуюк и Бату решили найти общий язык и продемонстрировать всему миру свое единодушие (подробнее см.: [Почекаев, 2006, с. 224]), было стремление объединиться против конкурентов в борьбе за трон, происходивших из других ветвей Борджигинов – непотомков Чингис-хана. Это подтверждается и тем фактом, что вскоре после

казни Тэмугэ-отчигина между двоюродными братьями началось уже неприкрытое противостояние.

Быстрая и жестокая расправа с Тэмугэ-отчигином стала настолько грозным предупреждением Чингисидов потомкам братьев Чингис-хана, что члены боковых ветвей рода Борджигин вновь приняли участие в борьбе за трон лишь многие годы спустя – когда в разных государствах местные династии Чингисидов оказались на грани исчезновения. Впрочем, в конце XIII в. произошло событие, которое в какой-то мере можно было счесть своеобразной «местью» за Тэмугэ-отчигина. Речь идет о восстании под руководством Наяна – правнука Тэмугэ.

Обширные владения ханов-императоров Юань, их неспособность контролировать все территории, которые они объявляли своими, и затянувшаяся в результате этого на десятилетия борьба с «узурпатором» Хайду привели к тому, что на востоке их владений в самый разгар противостояния с потомком Угедэя появился еще один претендент на трон с сомнительной легитимностью. Это был Наян, правитель Ляодуна, приходившийся правнуком Тэмугэ-отчигину (брату Чингис-хана) и, таким образом, даже не принадлежавший к Чингисидам. Обладая немалыми военными силами,[44] он ок. 1287 г. поднял восстание против Хубилая, продлившееся до 1290 г. За короткое время он взял под контроль территорию современной Маньчжурии и часть Монголии, что и заставило престарелого Хубилая выступить против него.

Источники содержат противоречивую информацию о намерениях Наяна. Так, Рашид ад-Дин сообщает, что Наян всего лишь намеревался выйти из-под власти Хубилая и перейти на сторону Хайду [Рашид ад-Дин, 1960, с. 193] (ср.: [Грумм-Гржимайло, 1926, с. 498; Далай, 1983, с. 49]).[45] Марко Поло, однако, пишет, что он

> вздумал о себе, что [он] великий царь… и решил не подчиняться великому хану, а буде возможно, так и государство у него отнять [Марко Поло, 1997, с. 245] (см. также: [Караев, 1995, с. 28]).

Можно предположить, что Наян, подобно Хайду, уловил тенденции распада Монгольской империи и планировал стать самостоятельным правителем собственного государства в Маньчжурии и Монголии, не претендуя на общеимперский статус [Biran, 1997, p. 46]. Существует, впрочем, и еще одна точка зрения, согласно которой Наян и его сподвижники выступили всего лишь против административных преобразований Хубилая в Монголии и Маньчжурии, в соответствии с которыми власть

улусных правителей существенно ограничивалась ханскими наместниками-даругачи [Акимбеков, 2011, с. 313]. Как бы то ни было, действия Наяна в итоге были квалифицированы как мятеж и узурпация верховной власти.

Остается лишь строить предположения, к какому фактору легитимации мог апеллировать претендент на трон, не принадлежавший к прямым потомкам Чингис-хана. Как Арик-Буга и Хайду, он намеревался выступить борцом за возрождение монгольских политико-правовых традиций против Хубилая и его сторонников-«китаефилов» [Россаби, 2009, с. 343].[46] Естественно, это привлекло на его сторону некоторое количество представителей монгольской знати, среди которых оказались потомки других братьев Чингис-хана: Шиктур, потомок Хасара, Хадан и Шинлакар, потомки Хачиуна, и даже несколько Чингисидов – Эбуген из рода Кулькана (пятого сына Чингис-хана, родившегося от меркитки Хулан-хатун) и Урук-Кутэн[47] из рода Угедэя [Грумм-Гржимайло, 1926, с. 498; Biran, 1997, p. 46; Grousset, 2000, p. 293]. Однако даже в таком случае намерения Наяна следует счесть весьма смелыми, если не безрассудными. Ведь чуть более 40 лет назад его дед (или прадед) Тэмугэ-отчигин был казнен как раз за такую попытку, и именно его случай, как мы отмечали, привел, по-видимому, к закреплению принципа о праве на ханский трон одних лишь прямых потомков Чингис-хана. Вероятно, замысел Наяна стал в какой-то мере попыткой «реванша» за поражение и казнь своего прадеда и, соответственно, выражением протеста против установившейся монополии Чингисидов (а именно – потомков Тулуя) на верховную власть, которую они использовали для того, чтобы превратить монголов в китайцев! Собственно говоря, его попытки установить контакты с Хайду, надо полагать, во многом объясняются именно надеждой на то, что один не вполне законный претендент на трон поддержит другого со столь же сомнительной легитимностью.

Мечтам Наяна не суждено было осуществиться: в том же году его армия потерпела поражение от войск Хубилая, и собственные сторонники Наяна выдали его императору Юань. Наян был казнен путем закатывания в войлок, т. е. без пролития крови, как полагалось в отношении членов ханского рода [Марко Поло, 1997, с. 247]. Его владения не были конфискованы или переделены и остались во владении потомков Тэмугэ-отчигина.[48] Это свидетельствует о том, что Наян был осужден как мятежник-узурпатор (вероятно, на том же основании, что и его прадед Тэмугэ), и его семейство не подверглось никаким репрессиям. Интересно, что поднятое Наяном восстание

продолжалось еще долго время после его смерти: оно было подавлено лишь в 1290 г., однако о претензиях на ханский трон других предводителей этого движения источники не сообщают.

Выступление Наяна и его приверженцев было, по-видимому, последним в Монголии выступлением потомков братьев Чингис-хана против власти Чингисидов в XIII в. Пройдет еще более полутора веков, прежде чем они вновь предъявят претензии на трон Монгольского ханства – когда династии монгольских Чингисидов окажутся на грани исчезновения. До первой же четверти XV в. борьба за власть в Монголии велась исключительно между представителями различных ветвей рода Чингис-хана – при полном одобрении со стороны правителей других улусов. Однако в других государствах они активизировались несколько ранее, например, Туга-Тимур, потомок Хасара, претендовавший в середине XIV в. на трон ильханов Ирана.

Потомки Хасара в Иране в XIV – начале XV в. Четверо братьев Чингис-хана – Хасар (Джучи-Хасар, или Хабуту-Хасар), Белгутэй, Хачиун и Тэмугэ-отчигин – оставили многочисленное потомство, которое, подобно потомкам самого Чингис-хана, со временем расселилось в различных тюрко-монгольских государствах, выделившихся из состава Монгольской империи, и заняло видное место среди родоплеменной знати. При этом следует отметить, что потомки разных братьев основателя Монгольской империи обладали разным статусом. Согласно Рашид ад-Дину, за героизм, проявленный Хасаром в сражении с найманским Таян-ханом (1204 г.), Чингис-хан

> соизволил его пожаловать и [выделил его] из всех братьев и сыновей братьев, дав ему и его детям в соответствии с установленным обычаем правом, вытекающим из положения брата и царевича, степень [высокого] сана и звания. И до настоящего времени (составление летописи Рашид ад-Дина относится к началу XIV в. – *Р. П.)*обычай таков, что уруг Чингис-хана из всех [своих] дядей и двоюродных братьев сажает в ряду царевичей только уруг Джочи-Касара; все же другие сидят в ряду эмиров [Рашид ад-Дин, 1952*б*, с. 51].

Имеются и другие свидетельства того, что Чингис-хан выделял Хасара и его потомство. В частности, из источников известно, что Есунке-ака, один из сыновей Хасара, был любимцем Чингис-хана, состоял при нем даже тогда, когда собственные сыновья хана находились в походах [Рашид ад-Дин, 1952*б*, с. 231]; ему же посвящена надпись на так называемом Чингисовом

камне. Согласно Рашид ад-Дину, Есунке и другие члены семейства Хасара пользовались большим уважением и влиянием при внуках Чингис-хана – ханах Мунке и Хубилае [Там же, с. 52].

Таким образом, потомки Хасара фактически являлись ближайшими (не только по происхождению, но и по статусу) наследниками Чингисидов и, соответственно, могли претендовать на трон в случае пресечения их рода. Под этим предлогом они неоднократно начинали борьбу за власть на протяжении XIV–XV вв., когда в разных государствах, созданных потомками Чингис-хана начинались династические кризисы. Потомки Хасара удачно использовали в своих интересах разного рода правовые нестыковки в вопросах престолонаследия, что позволяло им практически на равных бороться за власть с членами рода Чингисидов. Примеры тому дает история государства ильханов в Иране в середине – второй половине XIV в. и в Монголии в середине XV в.

Государство ильханов было основано на рубеже 1250–1260-х годов Хулагу – сыном Тулуя и братом монгольских ханов Мунке, Арик-Буги и Хубилая. С этого времени и по 1335 г. на троне находились прямые потомки Хулагу по мужской линии, несмотря на то что между ними довольно часто происходили междоусобицы, связанные с борьбой за власть. Но в 1335 г. праправнук Хулагу, ильхан Абу Саид, скончался бездетным, и прямая линия ильханов-Хулагуидов прервалась. На трон стали претендовать ставленники различных политических кланов, среди которых были представители боковых линий Хулагуидов, в отношении которых существовали сомнения в их происхождении, Арпа-хан – потомок Арик-Буги (брата Хулагу, не имевшего никакого отношения к династии персидских монголов) и даже женщина-ильхан – Сатибек-хатун, сестра покойного Абу Саида и вдова Арпа-хана.

Именно в это время вступил в борьбу за трон ильханов и Туга-Тимур, который примерно с 1315 г. был правителем Мазандерана – одной из областей («вилайетов») в составе ильханского Ирана. Он происходил из рода Джучи-Хасара,[49] и его претензии на трон были основаны на заявлении его сторонников о том, что «в стране Ирак допущено много ошибок, и она ослабла. Если все вместе направимся туда, то легко сможем захватить ту страну». После чего потомок Джучи-Хасара с согласия эмиров Хорасана, вельмож и знати был провозглашен ильханом (для своих тюрко-монгольских сторонников) и падишахом (для своих иранских приверженцев) [Хафиз Абру, 2011, с. 156]. Таким образом, законность прав Туга-Тимура на трон с самого начала выглядела довольно сомнительной: даже

его сторонники не утверждали, что в Иране не осталось прямых потомков Хулагу (и Чингис-хана вообще), а всего лишь искали благовидный предлог, чтобы вторгнуться в богатые иранские владения. При этом сам претендент всячески старался подчеркнуть свой статус «падишаха»: «велел чеканить монеты и читать хутбу с упоминанием его имени» [Ахари, 1984, с. 114], что являлось атрибутом власти суверенного монарха. Кроме того, сознавая, по-видимому, незаконность своих претензий на трон, он постарался укрепить положение с помощью неоднократного проведения церемоний интронизации.[50] Сторонники Туга-Тимура провозгласили его ильханом весной 1336 г. [Петрушевский, 1956, с. 111], первая интронизация имела место в марте 1337 г., а уже месяцем позже, в апреле, он коронуется повторно – надо полагать, в присутствии большего числа представителей хулагуидской знати и военного командования [Хафиз Абру, 2011, с. 277 (примеч. 260)] (см. также: [Melville, 1999, p. 54]).

Возникла интересная правовая коллизия: кто же имел больше прав на трон – царевна Сатибек, являвшаяся сестрой, дочерью, внучкой и даже вдовой ильханов из рода Чингисидов, или же потомок брата Чингис-хана, но по прямой мужской линии?

Прямого ответа на этот вопрос в чингисидском законодательстве не было: вопроса, связанного с наследованием престола ханскими дочерями попросту не возникало, поскольку в этом достаточно многочисленном роду всегда можно было найти более-менее легитимного претендента на трон. Формально, как уже отмечалось, любой потомок Чингис-хана мог претендовать на трон в любом из улусов – именно на этом основании после смерти Абу Саида ильханом был провозглашен Арпа-хан из рода Арик-Буги. Представляется вполне логичным и юридически обоснованным, что после пресечения рода Хулагу на трон Ирана вполне могли претендовать члены других ветвей рода Чингисидов, в частности, представители династии Юань в Китае (являвшиеся ближайшими родственниками ильханов, поскольку обе династии происходили от Тулуя, четвертого сына Чингис-хана), члены правящего рода Чагатайского улуса и, наконец, царевичи из Золотой Орды.

Однако уже в первой трети XIV в. Монгольская империя (формально все еще продолжавшая существовать) не была единым государством (подробнее см.: [Почекаев, 2009*а*, с. 111]), связи между ее отдельными улусами были разрушены, и фактически (подчеркнем – не на законодательном уровне!) закрепился обычай, в соответствии с которым трон в каждом из них занимали представители рода, изначально закрепившегося у

власти в соответствующем чингисидском государстве. Именно поэтому Арпа-хану, не являвшемуся потомком Хулагу, понадобилась дополнительная легитимация власти в форме брака с Сатибек. Однако он очень быстро был разгромлен сторонниками еще одного претендента – ильхана Мусы, который, в свою очередь, недолго пробыл на троне: в течение 1337–1339 гг. ильханами также провозглашались потомки боковых ветвей рода Хулагу – Мухаммад, Джахан-Тимур и Сулейман.

Как видим, Сатибек и Туга-Тимур были вовсе не единственными конкурентами в борьбе за трон ильхана. И хотя в происхождении упомянутых Хулагуидов имелись некоторые сомнения (см. § 3 гл. 9 наст. изд.), явных доказательств их самозванства современникам, по-видимому, найти не удалось, поэтому неслучайно Сатибек была вынуждена уже в 1339 г. сойти с политической сцены. Ее насильно выдали (уже третьим браком) за вышеупомянутого Сулеймана, который формально являлся более законным ильханом, чем она. Больше прав также было у Мусы, Мухаммада, и Джахан-Тимура, что отразилось и на положении Туга-Тимура.

Сведения источников, относящиеся к периоду 1336 – первой половины 1337 г., даже не позволяют сделать вывод, что Туга-Тимур изначально вообще намеревался претендовать на все наследие ильханов.[51] Однако вскоре у него такое намерение появилось. 10 июля 1337 г. сошел с политической сцены ильхан Муса-хан – последний отпрыск дома Хулагуидов по мужской линии, в происхождении которого практически не высказывалось сомнений (с ним Туга-Тимур даже пытался заключить военный союз) [Melville, 1999, p. 57].[52] Единственным претендентом на трон на тот момент оставалась ханша Сатибек, чем и решил воспользоваться потомок Хасара.

После нескольких неудачных попыток договориться с влиятельными иранскими эмирами – сначала Хасаном Кучаком, а затем и Хасаном Бузургом, Туга-Тимур был вынужден отойти со своими войсками обратно в Хорасан и сосредоточиться уже не на завоевании других регионов, а на защите собственных владений [Smith, 1970, p. 101]. Тем не менее некоторые влиятельные политические силы в распадающемся государстве ильханов соглашались признавать его законным монархом, однако отнюдь не по причине его легитимности, а как раз наоборот: слабый и не вполне законный ильхан представлся им наиболее подходящим монархом. В частности, Туга-Тимура признавал ильханом Муизз ад-Дин Хусайн из рода Куртов, правитель Герата (он даже женился на дочери Туга-Тимура, от которой родился его наследник – Гийас ад-Дин Пир-Али), признавали его претензии

на трон и другие хорасанские и мазандеранские эмиры [Ибрагимов, 1988, с. 100; Ibn Battuta, 1855, p. 70] (см. также: [Йазди, 2008, с. 94; Петрушевский, 1956, с. 133]). Несколько сложнее складывались отношения у Туга-Тимура с еще одной политической группировкой, претендовавшей на власть в Хорасане – движением сербедаров, которые, воспользовавшись смутами в Иране, захватили ряд областей и даже стали возводить на трон собственных султанов. Поскольку они действовали именно во владениях Туга-Тимура, он потребовал, чтобы они признали его власть в качестве ильхана и падишаха. Однако духовный лидер сербедаров, Хасан Джури, отвечал ему, что они готовы повиноваться ильхану лишь при условии, что он будет основывать свое правление на мусульманских принципах (а фактически на учении, проповедуемом самим Джури), иначе они будут враждовать с ним [Петрушевский, 1956, с. 132; Холмогоров, 1860, с. 34]. Подобное заявление было простой формальностью, поскольку сербедары изначально видели в монгольских правителях Ирана безбожников, предпочитавших «ненавистную чингисханову ясу» положениям шариата, и даже принятие Хулагуидами ислама не изменило (по мнению сербедарской верхушки) этого положения [Петрушевский, 1956, с. 96, 132].

Туга-Тимур прекрасно понимал истинное положение дел и, надеясь на численное превосходство своих войск (согласно Ибн Баттуте в его распоряжении было до 50 000 воинов, а по сведениям Мирхонда – и все 70 000 [Ибрагимов, 1988, с. 100; Холмогоров, 1860, с. 34]), выступил против сербедаров, однако те, даже оказавшись в меньшинстве, сумели разгромить потомка Хасара и убили в сражении его брата Али, после чего несколько хорасанских удельных правителей признали свой вассалитет от правителя сербедаров – «султана» Ваджих ад-Дина Масуда [Ibn Battuta, 1855, p. 66–67] (см. также: [Петрушевский, 1956, с. 132–133, 136]).[53]

И все-таки поражение не заставило отказаться Туга-Тимура ни от претензий на трон ильхана, ни от попыток подчинить себе сербедаров. В 1344 г. войска Ваджих ад-Дина Масуда выступили против эмиров Мазандерана, продолжавших сохранять верность потомку Хасара, однако были на этот раз разгромлены, а сам «султан» попал в плен к одному из них и был казнен. Несмотря на сокрушительное поражение, государство сербедаров не исчезло, однако преемники Ваджих ад-Дина Масуда в течение длительного времени уже не осмеливались принимать титул султанов и признали власть Туга-Тимура, который, впрочем, довольствовался номинальным сюзеренитетом, официально признав, что все их владения будут сохранены за ними и впредь. Собственных сил у

самозваного ильхана хватало лишь для сохранения контроля над Гурганом [Петрушевский, 1956, с. 143; Петрушевский, 1977, с. 250]. Нет сомнения, что если бы Туга-Тимур принадлежал к роду Хулагу, он мог бы, опираясь на свое происхождение, объединить хорасанских феодалов в борьбе против мятежников, которые даже не принадлежали к аристократии. Однако в глазах знати и сам Туга-Тимур мало отличался от сербедаров, поскольку не будучи Чингисидом претендовал на ильханский трон. Номинально признавать его своим правителем хорасанские аристократы могли себе позволить, но сплотиться вокруг него и выступить против общего врага, победа над которым существенно усилила бы позиции потомка Хасара, – на это они пойти не могли.

В течение ряда лет во главе сербедарского государства стояли опытные полководцы, что и заставляло Туга-Тимура воздерживаться от радикальных действий против них. Однако в 1353 г. решительный и воинственный предводитель сербедаров Шамс ад-Дин Али убит, и на трон вступил не блиставший военными талантами Яхья Керраби, самозваный ильхан предпринял попытку изменить ситуацию. Он пригласил лидеров сербедаров к себе в ставку, чтобы перезаключить с новым правителем мирный договор и обсудить условия вассалитета. В персидской историографической традиции утверждается, что переговоры были лишь поводом, а на самом деле Туга-Тимур намеревался уничтожить всю сербедарскую верхушку, однако на деле все вышло наоборот: во время пира по знаку Яхьи Керраби его соратники напали на Туга-Тимура и его сановников и перебили их всех. С этим событием, имевшим место 16 зулкада 752 г. х. (13 декабря 1353 г.), принято связывать прекращение существования государства ильханов в Иране [Петрушевский, 1956, с. 146–147; Петрушевский, 1977, с. 250] (см. также: [Гумилев, 1992*б*, с. 413]). Весьма символично, что последним ильханом стал не Чингисид, а потомок Хасара, т. е. монарх с сомнительной легитимностью – фактически узурпатор.

Трудно сказать, осмелились бы сербедары на подобное деяние, если бы Туга-Тимур был законным ильханом-Чингисидом. [54] Вполне возможно, что они использовали бы другой способ устранения монарха или заручились бы поддержкой кого-либо из его конкурентов (возможно, поначалу именно с такой целью они вели переговоры с чагатайскими ханами Казаном и Баян-Кули).

Как бы то ни было, несмотря на то что, воспользовавшись растерянностью, наступившей в Мазандеране после смерти Туга-Тимура и его приближенных, сербедары на некоторое время сосредоточили в своих руках контроль над этой областью, вскоре семейство последнего ильхана сумело отвоевать эту область,

фактически превратив ее в наследственное владение. Первым его правителем был эмир Вали, или Вали-бек, – дальний родственник Туга-Тимура, соответственно тоже происходивший из рода Хасара. После гибели самозваного ильхана он оттеснил от власти его сына Лукмана и захватил Мазандеран. Однако он, в отличие от покойного родственника, не претендовал на титул ильхана: в источниках он фигурирует всего лишь как эмир и правитель «вилайета» Мазандеран с центром в Астрабаде. Также характерно, что он не пытался, подобно Туга-Тимуру, подчинить себе сербедаров, а взаимодействовал с ними как с равноправными союзниками [Smith, 1970, p. 153–155]. В первые годы своего правления (1353–1359) он, стремясь сохранить независимость своих владений, признавал сюзеренитет отдаленных правителей-Чингисидов – сначала чагатайского хана Баян-Кули, а после его смерти – золотоордынского хана Джанибека (который и сам умер примерно в одно время с чагатайским правителем). Выгода от такого вассалитета была довольно ощутимой: с одной стороны, эти монархи-Чингисиды считались более законными монархами, чем гератские Курты или иранские Джалаиры, с другой – будучи далеко от Мазандерана, они не могли реально использовать свои права сюзеренов. Лишь после того, как погиб Яхья Керраби, и Вали сумел вернуть под свою власть все владения, утраченные после гибели Туга-Тимура, он перестал нуждаться в сюзеренах [Грачев, 2011, с. 94, 98–99; Grousset, 2000, p. 428]. С 1360 по 1384 г. он правил самостоятельно, противостоя как гератским Куртам, так и усиливающемуся среднеазиатскому завоевателю Амиру Тимуру, в борьбе с которым, однако, потерпел поражение, лишился всех своих владений и погиб [Йазди, 2008, с. 108–113].

Преемниками Вали-бека по воле Амира Тимура стали потомки Туга-Тимура – сначала его сын Лукман, а потом внук Пир (Пирак) – падшах, которые до самой смерти Тимура оставались верными вассалами [Йазди, 2008, с. 153–154], правда, по-видимому, не его самого, а чагатайских ханов, которых Железный Хромец возводил на престол в Самарканде в качестве марионеточных монархов. Надо полагать, подчинение ханам-Чингисидам потомки бывшего ильхана, пусть и самозваного, не считали зазорным. Это подтверждается тем фактом, что вскоре после смерти Тимура, когда его потомки предприняли попытки править без ханов из рода Чингис-хана (даже подставных), Пир-падшах немедленно предпринял попытку выйти из-под их власти. Правда, он потерпел поражение и в 1407 г. был вынужден бежать из своих владений, годом позже предпринял попытку вернуть власть, но потерпел поражение и умер в 1410 г. в изгнании. Его сын Султан-Али, правнук Туга-Тимура, в том же 1410 г., подобно

отцу, попытался отвоевать Мазандеран, но потерпел поражение и погиб в сражении с войсками Тимуридов [Лэн-Пуль, 1996, с. 535–536]. На этом история претензий потомков Хасара на власть в государстве ильханов завершилась. Однако примерно в это же время другая ветвь этого семейства начала борьбу за трон Монгольского ханства, как бы приняв эстафету от своих иранских родственников.

Потомки Хасара и Белгутэя в Монголии в середине XV в. Политическая обстановка в Монголии в середине – второй половине XV в., когда потомки Хасара решили предъявить права на ханский трон, поразительно напоминала ситуацию в Хулагуидском Иране в период его распада. Точно так же в этот период на трон вступали представители самых разных ветвей рода Чингисидов, точно так же за ними стояли влиятельные аристократические кланы, поначалу управлявшие государством через своих ставленников из «золотого рода», а затем посмевшие и сами предъявить права на трон.

В связи с тем что монгольские ханы сначала утратили свои владения в Китае (после изгнания монголов в 1368 г. из Пекина и окончательного поражения в борьбе за китайский трон в 1388 г.), а затем начали междоусобицы между собой, авторитет правящей династии потомков Хубилая – основателя китайской династии Юань оказался существенно подорванным. Подорванным настолько, что в конце XIV – первой половине XV в. на трон стали претендовать потомки Чингис-хана из других ветвей – рода Арик-Буги, брата Хубилая, и даже из рода Угедэя, еще в XIII в. отстраненного от права престолонаследия [Shajrat, 1838, p. 220] (см. также: [Honda, 1958, p. 238–248; Почекаев, 2013*a*, с. 90–92]).

Весьма скудно и вместе с тем противоречиво освещена политическая история Монгольского ханства конца XIV – первой трети XV в.: сведения китайских источников (в первую очередь официальной династийной истории «Мин ши»), среднеазиатских исторических сочинений и позднесредневековых монгольских летописей зачастую противоречат друг другу. Разительно отличаются описания событий приблизительно с 1412–1415 гг., когда погиб хан Дэлбэг из рода Арик-Буги, до 1423–1426 гг., когда практически одновременно вступили на трон соперники – Адай-хан, потомок Угедэя (при поддержке могущественного временщика Аруктая-тайши)[55] и Дайсунг-хан из рода Хубилая (при поддержке ойратского предводителя Тогона-тайши). По одним сведениям трон в этот промежуток времени занимал Ойрадтай, сын Дэлбэга,[56] по другим – Эсэху, сын ойратского предводителя Угэчи-Хашига, самовольно провозгласивший себя ханом [Золотое сказание, 2005, с. 42, 253 (примеч. 71); Лубсан

Данзан, 1973, с. 259]. Некоторые исследователи, опираясь на сведения «Мин ши», утверждают даже, что Аруктай вновь возвел на трон хана Баньяшили, который на самом деле был убит еще в 1412 г.![57]

Между тем на основании сведений китайских источников можно сделать вывод, что именно в это время потомки Хасара вступили в борьбу за трон Монголии. Вероятно, они надеялись, что в изменившихся условиях их статус царевичей, близких к роду Чингис-хана, позволит им на равных участвовать в борьбе за власть с самими Чингисидами, чей авторитет в силу утраты китайских владений и постоянных междоусобиц существенно снизился. По сведениям «Записок о монгольских кочевьях» («Мэн-гу-ю-му-цзи», составлены китайскими учеными Чжан-му и Хэ-цютао ок. 1867 г.), приблизительно в 1425 г. вышеупомянутый Аруктай-тайши был разбит ойратами, и

> повелитель его Куймэнгэ-тасхара из фамилии Борцзигита, потомок в 14-м поколении брата основателя Юаньской династии (Чингис-хана), Хабуту-хасара, бежал на р. Нон, где приютился у Урянха [Мэн-гу-ю-му-цзи, 1895, с. 1] (см. также: [Грумм-Гржимайло, 1926, с. 581]).

Этот таинственный «Куймэнгэ-тасхара» – не кто иной, как Хуй-Мункэ, действительно являвшийся потомком Джучи-Хасара (откуда, вероятно, и странная часть его имени «тасхара») в 14-м поколении: он фигурирует в официальной родословной монгольских князей «Илэтхэл шастир», составленной в XVIII в. по повелению китайских властей [Успенский, 1987, с. 149; Илтгэл шастир, 2007, т. 138].[58] Не он ли на самом деле являлся обладателем ханского трона в Монголии в период с 1415 по 1423 (1426) гг.?

Однако это всего лишь предположение, базирующееся, к тому же, на сообщении достаточно позднего источника. Более подробные и достоверные сведения об активизации потомства братьев Чингис-хана в борьбе за монгольский трон относятся к эпохе династического кризиса середины XV в. Кульминации этот кризис достиг в 1450-е годы, а в результате междоусобиц к 1470 г. правящий род монгольских Чингисидов оказался практически истреблен.

Неудивительно, что потомки Хасара активно включились в борьбу за власть. Однако не только они считали себя законными кандидатами на трон: даже потомки Белгутэя, сводного брата Чингис-хана и Хасара, по-видимому, подумывали о предъявлении аналогичных претензий. В частности, монгольские позднесредневековые летописи сообщают, что около 1453 г.,

после смерти Махагэргэс-хана (из рода Хубилая) трон был предложен Махулихай-онгу,[59] потомку Белгутэя и предводителю «великого народа» онгнигудов, однако он отказался, продемонстрировав следование принципу наследования трона только Чингисидами: «Я ведь не потомок моего хана-владыки! Не пристало ни мне, ни моим потомкам [быть ханами]» [Золотое сказание, 2005, с. 49; Лубсан Данзан, 1973, с. 271] или, по сообщению другого источника: «Разве нет у хана потомства? Это не пристало ни мне, ни моему потомству» [Золотое сказание, 2005, с. 49]. Он возвел на трон Молон-хана – сводного младшего брата Махагэргэс-хана. Впрочем, девять лет спустя, в 1462 г., в результате придворных интриг отношения между ними испортились, и Махулихай-онг убил своего бывшего протеже, причем по довольно странному поводу: в отместку за то, что Чингис-хан в детстве убил своего сводного брата Бектера – родного брата Белгутэя [Золотое сказание, 2005, с. 50; Лубсан Данзан, 1973, с. 272] (см. также: [Владимирцов, 2002*а*, с. 289–290])! Летописи ничего не говорят о том, что Махулихай предъявил претензии на ханский титул, однако тот факт, что почти два года после смерти Молон-хана трон пустовал, а новый хан вступил на трон лишь после разгрома и бегства Махулихая, наводит на мысль, что у него могли быть такие намерения. Вполне вероятно, что фактическое пресечение прямой линии ханского рода (в живых оставалось лишь несколько членов этого рода по боковой линии) заставило Махулихай-онга отступить от им же озвученного принципа престолонаследования и подумать о собственном воцарении.

Однако некоторое время после расправы с Молон-ханом онга постигло возмездие: Унэ-Болод (Нойан-Болод), потомок Хасара, выступил против Махулихая. Свое выступление он также обосновал местью: поскольку у Молон-хана не осталось потомства, он, как потомок ближайшего родственника Чингисидов, решил отомстить за его гибель потомку Белгутэя. В бою погибли семеро младших братьев Махулихай-онга, а сам он бежал и вскоре умер. Согласно сообщению «Алтан Тобчи», после сражения Унэ-Болоду достался «стальной шлем с накладным золотом и прорезями, взятый еще раньше у Молон-хана» [Лубсан Данзан, 1973, с. 273]: обладание одним из символов ханской власти также позволяет предполагать наличие у Махулихай-онга узурпаторских намерений.

Унэ-Болод поначалу демонстрировал лояльность роду Чингисидов, даже его победа над Махулихаем послужила основанием для монгольской поговорки о том, что «потомок Хасара оказал услугу потомку хагана» [Лубсан Данзан, 1973, с.

274] (ср.: [Золотое сказание, 2005, с. 51]). В подтверждение этой лояльности он объединился с претендентом на трон Мандугулом, дядей покойного Молон-хана, и вместе с ним разгромил и убил Догулан-тайджи, потомка Хачиуна (еще одного брата Чингис-хана), умертвившего в свое время Махагэргэс-хана [Джамбадорджи, 2005, с. 97; Шара Туджи, 1957, с. 147].

Однако затем скончался Мандугул-хан, а вскоре был убит и его преемник Болху-джинонг, приходившийся хану внучатым племянником. На троне в качестве регентши оказалась Мандухай-хатун – вдова Мандугула, которая распорядилась доставить в свою ставку маленького (ему было шесть или семь лет) Бату-Мунке, который был объявлен сыном Болху-джинонга, якобы отданным в целях безопасности некоему Балагчин-Багаю на воспитание.

Претензии на трон ребенка, да еще и с сомнительным происхождением выглядели очень проблематичными. Поэтому влиятельный и находившийся в то время на пике популярности Унэ-Болод обратился к Мандухай-хатун: «Буду зажигать твой огонь, буду управлять твоим кочевьем». Свои претензии на верховную власть он озвучил, еще когда выступил против Махулихай-онга: «Хотя у нашего хагана и нет потомства, но я-то потомок Хасара» [Лубсан Данзан, 1973, с. 273] (см. также: [Алтан-Тобчи, 1858, с. 176]; ср.: [Золотое сказание, 2005, с. 51]), т. е. заявил, что именно он является ближайшим родственником ханского рода. Кроме того, он имел основания надеяться, что ханша примет его предложение, поскольку, по некоторым сведениям, между ним и Мандухай существовали любовные отношения [Золотое сказание, 2005, с. 254 (примеч. 89)]. Таким образом, потомок Хасара намеревался «убить двух зайцев» – узаконить свои отношения с любимой женщиной и через этот брак приобрести законное право на ханский трон [Владимирцов, 2002*б*, с. 446 (примеч. 189)].

Однако Мандухай, уже побывавшая замужем за ханом-Чингисидом, проявила неожиданную строптивость, ответив претенденту:

> Разве ты, потомок Хасара, хочешь проглотить удел моего хагана? Разве мы хотим проглотить твой [удел]? Не смогу поднять двери [в твоей ставке], не смогу перешагнуть порог [в твоей ставке]. До тех пор, пока существует потомок моего хагана, я к тебе не пойду.

Вместе с тем она, по-видимому, не решилась окончательно отказаться от мысли выйти замуж за Унэ-Болода и решила посоветоваться со своими сановниками. Один из них, Сатай

Догуланг из племени алагчугут, настоятельно советовал ей принять предложение онга. Однако ее брат Джига и Мэнду-орлук из племени горлос придерживались прямо противоположного мнения:

Если пойдешь за потомка Хасара,
Поведешь ты себя по плохому пути,
Лишишься всего своего народа,
Потеряешь [почетное] имя «хатун».
Если пойдешь за потомка хагана, —
Под защитой Неба-владыки ты будешь,
Править станешь всем своим народом,
Прославишь [почетное] имя «хатун».
Если пойдешь за ребенка,
Поведешь ты себя по светлому пути,
Править станешь тумэнами чахаров
И безмерно прославишь свое имя

[Лубсан Данзан, 1973, с. 278].

Как видим, в споре относительно брака Мандухай-хатун с Унэ-Болодом и, соответственно, относительно претензий последнего на ханскую власть, столкнулись две группировки: одна из них, представленная Сатаем, исходила из реальной политической ситуации, признавая, что потомок Хасара является влиятельным родоплеменным вождем и может восстановить порядок в стране, сотрясаемой междоусобицами. Его противники стойко придерживались чингисидского принципа о том, что пока жив хотя бы один потомок Чингис-хана, его дальние родственники не имеют права на трон. Вряд ли стоит идеализировать Джигу и Мэнду-орлука: скорее всего, они рассчитывали, что при малолетнем хане-Чингисиде и ханше-регентше вся полнота власти окажется в их руках – на что не приходилось рассчитывать в случае вступления на трон властного, решительного и влиятельного Унэ-Болода. Тем не менее именно их слова убедили Мандухай.

Вместе с тем ханша понимала, что ее отказ от предложения потомка Хасара, даже при поддержке родственников и части знати, может быть проигнорирован Унэ-Болодом, который мог и с помощью военной силы добиться желаемого – взять ее в жены, а затем провести курултай и, объявив, что Бату-Мунке слишком мал,[60] провозгласить себя ханом. Поэтому она в спешном порядке, но с соблюдением всех необходимых процедур, возвела на трон Бату-Мунке под именем Даян-хана, а также решила

обратиться с молитвой к Эши-хатун (божественному воплощению Алан-Гоа – праматери рода Борджигинов), прося ее благословить ее брак с малолетним ханом, даровав им многочисленное потомство. По возвращении из святилища, она объявила, что благословение получено [Золотое сказание, 2005, с. 54; Лубсан Данзан, 1973, с. 278–279]. В результате, если бы Унэ-Болод продолжил выказывать претензии на трон и руку ханши, его действия были бы сочтены не только нарушением чингисидского принципа престолонаследия, но и вызовом божественной воле. Неудивительно, что потомок Хасара решил не рисковать и «оставил свои прежние намерения» [Золотое сказание, 2005, с. 54; Лубсан Данзан, 1973, с. 280]. Впрочем, есть основания полагать, что не только благочестие остановило Унэ-Болода, но и решение ханши, ставшее своеобразным компромиссом: по некоторым сведениям, Мандухай пообещала потомку Хасара, что если с малолетним ханом что-то случится, то именно он, Унэ-Болод-онг, станет следующим претендентом на ее руку и на ханский трон (см.: [Weatherford, 2010, p. 249–250]). Как бы то ни было, Унэ-Болод отказался от претензий на ханский титул, не став, таким образом, очередным узурпатором, хотя и находился в шаге от вожделенного трона.

Как известно из источников, брак Мандухай и Даян-хана оказался весьма удачным и несмотря на значительную разницу в возрасте (ханша была намного старше супруга) еще и плодовитым: в нем родились семеро сыновей и дочь. А поскольку у Даян-хана были дети и от других жен, то общее число его наследников достигло одиннадцати, и династический кризис Монгольскому ханству больше не грозил, поэтому обещание, данное Мандухай-хатун Унэ-Болоду, не пришлось исполнять. В связи с этим позднейшие монгольские историки довольно высоко оценили решение Мандухай-хатун. Например, автор XVIII в. Рашипунцуг писал, что «если бы матушка Сайн-Мандухай была сладострастной и испытывала вожделение, она бы, наверное, пошла к желавшему и звавшему ее молодому Ноёнболоду», но она предпочла интересы государства и «то, что сделала Мандухай-Сайн-хатун, я считаю достойным всяческой похвалы» [Монгольские источники, 1986, с. 73; Цендина, 2007, с. 230].

Таким образом, потомкам Хасара, как и Белгутэя, во второй половине XV в. не удалось занять ханский трон. Однако их роль и значение продолжали возрастать в политической жизни Монгольского ханства, с чем не могли не считаться даже ханы-Чингисиды. В «Восемнадцати степных законах», составленных на рубеже XVI–XVII вв., все Борджигины, т. е. потомки и Чингис-хана, и его братьев упоминаются как единое привилегированное

сословие, и нет никаких нормативных положений, которые выделяли бы прямых Чингисидов среди остальных Борджигинов (см.: [Восемнадцать, 2002, с. 40, 53, 54, 59]). Это позволило потомкам братьев Чингис-хана в XVII в. вновь вспомнить о претензиях на ханскую власть, правда политическая ситуация изменилась настолько, что и масштабы претензий, и факторы легитимации власти претерпели достаточно существенные изменения (см. гл. 6 наст. изд.).

Безусловно, претензии потомков рода Борджигин на ханский титул и верховную власть в чингисидских государствах в ущерб членам «золотого рода» воспринимались сторонниками легитимных монархов как попытки узурпации, несмотря на те благовидные поводы и предлоги, которые выдвигали потомки братьев Чингис-хана в попытке достичь трона [Владимирцов, 2002*б*, с. 439]. Однако впоследствии сторонники Борджигинов предприняли попытку post factum «реабилитировать», в частности, потомков Хасара, представив их достойными верховной власти – если не в силу династических прав и личных качеств, то по крайней мере за заслуги их родоначальника.

В позднесредневековой Монголии, особенно в тех областях, где наследственными правителями являлись потомки Хасара, сложился своеобразный культ почитания памяти этого брата Чингис-хана, воспевания его заслуг. Эта тенденция нашла отражение как в народном творчестве, так и в официальной историографической традиции. Сохранились средневековые монгольские предания о Чингис-хане, в которых его брат Хасар представлен могучим воином и метким стрелком из лука. Он поддерживает брата с самых ранних лет, сопровождает его в походах, воюет с колдунами, пытающимися причинить зло Чингис-хану; в частности, в походе на Китай Чингис-хан одерживает победу над огромным китайским войском при помощи одного лишь Хасара и двух собак! Однако неблагодарный хан то и дело несправедливо обвиняет младшего брата в разного рода грехах (покушении на свою власть, соблазнении своей дочери и т. п.) и подвергает длительному заточению [Беннигсен, 1912, с. 107–110] (см. также: [Цендина, 2007, с. 65–66, 212]).

Несомненно, в этих преданиях далеко не все было вымыслом: если роль Хасара в военных предприятиях Чингис-хана преувеличена, то подозрения в его адрес со стороны хана зафиксированы и в исторических сочинениях. Так, в «Сокровенном сказании» упоминается о том, что Чингис-хан, поверив наговорам влиятельного шамана Тэб-Тэнгри о намерениях Хасара отнять у него трон, приказал арестовать брата [Козин, 1941, с. 176; Кычанов, 1973, с. 96–97] (см. также:

[Цендина, 1998, с. 30]). Сюжет же о дочери Чингис-хана, забеременевшей неизвестно от кого и на вопрос отца об отце ребенка ответившей, что она якобы «только один раз, да и то издали видела своего дядю Хавот-Хасара» [Беннигсен, 1912, с. 107], несмотря на явную фольклорность, также имеет историческую основу: в исторической традиции Хасару приписывают попытки ухаживать либо за старшей женой Чингис-хана, Борте, либо за младшей, Хулан [Золотое сказание, 2005, с. 32; Цендина, 2007, с. 172; Weatherford, 2010, p. 212] (см. также: [Почекаев, Почекаева, 2012, с. 23]). Тем не менее в народной памяти все обвинения Чингис-хана в адрес младшего брата сохранились как несправедливые, а его военные подвиги воспеты даже в ущерб славе самого создателя Монгольской империи [Цендина, 2007, с. 58–59].

Позднее подобные легенды были учтены монгольскими историками, целью которых было улучшить мнение о Хасаре (а следовательно – и его потомках) в памяти монголов. Неудивительно, что даже в ряде сочинений, авторы которых не принадлежали к сторонникам рода Хасара, неоднократно проводится мысль о том, что между Чингис-ханом и Хасаром существовали некие разногласия, но, благодаря заслугам потомков последнего, их следует забыть [Золотое сказание, 2005, с. 38, 51; Лубсан Данзан, 1973, с. 253, 274, 377 (примеч. 46), 381 (примеч. 49)] (см. также: [Weatherford, 2010, p. 212]). Некоторые же исторические сочинения напрямую преследуют цель возвеличить Хасара и его политическое значение. Так, в Уратском хошуне Монголии, правители которого являлись (или считались) потомками Хасара, сформировалась особая летописная традиция, согласно которой роль Хасара в создании Монгольской империи характеризовалась как весьма значительная, если не основополагающая. В рамках этой традиции ок. 1765 г. появилась летопись «Алтан Тобчи» («Золотое сказание»), автором которой является выдающийся буддийский деятель Мэргэн-гэгэн Лубсандамбиджалцан (подробнее см.: [Аюшеева, 2006; Цендина, 2007, с. 12, 25]), сам принадлежащий к княжескому роду этого хошуна, а в 1825 г. да-лама (настоятель монастыря) Джамбадоржи по заданию хошунного князя составил летопись «Болор толи» («Хрустальное зеркало»).

По утверждению авторов этих сочинений, Хасар не только участвовал вместе со старшим братом в основных событиях, связанных с созданием Монгольской империи, но и проявлял себя в них куда более активно, чем Чингис-хан, иногда как бы «дублируя» брата (совершая вместе с ним действия, обычно приписывамые самому Чингис-хану), иногда «замещая» его в тех

или иных исторических событиях [Цендина, 2007, с. 58–64]. Именно Хасару приписываются заслуги в разгроме кераитского Ван-хана в 1203 г., а затем и найманского Таян-хана в 1204 г., победе над тангутами и т. д. При ознакомлении с этими сочинениями поневоле возникает мысль, что именно Хасар, а не Чингис-хан, являлся подлинным создателем Монгольской империи [Цендина, 1998, с. 32–34; 2007, с. 58, 80]! Хасар, подобно Чингис-хану или его младшему сыну Тулую (от которого, как мы помним, происходили ханы монгольских аймаков, сохранявшие власть до 1924 г.), в некоторых восточно-монгольских областях упоминался с титулом «эцзен», т. е. «владыка», а в сочинении Джамбадоржи даже с титулом «богдо», который в монгольской историографии вообще применяется только к самому Чингис-хану [Лубсан Данзан, 1973, с. 377 (примеч. 46); Цендина, 2007, с. 64].

На наш взгляд, это историографическое явление стало своеобразной попыткой реабилитировать потомков Хасара, пытавшихся незаконно претендовать на ханский титул и избавить от ответственности (или по меньшей мере осуждения в памяти потомков) последующие поколения этого семейства за попытки узурпации трона, предпринятые их предками. Полагаем, что если бы потомки Хасара не предпринимали попыток узурпации ханской власти, такой ревностной апологии их предка не понадобилось бы.

§ 2. Борьба за власть Чингисидов по женской линии

Джалаиры в Иране. В распадавшемся государстве ильханов в Иране родством с Чингис-ханом воспользовались представители влиятельного рода Джалаиров, которые в течение 1335–1339 гг. боролись за власть, возводя на трон марионеточных ханов-Чингисидов. Надо полагать, что к 740 г. х. (1339/1340 г.) Шайх Хасан Бузург, предводитель Джалаиров, счел, что никто из представителей «золотого рода» не обладает достаточно сильной легитимностью – в силу либо сомнительности происхождения (как ильханы Муса, Сулейман и Джахан-Тимур), либо вообще не являясь потомками Чингис-хана по мужской линии (как Сатибек или Туга-Тимур) и, свергнув собственного ставленника Джахан-Тимура, захватил власть [Фасих, 1980, с. 66].[61]

В последующей историографической традиции происхождение Джалаиров иногда выводилось от Чингис-хана [Марков, 1897, с. I]. Однако историки либо сознательно фальсифицировали генеалогию этого семейства, либо просто не знали, что на самом деле Джалаиры являлись родственниками

«золотого рода» лишь по женской линии. Хусайн-гурган, отец Хасана Бузурга, как следует из его титула, являлся ханским зятем (был женат на Олджетей-хатун, дочери ильхана Аргуна, которую «унаследовал» от собственного отца), сам же Хасан Бузург женился на Дильшад-хатун, правнучке еще одного ильхана – Гайхату [Ахари, 1984, с. 133; Рашид ад-Дин, 1946, с. 113; Wing, 2007, p. 115, 119, 136]. Таким образом, он имел некоторое отношение к династии Хулагуидов и решил использовать это обстоятельство в борьбе за трон.

Судя по данным нумизматики, уже сам Хасан Бузург претендовал на ханский титул [Марков, 1897, с. LII–LV], о его претензиях «на ильханство» упоминает и автор «Муизз ал-ансаб» [Муизз, 2006, с. 82]. Но если основатель династии еще не чувствовал себя настолько надежно, что апеллировал также к поддержке египетского султана ан-Насира (от имени которого поначалу даже чеканил монету), то уже его сын и преемник Султан-Увайс (от Дильшад-хатун) именовал себя не только ханом, но и «султаном верховным» – как и последующие Джалаиры. Даже в своем монетном чекане они заимствовали монетную формулу ильханов-Хулагуидов – своих предшественников и родичей [Марков, 1897, с. XLIV, LIV–LV]. Для многих представителей династии был также характерен эпитет «бахадур-хан», которым широко пользовались Хулагуиды и другие чингисидские династии (см., напр.: [Савельев, 1865, с. 260]).[62]

Претендуя на кровное родство с Чингисидами, Джалаиры выступили и продолжателями их политико-правовых традиций. В Иране в период их господства продолжал действовать правопорядок, установленный Чингис-ханом и известный под названием «яса»: в хрониках упоминается, что преступников и изменников потомки Хасана Бузурга «предавали йасе» – точно так же как и их предшественники Хулагуиды. Аналогичным образом они сохранили и административную систему ильханов, продолжая назначать даругачи – наместников областей, взимать налоги в соответствии с ранее существовавшей системой и т. д. [Хафиз Абру, 2011, с. 230–231].

Тем не менее с точки зрения приверженцев чингисидской традиции, Джалаиры были узурпаторами, соответственно, борьба с ними в интересах свергнутой ими чингисидской династии являлась законной и необходимой. Поэтому когда Амир Тимур (Тамерлан) в середине 1380-х годов начал войну с султаном Ахмадом Джалаиром – фактически из-за нападений последнего на границы его владений – формальным поводом послужил отказ иранского владетеля признать зависимость от Амира Тимура и, соответственно, его хана-Чингисида Суюргатмыша и чеканить

монету от их имени [Йазди, 2008, с. 112, 170] (см. также: [Нагель, 1997, с. 258]). Впрочем, хотя Амиру Тимуру и удалось добиться успехов в борьбе с Джалаирами и заставить султана Ахмада спасаться бегством, после смерти Амира Тимура последний вернул власть, и его потомки продолжали царствовать до 1431 г., потерпев поражение и погибнув в борьбе с туркменским государством Кара-Коюнлу, которое даже не претендовало на чингисидское наследство [Марков, 1897, с. XLV–XLVI].

Тимуриды в Средней Азии. А вот пример самого Амира Тимура и в особенности его наследников в борьбе за верховную власть над чингисидским наследием в Центральной Азии представляется куда более интересным и сложным, чем у Джалаиров, поскольку сочетает в себе сразу несколько факторов легитимации власти. Впрочем, главным среди них все же считалось именно родство с чингисидской династией и преемство от нее традиций – причем, подобно Джалаирам, не только в кровно-родственном, но и политико-правовом смысле.

Сам Амир Тимур, как известно, не претендовал на верховную власть, довольствуясь статусом гургана и «скромным» титулом амир ал-умара, т. е. фактически первого министра и временщика при возводимых им на трон марионеточных ханах из дома Чингисидов, тем самым не давая поводов упрекнуть себя в нелегитимном правлении (см., напр.: [Soucek, 2003, p. 125]).[63] Тем не менее он всячески старался укрепить связи своего семейства с потомством Чингис-хана, поскольку и сам брал в жены чингисидских царевен, и женил на них своих многочисленных сыновей и внуков. В результате впоследствии многие из них либо добавляли к своим именам почетное прозвище «гурган», т. е. зять ханского рода, либо даже прямо ссылались на родство с Чингисидами – пусть и по женской линии.

Вместе с тем во второй половине XV в., когда господство Тимуридов в Мавераннахре уже стало неоспоримым, они стали опираться еще на одну линию родства с домом Чингис-хана. В сочинении Хондемира, официального придворного историка поздних Тимуридов, происхождение их родного племени барлас выводится от Кажулай-багатура, который, согласно монгольским хроникам, являлся младшим братом Хабула – первого монгольского хана монголов, родного прадеда Чингис-хана. Таким образом, не являясь Чингисидами, потомки Тимура подчеркивали сравнительно близкое родство с ними, причем по мужской линии, а не женской. Несомненно, в условиях, когда представители многих аристократических родов Центральной Азии роднились с потомками Чингис-хана путем заключения браков, и их дети, соответственно, могли иметь толику крови

«золотого рода», близкое родство Тимуридов с ханской династией по мужской линии было призвано усилить их право на трон. Не ограничиваясь только констатацией этого родства, тимуридские историки также создали легенду о том, что между братьями Хабулом и Кажулаем якобы был заключен договор, согласно которому они становились соправителями: старший – ханом, младший – верховным военачальником [Григорьев, 1834, с. 12; Скрынникова, 2013, с. 217–218]. Безусловно, в данном случае мы имеем дело с «удревнением» традиции фактического соправительства Тимура (а затем и его потомков) с ханами-Чингисидами, которая, «как выясняется», являлась реализацией давно заключенного соглашения между их родоначальниками. Однако подобная схема соправительства отнюдь не была изобретением тимуридских идеологов – напротив, они добились определенного доверия к ней именно за счет того, что она неоднократно практиковалась в самых различных государствах Азии. Так, она имеет явное сходство с соправительством в Хазарском каганате (сакральный правитель каган и главный военачальник бек, или шад) [Артамонов, 1962, с. 276, 281; Golden, 2007, p. 178, 183, 186] или Японии (император тэнно и фактический верховный правитель сёгун) (см., напр.: [Еремин, 2010, с. 96–97]). Более того, подобное соправительство наблюдается и в чингисидских государствах: например, согласно персидскому историку Вассафу, при золотоордынском правителе Бату верховное командование войсками принадлежало его старшему брату Орду [СМИЗО, 1941, с. 84–85] (см. также: [Почекаев, 2006, с. 56]).

Таким образом, легенда, сформулированная Хондемиром, не выглядит искусственной. Вместе с тем ни в одном более раннем источнике о соправительстве Хабула и Кажулая нет ни слова, что дает повод усомниться, во-первых, в его истинности, во-вторых, в том, что его использовал для легитимации своей власти сам Тимур. Прежде всего, как уже отмечалось, он лично не стремился занять трон и до конца своего длительного фактического правления во всех своих указах (и даже на монетах со своим именем [Савельев, 1865, с. 159–162]) ссылался на волю подставных ханов-Чингисидов. Однако имеются убедительные основания полагать, что он намеревался официально закрепить ханскую власть за своим родом: во-первых, после смерти второго своего ставленника Султан-Махмуд-хана он не возводил на трон нового Чингисида, а после смерти Тимура его родной правнук Мухаммад-Джахангир при поддержке собственного дяди Халил-Султана (соответственно, внука Тимура) был провозглашен ханом Мавераннахра [Давидович, 1995, с. 140; Султанов, 2001, с. 98–99;

Manz,

2007, p. 20]. Однако и в этом случае Тимур и его потомки делали ставку не на происхождение от близкого родича Чингис-хана, а именно на родство с Чингисидами по женской линии: Мухаммад-Султан-мирза, отец Мухаммад-Джахангира, был сыном внучки золотоордынского хана Узбека и, кроме того, был сам женат на внучке чагатайского хана Баян-Кули (которая, правда, не была матерью самого Мухаммад-Джахангира) [Муизз, 2006, с. 133–135]. Поэтому Тимур строго сохранял старинные тюрко-монгольские политические и правовые институты, используемые Чингисидами, даже если это шло вразрез с нормами ислама и мусульманского права, поборником которого он себя считал (подробнее см.: [Бартольд, 2002*а*, с. 171; Subtelny, 2007, p. 15–28]).

Родство по мужской линии оказалось востребованным уже после того, как Мухаммад-Джахангир вместе со своим «лордом-протектором» Халил-Султаном были свергнуты Шахрухом – младшим сыном Тимура, к середине 1410-х годов сосредоточившим в своих руках власть над всей империей Тимуридов [Manz, 2007, p. 25–26]. Шахрух не происходил от чингисидской царевны, не был и сам женат на представительнице «золотого рода», соответственно, не имел даже малейших прав на верховную власть. Тем не менее он провозгласил себя бахадур-ханом и даже хаканом, т. е. «ханом ханов» [МИКК, 1973, с. 173], [64] что заставило его искать дополнительные основания для легитимации своих действий. Шахрух около полувека правил в Хорасане, а ведущим представителем именно хорасанской (гератской) исторической школы был Хондемир, так что, скорее всего, мы не ошибемся в том, что он в рассказе о Хабуле и Кажулае изложил концепцию легитимации власти рода барлас, сформулированную либо Шахрухом, либо для него и впоследствии востребованную его преемниками.

Вместе с тем интересно отметить, что, выдвигая претензии на ханскую власть и даже подводя под них определенную идеологию, Шахрух, всегда отличавшийся большой осторожностью, благоразумно подготовил и «путь отступления», если бы его претензии вызвали слишком активное противодействие со стороны Чингисидов из соседних государств. Вероятно, именно поэтому его старший сын Улугбек, назначенный правителем Самарканда (формально продолжавшего оставаться столицей Тимуридской державы), в течение всего своего сорокалетнего правления сохранял практику возведения на трон марионеточных ханов-Чингисидов – сначала Сатук-хана из рода могулистанских Чагатаидов (Тоглук-

Тимуридов), затем – своего шурина Султан-Али, сына Султан-Махмуда, второго ставленника Тимура, т. е. потомка Угедэя (подробнее см.: [Почекаев, 2013*а*, с. 89]). А поскольку сам Улугбек был женат на сестре Султан-Али-хана, то, как гурган, имел основание претендовать на статус его фактического соправителя в качестве амир ал-умара.

Шахрух прожил 70 лет, из них 50 он провел на троне Хорасана, около 40 – во главе всей державы Тимуридов и умер собственной смертью. Несмотря на то что практически в течение всего правления он был вынужден бороться за власть с многочисленными родственниками, включая (в последние годы жизни) родных внуков, борьба эта шла, как правило, за отдельные владения, тогда как на его верховенство, как старейшего представителя рода, не посягал ни один потомок Тимура. В силу этого он продолжал претендовать на «хаканский» титул, поскольку был достаточно могуществен, чтобы кто-то из Чингисидов, правивших в соседних государствах, позволил себе выразить открытое недовольство его претензиями и подкрепить его военной силой. Тем не менее в течение всего правления Шахруха и еще несколько лет после его смерти Улугбек и его преемники до начала 1450-х годов продолжали возводить на трон в Самарканде подставных ханов из рода Чингис-хана, чтобы иметь формальную возможность противостоять соседним Чингисидам на законном основании, противопоставляя одного представителя «золотого рода» другому.

Эта практика была прекращена лишь при Абу Саиде – потомке Мираншаха, другого сына Амира Тимура, пришедшем к власти в Самарканде в 1451 г., а на рубеже 1450–1460-х годов, подобно Шахруху, сосредоточившем в своих руках власть над всей империей Тимуридов – Мавераннахром, Хорасаном, Ферганой и проч. Так же как Тимур и Улугбек, Абу Саид являлся гурганом, т. е. был женат на представительнице ханского рода, и в качестве такового мог претендовать на фактическую верховную власть в государстве при номинальном хане из «золотого рода». Однако он учел существенное изменение политической ситуации и пришел к выводу, что в новых условиях принадлежность к Чингисидам уже не является единственным и обязательным условием легитимности власти. Поэтому он отказался от подставных ханов, объявив себя не только фактически, но и официально главой державы Тимуридов, т. е. бывшего Чагатайского улуса, и потребовав от соседних государей из рода Чингис-хана признать его равным себе по статусу.

Его политическое кредо довольно четко изложено в словах, приведенных (или приписанных Абу Саиду) кашгарским

историком Мухаммад-Хайдаром Дуглатом, который сам являлся близким родственником семейством Абу Саида (его мать и мать Бабура, внука Абу Саида, были родными сестрами). Как он пишет, Абу Саид заявил Чингисиду Юнус-хану, правителю Могулистана, на чьей дочери он был женат:

> В начале выступления Амира Тимура эмиры не повиновались ему должным образом. А если бы он приказал их всех уничтожить, то это нанесло бы урон его собственным силам. Эмиры сказали ему: «Надо назначить хана, чтобы мы ему повиновались». Тогда Амир Тимур возвел на ханство Суйургатмиш хана, и эмиры выразили хану свою покорность. Амир Тимур держал хана под надзором, тюркские указы (фирманы) и тугра были от имени хана. Когда [Суйургатмиш] умер, вместо него назначили его сына – Султан Махмуд хана. После Амира Тимура до времени Мирзы Улугбека этот порядок соблюдался. Однако от ханства у [подставного хана] ничего не было, кроме имени [хан]. В конце своей жизни [этот подставной] хан в основном пребывал в Самарканде. А теперь, когда очередь царствования дошла до меня, моя независимость достигла такого предела, что я не нуждаюсь ни в каком хане. Сейчас я вытащил Вас из платья бедности, надел на Вас царский халат и отправляю Вас в Ваш родной юрт. Условия мои таковы: отныне, чтобы Вы в противоположность предшественникам и прежним хаканам не делали такого заявления, как они, что, мол, «Мир Тимур и потомки Мир Тимура из рода в род – наши наукары». Если прежде было так, то теперь не так. Теперь я самостоятельный государь, и другие считают себя моими наукарами. Теперь следует, чтобы Вы из понятия «дружба» исключили бы слова «слуга» и «господин» и, подобно прежним ханам, не писали бы: «Тимуридским мирзам», а соблюдали бы дружественную переписку. Впредь от сына к сыну этот порядок пусть будет соблюден [Мирза Хайдар, 1996, с. 107].

Как видим, сам Абу Саид даже не пытался обосновать свои права на верховную власть связью с Чингисидами – хотя бы через отдаленное родство. Справедливости ради, впрочем, следует отметить, что он и не претендовал на ханский титул: и он сам, и его сыновья и внуки в Самарканде, Бухаре, Бадахшане и Фергане довольствовались титулом мирзы («эмир-заде», т. е. сын эмира, князя). Аналогичным образом не пытались присваивать ханский

титул и его более дальние родственники – правитель Герата Хусайн Байкара и его потомки, происходившие от Омар-Шейха, еще одного сына Амира Тимура. Формально властвуя в бывшем Чагатайском улусе, фактически они правили уже в новом политическом образовании – империи Тимуридов, которая, несмотря на многочисленные заимствования из чингисидской политико-правовой традиции, все же была государством уже иного, нового типа, не признававшим никакой зависимости от другого иностранного государства. Более того, время от времени на службе у Тимуридов появлялись даже «казаки»-Чингисиды, безземельные представители «золотого рода», служившие военачальниками у потомков Амира Тимура в обмен на земельные владения, денежное содержание и т. п.: как видим, уже сами потомки Чингис-хана становились официально вассалами бывших «нукеров» чагатайских ханов! В частности, такими «казаками» были Мухаммад Шайбани, одно время состоявший на службе у самаркандского правителя Султан-Ахмад-мирзы, сына Абу Саида, его родственники Хамза-султан и Махди-султан – на службе у бадахшанского Султан-Махмуд-мирзы, брата Султан-Ахмада и др. [Бабур, 1992, с. 59–64; МИКХ, 1969, с. 26–27].

Попытку повысить свой статус путем принятия более высокого титула предпринял Захир ад-Дин Мухаммад Бабур, внук Абу Саида, изначально правивший в Фергане, но неоднократно претендовавший и на другие владения Тимуридов. Следуя принципу своего деда, он не только рассматривал правителей из числа потомков Чингис-хана как равных себе, но и не колебался идти на вооруженное противостояние с ними. В 1500 г. ему удалось отвоевать Самарканд у только что захватившего его Мухаммада Шайбани – потомка ханов Золотой Орды, причем Бабур представил это событие как законное возвращение столицы потомству Тимура, владевшему ей более сотни лет, из рук «чужака и врага» [Бабур, 1992, с. 103], т. е. не принимая во внимание чингисидское происхождение своего соперника. Некоторое время спустя, ок. 1507 г., заставив Шайбани-хана отступить из своих афганских владений, Бабур, вновь торжествуя победу, принял титул падишаха, который сохранял до самой смерти, а затем передал своим преемникам – Великим Моголам, правителям Индии [Там же, с. 132, 220]. Стоит и тут обратить внимание, что, несмотря на нежелание считаться с правами ханов-Чингисидов, Бабур все же принял не ханский титул, а, так сказать, более «нейтральный» титул падишаха, которым и в чингисидскую эпоху пользовались представители отдельных аристократических семейств.[65] Несомненно, к такому решению Бабура подвигло опасение, что его претензии на ханский титул

вызовут негативную реакцию других Чингисидов: ведь он находился в союзе и родстве с ханами Могулистана, поэтому не желал вызывать их гнев без особой причины. Вместе с тем следует, вероятно, учитывать и другое обстоятельство – что, как уже говорилось выше, держава Тимуридов базировалась не только на чингисидских принципах, а также и на принципах мусульманской и персидской государственности: отсюда и персидский по происхождению титул Бабура. Тем не менее в течение всего своего правления он неоднократно ссылался на то, что имеет частичку чингисидской крови по материнской линии. Правда, как можно сделать вывод на основании его собственных «Записок», чаще всего он вспоминал о своем родстве с Чингисидами не в связи с обоснованием прав на трон, а когда ему нужна была поддержка или покровительство его родственников – могулистанских ханов…

Примеры Джалаиров и Тимуридов демонстрируют интересный и в то же время достаточно распространенный подход: приобретя определенное положение и статус верховных монархов изначально лишь в силу собственного политического и военного могущества, в дальнейшем правители-узурпаторы (или же их преемники) старались легитимировать свое положение и правовыми методами. Так, если ни Хасану Бузургу Джалаири, ни Шахруху, ни Абу Саиду в силу их могущества такие основания не требовались, то их преемники старались «задним числом» легитимировать не только собственное положение, но и статус своих родоначальников, справедливо полагая, что обвинение их предков в узурпации бросает тень и на них самих. Этот подход, как мы увидим ниже, достаточно широко применялся в центрально-азиатских ханствах XVIII–XIX вв., правители которых претендовали на правопреемство не только от Чингисидов, но и от потомков самого Тимура.

Ойраты – родственники монгольских Чингисидов. Попытки представителей нечингисидских династий отобрать трон у Чингисидов и обосновать узурпацию власти наличием в своих жилах крови «золотого рода» имели место и в самой Монголии. Такие попытки предпринимались узурпаторами на протяжении ряда веков и не всегда были безуспешны, хотя, в конечном счете, как известно, потомки Чингис-хана в итоге сохранили власть и ханские титулы в монгольских аймаках вплоть до 1920-х годов.

Выше мы уже говорили о том, что на рубеже XIV–XV вв. в результате падения империи Юань и кризиса династии потомков Хубилая на власть в Монгольском ханстве стали претендовать потомки самых различных ветвей Чингисидов и

даже братьев Чингис-хана. Однако круг претендентов не ограничивался членами рода Борджигин: претензии на трон, как и в Средней Азии, предъявили и нечингисиды.

Первыми такими претендентами стали ойратские предводители, положившие начало самому могущественному из ойратских родов – Чоросу, впоследствии возглавившему Джунгарское ханство. Воспользовавшись династическим кризисом, последовавшим после смерти Адай-хана (потомка Угедэя) в 1438 г., один из фактических правителей раздробленной Монголии, ойратский Тогон-тайши попытался провозгласить себя ханом. Сообщения позднесредневековых монгольских летописей XVII–XIX вв. об этой попытке носят полулегендарный характер. Согласно им, Тогон нанес оскорбление духу Чингис-хана, явившись в его святилище и заявив, что он, будучи сыном монгольской царевны Самур, или Сутай (дочери Элбэг-хана, потомка Хубилая, по другим источникам – Сутай), не уступает по происхождению самому основателю Монгольской империи, происходившему от Алан-Гоа – праматери всех монгольских правящих родов. В ответ на это, продолжают монгольские средневековые авторы, из колчана Чингис-хана, висевшего на стене святилища, вылетела стрела и поразила нечестивца, отчего он вскоре и скончался [Лубсан Данзан, 1973, с. 269; Монгольские источники, 1986, с. 54–55; Шара Туджи, 1957, с. 144] (см. также: [Владимирцов, 2002*а*, с. 440–441]).

Исследователи совершенно справедливо отмечают, что подобные сообщения носят символический характер, а в действительности Тогон-тайши, скорее всего, либо погиб в борьбе с собственными сородичами-ойратами, либо же был устранен китайцами, поскольку доставлял немало проблем пограничным владениям империи Мин [Кычанов, 1980, с. 14] (см. также: [Владимирцов, 2002*а*, с. 475 (примеч. 402)]). Однако природа его претензий на ханский титул, на наш взгляд, отражена в этом пассаже предельно конкретно: в условиях «дефицита» законных претендентов на трон из рода Чингис-хана по прямой мужской линии (одни из которых были убиты, другие утратили легитимность, признав верховенство китайских императоров и т. п.) подходящими кандидатами становились даже те, кто имели хотя бы отдаленное кровное родство с Чингисидами. Почему же Тогон, являвшийся внуком хана по дочери, имел меньше прав на трон, чем, например, претенденты, происходившие по мужской линии, но от братьев Чингис-хана, предъявлявшие права на трон приблизительно в тот же период времени?

Преждевременная смерть Тогона не позволила ему занять

трон.[66] Однако тот факт, что его претензии были восприняты в Монголии серьезно, подтверждается официальным, с соблюдением процедуры курултая, принятием ханского титула в 1453 или 1454 г. его сыном Эсеном-тайши – соответственно, внуком царевны Самур.[67] Правда, год спустя Эсен уже был свергнут и убит, однако виновниками его гибели были не возмущенные узурпацией Чингисиды и их сторонники, а собственные соплеменники-ойраты. Дело в том, что некоторые ойратские родоплеменные вожди, подобно Эсену, надеялись занять монгольский трон и потребовали, чтобы он отдал принадлежавший ему до воцарения титул тайджи одному из них, несмотря на то, что к «золотому роду» они отношения не имели. Как видим, ойраты, захватив власть в Монголии, уже готовы были в полной мере пересмотреть традицию и вообще отменить чингисидское происхождение как условие занятия трона! Однако Эсен отказался удовлетворить их требования, заявив, что титул перейдет к его сыну, который, соответственно, также имел отношение к Чингисидам по женской линии. Отказ вызвал новый виток междоусобиц среди ойратов, в результате которых узурпатор погиб, а на трон вновь вернулись потомки Чингис-хана [Золотое сказание, 2005, с. 48–49; Лубсан Данзан, 1973, с. 269–270; Монгольские источники, 1986, с. 60–62] (см. также: [Далай, 2002, т. 75–77; Кычанов, 1980, с. 14]).

Участь Эсена показала, что в Монголии авторитет «золотого рода» по-прежнему остается достаточно высоким, и его представители продолжали сохранять монополию на ханскую власть. Правда, не исключено, что они являлись лишь своеобразными компромиссными фигурами в борьбе различных родоплеменных кланов, которые были готовы смириться с воцарением легитимного монарха, но не признать власть другого равного им по статусу вождя одного из противоборствовавших племен. По некоторым сведениям, сын Эсена, Амасанчжи-тайши, также претендовал на верховную власть, пытаясь даже покорить владения Чагатаидов и Восточный Дешт-и Кипчак, однако в отличие от отца, по-видимому, так и не сумел добиться признания себя в ханском достоинстве, оставшись всего лишь одним из монгольских полунезависимых родоплеменных вождей с титулом тайджи [Grousset, 2000, p. 493, 507–508] (ср.: [Чернышев, 1990, с. 27–28]).

Однако в дальнейшем ойраты вновь, и на этот раз с большим успехом, включились в борьбу за ханские титулы. Наиболее активно действовали потомки Тогона и Эсена – вожди рода Чорос, а также предводители родов хошоут и торгоут. Эти три семейства в XVII в. основали три ханства – соответственно

Джунгарское, Тибетско-Кукунорское и Калмыцкое. Чоросы, происходя от царевны Самур, имели в своих жилах частичку чингисидской крови; вожди хошоутов возводили свою родословную к Джучи-Хасару – брату Чингис-хана; торгоуты же даже не пытались претендовать на родство с Чингисидами, довольствуясь тем, что возвели происхождение к кераитскому хану Тогрулу (Ван-хану) – сначала покровителю и союзнику, а затем сопернику Чингис-хана. Однако правители этих трех ханств (характерно, что они претендовали не на собственно монгольский престол, а лишь на ханский статус в собственных владениях) не делали акцент на происхождении как основании своих претензий на власть – они решили задействовать другой фактор легитимации, который мы более подробно рассмотрим в следующей главе.

§ 3. Среднеазиатские династии XVIII–XIX вв.: претензии на преемство не только от Чингисидов, но и от Тимуридов

Мухаммад Шайбани и его родственники, Шайбаниды, окончательно вытеснили последних потомков Амира Тимура из Чагатайского улуса к 1525 г. и, казалось бы, восстановили status quo, вернув власть в этом бывшем улусе Монгольской империи «золотому роду». Однако на рубеже XVIII–XIX вв. новые династии нечингисидского происхождения захватили власть в трех государствах, ранее входивших в Чагатайский улус, т. е. снова, и на этот раз окончательно, узурпировав права «золотого рода» на престол. Однако интересно отметить, что тем не менее правители этих ханств опирались не только на чингисидскую, но и на тимуридскую традицию, хотя Тимуриды и сами, как известно, с юридической точки зрения считались узурпаторами.

Еще в середине XVIII в. фактически управлявший Бухарой аталык Мухаммад-Рахим из племени Мангытов сверг одного за другим трех ханов из династии Аштарханидов и в 1756 г., наконец, решился провозгласить ханом себя самого, хотя сам не принадлежал к Чингисидам даже по женской линии. Тем не менее он счел себя достаточно могущественным, чтобы созвать курултай и, подобно потомкам «золотого рода», формально избраться на нем в монархи Бухары [Sela, 2004, p. 43–72].[68]

Несмотря на свое могущество и формальное избрание на курултае, Мухаммад-Рахим Мангыт предпринял определенные шаги по легитимации своей власти. Прежде всего он женился на дочери одного из свергнутых им ханов – Абу-л-Файза Аштарханида, что в какой-то мере связало его с «золотым родом»,

по крайней мере в статусе «гургана». Примечательно, впрочем, что именно этот фактор легитимации практически не принимался во внимание бухарскими историками при обосновании ими правомерности воцарения Мухаммад-Рахима [Кюгельген, 2004, с. 269]. В большей степени они апеллируют к согласию на его избрание 92 узбекских племен, представители которых одобрили его воцарение на курултае, кроме того, узурпатор заручился поддержкой духовенства, объявившего, что воцарение нового хана угодно Аллаху.[69]

Однако перед своей смертью в 1758 г. он решил избрать преемника, руководствуясь именно принципом принадлежности к дому Чингис-хана – правда, весьма и весьма условно. Единственная дочь Мухаммад-Рахима была сначала женой Абд ал-Мумин-хана из династии Аштарханидов (первого ставленника Мухаммад-Рахима и, соответственно, второго из трех ханов, свергнутых им), а после его смерти стала женой своего двоюродного брата Нарбута-бия Мангыта, и от этого брака родился сын Фазыл. Хотя в биологическом отношении этот единственный внук Мухаммад-Рахима не имел чингисидской крови,[70] самозваный хан, вероятно, исходя из того, что его дочь прежде была ханской супругой, присвоил внуку титул «тура», которым обладали только Чингисиды, и провозгласил его своим наследником. Однако, во-первых, права малолетнего Фазыла (к моменту смерти деда ему было шесть лет) были слишком спорны, во-вторых, его отец не сумел противостоять более сильному родичу – Даниял-бию, дяде Мухаммад-Рахима, захватившему власть после смерти племянника. Фазыл-тура вместе с отцом, в качестве своеобразной «компенсации», был отправлен в город Карши в качестве наместника, а сам Даниял, в отличие от племянника, не пожелал прослыть узурпатором и вернул власть Чингисидам в лице Абу-л-Гази-хана (чья родословная, впрочем, довольно противоречиво представлена в различных источниках) [Сами, 1962, с. 49–50]. Даниял-бий и его сын Шах-Мурад (кстати, женившийся на вдове своего двоюродного брата Мухаммад-Рахима – дочери Абу-л-Файз-хана) продолжали считаться лишь аталыками и фактически правили Бухарой, прикрываясь именем Абу-л-Гази-хана.[71] Лишь когда после смерти Шах-Мурада на престол вступил его сын от ханской дочери – Хайдар-тура, он счел себя достаточно легитимным наследником, чтобы отказаться от практики возведения на престол марионеточных Чингисидов [Кюгельген, 2004, с. 347].

Несмотря на то что формально Бухара конца XVIII – начала XX в. не являлась ханством, официально именуясь эмиратом,[72] фактически нередко ее правители из династии Мангытов уже с

1820-х годов (начиная с эмира Насруллаха) титуловались ханами [Григорьев, 1861, с. 23; Fræhni, 1855, p. 133],[73] а последний из них, Сайид-Алим-хан, и официально присоединил этот титул к своему имени. Все они подчеркивали, что в их жилах текла кровь Чингисидов, и это позволяло им считаться «тура», т. е. лицами, имевшими право на ханский трон и верховную власть в бывшем чингисидском государстве.[74] Свой статус они подчеркивали также набором полномочий, присущих именно ханам: законодательная деятельность (в форме издания актов высшей юридической силы – ярлыков, которые прежде имели право издавать только независимые верховные правители-ханы), установление налогов и сборов, не предусмотренных мусульманским правом, сохранение чингисидской системы администрации (подробнее см.: [Семенов, 1929; 1954*a*; Bregel, 2000]). Эти полномочия бухарские эмиры, а также и другие правители из «новых» среднеазиатских династий сохраняли вплоть до прекращения существования их государств в первой четверти XX в.

Кроме того, чтобы придать больший вес своим правам, Мангыты возродили и отдельные тимуридские традиции – в частности, введенный с 1800 г. эмиром Хайдаром процесс интронизации с использованием Кок-Таш («синего трона») Тимуридов, чего не делали сменившие их ханы – Шайбаниды и Аштарханиды [Бейсембиев, 2004*a*, с. 99; Кюгельген, 2004, с. 87; Маликов, 2012, с. 291, 295; Sela, 2007].

В начале XIX в. произошла смена династии и в Хиве, где в 1804 г. был свергнут хан Абу-л-Гази[75] (по странному совпадению – тезка и современник последнего бухарского хана-Чингисида!), и на трон вступил Ильтурзар, потомственный фактический правитель ханства – инак (градоправитель) города Хивы из династии Кунгратов. Как и Мухаммад-Рахим Мангыт, хорезмский узурпатор не счел нужным заботиться о формальном обосновании своих прав на трон. Единственным его объяснением стала «неспособность» хана-Чингисида к управлению, что и послужило формальным поводом для его смещения, после чего с одобрения хивинской знати кунгратский аристократ был провозглашен новым ханом – снова практически при таких же условиях, что и Мухаммад-Рахим Бухарский [Munis, Agahi, 1999, p. 80]. Как и Тимуриды ранее, основатель новой ханской династии официально объявил об отмене всех налогов, сборов и повинностей, установленных в Хорезме со времен Чингис-хана и не соответствующих нормам шариата [Munis, Agahi, 1999, p. 183–184].[76] Однако, подобно бухарским Мангытам, новые хивинские ханы сохраняли такие чингисидские политико-правовые

традиции, как избрание ханов на курултае, административное управление и издание ханами ярлыков – актов высшей юридической силы (см., напр.: [Ниязматов, 2010, с. 101–103]).

Неизвестно, собирался ли Ильтузар в дальнейшем найти законные основания для своей узурпации: он погиб лишь два года спустя после своего воцарения, в 1806 г., утонув при переправе через реку во время очередного военного похода. Интересно, что его брат, Мухаммад-Рахим Кунграт, унаследовав власть от брата, поначалу не решался последовать его примеру и вернул на трон свергнутого Абу-л-Гази-хана, однако в том же 1806 г. сверг его окончательно, созвав курултай и избравшись на нем в ханы [Munis, Agahi, 1999, p. 241, 243].

Впрочем, оба узурпатора (и снова – как Мухаммад-Рахим Мангыт!) постарались найти связующее звено с «золотым родом»: Ильтузар был женат на дочери казахского султана Болекея, являвшегося короткое время хивинским ханом в 1770–1771 гг., а Мухаммад-Рахим после смерти брата также женился на ней (согласно тюрко-монгольским, а не мусульманским обычаям!). В дальнейшем на дочерях казахских Чингисидов женились также сын Мухаммад-Рахима – Алла-Кули-хан и его собственный сын Мухаммад-Амин [Ерофеева, 2007, с. 394]. Однако эти браки, и даже возможная принадлежность к Чингисидам по женской линии, все же не давали Кунгратам формального права на ханский титул. Это осознавали и они сами, и соседние государи. В частности, Российская империя в попытках подчинить Хивинское ханство неоднократно несколько раз пыталась разыграть «чингисидскую карту» в борьбе с узурпаторской династией Кунгратов. Так, во время неудачного «зимнего похода» на Хиву 1839–1840 гг. оренбургский генерал-губернатор В. А. Перовский держал при себе казахского султана-Чингисида Бай-Мухаммада Айчувакова, чтобы возвести его на хивинский трон после завоевания ханства [Терентьев, 1906*а*, с. 116; Шахов, 1997, с. 90]. В 1841 г. во время переговоров с хивинским ханом Алла-Кули, когда последний в качестве свидетелей привел нескольких казахских султанов, признававших его власть, член российской посольской миссии М. Аитов упрекнул их в том, что их предки не так давно сами правили Хивой, а теперь они позволяют помыкать собой узурпаторам [Залесов, 1862, с. 76–77; Терентьев, 1906*а*, с. 188]. Бухарские Мангыты, имея такое же отношение к роду Чингисидов, что и хивинские Кунграты, все же не посмели провозгласить себя ханами. Почему же хорезмские узурпаторы пошли на это?

По-видимому, следует принять во внимание несколько обстоятельств. Во-первых, еще со времен Чингис-хана и его

ближайших преемников племя кунграт обладало высоким статусом в Монгольской империи и ее улусах как особое «хатунское племя»: еще прежде Чингис-хана его предки брали в жены кунгратских девушек, а сами отдавали им в жены своих дочерей. Это способствовало укреплению кровнородственных связей кунгратов и ханского рода Борджигин и, соответственно, обеспечивало статус и влияние кунгратской знати в различных улусах Монгольской империи [Султанов, 2006, с. 13]. Не исключено, что это обстоятельство могло подвигнуть Кунгратов Хивы притязать на более высокий статус, чем бухарские Мангыты (хотя в хивинской историографии это основание права кунгратов на верховную власть не фигурирует), тем более что именно кунграты (династия Суфи) с середины XIV по начало XVI в. являлись хорезмскими правителями под властью сначала золотоордынских Джучидов, а затем и Тимуридов (см.: [Бартольд, 1965*б*, с. 548–549]). Второе же обстоятельство – это географическое положение Хивы и всего Хорезмского оазиса: удаленное от других среднеазиатских государств, защищенное пустынями, населенными воинственными туркменскими племенами; это ханство в течение длительного времени сохраняло независимость благодаря именно природным факторам, а не собственному военному могуществу. Рискнем предположить, что Кунграты осмелились принять ханский титул во многом именно в надежде, что труднодоступность Хивы не позволит ни Чингисидам, ни другим правителям Центральной Азии оспаривать их претензии военными мерами, тогда как признание на дипломатическом уровне Кунгратов в рассматриваемый период не слишком интересовало. Наконец, хивинские ханы-Кунграты (как, впрочем, и другие среднеазиатские правители) оказались неплохими политиками и интриганами: разнообразными средствами они сумели добиться признания себя в ханском достоинстве со стороны соседних туркменских племен, «великих держав» (Российской и Британской империй) и даже казахских Чингисидов, которых они время от времени даже сами принимали в свое подданство.

Наиболее интересным представляется пример с Кокандским ханством, которое, в отличие от Хивы и Коканда, до начала XIX в. вообще не имело собственных ханов. Тем не менее представители узбекской династии Минг, управлявшие собственно Кокандом и с начала XVIII в. фактически установившие контроль над всей Ферганой, не только присвоили себе ханский титул, но и даже в большей степени, чем бухарские эмиры, обосновывали свои права на трон как потомки и правопреемники Тимуридов.

Как и в ранее рассмотренных примерах, первый правитель,

провозгласивший себя ханом, Алим-хан, не слишком беспокоился о легитимации своей власти: ему было достаточно сильной армии, централизованной власти и покорности других ферганских родов и племен. А вот его брату и преемнику Омар-хану уже потребовались основания для обоснования законности своего правления, поскольку он намеревался управлять не только Ферганой, но и претендовал на владения бухарских и хивинских монархов. Естественно, для этого ему понадобилось представить себя более законным правопреемником прежних монархов, нежели бухарские Мангыты и хивинские Кунграты [Бабаджанов, 2010, с. 109].[77]

Именно при Омар-хане возникает историографическая легенда о происхождении кокандской династии Минг от некоего Алтун-Бишиха – мифического сына Захир ад-Дина Бабура, правившего, как известно, в Фергане до его изгнания Шайбанидами и основания империи Великих Моголов в Индии. Потомки Алтун-Бишиха, согласно кокандской историографии, правили в Фергане аж с XVI в. (хотя известно, что в действительности до XVII в. включительно она входила в состав Бухарского ханства). Как и бухарские Мангыты, кокандские Минги последовательно проводили идею о большей законности прав на престол Тимуридов, нежели Чингисидов – выходцев из Золотой Орды. А поскольку Бабур по материнской линии принадлежал к ханам Могулистана, т. е. чагатайской ветви «золотого рода», то новые кокандские ханы представали в глазах подданных и соседних правителей как прямые наследники законной династии [Бабаджанов, 2010, с. 312 и след.; Наливкин, 1886, с. 47 и след.]. Тем не менее в переговорах с китайским императором кокандский Мадали-хан заявлял:

> Моя родословная плоть от плоти доходит до самого Чингис-хана хана, и я потомок ханов во плоти [Бабаджанов, 2010, с. 194–195].

Несомненно, происхождение от Тимура (по некоторым сведениям, платившего в свое время дань империи Мин) в глазах правителей Китая не было столь значимым, сколь происхождение от Чингис-хана, что и предопределило выбор генеалогии кокандским ханом в переговорах.

Ссылка на происхождение не только от Чингис-хана, но и от Тимура – весьма специфическое явление, имевшее место в политической жизни Средней Азии XVIII и в особенности XIX в. Согласно наблюдению казахстанского исследователя Т. К. Бейсембиева, среднеазиатские правители этого периода стали пропагандировать идею, которую он назвал «возрождением

чагатайской государственности». Ее суть заключалась в том, что две последние ханские династии – Шайбаниды и Аштраханиды – были незаконными: они происходили от Джучи, основателя Золотой Орды и, следовательно, не имели права на трон в улусе, принадлежавшем потомкам его брата Чагатая, которые сначала поддерживались, а затем были сменены на троне Тимуром и его родом [Бейсембиев, 2004*а*]. Соответственно, новые правители (Мангыты, Кунграты, Минги), свергнув этих «пришлых» ханов, стали восстановителями чагатайской государственности, разрушенной джучидскими династиями.

Эта идеология представляется до некоторой степени противоречивой, ведь называя Аштарханидов узурпаторами, бухарские эмиры все же носили приставку «тура», на которую приобрели право путем браков с царевнами именно из этой династии, да и хивинские Кунграты также породнились не с чагатайскими Чингисидами, а с казахскими, т. е. теми же Джучидами! Кроме того, эта идея представляет большой интерес с политико-правовой точки зрения – ведь в своих интересах постчингисидские правители Средней Азии совершенно исказили сам принцип «чингисизма». В имперскую эпоху принадлежность к «золотому роду» давала право стать ханом в любом государстве на пространстве бывшей Монгольской империи. Правители же XVIII–XIX вв., напротив, стали утверждать, что только конкретная ветвь Чингисидов – потомки Чагатая – имела право царствовать в ханствах Средней Азии, тогда как воцарение в них представителей других ветвей незаконно. Изначальной целью создания вышеупомянутой идеологии было существование (или восстановление) империи под общей властью потомков Чингис-хана и возможностью сохранения власти за «золотым родом» даже если одна из его ветвей, правящая в конкретном государстве, пресечется. В трактовке же Мангытов, Кунгратов и Мингов эта идея стала орудием своеобразного «изоляционизма» среднеазиатских постчингисидских правителей, поскольку позволяла им не допускать к борьбе за власть в Средней Азии любое семейство Чингисидов за исключением потомков Чагатая (к этому времени благополучно вымерших). В результате Чагатаиды, провозглашенные единственными законными правителями Средней Азии, были противопоставлены всем остальным чингисидским династиям. И как ни парадоксально, в новой трактовке более легитимными правителями этого региона стали считаться Тимуриды, а не сменившие их чингисидские династии более позднего времени.[78] И хотя, согласно исследованиям Т. К. Бейсембиева, эта концепция получила наибольшее развитие в конце XVIII–XIX в., ее истоки, несомненно,

берут начало из куда более ранней историографии. Например, уже Бабур в своих «Записках» представляет себя как потомственного властителя Мавераннахра, тогда как хан-Чингисид Мухаммад Шайбани, пришедший в Среднюю Азию из Восточного Дешт-и Кипчака, бывших золотоордынских владений, характеризуется как «чужак и враг» [Бабур, 1992, с. 103].

Преемниками Чагатаидов и Тимуридов и стали объявлять себя среднеазиатские правители постчингисидского периода. Интересно отметить, что эта преемственность продвигалась не только на чисто политическом, идеологическом или даже историографическом, но и, так сказать, филологическом уровне. Среднеазиатские правители конца XVIII – начала XX в. широко использовали чагатайский вариант тюркского языка («счагатайский тюрки») в литературе и разговорной речи, ранее широко распространившийся из Средней Азии по многим тюрко-монгольским государствам, но со временем вытесняемый среднеазиатским вариантом фарси [Бейсембиев, 2007, с. 85–87]. Они покровительствовали поэтам, продолжавшим традиции классической среднеазиатской поэзии (заложенные Алишером Навои и др.). Например, кокандский Омар-хан, при котором, собственно, и началось создание традиции правопреемства династии Минг от Тимуридов, в 1820 г. направил османскому султану Махмуду II среди других подарков и поэтическую антологию, в которую вошли произведения Алишера Навои, Лутфи, Фузули и… самого Омар-хана, который, таким образом, демонстрировал не только политическое, но и культурное преемство от Тимуридов [Эркинов, 2013]! Узбекский исследователь А. С. Эркинов назвал эту тенденцию «тимуридским маньеризмом» [Эркинов, 2008, с. 58, 62].

Итак, идея чингисидского правления в единой империи, к XVIII–XIX вв. трансформировалась в новую идеологию, отвечавшую интересам «региональных» государств, стремившихся выйти из-под власти Чингисидов. Для этого были использованы различные инструменты:

• идеологические (формирование концепции правопреемства именно от Чагатайской династии в ущерб правам на трон потомкам золотоордынских Чингисидов);

• политико-правовые (сохранение ханских титулов, системы управления, налогов, источников права – в первую очередь ханских указов-ярлыков – и проч. от чингисидских времен, т. е. опять же прямое правопреемство, а не разрушение прежних государственных традиций и формирование новых);

• культурные (использование в качестве официального государственного языка чагатайского тюрки, покровительство

ученым и поэтам, создание литературных антологий, открывавшихся произведениями чагатаидских и тимуридских поэтов и т. д.).

Безусловно, мы не можем утверждать, что именно этот инструментарий обеспечил в полной мере нечингисидским правителям легитимацию сначала в XV–XVI, а затем и в XVIII – начале XX в. (Минги правили до 1876 г., Мангыты и Кунграты – до 1920 г.). Конечно же, следует учитывать и кризис дома Чингисидов, утрачивавших авторитет в результате собственных междоусобиц, распада государств имперского типа, неспособности адаптировать свои политические взгляды и претензии к изменявшимся условиям. Другим важным обстоятельством стало все возраставшее влияние вождей кочевых племен, на которых были вынуждены опираться последние ханы-Чингисиды, постепенно уступая им фактическую власть в своих государствах. Со временем именно эти родоплеменные аристократы сами стали выбирать, кого возводить на престол (приглашая даже Чингисидов из Казахстана на троны Бухары, Хивы и Ферганы), пока не сочли, что в результате их действий авторитет «золотого рода» упал настолько, что их может безболезненно сменить другая династия, прежде воспринимавшаяся Чингисидами как «черная кость».

Зачем же в этих условиях новые династии апеллировали к чингисидским традициям – либо прямо, либо опосредованно через тимуридские? Ведь в глазах «золотого рода» предъявляемых ими оснований было все равно недостаточно для формального признания прав Мангытов, Кунгратов, Мингов, и для Чингисидов они являлись узурпаторами, дерзнувшими нарушить монополию «золотого рода» на ханский титул и верховную власть. Думаем, что эти сложные политико-идеологические конструкции были адресованы не Чингисидам (которые для новых династий были уже «пройденным этапом»), а в какой-то мере иностранным державам, которые могли не разбираться в тонкостях перехода власти в тюрко-монгольских государствах, и в особенности другим родоплеменным аристократическим кланам внутри собственных государств. Ведь захват трона в результате свержения Чингисидов породил опасные прецеденты, которые могли быть обращены и против самих узурпаторов: любой могущественный клан в Бухарском, Хивинском или Кокандском ханстве мог последовать примеру Мангытов, Кунгратов и Мингов соответственно, свергнуть их и точно так же захватить трон и объявить себя ханами. Поэтому, едва укрепив свои позиции на тронах, новые правители постарались противопоставить себя другим равным по статусу аристократическим кланам,

возвыситься над ними, ссылаясь на родство с Чингисидами, преемство от них. Впрочем, в полной мере отдавая себе отчет, что чингисидское происхождение перестало являться главным и единственным основанием для претензий на трон, узурпаторские династии задействовали и другие факторы легитимации – равно как и их противники.

Глава 4
Религиозный фактор

Для правителей Монгольской империи XIII в. было характерно отношение к религии, которое сегодня назвали бы толерантным. Хотя официальной религией Чингис-хана и его ближайших преемников было тенгрианство, ряд Чингисидов по различным причинам принимали иные религии, и это отнюдь не становилось основанием для лишения их прав на трон. Таким образом, приверженность к той или иной религии не являлась фактором ни легитимности, ни делегитимации претендентов. Однако после того как уже в конце XIII–XIV в. три западных улуса распавшейся Монгольской империи (государство ильханов в Иране, Золотая Орда и Чагатайский улус) приняли в качестве официальной государственной религии ислам, а Монголия в конце XVI в. – буддизм, ситуация существенно изменилась. Теперь для обеспечения наиболее полной легитимности монархов требовались не только принадлежность к «золотому роду» и официальное избрание на курултае, но и официальное одобрение влиятельного духовенства, представлявшего соответствующую религию. В результате ослабления авторитета Чингисидов некоторые наиболее влиятельные политические деятели посчитали, что последнего фактора может оказаться вполне достаточно, чтобы предъявить претензии на трон и ханский титул в ущерб Чингисидам. При этом, как отметил в свое время еще В. В. Бартольд, чингисидский (генеалогический) и мусульманский (религиозный) факторы легитимации зачастую использовались одновременно, обеспечивая законность прав на престол тех правителей и династий, которые в силу происхождения или способа прихода к власти не могли считаться легитимными [Бартольд, 1966*б*, с. 43–51] (см. также: [Бабаджанов, 2010, с. 306–307]).

§ 1. Происхождение от мусульманских святителей

Кочевые аристократы – потомки мусульманского святого: возвышение ногайских правителей. На рубеже XIV–XV вв. всесильный золотоордынский временщик Идигу (Едигей русских летописей) положил начало формированию собственного автономного улуса – Мангытского юрта, впоследствии трансформировавшегося в Ногайскую Орду. Лишь номинально признавая власть золотоордынских ханов, Идигу и его потомки

фактически являлись самостоятельными правителями, собирая в свою пользу налоги, формируя собственные войска и выбирая собственных правителей – биев.

Претендовать на равный с золотоордынскими ханами статус ногайские правители не могли, поскольку не имели возможности противопоставить их чингисидскому происхождению равное основание на власть. Идигу был женат на Джаныке, дочери или сестре хана Токтамыша, своего сначала соратника, а потом и злейшего врага, и, соответственно, имел право на статус гургана, но это мало что значило. По какой-то причине в Улусе Джучи (в отличие от Чагатайского улуса) титул ханских зятьев не пользовался особой популярностью, и мужья ханских дочерей обычно не фигурировали в источниках в таком качестве. Даже знаменитый временщик Мамай, будучи женат на дочери хана Бердибека, не использовал это родство как козырь в борьбе за власть, предпочитая демонстрировать лояльность к дому Бату и опираться на собственную военную силу.

Кроме того, хотя средневековый автор Абд ар-Раззак Самарканди упоминает о том, что от Джаныке у Идигу родился сын по имени Султан-Махмуд [СМИЗО, 1941, с. 194] (см. также: [Трепавлов, 2001, с. 78, 90]),[79] о его деятельности нет никаких упоминаний: вполне вероятно, что он не пережил своего отца. Таким образом, претендовать на верховную власть, ссылаясь на родство с ханским семейством, Идигу и его потомки не могли.[80] Поэтому им требовалось иное основание, которое и было найдено.

Согласно степным преданиям, когда Нур ад-Дин, старший сын Идигу, убил хана Токтамыша (это случилось в 1406 или 1407 г.), его стали упрекать в посягательстве на жизнь представителя «золотого рода». В ответ на эти упреки Нур ад-Дин заявил, что он сам имеет не менее знатное и благородное происхождение, являясь потомком Баба-Туклеса – под этим именем в Дешт-и Кипчаке фигурировал почитаемый в степи проповедник Ходжа-Ахмад, в свою очередь, возводивший родословную к первому арабскому халифу Абу Бакру, тестю пророка Мухаммада [Исхаков, 2011*а*, с. 139–140; Трепавлов, 2001, с. 56, 86].

Однако для того чтобы это происхождение (естественно, вымышленное) вызывало не меньшее уважение, чем генеалогия Чингисидов, необходимо было поднять значение самих мусульманских ценностей и, соответственно, роль святителей. Несмотря на усилия сначала Берке в середине XIII в., а затем и хана Узбека в первой половине XIV в., население Золотой Орды не слишком активно принимало ислам – особенно обитатели

восточного крыла государства Джучидов. Вероятно, это и послужило причиной активной исламизации Золотой Орды самим Идигу, о чем сообщают как восточные, так и западные источники [Скржинская, 1971, с. 140; СМИЗО, 1884, с. 473–474] (см. также: [Трепавлов, 2001, с. 64, 86–87; Султанов, 2006, с. 241–242]).

Соответственно, у потомков Идигу появилось новое основание для борьбы за власть – амбициозных мангытов уже не устраивал даже тот факт, что они стали бессменными бекляри-беками при ханах-Чингисидах. Согласно эпосу «Идегей», уже Нур ад-Дин стал требовать от отца, чтобы тот либо сам стал ханом, либо возвел на престол его, Нур ад-Дина [Идегей, 1990, с. 206–207] (см. также: [Трепавлов, 2001, с. 83]). Аналогичным образом в одном татарско-ногайском шеджере ханом также назван бий Муса [Трепавлов, 2001, с. 108], фигурирующий в исторических сочинениях с довольно-таки неопределенным титулом «Хаким Дешт-и Кипчака» [МИКХ, 1969, с. 103] (см. также: [Трепавлов, 2001, с. 105, 532]). Но это – эпические произведения, к информации которых следует относиться с осторожностью.

А единственная достоверно зафиксированная источниками попытка присвоения ногайским правителем ханского титула датируется весной или летом 1537 г. – это сообщение бия Сайид-Ахмада в послании великому князю московскому, что он сел «во царево место», т. е. фактически приравнял себя по статусу к ханам-Чингисидам, попытавшись ввести также и соответствующую иерархию, распределив между родственниками посты калги, бекляри-бека и проч. Однако его претензий на равенство ханам из «золотого рода» никто из государей не признал, поэтому уже осенью того же 1537 г. Сайид-Ахмад вернулся к практике подставных ханов и возвел на трон некоего Хан-Булата.[81] Надо думать, что претендент на престол счел свое положение достаточно устойчивым, поскольку к этому времени потомки Идигу укрепили созданную при нем легенду о своем происхождении от почитаемого мусульманского святителя браками с представителями сословия сайидов – потомков пророка Мухаммада по линии его дочери Фатимы [Исхаков, 2011*а*, с. 140].

Соответственно, статус ногайских правителей в Дешт-и Кипчаке постоянно возрастал: со временем потомков Идигу стали именовать не просто биями, а улу-биями, т. е. великими князьями, или даже титулом «бий-хазрат», довольно удачно переводимым русскими толмачами как «княжое величество» (см.: [Трепавлов, 2000, с. 359]). Имеются основания полагать, что ногайские правители претендовали на статус ханских соправителей и в Казанском ханстве [Мустакимов, 2009, с. 188–

189]. Однако они так и не смогли в полной мере использовать свое мнимое происхождение от мусульманского святого (а позднее и реальное родство с почитаемыми мусульманскими религиозными деятелями) для закрепления за собой ханского титула и были вынуждены продолжать практику возведения марионеточных ханов, которые в русских источниках нередко именовались «ногайскими ханами».

Таким образом, хотя ногайские правители и использовали религиозный фактор в качестве обоснования своей власти, до середины XVI в. они оставались «вписанными» в чингисидскую систему политико-правовых отношений, поддерживая различных претендентов на трон из «золотого рода» и становясь при них бекляри-беками. Эта практика имела два важных следствия. Во-первых, не противопоставляя себя другим постордынским государствам как чуждое, базирующееся на других основаниях, Ногайская Орда получила возможность вмешиваться в дела различных чингисидских улусов – от Большой Орды и Крымского ханства на западе до Синей Орды (в «государствах кочевых узбеков») и Казахского ханства на востоке. Во-вторых, статус бекляри-беков создавал определенные гарантии политической устойчивости ногайских биев. Приобретая его, они, с одной стороны, были защищены от обвинений со стороны Чингисидов в посягательстве на верховную власть, а с другой – имели определенное преимущество и перед собственными родственниками – ногайскими мурзами, которые, происходя (как и бии) от Баба-Туклеса, формально имели те же права на трон Мангытского юрта, но не будучи беклярибеками кого-либо из ханов лишались некоторых преимуществ в борьбе за этот трон.[82]

Думаем, во многом это связано с особенностями религиозной ситуации в Улусе Джучи: хотя ислам и стал его официальной государственной религией, многие регионы в течение долгих веков отличались «религиозным индифферентизмом». Поэтому претендентам на власть, опиравшимся на религиозный фактор, приходилось комбинировать его с некоторыми чингисидскими политико-правовыми средствами, в свою очередь опиравшимися на старинные, еще доимперские, традиции управления и права кочевых племен Евразии, а потому более привычные, доступные и убедительные для кочевых подданных «новых» монархов. Несколько иная ситуация сложилась в восточной части бывшего Чагатайского улуса, где претенденты на власть, также ссылавшиеся на происхождение от мусульманских святых, смогли иначе использовать религиозный фактор борьбы за власть.

Из святителей в монархи: кашгарские ходжи в борьбе за светскую власть. Активная исламизация Могулистана (также

именуемого в источниках и исследованиях Кашгарией, или Восточным Туркестаном) началась еще в середине XIV в., ее принято связывать с приходом к власти первого могулистанского хана Тоглук-Тимура. Имея спорные права на трон (см. гл. 9 наст. изд.), этот хан был вынужден привлекать на свою сторону самые разные круги населения Могулистана, в том числе и духовенство, а сделать это можно было лишь демонстрируя собственное рвение в распространении ислама. Соответственно, и Тоглук-Тимур вошел в историю как даже не просто ревностный, а прямо-таки жестокий поборник ислама в Могулистане [Абу-Гази, 1996, с. 91–93; Мирза Хайдар, 1996, с. 29–31] (см. также: [Бартольд, 1943, с. 66; Караев, 1995, с. 50; Пищулина, 1977, с. 47]). Неудивительно, что позиции мусульманского духовенства в восточной части Чагатайского улуса существенно укрепились, и это послужило причиной притока и других его представителей в этот регион.

В первой половине XVI в. весьма почитаемым в Бухаре шейхом являлся один из руководителей ордена Накшбандийя – Ахмад ал-Касани по прозвищу Махдум-и Азам, возводивший свое происхождение к шиитским имамам, потомкам халифа Али и, соответственно, к самому пророку Мухаммаду (см., напр.: [Молотова, 2013, с. 38]). Его сыновья Мухаммад-Амин (по прозвищу Ходжа-и Калан, или Ишан-и Калан) и Мухаммад Исхак-Вали прибыли в Кашгарию и после ряда неудач добились высокого статуса при дворе местных ханов – потомков Тоглук-Тимура [Валиханов, 1986*б*, с. 137]. Так, если могущественный Абд ал-Карим-хан еще изгонял ходжу Мухаммада Исхак-Вали из своих владений, то уже его брат и преемник Мухаммад-хан не только позволил ходже вернуться, но и объявил себя самого его мюридом [Kashghari, 1897, p. 33] (см. также: [Юдин, 1987, с. 7]). Потомство Мухаммад-Амин-ходжи получило в кашгарской историко-религиозной традиции название «белогорских ходжей», или просто «белогорцев» (актаглык), тогда как потомки Мухаммада Исхак-Вали стали именоваться, соответственно, «черногорскими ходжами», или «черногорцами» (каратаглык). Между ними началось соперничество за влияние, в результате чего местное население, включая и членов ханского семейства, разделилось на приверженцев обеих «партий», и вскоре приверженность к «белогорцам» или «черногорцам» стала служить поводом для междоусобиц в Кашгарии (см., напр.: [Kim, 2004, p. 14]).

Около 1670 г. на трон вступил хан Исмаил, считавшийся приверженцем черногорских ходжей, поэтому он начал репрессии против их соперников и вскоре изгнал из страны белогорского

ходжу Хидаяталлаха, более известного под именем Аппак-ходжи. Изгнанник не смирился со своим положением и начал борьбу за возвращение в Кашгарию, которая возымела довольно неожиданные последствия. В поисках могущественного покровителя Аппак-ходжа обратился не к мусульманским государям и даже не к другим авторитетным представителям мусульманского духовенства (вероятно, убоявшись, что они, видя в нем конкурента, могли отказаться помогать ему), а… к Далай-ламе V – главе буддийской церкви! И что еще более удивительно, последний не только благожелательно отнесся к нему, но и отправил к своему «паладину» – джунгарскому Галдану Бошугту-хану, – дав сопроводительное письмо, в котором писал:

> Хан! Аппак – великая личность, которую Исмаил изгнал из Кашгара. Вам надлежит послать войска, чтобы восстановить его положение! [Kashgpari, 1897, p. 36] (см. также: [Кычанов, 1980, с. 62; Чимитдоржиев, 1979, с. 16; Zarcone, 1996, p. 332–338]).

В результате ок. 1678 г. войска буддийского правителя Галдана вторглись в Кашгарию, хан Исмаил был свергнут и увезен пленником в Джунгарию, а на трон возведен сам Аппак-ходжа, не имевший никакого отношения к династии Чингисидов, [83] однако пользовавшийся большим авторитетом в силу своего происхождения и положения в ордене Накшбандийя [Kashgpari, 1897, p. 36] (см. также: [Валиханов, 1986*б*, с. 138; Златкин, 1964, с. 167; Кычанов, 1980, с. 64, 66; Чимитдоржиев, 1979, с. 16–17; Thum, 2012*a*]).

Воцарение Аппака, естественно, было вызовом чингисидской традиции, однако вполне вписывалось в политическую ситуацию – кризис власти Чингисидов, упадок их авторитета в глазах подданных и увеличение числа факторов легитимации власти, позволявших представителям нечингисидских родов претендовать на ханский трон. Таким образом, происхождение от халифа Али и высокий духовный авторитет сделали возможным воцарение Аппак-ходжи – влиятельного представителя мусульманского духовенства. Вместе с тем следует учитывать и позицию его покровителя – джунгарского Галдана Бошугту-хана, который, стремясь установить собственный контроль над Кашгарией, но не будучи Чингисидом,[84] не счел целесообразным возвести на кашгарский трон потомка Чингис-хана, имевшего, согласно тюрко-монгольским политическим традициям, более высокое происхождение, нежели сам хан Джунгарии. Соответственно, Аппак в его глазах выглядел более подходящим претендентом, поскольку опирался на серьезный

фактор легитимации – религиозный авторитет, но не будучи связан с Чингисидами, не мог претендовать на более высокое положение, чем сам Галдан.[85]

Вместе с тем, бросив вызов чингисидской традиции, Аппак поначалу, видимо, не считал религиозный фактор легитимации, на который он опирался, достаточно серьезным противовесом происхождению от Чингис-хана. Только этим соображением можно объяснить, что вскоре после своего воцарения он добровольно сложил с себя светскую власть и возвел на трон Мухаммад-Амина – племянника свергнутого Исмаил-хана, а сам взял в жены его сестру Падшах-ханым.[86] По прошествии некоторого времени новый хан решил совершить поход против ойратов, причем победил их, захватив до 30 тыс. пленных, в том числе и несколько влиятельных джунгарских вождей. Трудно сказать, что побудило хана, который и на троне держался не очень прочно и контролировал даже не всю Кашгарию (в ряде владений независимо правили его родичи), выступить против могущественного Джунгарского ханства. Скорее всего, его подстрекнул к этому Аппак-ходжа,[87] который надеялся, что хан в результате этого мероприятия либо потерпит поражение, либо вызовет гнев ойратов, тем самым еще более ослабив и без того пошатнувшийся авторитет Чингисидов в Могулистане. Когда же этого не произошло, ходжа поднял своих сторонников против Мухаммад-Амина, который был вынужден бежать из Яркенда и вскоре погиб, убитый одним из собственных приближенных [Валиханов, 1986*б*, с. 138; Kashghari, 1897, p. 37, 41].

На освободившийся трон ок. 1692 г. вновь вступил Аппак-ходжа, уже более уверенно опиравшийся на религиозный фактор, чем ранее. Кроме того, соперников среди Чингисидов в этот момент ему не находилось, хотя несколько потомков «золотого рода» все еще пребывали в Кашгарии и претендовали на трон. Аппак умер в марте 1694 г., будучи уже светским властителем, передав трон своему старшему сыну Яхье-ходже (до этого времени управлявшего Кашгаром в качестве наместника отца), которого еще при жизни торжественно возвел на трон с титулом «ходжа-хан», несмотря на то что наследник не имел ни капли чингисидской крови [Абусеитова, Баранова, 2001, с. 292–293]. Однако Яхья-ходжа полгода спустя после воцарения был убит вместе с двумя сыновьями в результате заговора Падшах-ханым, намеревавшейся закрепить трон за своим сыном Махди – младшим сыном Аппака, бывшим всего пяти лет от роду.[88] Несомненно, ханша считала, что его позиции будут достаточно прочны в силу происхождения от халифа Али по мужской линии и от Чингис-хана по женской, однако просчиталась: спустя еще

полгода и сама она была убита [Валиханов, 1986*б*, с. 138; Kashghari, 1897, p. 39].

Воспользовавшись династическим кризисом белогорских ходжей, могулистанские Чингисиды попытались взять реванш: младший брат Мухаммад-Амин-хана, Мухаммад-Мумин, более известный как Акбаш-хан, захватил Яркенд, истребил множество фанатиков – сторонников белогорских ходжей и занял трон. Чтобы создать противовес влиятельным белогорцам и самому опереться на религиозный фактор, он женился на вдове Яхьи-ходжи и к тому же решил призвать в Яркенд старейшину соперничавшего с ними клана черногорских ходжей – Даниель-ходжу. Однако в последний момент хан передумал и, уже получив согласие ходжи, не позволил ему приехать. Укрепившись в Яркенде, Акбаш-хан решил подчинить своей власти и Кашгар, однако местные жители, объявив своим ханом Ахмад-ходжу (третьего, уцелевшего сына Яхьи-ходжи), призвали на помощь киргизов и сами выступили на Яркенд. Акбаш-хан потерпел поражение, причем разные источники по-разному сообщают о его последующей судьбе. Шах-Махмуд Чурас в «Анис ат-талибин» сообщает, что киргизы убили его, и это стало божьим наказанием хану за то, что он не пригласил в Яркенд Даниель-ходжу, как обещал [Акимушкин, 1976, с. 50 (примеч. 88)]. Мухаммад Садык Кашгари утверждает, что Акбаш покинул Яркенд и выехал в Индию вместе со своим племянником Махди-ходжой [Валиханов, 1986*б*, с. 138–139; Kashghari, 1897, p. 39–40]. Как бы то ни было, Акбаш оказался последним Чагатаидом на троне Кашгарии, после которого династия, по-видимому, пресеклась [Акимушкин, 2001, с. 10]. В том же 1695 г. сторонники «золотого рода» в Яркенде попытались преодолеть династический кризис, поступив точно так же, как поступали хивинцы после пресечения династии Арабшахидов: они призвали на трон казахского Чингисида – султана Ишима. Однако он, будучи «чужаком» в Могулистане, так и не сумел упрочить свое положение и должен был покинуть город под давлением сторонников ходжей [Валиханов, 1986*б*, с. 139; Kashghari, 1897, p. 340]. В результате с 1695 г. в Яркенде укрепился Даниель-ходжа, представитель черногорцев, а в Кашгаре – его противник Ахмад-ходжа, лидер белогорцев, который, впрочем, вскоре был пленен ойратами, захватившими Кашгар в союзе с признавшим их покровительство Даниель-ходжой [Валиханов, 1986*б*, с. 139].

В 1713 г., вызвавший гнев своих покровителей-ойратов Даниель-ходжа был, в свою очередь, схвачен и увезен в Джунгарию [Кадырбаев, 2006, с. 81], откуда был отпущен только через семь лет, в 1720 г. После этого до самой своей смерти в

1735 г. он оставался правителем Кашгарии и умер, передав власть своим четырем сыновьям, старший из которых, Джахан-ходжа, получил Яркенд и был признан братьями в качестве хана [Валиханов, 1986*б*, с. 139; Kashghari, 1897, p. 43]. Несомненно, разделение было произведено по воле джунгарских властей, которые опасались сильно укрепившегося к этому времени авторитета ходжей, признаваемых местным населением уже в качестве законных, потомственных монархов. Тем не менее своей цели они не достигли: между черногорскими ходжами соперничества не возникло, напротив, они начали укреплять свои города и увеличивать войска. Осведомители доносили джунгарским властям, что эти приготовления ведутся против них, и тогда ойраты в 1754 г. арестовали яркендского хана Джахан-ходжу [Валиханов, 1986*б*, с. 140].

Арест хана-ходжи послужил предлогом для выступления его родственников против ойратского владычества, причем весьма своевременным: Джунгарское ханство в это время само переживало династический кризис и было вынуждено признать вассальную зависимость от империи Цин. В отличие от ойратов, китайские власти решили действовать не грубой силой, а путем интриг: стремясь подорвать легитимность черногорцев, они направили в Кашгарию их главных соперников – белогорских ходжей Бурхан ад-Дин-ходжу и Хан-ходжу, сыновей бывшего кашгарского правителя Ахмад-ходжи [Китайские документы, 1994, с. 77–78] (см. также: [Бичурин, 1829, с. 167]). За короткое время при поддержке цинских властей, ойратов и местного населения белогорцам удалось подчинить всю Кашгарию, однако зависимость от империи Цин ослабляла их легитимность в глазах подданных, и они решили в очередной раз опереться на религиозный фактор, но уже в другой форме – как именно, мы более подробно рассмотрим ниже (см. гл. 8 наст. изд.).

Ходжи как претенденты на трон в среднеазиатских ханствах. Ситуация в Могулистане в какой-то степени была уникальной: приверженность местного населения и знати к «белогорцам» и «черногорцам» позволила ходжам захватить светскую власть и даже создать собственные ханские династии. Однако аналогичные попытки предпринимались и в западной части бывшего Чагатайского улуса, где позиции мусульманского духовенства также были достаточно сильны, что позволяло потомкам почитаемых святителей задействовать религиозный фактор борьбы за власть.

Так, по одной из версий Абу-л-Гази, последний бухарский хан, считавшийся Чингисидом, был всего лишь сыном дочери хана Абу-л-Файза Аштарханида, тогда как его отцом являлся

сайид, или ходжа, Абд ар-Рахим. Несмотря на то что до воцарения этот монарх имел довольно скромное положение («в Ханкаре занимался земледелием»), всесильный бухарский аталык Даниял-бий счел его происхождение более достойным, чем свое или своего внучатого племянника Фазыл-тура, и возвел его на трон [Сами, 1962, с. 50] (см. также: [Бейсембиев, 2004*а*, с. 107 (примеч. 3)]). Неудивительно, что начиная уже с эмира Хайдара (который первым среди Мангытов стал именоваться тура – потомком Чингис-хана) бухарские эмиры стали называться сайидами, потомками пророка Мухаммада [Сами, 1962, с. 53], таким образом, закрепляя свое право на власть в глазах не только светских конкурентов, но и духовных.

В течение длительного времени кокандские бии из племени Минг (будущие властители Кокандского ханства) были вынуждены бороться за власть с представителями теократической монархии – ходжами, управлявшими Северной Ферганой с центром в Чадаке, династии ходжей также правили в Чусте и Тура-кургане [Бейсембиев, 1987, с. 10–11; Бейсембиев, 2009, с. 158; Кавахара, 2010, с. 122–123]. Ташкент, некогда являвшийся столицей Чагатаидов Могулистана, затем – владением одной из ветвей династии бухарских Шайбанидов и, наконец, ханов казахского Большого жуза (подробнее см.: [Добросмыслов, 1912, с. 9–16]), в конце XVIII в. попал под власть Юнус-ходжи, превратившего его в самостоятельное государство [Соколов, 1965, с. 31–100]. В среднеазиатской традиции этот правитель именовался хакимом [Бейсембиев, 2004*б*, с. 292], в русской – «владельцем» [Ханыков, 1851, с. 5, 20 и след.], но фактически осуществлял именно ханскую власть, причем не только в самом Ташкенте, но и претендовал на другие среднеазиатские владения, а после смерти передал власть своим сыновьям – опять же как светский государь [Чехович, 1970, с. 175]. Соперничество ферганских ходжей за светскую власть (хотя и в форме теократии) с родоплеменными кланами было настолько упорным, что когда оно закончилось победой кокандского бия Алима, он в ознаменование этой победы даже принял ханский титул, чтобы показать, что теперь возвысился не только над другими биями, но и над потомками мусульманских святых [Бейсембиев, 2009, с. 247].

Однако, победив «теократические государства» Ферганы и Ташкента, кокандские государи столкнулись с появлением узурпаторов, пытавших отнять у них власть на основе религиозного фактора в собственном ханстве.

В 1822 г. после смерти Омар-хана его старшая сестра Афтаб-айим, супруга Масум-хан-тура (потомка Махдум-и Азама),

потребовала передать трон своему сыну Чини-тура, который через нее приходился внуком Нарбута-бию, племянником Алим-хану и Омар-хану и, соответственно, старшим двоюродным братом их сыновьям. Не принадлежа к ханскому роду по мужской линии, этот претендент мог опереться на религиозный фактор: традиционный в Средней Азии пиетет к роду Махдум-и Азама давал ему значительное число сторонников в борьбе за трон [Бейсембиев, 1985, с. 38–39].[89]

В 1847 г. кокандские эмиры, недовольные засильем при дворе хана Худояра предводителей племени кипчак, предприняли попытку возвести на трон Падшах-ходжу-тура, потомка Лутфаллаха Чусти – еще одного почитаемого в ханстве святителя. Однако кипчакские сановники раскрыли заговор, перебили часть заговорщиков, а остальным пришлось бежать. Падшах-ходжа также, помимо принадлежности к роду ходжей, был внуком Нарбута-бия по материнской линии, что повышало его шансы на признание в качестве хана, если бы заговор в его пользу увенчался успехом [Бейсембиев, 2009, с. 266–267, 966].

В 1855 г. был раскрыт заговор еще одного внука Нарбута-бия, Рустам-хана-тура (двоюродного брата по отцу вышеупомянутого Чини-тура), против хана Худояра. Как и в случаях с его предшественниками, часть его сторонников была казнена (хан приказал казнить и самого Рустам-хана), часть – изгнана из города [Бабаджанов, 2010, с. 227; Бейсембиев, 2009, с. 271]. Однако урок не пошел впрок претенденту, и в 1862 г., когда против Худояра выступило сразу несколько претендентов, Рустам-хан вновь предпринял попытку занять трон и в окрестностях Андижана был провозглашен ханом [Наливкин, 1886, с. 198].

Таким образом, в отличие от кашгарских ходжей, ходжи в Средней Азии делали ставку не только на свое происхождение от почитаемых мусульманских святителей, но и на родство с прежней династией (даже если она официально не являлась чингисидской, как, например, династия Минг в Коканде). При этом довольно широко ходжи-узурпаторы пользовались в качестве дополнительного основания обвинением легитимного хана, выступая поборниками справедливости и даже время от времени – защитниками интересов народа, который готов был поддержать таких претендентов на трон [Бейсембиев, 1985, с. 39].

§ 2. Воля святителя как источник права на ханскую власть

Ойратские ханы – ставленники Далай-ламы. По целому ряду причин в монгольских государствах не могли быть

использованы средства религиозной легитимации власти, применявшиеся в тюркских государствах. Так, в отличие от представителей мусульманского духовенства, буддийские священнослужители давали обет безбрачия и, соответственно, не имея потомства, не могли основывать династии и передавать власть по наследству, опираясь на свой духовный авторитет или тем более брачные связи с представительницами ханского рода. [90] Правда, в буддизме существовал институт реинкарнации – перехода души умершего святителя в тело новорожденного, который со временем занимал его место в буддийской иерархии; в монгольской традиции такие перерожденцы назывались хубилганами и пользовались значительным влиянием среди населения Монголии. Однако и они не могли претендовать на трон, поскольку служители буддийского культа считались далекими от мирской суеты и не должны были интересоваться делами власти, политики и проч. Даже знаменитый джунгарский хан Галдан, о котором мы еще поговорим подробно ниже, в молодости являвшийся священнослужителем-ламой, должен был сначала сложить с себя сан (для чего ему понадобилось особое разрешение Далай-ламы) и лишь после этого получил право вступить в борьбу за ойратский трон [Кычанов, 1980, с. 37]. Случаи прихода к светской власти представителей духовного сословия в Монголии практически неизвестны. [91]

Тем не менее, не претендуя на формальную светскую власть, влиятельные представители буддийского духовенства в силу своего авторитета в Монголии и в значительной степени благодаря покровительству властей империи Цин вплоть до начала XX в. играли важную роль в политике Монголии. Монгольское духовенство официально представляло в стране власть духовного лидера всех буддистов – Далай-ламы, тибетского теократического монарха, решения которого уже с XVII в. стали еще одним основанием для появления претендентов на ханский трон из числа нечингисидов.

Политико-правовая ситуация в Монголии XVII–XVIII вв. была сложной и противоречивой. С одной стороны, местные правители старались сохранять и укреплять политико-правовые традиции «чингисизма», в которых видели средство сохранения единства государства, независимости монголов. Соответственно, любой нечингисид, претендовавший на верховную власть и ханский титул, в их глазах являлся несомненным узурпатором и заслуживал наказания. С другой стороны, не менее важным фактором борьбы за власть в Монголии с конца XVI в., средством своеобразной «отстройки» от западных мусульман и китайцев, а также консолидации самих монголов становится буддизм.

Привнесенная в Монголию из Тибета, эта религия поначалу виделась местными правителями как средство дополнительной легитимации принявших ее Чингисидов по сравнению с другими родственниками, еще не проникшимися ценностями «желтой веры» (см., напр.: [Аякова, 2004, с. 16]). Однако со временем в силу различных обстоятельств буддийская церковь Монголии стала играть важную роль не только в духовной, но и политической жизни страны, соответственно, решения буддийского первосвященника – Далай-ламы в глазах верующих (в том числе и самих представителей «золотого рода») являлись таким же законом, как «чингисизм» и воля ханов-Чингисидов.

Вероятно, именно это обстоятельство учел Далай-лама V, когда на рубеже 1630–1640-х годов впервые присвоил ханский титул нечингисиду – предводителю ойратского племени хошоутов Туру-Байху, кочевавшему в районе Кукунора и отныне ставшему Гуши-ханом. Это решение Далай-ламы было в известной мере вынужденным, принятым под давлением ряда обстоятельств. Дело в том, что в первой половине XVII в. Далай-лама не обладал полнотой ни светской, ни духовной власти в Тибете. Ряд областей возглавляли независимые от него владетели (например, правитель области Цзан, носивший титул Цанпа-хана), в духовной же сфере Далай-лама возглавлял всего лишь одну из буддийских сект в Тибете – школу гэлугпа, сторонники которой назывались «желтошапочниками». Главными их противниками были приверженцы другой буддийской школы кармапа, в отличие от соперников называвшиеся «красношапочниками». Один из их предводителей, Рабчжампа, в начале 1630-х годов пригласил в Тибет халхасского Чингисида – Цогта-тайши, который за короткое время создал себе самостоятельное государство и уже был близок к победе над сторонниками школы гэлугпа. Соответственно, Далай-ламе нужен был союзник, который мог бы на равных противостоять владетельному Чингисиду. Таким союзником стал хошоутский Туру-Байху. Он пришел в Тибет по собственной воле, а не по прямому приглашению Далай-ламы (который долго колебался, стоит ли приглашать в свои владения еще одного монгольского князя [Цендина, 2002, с. 143]), причем его поддерживали и другие влиятельные ойратские правители – его родной брат Байбагас-тайши и Батур-хунтайджи, будущий основатель Джунгарского ханства [Дугаров, 2003, с. 48–51; Кычанов, Мельниченко, 2005, с. 113–116; Цендина, 2002, с. 143–145].

Под предлогом борьбы с Цогтом-тайши, Рабчжампой и Цанпа-ханом ойратский предводитель в 1637 г. разгромил Цогта-тайши и практически оккупировал Тибет. В 1642 г. последний из

противников, Цанпа-хан, был им пленен, а Далай-лама, торжественно въехавший в Лхасу, был провозглашен главой Тибета, который с этого времени формально превратился в теократическую монархию. Однако не будем забывать, что буддийские священнослужители (даже самые высшие) официально не должны были заниматься мирскими делами. Именно поэтому Туру-Байху, получивший от Далай-ламы титул Гуши-хана (по-тибетски «чоки гьялпо» – «хан веры»), был поставлен им во главе «тринадцати туменов Тибета», формально став своеобразным военным вождем при духовном главе Далай-ламе [Дугаров, 1983, с. 41; Цендина, 2002, с. 145]. Эта ситуация заставляет вспомнить об уже упоминавшемся нами в предыдущей главе институте соправительства духовного и светского владык (император и сегун в Японии, каган и шад в Хазарии, халиф и султан в мусульманском мире и т. д.), таким образом, формат совместного владычества над Тибетом не был уникальным.

Для нас важно то, что Далай-лама создал прецедент, своей волей присвоив ханский титул представителю нечингисидской династии, тем самым нарушив монополию на него монгольских Чингисидов. Гуши-хан и его потомки обладали ханским титулом и фактически управляли Тибетом до 1717 г., когда его правнук Лхавсан-хан был разгромлен и убит джунгарами – потомками соратников своего деда [Пагсам-джонсан, 1991, с. 46–49; Цыбиков, 1991*а*, с. 142] (см. также: [Дугаров, 2003, с. 55]).[92] Официально они получали инвеституру из рук Далай-ламы, выступая его защитниками и поборниками «желтой веры» в Тибете и окрестных регионах и сделав этот титул фактически наследственным [Petech, 1966, p. 267].

В начальный период после приобретения Гуши-ханом ханского титула хошоуты обладали своеобразной «монополией» на него, поскольку фактически контролировали Далай-ламу и его двор, в том числе назначая и сановников буддийского первосвященника [Ерофеева, 2010, с. 499–500; Кычанов, Мельниченко, 2005, с. 117]. Однако вскоре после смерти Гуши-хана между его потомками началась борьба за власть, их контроль над Далай-ламой ослаб, и он получил возможность даровать ханские титулы другим ойратским правителям – в известной степени и для того, чтобы противопоставить их хошоутам, опекой которых он уже изрядно тяготился. В 1657 г. правитель алашаньских хошоутов, Очирту-тайджи (племянник Гуши-хана), прибыл в Тибет и получил от Далай-ламы титул Цэцэн-хана («Мудрого хана») [Их Цааз, 1981, с. 35 (примеч. 35)]. А в 1678 г. джунгарский правитель – хунтайджи Галдан (зять Очирту, годом ранее разгромивший и убивший тестя,

присоединив его владения к своему государству) получил от того же Далай-ламы титул Бошугту-хана [Miyawaki, 1999, p. 329]. В 1690 г. тибетские власти от имени Далай-ламы V (смерть которого уже восемь лет как скрывалась ими) даровали ханский титул калмыцкому (торгоутскому) хану Аюке, а в 1735 г. – его внуку Дондук-Омбо [Колесник, 2003, с. 107, 125–126; Трепавлов, 2007*а*, с. 158].

Как относились к этой инициативе Далай-ламы монгольские Чингисиды и их приверженцы? Несмотря на явное нарушение принципов «чингисизма», не считаться с волей главы буддийской церкви они не могли, причем по нескольким причинам. Во-первых, отказ подчиниться воле Далай-ламы и не признать дарованных им титулов подрывал авторитет буддийской церкви и в самой Монголии – что было невыгодно местным ханам и тайджи из рода Чингис-хана, использовавшим религию в своих политических интересах. Во-вторых, некоторые из влиятельных монгольских правителей сами получали ханские титулы от Далай-ламы: так, в благодарность за распространение буддизма в Монголии знаменитый Алтан-хан Тумэтский, в 1578 г. получил от Далай-ламы III титулы Гэгэн-хана и Номун-хана (соответственно, «просвещенного хана» и «владыки веры/учения») [Лубсан Данзан, 1973, с. 290–292], а Абатай, родоначальник Тушету-ханов – титул Вачирай-хана [История, 1999, с. 65]. Отказываясь признавать титулы ойратских монархов, дарованные Далай-ламой, монгольские Чингисиды тем самым поставили бы под сомнение и законность титулов собственных почитаемых предков, также дарованных им первоиерархом Тибета!

Таким образом, несмотря на нечингисидское происхождение, хошоутские, джунгарские (чоросские) и торгоутские (калмыцкие) правители узаконили свои права на престол и даже добились международного признания себя в ханском статусе именно на основании религиозного фактора. Получив же ханские титулы, они пошли еще дальше, последовательно внедряя в своих государствах элементы чингисидской государственности и права. Так, ойратские ханы присвоили себе право издавать ярлыки – акты ханского волеизъявления. В частности, известны четыре таких указа, изданные Галданом Бошугту-ханом на рубеже 1670–1680-х годов [Их Цааз, 1981, с. 30–32] (см. также: [Гурлянд, 1904, с. 87–91; Команджаев, 2002, с. 26–30; Рязановский, 1931, с. 62, 67]).

Мало было издавать законы, были необходимы и органы, обеспечивавшие их применение. Правоохранительные функции в ойратских ханствах выполняли заргучи, институт которых также был прямо позаимствован из чингисидской правовой практики:

суд дзаргу был создан Чингис-ханом еще на заре формирования его империи. В Джунгарии судьи-заргучи занимали высокое положение, стоя на следующей ступени чиновной иерархии после тушимэлов – ханских наместников, выше которых были лишь сами ханы [Моисеев, 1991, с. 36–37; Чернышев, 1990, с. 67, 71]. В Калмыцком ханстве также существовал суд-зарго, выносивший решения на основе «Их Цааз» и дополняющих его указов-ярлыков Галдана Бошугту-хана. Примечательно, что этот суд, даже после того как Калмыкия была в значительной степени интегрирована в правовое пространство российской империи, продолжал существовать: в 1762 г. по распоряжению имперских властей была произведена его реорганизация, а в 1800 г. (т. е. практически 30 лет спустя после ликвидации Калмыцкого ханства) он вновь был восстановлен [Колесник, 2003, с. 184–185; Команджаев, 2003, с. 17–19, 31]. Из других властных институтов, которые ойраты унаследовали из чингисидской правовой практики, можно упомянуть наличие таких должностей, как дарга и бичечи [Команджаев, 2003, с. 14–15], в которых без труда угадываются чиновники чингисидского времени – даруга (наместник, управитель) и битикчи (писец, начальник канцелярии).

В еще большей степени правопреемство ойратских монархов от чингисидских проявилось в том, что они переняли и их имперские устремления, стараясь сосредоточить в своих руках власть над странами и народами, прежде принадлежавшими потомкам Чингис-хана. Нельзя не согласиться с мнением Н. Я. Бичурина (о. Иакинфа) о том, что «ойроты замыслили восстановить древнюю Чингис-ханову империю в Азии» [Бичурин, 1991, с. 44] (см. также: [Кычанов, 1980, с. 75; Courant, 1912, p. 52]). Так, калмыки, которые в 1620-е годы под предводительством Хо-Урлюка пришли на Волгу, в течение короткого времени установили гегемонию над бывшими золотоордынскими подданными – ногаями, каракалпаками, кумыками, кабардинцами, башкирами и др. [Посольские книги, 2003, с. 23] (см. также: [Лемерсье-Келькеже, 2009, с. 257, 265; Тепкеев, 2011, с. 13]). В 1680-е годы Галдан Бошугту-хан контролировал Восточный Туркестан, назначал здесь своих наместников и собирал налоги в свою пользу [Бичурин, 1829, с. 166; Courant, 1912, p. 50].[93] Китайский источник «Дай Цин шэнцзу жэньхуанди шилу» с преувеличениями, но вполне определенно говорит об имперских устремлениях Галдана Бошугту-хана:

> Галдан уже разбил мусульманские владения Самаэрхань [Самарканд], Бухаэр [Бухару], Хасакэ [Казахстан], Булутэ [Киргизию], Еэрцянь [Яркендское

ханство], Хасыхаэр [Кашгар], Сайлам [Сайрам], Тулуфань [Турфан], Хами. [Число] подчиненных им в [ходе] войны городов составляет более 1200 [Китайские документы, 1994, с. 59–60].

В 1710-е годы Цэван-Рабдан, преемник Галдана, сумел подчинить себе значительное число киргизских родов [Моисеев, 1991, с. 69]. О многом говорит, в частности, такой факт, что пушечное производство ханов Джунгариии в конце XVII – первой половине XVIII в. располагалось в таких городах, как Урга (в Халхе)[94] и Яркенд (в Восточном Туркестане) [Бобров, Худяков, 2010, с. 209]. Кроме того, в Яркенде в первой половине XVIII в. чеканились монеты с именами хунтайджи Цэван-Рабдана и Галдан-Цэрена [Петровский, 1893; Тухтиев, 1989, с. 9, 13] (см. также: [Беляев, Настич]), что также свидетельствует о претензиях джунгарских монархов на сюзеренитет над бывшими чингисидскими владениями, которыми, как уже отмечалось, в этот период управляли их ставленники-вассалы – Черногорские ходжи.

В ряде случаев ойраты стремились установить власть не только над бывшими владениями Чингисидов, но и напрямую вступали в конфронтацию с ними. Так, согласно Есиповской летописи, уже в конце XVI в. ойраты находились в противостоянии с сибирским ханом Кучумом [ПСРЛ, 1987, с. 68–69], в конце 1630-х годов хошоуты разгромили халхасского Цогт-тайши, захватив власть над Кукунором и Тибетом, в 1680-е годы джунгарский хан Галдан распространил гегемонию на ханства Халхи и Восточный Туркестан, прежде принадлежавший ханам из дома Чагатая. Общеизвестны также войны XVII–XVIII вв. Джунгарии с Казахским ханством, которые в значительной степени и обусловили вхождение Казахстана в состав Российской империи.

В некоторых случаях ойратские правители даже сами назначали правителей из дома Чингис-хана, которые, таким образом, становились вассалами ойратов, с чингисидской точки зрения принадлежавших к «черной кости». Наиболее широко распространилась эта практика при Галдане Бошугту-хане, который, в частности, возводил на трон Кашгара потомков Чагатая, а также выделил в своих владениях улус сибирскому царевичу Дюдюбеку, потомку хана Кучума [Материалы, 1996, с. 321; Чурас, 1976, с. 240 и след.].

Можно ли считать такие действия с правовой точки зрения посягательством на власть «природных» ханов из дома Чингис-хана? Формально, видимо, нет, поскольку ойратские ханы, как

уже отмечалось, получали титул от высшего иерарха буддийской церкви и мотивировали свои действия борьбой за распространение веры. Так, именно апеллируя к авторитету Далай-ламы, джунгарский хан Галдан старался распространить контроль на монгольские ханства Халхи, а казахов намеревался не только подчинить, но и заставить перейти в буддизм (см., напр.: [Моисеев, 1991, с. 51; Чимитдоржиев, 2002, с. 39]). На это же указывают сами их титулы – Гуши-хан, Цэцэн-хан, Бошугту-хан и др., которые отражали их особое место в буддийской, а не политической структуре. Другое дело, что в условиях, когда буддизм и его иерархи стали играть важную политическую роль, амбициозные ойратские монархи не могли не использовать религиозный фактор в политической сфере, противопоставляя себя (причем небезуспешно) потомкам Чингис-хана.

Интересно отметить, что Далай-лама фактически постоянно возводил в ханы только хошоутских правителей Кукунора, а из остальных ойратских правителей пожаловал ханский титул лишь одному алашаньскому (Очирту Цэцэн-хан), одному джунгарскому (Галдан Бошугту-хан) и двум калмыцким ханам (Аюка и Дондук-Омбо). Однако их преемники также, как правило, носили ханские титулы. Несомненно, это было связано с тем, что они считали себя наследниками титулов своих предшественников, право которых на верховную власть «освятил» сам Далай-лама, а в их лице и их семейства.[95]

Еще один особый пример в большей степени представляется близким кашгарским ходжам, нежели предыдущим монгольским ханам-нечингисидам. Мы имеем в виду избрание ханом Монголии, провозгласившей свою независимость в 1911 г., не кого-то из многочисленных монгольских Чингисидов, а именно главы монгольской буддийской церкви Богдо-гэгэна VIII, который вообще был тибетцем по происхождению. Но во-первых, на его стороне было многочисленное буддийское духовенство, а для претендентов из рода Чингис-хана, не желавших уступать право на престол друг другу, он оказался своего рода компромиссным вариантом. А во-вторых, в официальном послании последнему китайскому наместнику в Монголии – Сандовану, маньчжурскому амбаню Урги, временное правительство Монголии объявило Богдо-хана (так теперь звучал титул бывшего первосвященника) «сыном Тушету-хана» [Ширендыб, 1963, с. 75]. Дело в том, что Богдо-гэгэн считался восьмым по счету перерожденцем первого главы монгольской буддийской церкви Джебцзун-Дамба-хутукты, который и в самом деле приходился сыном Тушету-хану Гомбо-Дорджи (прав. 1594–1655). Соответственно, раз душа первого святителя переходила в последующих, то и восьмая реинкарнация

в соответствии с монгольской буддийской традицией также могла считаться сыном монгольского хана, несмотря на то что сам Богдо-хан, повторимся, по рождению даже не был монголом. Таким образом, обоснование прав на престол последнего монгольского хана-нечингисида стало интересной комбинацией религиозного и генеалогического факторов (см. подробнее: [Кузьмин, 2014]).

Наконец, последний из примеров возведения в ханы по воле буддийского иерарха можно было бы назвать анекдотичным, если бы он имел место не при таких драматических событиях. Речь идет о присвоении в феврале 1921 г. «легендарному» барону Р. фон Унгерн-Штернбергу, прибалтийскому немцу по происхождению и офицеру российской имперской армии по положению, ханского титула с эпитетами «возродивший государство великий батор-командующий» и «воплощение бога войны». Формально этот титул делал прибалтийского барона равным Чингисидам по происхождению и ханам аймаков по статусу [Златкин, 1957, с. 166; Князев, 2004, с. 68–69; Рощин, 1999, с. 13; Юзефович, 1993, с. 121; Diluv Khutagt, 2009, p. 55–56]. Конечно, вряд ли он влек какие-то реальные права на престол в изменившихся условиях: он, скорее, имел некое символическое значение – интеграцию российского военачальника в монгольскую социальную иерархию. Однако интересно, насколько Богдо-хан имел право присвоить ханский титул «белогвардейскому генералу» (так характеризовали барона Унгерна советские историки)? Ранее ханские титулы нечингисидам мог присваивать только Далай-лама и то только за большие заслуги в деле распространения буддизма. Случаи присвоения ханских титулов Богдо-гэгэнами нами неизвестны. Кроме того, будучи избранным в ханы в 1911 г., Богдо-гэгэн VIII сложил с себя сан и женился, утратив, таким образом, первосвященнические полномочия. Следовательно, узурпатором в данном случае можно считать не только барона Унгерна, принявшего этот титул, но и Богдо-хана, даровавшего его.

Попытки легитимации претензий на власть апеллированием к воле халифов. Ситуация с легитимацией ханов нечингисидского происхождения в Монголии была довольно специфичной, но не уникальной. Отдельные попытки претендовать на чингисидское наследие путем получения инвеституры от главы соответствующей религии имели место и в мусульманском мире, хотя они и не были такими многочисленны. В самом деле, было бы довольно странным апеллировать к исламу, чтобы обосновать претензии на титул хана: ведь этот титул был актуален в рамках «чингисизма», который мусульмане

воспринимали в качестве чуждой и неправильной политической традиции, в корне противоречащей основам мусульманской веры. Поэтому те правители, которые старались опереться на волю халифа, ограничивались претензиями на верховную власть в бывших чингисидских владениях, не пытаясь формально закрепить за собой собственно ханский титул.

Так, например, бывшие вассалы персидских ильханов-Хулагуидов – Музаффариды, правители Фарса, после распада государства Хулагуидов стали независимыми правителями, а чтобы обезопасить себя от обвинений в узурпации в соответствии с чингисидским правом в 1354 г. решили принести присягу аббасидскому халифу, пребывавшему в Каире. Данный случай интересен тем, что представители этой династии для укрепления своего положения решили окончательно порвать с чингисидскими традициями, отказавшись от всех элементов чингисизма – титулатуры, системы управления, права и проч., полностью заменив их мусульманскими [Бартольд, 1966*б*, с. 46].

Попытки апеллировать к воле халифа имели место и в Чагатайском улусе. Вскоре после смерти Амира Тимура между его потомками началась жестокая борьба за власть. Официальным наследником Тимура по завещанию являлся его внук Пир-Мухаммад, однако по влиянию и энергичности он уступал другим претендентам. Его приближенные посоветовали ему обратиться к аббасидскому халифу, чтобы тот подтвердил права Пир-Мухаммада на трон империи Тимуридов, однако для этого следовало продемонстрировать отказ от всех монгольских (т. е. чингисидских) традиций, законов и обычаев. Царевич не решился на столь крутые преобразования, и в результате уступил власть сначала своему двоюродному брату Халил-Султану, а затем – и дяде Шахруху. Кстати, оба правителя сами обосновывали свой приход к власти волей Аллаха, но не сочли нужным получать подтверждение от халифа – наместника Аллаха на земле. Шахрух, как известно, и сам объявлял себя халифом, не признавая, таким образом, власти аббасидского главы мусульман [Бартольд, 1966*б*, с. 46, 48; Quatremere, 1843, p. 39; Manz, 1998, p. 35–36].

С 1517 г. султаны Османской империи, завоевавшие Египет и пленившие последнего халифа-Аббасида, сами стали халифами – духовными лидерами всех мусульман-суннитов. И теперь все правители (как законные, так и узурпаторы), нуждавшиеся в подтверждении своего статуса и укреплении своего положения с помощью религиозного фактора, должны были взаимодействовать именно с ними.

Несмотря на широкий спектр средств легитимации своей власти, бухарские Мангыты решили опереться также и на

авторитет османского султана. В 1819 г. эмир Хайдар, стесненный со всех сторон внутренними и внешними врагами, обратился к турецкому султану Махмуду II с просьбой о поддержке, взамен обещая признать его власть. Однако в Стамбуле сочли, что выказать поддержку государю, имеющему столько недругов, будет невыгодным для Османской империи, и бухарскому правителю было отказано в его просьбе. Стоит отметить, впрочем, что несколькими годами позже эмир Хайдар сумел расправиться с внутренними бунтовщиками и решить внешнеполитические проблемы, так что его отчаянное обращение к султану в последующей бухарской историографии попросту игнорировалось [Кюгельген, 2004, с. 90, 350].[96]

Годом позже, в 1820 г., кокандский Омар-хан направил к тому же султану Махмуду II посольство с богатыми дарами. Не высказывая прямой просьбы о признании его в ханском достоинстве, представитель династии Минг «намекал», что нуждается в признании со стороны османского монарха. По всей видимости, Омар-хана интересовала не политическая поддержка далекой Османской империи, а именно признание его в ханском достоинстве со стороны халифа, вслед за которым его были бы обязаны признать и все другие мусульманские государи. Однако посольство оказалось безуспешным, и султан никак не отреагировал на инициативу кокандского хана [Эркинов, 2013] (см. также: [Васильев, 2007*а*, с. 21]).

Более успешной оказалась попытка заручиться поддержкой халифа, предпринятая еще одним среднеазиатским узурпатором. Якуббек, создатель государства Йеттишар в Кашгарии (откуда он самым откровенным образом вытеснил потомков белогорских ходжей, узурпировав, таким образом, власть у узурпаторов!), решил закрепить свое положение с помощью не только национального фактора (см. гл. 8 наст. изд.), но и религиозного. В 1873 г. он обратился к далекому турецкому султану, признавая себя его вассалом и обещая чеканить его имя на кашгарских монетах [Бартольд, 1966*б*, с. 315; Васильев, 2007*б*; Веселовский, 1899, с. 100] (см. также: [Kim, 2004, p. 151–155]). Несомненно, и в этом случае речь шла не столько о политическом,[97] сколько о духовном вассалитете: ведь Якуб-бек подчеркивал свою роль как поборника истинной веры в борьбе с «неверными» китайцами и другими претендентами на власть в Кашгарии, поэтому ему была необходима поддержка главы всех мусульман. Султан Абдул-Азиз довольно благосклонно отнесся к его просьбе, наградил титулом «аталык-гази» (борец за веру), и кашгарский правитель в течение 1873–1876 гг. чеканил монеты с именами османских султанов – сначала Абдул-Азиза, затем его преемника Мурада V [Тухтиев,

1989, с. 18–19; Karpat, 1991, p. 23–25; Kiernan, 1955, p. 319].

Наконец, именно как ставленник османского султана-халифа выступал и хивинский узурпатор – вождь туркменского племени йомуд Мухаммад Курбан Сардар, более известный как Джунаид-хан. Ссылаясь на фирман, полученный от «повелителя правоверных», он захватывал Хиву в 1916 и 1918 гг., заставляя хана Исфендиара из династии Кунгратов признавать себя его младшим соправителем, кланяться ему на церемониях и проч. [Молчанов, 2002, с. 236; Тухтаметов, 1969, с. 89–92].

Как видим, в мусульманском мире также, хотя и не так часто, как в буддийском, узурпаторы обращались к почитаемым духовным лидерам для подтверждения своих прав на захваченные троны.

Глава 5
Региональный фактор

Распад чингисидских государств имперского типа в XIV–XV вв., династический кризис «золотого рода», вымирание (или уничтожение) одних ветвей правящей династии и активизация других – все эти условия приводили к достаточно сложным и тяжелым последствиям для отдельных регионов. Зачастую имела место «чехарда» ханов, когда к власти приходили, свергая или изгоняя друг друга, представители разных ветвей рода Чингисидов, что влекло за собой продолжительные междоусобицы, которые, конечно же, никоим образом не оказывали положительного влияния на экономику региона, демографию населения и отношение к монархам.

Именно в качестве «ответа» на подобные «вызовы» (используя терминологию британского историка А. Дж. Тойнби) следует рассматривать приход к власти представителей региональных элит, не имевших отношения к «золотому роду». При этом формы обоснования легитимации власти новых правителей могли быть самые различные – от номинального признания сюзеренитета того или иного чингисидского монарха (при сохранении в своих руках фактической полноты власти) до полного игнорирования чингисидских политико-правовых принципов и выстраивания системы власти на совершенно иных основаниях.

§ 1. Захват власти региональными правителями как вариант выхода из политического кризиса

Распад державы ильханов и приход к власти региональных династий.

Одним из наиболее ранних проявлений подобного регионализма стало, по-видимому, появление «местных» династий на пространстве государства ильханов в Иране, рухнувшего в 1330–1350-е годы. Мы уже упоминали выше некоторые из иранских государственных образований, в частности государство Джалаиров в Ираке и Музаффаридов в Фарсе [Wing, 2007, p. 141 et seq.]. В то же время появились династии Инджуидов – также в Фарсе, Куртов – в Хорасане и т. д. (подробнее см.: [История, 1958, с. 218–219]). Причиной узурпации ими власти в качестве независимых правителей стала именно политическая нестабильность в государстве ильханов, приход к власти сомнительных Чингисидов, являвшихся к тому

же ставленниками фактических правителей того или иного региона и, соответственно, не устраивавших равных им по статусу других региональных лидеров. Поэтому многим влиятельным правителям того или иного округа в составе монгольского Ирана было выгоднее взять всю полноту власти в свои руки, нежели признавать кого-то из противоборствовавших Чингисидов.

Некоторые из таких династий сохраняли чингисидские традиции, например, Джалаиры в Ираке и Чопаниды в Азербайджане (правда, «региональными», в отличие от остальных, они стали фактически, тогда как формально претендовали на все наследие Хулагуидов, с чем, вероятно, и связана опора на принципы «чингисизма»). Причем если первые из них уже с конца 1330-х годов сами приняли ханский титул (как уже упоминалось выше), то вторые, несмотря на такое же тесное родство с иранскими Чингисидами, до самого своего падения в 1357 г. практиковали возведение на трон марионеточных Чингисидов. Представители «кратковременной» династии Инджуидов, правившей в Фарсе в 1336–1357 гг., не пытались претендовать на ханское достоинство, довольствуясь титулом эмиров, т. е. оставляли возможность в случае опасности признать власть более вышестоящего монарха. Тем не менее с 1342 г. они чеканили монеты с собственными именами, что свидетельствовало об их самостоятельности. В своей деятельности они, несмотря на свое персидское происхождение, пытались сочетать тюрко-монгольские и мусульманские политико-правовые традиции (ведь, как отмечают уже средневековые историки, их могущество и было связано с их «инкорпорацией» в чингисидскую государственную систему [Шараф-хан, 1976, с. 72]), однако это не спасло их: в 1357 г. Фарс был захвачен династией Музаффаридов, что продемонстрировало слабое «усваивание» чингисидской государственности и права в этом регионе [Там же, 1976, с. 72–77] (см. также: [Грачев, 2005, с. 94–95]).

Сами Музаффариды представляли собой династию, полностью отказавшуюся от чингисидского наследия и опиравшуюся исключительно на принципы мусульманской государственности и права. Музаффариды были иранской династией, по некоторым сведениям арабского происхождения, которая «терпела» власть монгольской династии Хулагундов по необходимости. Сразу же после ослабления этой династии Музаффариды захватили всю полноту власти в регионе, который и ранее при монголах находился под ее контролем. Обосновавшись сначала в Йезде, родоначальник Музаффаридов, Мубариз ад-Дин Мухаммад в течение короткого времени захватил весь Фарс, провозгласил себя султаном и признал власти

каирского халифа из династии Аббасидов, всячески игнорируя претензии монгольских правителей на установление сюзеренитета [Шараф-хан, 1976, с. 52–53]. Однако полвека спустя, в 1380-е годы, Музаффариды, чьи владения оказались раздроблены между различными представителями династии, ведшими постоянные междоусобицы, были вынуждены признать сюзеренитет Амира Тимура, который, как известно, действовал от имени хана-Чингисида Суюргатмыша. Таким образом, формально Фарс был возвращен под власть «золотого рода». Однако сразу после первого ухода Тимура обратно в Среднюю Азию Музаффариды отказались подчиняться ему, и в начале 1390-х годов Железный Хромец вновь вторгся в Фарс – что интересно, под предлогом наказания Музаффарида Шах-Мансура, за его преступления против собственных родственников, у которых тот поотнимал уделы, а некоторых еще и ослепил. В 1393 г. Шах-Мансур был разгромлен и убит в битве, а его уцелевшие родичи были арестованы Амиром Тимуром и отправлены в Самарканд, а Фарс опять попал под власть тюрко-монгольских правителей – на этот раз потомков Тимура [Йазди, 2008, с. 160–167] (см. также: [Defremery, 1845, p. 464–467]). Таким образом, формально чагатайскому завоевателю удалось покончить с династией узурпаторов и восстановить власть «золотого рода» в этом регионе.

Наиболее своеобразным государственным образованием на территории распавшегося государства ильханов являлось государство сербедаров, существовавшее в Хорасане в 1336–1381 гг. Изначально они позиционировали себя как религиозных последователей шейха-проповедника Хасана Джури и строили свое государство на принципах мусульманского вероучения, причем именно в том варианте, в котором его преподносил сам их духовный глава. Соответственно, ими не только отвергались чингисидские политико-правовые принципы и нормы, но и провозглашалась борьба с теми правителями, которые их придерживались. Подобная политика послужила поводом для противостояния с последними ильханами, Борджигинами и другими постхулагуидскими претендентами на власть [История, 1977, с. 159; Smith, 1970, p. 101]. Как отмечалось выше, сербедарам удалось в течение ряда лет успешно противостоять попыткам самозваного ильхана Туга-Тимура (потомка Хасара, брата Чингис-хана) подчинить их себе, а в 1353 г. они даже смогли покончить с ним. Тем не менее несмотря на свой успех и свое религиозное рвение, предводители сербедаров не могли не считаться с политической ситуацией в Иране и Центральной Азии, где власть чужаков-монголов, несмотря на династический

кризис, продолжала считаться законной, а сами они воспринимались как мятежники. Поэтому, стремясь сохранить и приумножить свои завоевания, правители сербедаров старались лавировать между различными монгольскими правителями и их приверженцами. В частности, они заключили фактически равноправный мирный договор с правителем Чагатайского улуса Казаном; после его гибели договор, вероятно, перезаключили и с его номинальным преемником Баян-Кули-ханом [Грачев, 2011, с. 99; Петрушевский, 1956, с. 148; Холмогоров, 1860, с. 44].

Как и в случае с Музаффаридами, тюрко-монгольские правители воспринимали сербедаров как узурпаторов. Впрочем, в этом они не расходились и с другими, даже чисто мусульманскими, правителями Ирана, для которых «висельники» (так переводится «сербедар») были незаконными правителями. Соответственно, когда последний сербедарский правитель Али-Муайад, опасаясь вторжения мазандеранского правителя Вали-бека (потомка Хасара, т. е. члена рода Борджигин), обратился к Амиру Тимуру, тот вторгся в Хорасан и, захватив его в 1381 г., арестовал самого правителя, которого, продержав несколько лет в заключении, в конце концов приказал умертвить [Петрушевский, 1956, с. 156–157].

Таким образом, и в этом регионе власть Чингисидов (в лице их фактических соправителей Тимуридов) была восстановлена. Они, а затем и бухарские Шайбаниды продолжали управлять Хорасаном, и ранее неоднократно рассматривавшимся как часть Чагатайского улуса, вплоть до завоевания его персидским шахом Исмаилом Сефеви в 1510 г., да и впоследствии, до конца XVI в., продолжали предпринимать попытки вырвать его из-под власти иранских властителей.

Золотоордынские эмиры-«сепаратисты». Несколько позднее, в период «Великой замятни» в Золотой Орде попытки создания «региональных» государств предпринимали и местные эмиры. Около 1361 г. сразу несколько областных наместников провозгласили себя самостоятельными правителями: Пулад-Тимур, бывший ханский наместник в Волжской Булгарии, эмир Тагай в Мохше, Хаджи-Черкес в Хаджи-Тархане и Сегиз-бей в Запьянье, причем некоторые из них даже стали чеканить собственную монету.

Как и иранские региональные лидеры, эти узурпаторы использовали различные формы легитимации своей власти. Так, например, Тагай и Сегиз-бей, пользуясь слабостью ханской власти, в течение ряда лет вели себя как независимые правители, однако при этом благоразумно не старались претендовать на верховную власть и при первом же появлении вблизи их владений

достаточно сильного хана-Чингисида (это оказался Абдаллах, первый ставленник знаменитого Мамая) признали его власть, что позволило им сохранить не только жизнь, но и должности правителей (подробнее см.: [Почекаев, 2010, с. 51]). Правда, позднее, в 1378 г. хан Арабшах из династии, соперничавшей со ставленниками Мамая за золотоордынский трон, разгромил и убил Тагая, однако в данном случае, несомненно, следует видеть в этих событиях не расправу с узурпатором, как полагают некоторые исследователи (см., напр.: [Биккинин, 2004, с. 294; Крамаровский, 2003, с. 94]), а борьбу со сторонниками хана-конкурента [Почекаев, 2010, с. 65, 218 (примеч. 207)].

Весьма интересным представляется случай с Пулад-Тимуром, правившим Волжской Булгарией в 1361–1367 гг., которого некоторые исследователи характеризуют как «выдающегося государственного деятеля Булгара периода обособления» [Мухамадиев, 2005, с. 151]. В самом деле он уже в начале «Великой замятни» энергично взялся за строительство собственного улуса, причем выбрал стратегически важный регион: русские летописцы отмечают, что

> Булат Темир, князь Ординский, Болгары взял и все грады по Волзе и улусы поимал и отня весь Воложский путь [ПСРЛ, 2000*а*, с. 233],

таким образом, контролируя волжские торговые коммуникации. Естественно, обладая таким важным и богатым источником дохода, он мог себе позволить противостояние и с ослабевшими ханами-Джучидами, и с другими эмирами-сепаратистами. Однако Пулад-Тимур проявил не только практическую хватку, захватив торговые пути на Волге, но и политический здравый смысл: на своих монетах он, помимо собственного имени, чеканил также и имя хана Джанибека. Последний факт в течение довольно длительного времени смущал историков-нумизматов, которые готовы были считать, что Пулад-Тимур, подобно Мамаю, возводил на трон марионеточных ханов – Джанибека II, а возможно и Джанибека III [Григорьев, 1850, с. 42–49; Савельев, 1865, с. 45–48; Федоров-Давыдов, 2003, с. 87, 96, 98] (см. также: [Пачкалов, 2004, с. 162]). Однако сравнительно недавно было убедительно доказано, что на монетах имени хана сопутствует эпитет «покойный», таким образом, имеется в виду единственный хан Джанибек, правивший еще до «Великой замятни», в 1342–1357 гг., которому, предположительно, подчинялся Пулад-Тимур в качестве наместника в Волжской Булгарии и которого, по всей видимости, считал последним законным ханом Золотой Орды [Григорьев,

1983, с. 40; Мухамадиев, 2005, с. 151; Сафаргалиев, 1960, с. 119] (ср.: [Григорьев, 1850, с. 50–58]). Как бы то ни было, с одной стороны, формально Пулад-Тимур не объявлял себя верховным правителем, но с другой – его попытка легитимировать свою власть ссылкой на волю давно умершего хана никого не могла обмануть. Неудивительно, что после первой же серьезной неудачи (поражения эмира от русских войск на р. Пьяна в 1367 г.) на него обрушился очередной сарайский хан, Азиз-Шейх, который разгромил и казнил Пулад-Тимура как бунтовщика против центральной власти и узурпатора [ПСРЛ, 2000*б*, с. 9] (см. также: [Мухамадиев, 2005, с. 152; Почекаев, 2012, с. 175, 353 (примеч. 494)]).

Нуждается в дополнительном изучении личность и деятельность еще одного золотоордынского узурпатора эпохи «Великой замятни» – Хаджи-Черкеса, правителя Хаджи-Тархана (Астрахани). В отличие от Пулад-Тимура и остальных «региональных сепаратистов», он, судя по имеющимся данным, сделал ставку именно на самостоятельное правление, причем не ограничиваясь исключительно находящимся в его власти уделом Хаджи-Тархан, которым он управлял в качестве наместника-даруги, по некоторым сведениям, еще с 1340-х годов [Григорьев, Григорьев, 2002, с. 102, 153]. Хаджи-Черкес чеканил монету от собственного имени и даже принимал активное участие в междоусобицах. Впрочем, ханом он себя не именовал (на чеканенных им монетах присутствует титул «эмир правосудный» [Гончаров, 1997, с. 178]), так что его можно было обвинить в отделении региона от Золотой Орды, но не в претензиях на ханский трон. Кроме того, есть некоторые основания полагать, что в 1367–1368 гг. Хаджи-Черкес выдвинул в качестве претендента на престол царевича-Чингисида Тимур-бека (из крымской ветви потомков Туга-Тимура, сына Джучи), с которым вначале вторгся в крымские владения небезызвестного Мамая, а затем двинулся на Сарай, который его ставленнику даже удалось захватить на короткое время.[98] О каких-то других совместных действиях этого эмира с Чингисидами сведений не имеется. Успешно лавируя между различными претендентами на трон, владетель Хаджи-Тархана сумел в течение длительного времени противостоять не только другим эмирам и их ставленникам (как, например, Абдаллах – хан поставленный Мамаем), но и Чингисидам. В 1373 г. против него выступил Урус, хан Синей Орды (еще один потомок Туга-Тимура), уже успевший захватить Сарай. Хаджи-Черкес сумел оказать ему сопротивление, а вскоре против самого Уруса выступил новый претендент на сарайский трон – Ильбек, потомок Шибана (пятого сына Джучи), и хану не

удалось ни разгромить астраханского узурпатора, ни даже добиться хотя бы формального признания его власти (подробнее см.: [Зайцев, 2006, с. 17–18; Кайдарова, Ускенбай, 2004, с. 76]). До самой смерти в 1375 г. (обстоятельства его кончины неизвестны) Хаджи-Черкес оставался независимым правителем Хаджи-Тархана, что является удивительным примером для того времени: ни одному другому эмиру, претендовавшему на независимость, не удавалось продержаться так долго.

«Ханы» Башкирии XV—XVI вв. По вполне понятным причинам не нашли отражения в придворной историографии какого-либо чингисидского ханства события XV–XVI вв. в Башкирии. А между тем, по некоторым сведениям, представители местной элиты не просто желали отделить свой регион от чингисидских владений, но и сами неоднократно предъявляли претензии на трон. Причина их действий та же самая, что заставила активизироваться региональных лидеров в Иране и Золотой Орде: их не устраивала постоянная смена ханов, постоянный переход власти над их регионом из одних рук в другие и, как следствие, радикальные смены политического курса и репрессии против тех представителей знати, которые поддерживали предыдущий «режим». Сведения о таких правителях сохранились лишь благодаря башкирскому эпосу, преданиям, а также шежере – родословным, передававшимся из поколения в поколение.[99]

Согласно мнению некоторых исследователей истории Башкирии, в XV – начале XVI в. на ханский титул предъявляли претензии, в частности, Бачман (Южная Башкирия, последняя четверть XV в.), победивший и убивший его после длительной борьбы Алтакар, а в районе современной Уфы в то же время правил Тура-хан (Ураз-хан), упоминаемый в источниках как брат Бачмана, который тоже был убит «между теми же замешаниями» [Рычков, 1896, с. 69; Усманов, 1960, с. 45–47] (см. также: [Юсупов, 2009, с. 131–134]). Ряд авторов предполагают ногайское происхождение упомянутых «ханов» [Рычков, 1896, с. 69; Усманов, 1960, с. 45], другие считают, что они могли принадлежать к кипчакским родоплеменным образованиям [Юсупов, 2009, с. 132–133]. В некоторых работах высказывались предположения даже о чингисидском происхождении этих правителей (подробнее см.: [Сабитов, 2011*а*, с. 67]).[100] На наш взгляд, однако, следует согласиться с мнением, что эти башкирские претенденты на власть, упоминаемые в преданиях и шежере, не имели четких реальных прототипов, а представляли собой некие собирательные образы [Юсупов, 2009, с. 132] (ср.: [Сабитов, 2011, с. 68–69]). В первой половине XVI в. власть

перешла к другим правителями, которые уже более четко идентифицируются, благодаря указаниям летописных сочинений и актовых материалов. Сначала это был «Акназар-султан» (или хан), затем – «Исмаил-хан», которых В. В. Трепавлов с полным основанием отождествляет, соответственно, с будущим знаменитым казахским ханом Хакк-Назаром и будущим не менее знаменитым ногайским бием Исмаилом, отметив при этом, что оба они (равно как и их преемники – Ахмад-Гирей-султан, Динбай-мурза и др.) являлись наместниками Ногайской Орды в Башкирии [Трепавлов, 2001, с. 205–209, 292].

В эпиграфических памятниках и шежере эти правители фигурируют либо как ханы, либо как «улуг-бии» [Юсупов, 2009, с. 114]. Нетрудно увидеть в этой титулатуре «перекличку» с золотоордынской и постордынской традицией: называя себя ханами, башкирские предводители бросали вызов потомкам Джучи, постоянно сменявшим друг друга в борьбе за владения в Поволжье и Приуралье, а принимая титул «улуг-биев», – соответственно, правителям Ногайской Орды, потомкам Идигу, не менее активно стремившимся установить контроль над Башкирией.

Собственно говоря, нет уверенности, что появление башкирских «региональных» ханов в XV–XVI вв. – реальный факт, а не позднее созданный миф, игравший идеологическую роль в последующих антироссийских движениях в Башкирии в XVII–XVIII вв. Причем стоит отметить, что даже во время восстаний этого времени башкиры не выдвигали из своей среды ханов, а приглашали Чингисидов из других государств – Казахского ханства, сибирских «бродячих царевичей» (потомков разгромленного при Иване Грозном и его сыне Федоре хана Кучума), представителей «золотого рода» из Каракалпакии и т. д. Некоторые историки вообще не упоминают о деятельности таких ханов, полагая, что в рассматриваемый период власть над Башкирией принадлежала тюменским (сибирским) ханам-Чингисидам – потомкам Шибана, которые в той или иной степени делили ее с ногайскими мурзами, закрепляя свои позиции в Поволжье и Приуралье брачными узами с представительницами ногайского правящего семейства [Тоган, 2010, с. 38–43]. Другие полагают, что предводители «башкирских конфедераций» могли существовать и играть определенную политическую роль, однако выражают сомнения в том, что они обладали ханскими титулами [Трепавлов, 2009, с. 185].[101] Высказывалось также мнение, что деятели, впоследствии упоминаемые в шежере как ханы, в свое время были всего лишь влиятельными родоплеменными предводителями и занимали позиции карачи-беев в сановной

иерархии Казанского ханства, т. е. были вполне лояльны ханам-Чингисидам [Исхаков, 2010, с. 93–101]. Тем не менее в выявляемую нами тенденцию возможность существования таких узурпаторов вполне укладывается, как и упомянутая замена самозванных «ханов», не имевших права на этот титул в силу происхождения, более легитимными правителями – наместниками чингисидского (Хакк-Назар, Ахмад-Гирей) и манытского (Исмаил, Динбай и др.) происхождения. Аналогичная ситуация имела место, например, в Чагатайском улусе, который после длительного правления узурпаторов-Тимуридов был вновь возвращен под власть потомков «золотого рода» из золотоордынской династии Шибанидов.

Возрождение государственности Бадахшана. Сходная ситуация имела место в еще одном своеобразном регионе – Бадахшане. Расположение этого горного государства и его экономическая специфика (источник добычи рубинов, знаменитый на всю Центральную Азию) в течение веков обеспечивали Бадахшану особое положение, в том числе и сохранение у власти местной династии, которая, как утверждали ее представители, прямо происходила от Александра Македонского; по некоторым сведениям, бадахшанские правители даже носили титул «зулкарнайн» (в центральноазиатской традиции Александра Македонского называли Искандером Зу-л-карнайном – «двурогим») (подробнее см.: [Петров, 2006, с. 527–532]). Однако во второй половине XV в. Тимуриды захватили этот регион, и одна ветвь этого семейства сменила прежнюю династию. С конца XV до середины XVII в. за этот регион боролись сначала представители разных ветвей рода Тимуридов, затем в борьбу с потомками Тимура вступили новые завоеватели Чагатайского улуса – Шайбаниды, потомки Чингис-хана, которых с начала XVII в. сменили их преемники на троне Бухарского ханства – Аштарханиды. Таким образом, с середины XV до середины XVII в. Бадахшан являлся составной частью Чагатайского улуса и, подобно остальным регионам в составе этого государства, ареной борьбы за власть различных правящих династий и политических сил.

Область постоянно переходила из рук в руки, пока наконец в 1657 г. правителем ее не был избран некий Яри-бек, принявший титул Яри-бек-хана, т. е. бросивший вызов власти как бухарских ханов Чингисидов, так и беков (эмиров) Тимуридов. Интересно отметить, что одним из поводов избрания именно этого кандидата послужило его происхождение: он «был наследственным пиром», т. е. одним из предводителей почитаемого в Бадахшане суфийского ордена [Тарих, 1997, с. 26].

Однако важно отметить, что в отличие, например, от кашгарских ходжей, религиозный фактор в данном случае не сыграл решающей роли, хотя позиции ислама (в его исмаилитском варианте) были сильны в Бадахшане с XI в. и по меньшей мере до XIX в. включительно [Харюков, 1995, с. 90 и след.].

Новые правители, пришедшие к власти именно в связи с тем, что политика прежних, «чуждых», сюзеренов нарушала интересы населения Бадахшана, постарались укрепить свои права на власть именно опорой на местные традиции. Поэтому представители династии Ярибек-хана еще в XIX в. утверждали, что также являются потомками Александра Македонского (т. е. имеют родственные связи с прежней династией шахов-«зулкарнайнов») [Бартольд, 1965*а*, с. 346], несмотря на то что на самом деле предки основателя династии прибыли в Бадахшан из-под Самарканда лишь за два-три поколения до его избрания в ханы [Тарих, 1997, с. 26]. Тем не менее в результате сочетания ряда факторов (принадлежность к суфийскому ордену, претензии на родство с прежними шахами Бадахшана, избрание как аналог курултая), сам Яри-бек-хан пробыл на троне около полувека, а его потомки управляли Бадахшаном в течение многих поколений. Вопреки многочисленным попыткам завоевания, династия сумела сохранить власть вплоть до 1873 г., когда Бадахшан был окончательно присоединен к Афганистану (подробнее см.: [Кисляков, 1945, с. 107–111]).

Все рассмотренные выше примеры объединяет одна тенденция политического развития. Сначала эти регионы при разных обстоятельствах входили в состав имперских государственных образований и в течение какого-то времени добровольно или насильственно пребывали в их составе. Распад империй Чингисидов привел к постоянной смене монархов, их борьбе за престол, в результате которой страдали интересы населения регионов. Чтобы положить конец попыткам вовлечь бывшие имперские владения в борьбу Чингисидов, региональная элита просто-напросто отказывалась признавать их власть. А единственным эффективным способом выйти из-под контроля «золотого рода» являлось появление «альтернативных» правителей нечингисидского происхождения, которые тем не менее в глазах местного населения были законными, поскольку являлись его представителями и, соответственно, защищали интересы именно конкретного региона.

Таким образом, речь идет не о некоей национально-освободительной борьбе, а всего лишь о проявлениях «регионализма». В результате готовность правителей нечингисидского происхождения (т. е. узурпаторов в

соответствии с чингисидскими политико-правовыми традициями) защищать интересы региона и противостоять борющимся за власть законным ханам-Чингисидам, превратилась в еще один фактор легитимации власти.

§ 2. «Тираны»: приход к власти региональных династий как ответ на «имперскую политику» Чингисидов

В некоторых случаях представители отдельных регионов или даже родов и племен захватывали верховную власть по иной причине, чем рассмотренная выше. В период распада имперских государств Чингисиды нередко становились ханами в каком-то конкретном регионе, при поддержке местной знати, населения, войск. Соответственно, регион начинал в какой-то мере считать хана «своим» государем, и когда монарх, стараясь реализовать свои властные амбиции, покидал этот регион и начинал борьбу за власть в соседних регионах и государствах, у местного населения возникало чувство, что хан изменил своей «родине». Оно усугублялось в тех случаях, когда хан, в случае победы, отдавал предпочтение при своем дворе не тем сановникам, которые помогли ему прийти к власти, а тем, которые признали его воцарение во вновь завоеванном регионе. Реакцией на такое отношение ханов к интересам «родины» нередко становилась узурпация власти влиятельными эмирами-нечингисидами, которые либо формально, либо фактически занимали важное место в структуре управления соответствующего региона или же «регионального» государства. Мы условно называем их «тиранами»: так в античном мире и средневековой Европе называли правителей отдельных городов и областей, пришедших к власти с нарушением порядка наследования (хотя и не обязательно они были жестокими властителями, т. е. тиранами в современном значении этого термина).

Кашгарское государство Дуглатов. Одним из ранних и достаточно ярких примеров проявления этой тенденции стало возвышение рода Дуглатов в Могулистане. Представители этого рода в конце 1340-х годов способствовали отделению восточной части Чагатайского улуса от западной и приходу к власти представителя одной из ветвей Чагатаидов – Тоглук-Тимур-хана [Бартольд, 2002*б*, с. 530]. Однако уже на рубеже 1350–1360-х годов новый монарх, а затем и его сын Ильяс-Ходжа начали борьбу за восстановление единства Чагатайского улуса – естественно, под собственной властью [Натанзи, 2007, с. 66–80] (см. также: [Нагель, 1997, с. 118 и след.]). Следствием этой

политики стали постоянные походы обоих правителей в Мавераннахр, участие в междоусобной борьбе чагатайских кланов, породнение Тоглук-Тимура с местной знатью и, соответственно, возвышение при нем именно мавераннахрских сановников – в ущерб его первым сподвижникам из Могулистана.

Дуглатский эмир Пуладчи, собственно и сделавший Тоглук-Тимура ханом, занимал при этом монархе пост улус-бека (верховного главнокомандующего, аналогичный должности бекляри-бека в Золотой Орде и постордынских государствах и амир ал-умара в Средней Азии). Пока он сохранял этот пост, Дуглаты мирились с ханской политикой, однако вскоре после его смерти его брат Камар ад-Дин умертвил нового хана Ильяс-Ходжу б. Тоглук-Тимура со всем его семейством (было убито 18 царевичей) и вскоре захватил всю полноту власти в Могулистане. Формальным поводом для его мятежа против хана (согласно летописным источникам), послужила якобы обида этого могущественного эмира на то, что Ильяс-Ходжа после смерти Пуладчи решил передать пост амир ал-умара своему малолетнему сыну Худайдаду, а не самому Камар ад-Дину – следующему по старшинству брату [Мирза Хайдар, 1996, с. 61] (см. также: [Бартольд, 1943, с. 66; Караев, 1995, с. 53; Пантусов, 1910, с. 181; Султанов, 2006, с. 181–182; Юдин, 2001*а*, с. 129]).

Однако не приходится сомневаться, что реальной причиной узурпации Камар ад-Дина стало пренебрежительное отношение Ильяс-Ходжи к интересам Могулистана и в первую очередь самого клана Дуглатов. И как только хан потерпел серьезное поражение от эмиров Мавераннахра в так называемой грязевой битве (1865 г.), Камар ад-Дин воспользовался его ослаблением и расправился с ним [Йазди, 2008, с. 38–40] (см. также: [Бартольд, 2002*б*, с. 530; Ру, 2007, с. 52]).[102] Поскольку вместе с ханом были убиты практически все его сыновья (уцелел лишь один Хызр-Ходжа, происхождение которого, впрочем, тоже вызывает сомнение), в Могулистане не осталось законных претендентов на трон, Камар ад-Дин имел возможность узурпировать верховную власть. Реализовать ее было не сложно среди прочего в связи с тем, что традиции ханской власти в этом регионе были еще сравнительно недавними, и представление о Могулистане как о ханстве не успело закрепиться в сознании населения. Вероятно, именно поэтому Камар ад-Дин, хотя и претендовал на верховную власть, ханский титул принимать не намеревался.

Естественно, его намерения вызвали негативную реакцию как в самом Могулистане, так и за его пределами. Против узурпатора выступили другие могульские эмиры, равные ему по статусу и вполне обоснованно считавшие, что имеют не меньше прав на

власть [Йазди, 2008, с. 62; Мирза Хайдар, 1996 с. 62] (см. также: [Караев, 1995, с. 54]). В то же время против Камар ад-Дина начал действовать Амир Тимур – фактический правитель Мавераннахра, который с 1370 по 1390 г. организовал не менее семи походов против самозваного правителя Могулистана. Формально Тимур действовал от имени своего подставного хана Суюргатмыша и преследовал цель восстановить в Могулистане власть «золотого рода», так бесцеремонно захваченную узурпатором. Неслучайно в тимуридской историографической традиции Могулистан и его население презрительно именовалось «джете», т. е. разбойники, грабители [Юдин, 2001*а*, с. 103][103] – несомненно имелись в виду не личные качества могулов, а их мятеж против законной власти ханов Мавераннахра и их амир ал-умара Тимура. Примечательно, что Амир Тимур, по-видимому, учел неудачный опыт хана Ильяс-Ходжи и поначалу не стал пытаться навязать Могулистану «чуждого» Чингисида или хотя бы наместника родом из Мавераннахра: одержав первую победу над Камар ад-Дином, он передал всю полноту власти другому могульскому эмиру – Кепек-Тимуру. Однако региональный фактор уже был задействован, и вскоре новый наместник тоже восстал против властителя Мавераннахра, что вызвало новый поход Тимура в 1371 г. [Йазди, 2008, с. 73; Караев, 1995, с. 55].

В результате походов Амира Тимура многие местные эмиры были разгромлены, некоторые погибли, но в конечном счете, как ни странно, Камар ад-Дин (также терпевший поражения от Тимура) сумел укрепить свои позиции и обрел всю полноту власти в Могулистане. Впрочем, Тимур не захотел отказываться от намерения присоединить восточную часть Чагатайского улуса к западной и совершил еще ряд походов против узурпатора (в 1375, 1377, 1383, 1389 и 1390 гг.) [Йазди, 2008, с. 79–80, 82–84, 102–103, 133–137] (см. также: [Бартольд, 1943, с. 65–69]). В результате Камар ад-Дин был вынужден бежать, нашел убежище у золотоордынского хана Токтамыша, еще одного соперника Амира Тимура, пытался создать коалицию против правителя Мавераннахра, но не преуспел и после 1390 г. больше не фигурирует в источниках [Мирза Хайдар, 1996, с. 80] (см. также: [Бартольд, 2002*б*, с. 530; Гумилев, 1992*б*, с. 439]).

После падения Камар ад-Дина новым фактическим правителем Могулистана стал его племянник Худайдад, который, казалось бы, продемонстрировал отсутствие властных амбиций и признал ханом Хызр-Ходжу, уцелевшего сына Тоглук-Тимур-хана, при котором был утвержден в должности улус-бека (как и завещал его отец). Вплоть до своей смерти, датируемой по разным источникам от 1409 до 1425 г., Худайдад поддерживал

поочередно потомков Хызр-ходжи на троне, а перед смертью предложил очередному хану передать пост улус-бека своему сыну Мухаммад-шаху, что и было сделано [Мирза Хайдар,

1996, с. 81–86, 94–97; Натанзи, 2007, с. 64–65] (см. также: [Бартольд, 2002*б*, с. 531; Караев, 1995, с. 64–76; Пантусов, 1910, с. 182]).[104]

Однако фактически отношения между восстановленными на троне ханами Могулистана и родом Дуглатов были вовсе не так идеальны. У Худайдада было много братьев и сыновей, которые владели обширными уделами, намного превосходившими землевладения самого ханского семейства. В этих владениях Дуглаты были полновластными правителями, совершенно не признававшими ханской воли. Свои права на эти владения Дуглаты обосновывали тем, что якобы получили эти земли еще от самого Чингис-хана [Мирза Хайдар, 1996, с. 87], что давало им даже формальные основания не подчиняться ханам. Когда же в результате очередных смут ханская власть в Могулистане окончательно ослабла, клан Дуглатов создал независимое обширное государство с центром в Кашгаре, которым управлял до 1514 г. после того, как один из могульских Чингисидов, Султан-Саид-хан, сумел разгромить Абу Бакра Дуглата и захватить Кашгар [Там же, с. 101–103, 164] (см. также: [Бартольд, 2002*б*, с. 531]). Однако поскольку это владение уже в течение длительного времени воспринималось как независимое, сам Султан-Саид в результате стал основателем именно Кашгарского ханства, иногда называемого в историографии «Могулией» – в противовес прежнему Могулистану, которым до 1570-х годов управляли потомки братьев Султан-Саида [Юдин, 2001*а*, с. 134]. Примечательно, что Дуглаты, лишившись независимого государства, продолжали играть важную роль при дворе Султан-Саид-хана и в политике его государства, и лишь после его смерти в 1533 г. были частично истреблены, частично изгнаны из Кашгарии его наследником Абд ар-Рашид-ханом [Мирза Хайдар, 1996, с. 177] (см. также: [Бартольд, 2002*б*, с. 532]).[105]

На примере Дуглатов можно увидеть, что политико-правовые воззрения населения Центральной Азии в постимперский период претерпели существенные изменения. Чингисиды, утратившие свои прежние империи, теперь рассматривались как ставленники региональных элит и фактически считались «региональными монархами». А если они, по мнению поддерживавшей их знати, действовали в ущерб интересам соответствующего региона, это могло послужить основанием для отказа признавать власть «золотого рода» и выдвижения «альтернативных» правителей – пусть и нечингисидского происхождения, но заботившихся о

родных краях. Отныне Чингисиды должны были учитывать интересы отдельных регионов и даже в известной степени соотносить себя с ними. Именно такая позиция с одновременным отказом от имперских амбиций и позволила Султан-Саид-хану одержать победу над Дуглатами и вернуть Кашгарию под власть «золотого рода».[106]

Сибирские «князья» – ханские наместники или узурпаторы? На рубеже XV–XVI вв. произошел государственный переворот в Тюменском юрте, в результате которого в 1495 г. был убит один хан-Шибанид, Сайид-Ибрахим (Ибак), затем пару лет спустя таинственно скончался его преемник Мамук и, наконец, пришедший к власти Кулук (Кутлук) – султан сначала остался практически без власти, а затем был вынужден удалиться в Бухарское ханство, к своим дальним родственникам – Шайбанидам. Этот переворот связывают с деятельностью клана местных сановников Тайбугидов, которые и стали новыми правителями. Если вспомнить, какую политику вели вышеназванные ханы, то становится очевидным, что приход к власти Тайбугидов также является ответом на имперские амбиции ханов-Чингисидов в новых условиях: Ибак в 1480–1490-е годы неоднократно пытался занять трон Золотой Орды, а Мамук и Кулук-султан совершали походы на Казань, соответственно в 1496 и 1505 гг., причем действия этих ханов были неудачны. В результате влиятельные представители региональной элиты стали тяготиться постоянными внешнеполитическими авантюрами своих монархов, стоившими многочисленных людских и материальных затрат – да еще и авантюрами неудачными, так что затраты даже не могли компенсироваться богатой добычей. Соответственно, выступив поборниками интересов родной страны, они свергли и изгнали непопулярных ханов, ставивших собственные амбиции выше интересов подданных.

Некоторые авторы полагают, что Тайбугиды не претендовали на верховную власть над Сибирью. Во-первых, еще в первые десятилетия XVI в. (т. е. уже после вышеописанного переворота), согласно источникам, Шибаниды продолжали пребывать в своих тюменских владениях. Во-вторых, узурпация Тайбугидов ставиться под сомнение еще и потому, что они так и не приняли ханского титула, довольствуясь статусом «князей» (беков). Соответственно, сторонники такой концепции приходят к выводу, что Тайбугиды в течение всего своего правления формально являлись лишь бекляри-беками при ханах-Шибанидах, хотя и с довольно широкими полномочиями и, возможно, при отсутствии ханов в самой Сибири [Исхаков, 2009*б*, с. 31–32]. Однако

некоторые их дальнейшие действия заставляют предполагать, что Тайбугиды все же решились именно на узурпацию.

Прежде всего, уже в 1530-е годы никаких ханов-Шибанидов в Сибири, согласно источникам, не было, а сибирские «князья» в течение нескольких поколений передавали верховную власть в своем роду по наследству как самостоятельные монархи [Миллер, 1999, с. 190–192]. Кстати, именно в правление Тайбугидов за Тюменским юртом закрепляется название Сибири, что, возможно, как раз и связано со сменой династии и переноса столицы из Чинги-Туры (совр. Тюмень) в Искер, другим названием которого и было «Сибирь» [Исхаков, 2009*б*, с. 33–34].

Кроме того, именно в правление Тайбугидов начинают формироваться легенды, призванные обосновать их право на верховную власть. Не имея оснований связать свое происхождение с Чингис-ханом и его родом, сибирские «князья» стали заявлять, что их родоначальник Тайбуга был одним из ближайших сподвижников Чингис-хана и получил право на управление Сибирью непосредственно от него, что, безусловно, являлось сильным доводом в борьбе за власть с другими сибирскими аристократическими родами. Не довольствуясь этим, Тайбугиды возвели свою родословную к некоему хану Онсому, правившему Сибирью еще до Чингис-хана, который впоследствии убил его сына Иртышака, от которого происходил Тайбуга, давший имя династии [Ремезовская, 2005, с. 230] (см. также: [Frank, 1994, p. 9; Маслюженко, 2010, с. 12]). Таким образом, не принимая ханского титула официально, Тайбугиды «намекали» на свое ханское происхождение, неслучайно в русских летописях правители Сибири из этой династии именуются то «князьями», то «царями» [Ремезовская, 2005, с. 231–232].

Наконец, «князья» проводили совершенно самостоятельную внешнюю политику. В 1555 г. Едигер Тайбугид отправил в Москву посольство, предлагая признать вассалитет от царя Ивана IV и платить ему дань. Предложение было принято, причем Иван Грозный пожаловал сибирскому правителю не просто грамоту, а именно ярлык – т. е. ханский указ нижестоящему лицу [ПСРЛ, 2000*в*, с. 248] (см. также: [Трепавлов, 2008, с. 107–108]). С одной стороны, конечно, признание вассалитета и принятие ярлыка свидетельствует о том, что Едигер не считал себя полностью суверенным государем.[107] Однако, с другой стороны, сам факт перехода в подданство другого монарха без учета мнения Шибанидов, на наш взгляд, полностью опровергает мнение о том, что Тайбугиды хотя бы номинально сохраняли лояльность Чингисидам и не претендовали на верховную власть в сибирском регионе.

Естественно, в глазах ханов-Шибанидов новые сибирские правители являлись узурпаторами власти, мятежными подданными. А переговоры Едигера с Москвой, вероятно, подорвали репутацию «князей» в глазах их приверженцев: теперь и сами Тайбугиды, подобно свергнутым ханам, могли быть обвинены в нарушении и даже предательстве интересов региона! Воспользовавшись этой ситуацией, бухарские Шайбаниды, будучи старшими ростевенниками свергнутых сибирских ханов, оказали им поддержку войсками и оружием, что позволило Шибанидам в лице Кучума и его брата Ахмад-Гирея в течение 1555–1562 гг. разгромить и уничтожить Тайбугидов, восстановив на троне законную династию [Матвеев, Татауров, 2012, с. 33–38].

«Тираны» Ферганы и Бадахшана. Захват Тимуридами всей полноты власти в Мавераннахре и их отказ со второй половины XV в. от практики возведения на трон даже подставных Чингисидов породили прецедент, впоследствии обращенный против них самих.

После смерти Абу Саида, последнего владетеля объединенной империи Тимуридов (1469 г.) его владения оказались разделены между многочисленными потомками. Одним из них стала Фергана, где правил Омар-Шейх б. Абу Саид, другим – Хисар и Бадахшан, которым управлял Султан-Махмуд б. Абу Саид. Оба эти правителя в течение длительного времени пребывали в своих владениях, стойко отражая попытки родичей (в том числе и друг друга) захватить их уделы. Однако в 1494 г. скончался Омар-Шейх, а годом позже и Султан-Махмуд, который в 1494 г. перебрался в Самарканд (после смерти своего старшего брата Султан-Ахмада).

Правителями стали внуки Абу Саида – Бабур б. Омар-Шейх в Фергане и Султан-Масуд б. Султан-Махмуд в Хисаре и Бадахшане. Поскольку оба юных Тимурида очень скоро включились в борьбу за имперское наследство своего деда, интересы собственных регионов отошли для них на второй план. Этим и воспользовались представители местных элит, которые примерно в одно время выступили против Тимуридов и захватили всю полноту власти в Фергане и Бадахшане.

Ферганский властитель Бабур уже в 1496 г. выступил в поход на Самарканд, а годом позже сумел на короткое время захватить столицу Тимура. Вместе с ним прибыл и ряд ферганских эмиров, среди которых первенствовал Ахмад Танбал, который являлся крупным ферганским военачальником и даже некоторое время выполнял функции ее наместника в отсутствие правителя. Согласно самому Бабуру, после захвата Самарканда

> Султан Ахмед Танбалу было оказано наибольшее из всех покровительство [Бабур, 1992, с. 75].

Однако не приходится сомневаться, что ферганский владетель, стремясь закрепиться на новом престоле, большее предпочтение оказывал представителям самаркандской знати (о чем он сам также пишет).

Такое положение не могло нравиться ферганским эмирам, которые не без оснований считали, что Бабур захватил Самарканд благодаря именно их помощи. Поэтому как только Бабур был вынужден покинуть Самарканд под натиском своих родичей – других внуков Абу Саида, ферганская знать во главе с Ахмадом Танбалом покинула его. Ферганский военачальник не сразу предпринял попытку захвата всей полноты власти в Фергане: сначала он попытался противопоставить Бабуру его младшего брата Джахангир-мирзу, от имени которого и стал править регионом с 1498–1499 гг. [Лэмб, 2002, с. 55–56]. Только благодаря поддержке своего дяди по материнской линии, могульского Султан-Махмуд-хана (потомка Тоглук-Тимура), Бабуру удалось вернуть себе власть, заставив Ахмада Танбала удалиться в собственные владения [Бабур, 1992, с. 76, 84–85; Мирза Хайдар, 1996, с. 210].

Некоторое время спустя Бабур примирился со своим мятежным эмиром, брат которого даже командовал одним из отрядов в очередном походе Бабура на Самарканд в 1500 г. [Бабур, 1992, с. 105–106]. Однако после того как в 1501 г. Тимурид был окончательно вытеснен из Самарканда (на этот раз уже не родственниками, а Мухаммадом Шайбани-ханом), его брат Джахангир-мирза, в очередной раз оставленный управлять Ферганой, отказался вернуть старшему брату его трон – естественно, и на этот раз решение на самом деле было принято не юным мирзой, а Ахмадом Танбалом [Там же, с. 113].

В течение некоторого времени Бабур и его сторонники пытались вернуть Фергану под свою власть, однако Ахмад Танбал, демонстрируя заботу об интересах региона и противопоставляя ее властным амбициям Бабура, не желавшего довольствоваться ферганским владением, успешно противостоял ему. Бабур надеялся на поддержку дяди – могулистанского Султан-Махмуд-хана, правителя Ташкента, однако оказалось, что последний предпочел поддержать мятежного военачальника. Дело в том, что хан и сам стремился присоединить Фергану к своим владениям, и правление там юного Джахангир-мирзы вместе с фактическим узурпатором Ахмадом Танбалом устраивало его гораздо больше, нежели пребывание на троне

деятельного и воинственного Бабура [Бабур, 1992, с. 92–93]. Не последнюю роль в решении Султан-Махмуд-хана сыграли дипломатические уловки самого Ахмада Танбала, направившего Бабуру послание, в котором соглашался признать его власть, если они совместно выступят против ташкентского хана. И хотя Бабур отказался, несомненно, содержание этих переговоров было доведено до Султан-Махмуд-хана, получившего основания не доверять племяннику [Там же, с. 123]. Убедившись, что Бабур лишен поддержки, Ахмад Танбал решился на прямую узурпацию: Джахангир-мирза был схвачен им (равно как и их младший брат Насир-мирза), а сам эмир стал фактическим правителем, назначив наместниками в крупные города Ферганы своих родственников [Азимджанова, 1957, с. 53].[108]

Лишь в 1503 г. ташкентский Султан-Махмуд-хан, его брат Султан-Ахмад-хан и Бабур нашли возможность выступить против узурпатора. Ахмад Танбал пошел на очередную дипломатическую уловку, решив противопоставить двум ханам-Чингисидам еще одного потомка «золотого рода»: он отправил послание новому самаркандскому владетелю Мухаммаду Шайбани-хану, призывая его на помощь, а взамен обещая признать его сюзеренитет. Шайбани-хан не преминул воспользоваться его приглашением, и вскоре в битве при Ахси разгромил могульских ханов, которых к тому же взял в плен (Бабуру удалось бежать) [Бабур, 1992, с. 125–127; Мирза Хайдар, 1996, с. 196].

Однако Ахмад Танбал не выполнил своего обещания и не признал власть узбекского хана. Его главные соперники были разгромлены, но и потери Шайбани-хана оказались серьезными, кроме того, у него появились другие дела, которые отвлекли его от Ферганы на некоторое время. В результате Ахмад Танбал сохранил власть над регионом, и между ним и властителем Самарканда установились отношения, которые Мирза Хайдар (двоюродный брат Бабура) охарактеризовал как «волчий мир» [Мирза Хайдар, 1996, с. 206, 559]. Усыпляя бдительность ферганского узурпатора, узбекский государь формально признавал Ахмада Танбала правителем Андижана, а его братьев Байазида и Тильбе-бека – правителями соответственно Ахси и Маргинана. Но не прошло и года, как Шайбани-хан выступил в поход на Фергану [Dale, 2004, p. 127]. Впрочем, по другим сведениям, Ахмад Танбал сам оказался виноват в нападении узбеков: получив Фергану от Шайбани-хана после победы при Ахси в качестве вассального владения, он не только не соблюдал обязанности вассала, но и предпринял поход на Ташкент, только что занятый узбеками [Азимджанова, 1957, с. 56]. Тем самым это оказалось хорошим поводом для вторжения Шайбани-хана.

Реальной же причиной, несомненно, была незаконность претензий Ахмада Танбала на Фергану, поскольку он не являлся не только Чингисидом, но даже и Тимуридом.

Удивительно, но Ахмад Танбал, ожидавший со дня на день нападения Шайбани-хана, не принял никаких мер по защите своих владений. Более того, накануне нашествия узбеков он затеял свару с Мухаммад-Хусайном Дуглатом и союзными ему горцами-чагираками, с которыми в течение нескольких дней вел упорные бои в горах Бадахшана. Как раз в это время ему принесли весть, что Шайбани-хан выступил на Фергану и уже подошел к Кан-и Бадаму. Ахмад Танбал немедленно свернул военные действия и поспешно вернулся в Ферганскую долину. Однако вместо того чтобы укрепить подвластные ему города, он вывел из них войска и сосредоточил все силы в Андижане.

Шайбани-хан двинулся на столицу Ферганы и приготовился к ее длительной осаде. Однако тут нервы Ахмада Танбала не выдержали томительного ожидания, и он во главе 10-тысячного отряда выступил навстречу численно превосходящим силам узбеков. Естественно, ферганское войско было разгромлено, и Ахмад Танбал с немногочисленными уцелевшими воинами вновь укрылся в Андижане. В связи с этим планы хана изменились, и он решил не откладывать захват Ферганы на будущий год, а завершить его в ближайшие же дни.

Мухаммад-Тимур-султан б. Шайбани-хан отправился на переговоры к Ахмаду Танбалу, предложив ему покориться хану и самому явиться к нему. Никаких обещаний сохранить Танбалу жизнь они не дали, но ферганский правитель, находясь в состоянии беспомощном и растерянном, все же подчинился и вместе с братьями вышел из города. Однако их всех тут же умертвили как узурпаторов, оказавших сопротивление законному монарху. Андижан немедленно перешел в руки узбеков [Мирза Хайдар, 1996, с. 160, 206–208] (см. также: [Erskine, 1854, p. 187]). Семейство Ахмада Танбала попало в плен, и на одной из его дочерей женился Джанибек-султан: Шайбани-хан пожаловал ему в управление Фергану, и этот брак должен был закрепить его легитимность именно на уровне региона, в котором были настолько сильны сепаратистские настроения [Хафиз-и Таныш, 1983, с. 88]. Для укрепления родственных связей своего семейства с ферганской знатью хан приказал также выдать Ядгар-Султан-бегим, сестру Бабура, замуж за Абд ал-Латиф-султана б. Хамза-султана (напомним, что на другой сестре Бабура, Ханзаде-бегим, был женат сам Шайбани-хан) [Муизз, 2006, с. 185].

Аналогичным образом для Тимуридов из-за их имперских амбиций оказались потеряны Хисар и Бадахшан: когда Султан-

Масуд-мирза, местный правитель-Тимурид, вмешался в борьбу за самаркандский трон, фактическую власть в регионе захватил Хосров-шах. Он был родом из туркестанских кипчаков, однако в свое время примкнул к отцу Султан-Масуда, оказал ему ряд услуг, за что был возвышен им и получил обширные владения [Бабур, 1992, с. 53–54]. Пользуясь тем, что сыновья повелителя после его смерти покинули родовой удел и начали борьбу за Самарканд, Бухару и проч., Хосров-шах за короткое время сумел сосредоточить власть над Хисаром, Бадахшаном, Кундузом и Каратегином [Мирза Хайдар, 1996, с. 201]. Стремясь не лишиться своих владений, Хосров-шах пошел не просто на мятеж, но и на открытую расправу с прежними сюзеренами: в 1498 г. он приказал ослепить Султан-Масуд-мирзу, а годом-двумя позже, когда в Хисар бежал из Самарканда брат ослепленного Тимурида, Байсункур-мирза, он был отравлен Хосров-шахом.

К 1504 г. Хосров-шах стал независимым правителем Хисара, а в отношении других своих владений, Кундуза и Бадахшана, формально признавал вассалитет от Бади аз-Заман-мирзы б. Султан-Хусайн-мирзы, с которым, впрочем, постоянно воевал [Кисляков, 1945, с. 96; Туманович, 1989, с. 81, 82, 88]. Несмотря на авантюрный склад ума, склонность к интригам и вероломству (а возможно, и благодаря этим качествам!), Хосров-шах оказался неплохим правителем и за короткое время сделал свои владения процветающими. В 907 г. х. (1501/1502 г.), в эту эпоху междоусобиц и иноземных вторжений, он даже провел денежную реформу – полностью запретил обращение старых монет, заменив их на новые, собственного чекана, и упорядочил ценообразование, что вскорости привело к небывалой экономической стабильности региона [Довутов, 2006, с. 38; Шабаев, 2004, с. 256–257]. Естественно, при этом Хосров-шах не забывал собственные интересы и интересы своего семейства: своего брата Вали он назначил правителем Хуталляна, а другого брата, Баки – Чаганиана. Сам Хосров-шах накопил огромные богатства, что, в конце концов, привлекло к нему столь нежелательное и опасное внимание Шайбани-хана.

Еще в сентябре 1503 г., вскоре после взятия Ташкента, хан впервые вторгся в Бадахшан, однако поскольку в это время начались заморозки и снегопады, Шайбани-хан поспешил увести войска обратно в Мавераннахр, тем более что в этот раз лишь проверял, насколько серьезным противником окажется Хосров-шах [Мирза Хайдар, 1996, с. 202]. Результаты разведки вполне удовлетворили хана, и поэтому годом позже, после завоевания Ферганы, он снова повел свои войска на Бадахшан и вскоре без боя взял Хисар, столицу Хосров-шаха. Сам узурпатор в это время

скрывался в Кундузе, где он хранил свои богатства, которые накапливал в течение долгих лет. Хосров-шах похвалялся, что с запасами, собранными в Кундузе, он сможет выдерживать осаду не менее 20 лет. Однако, услышав, что Шайбани-хан осадил Хисар, он растерял всю свою самоуверенность и бежал из города, прихватив с собой несколько телег с драгоценностями [Мирза Хайдар, 1996, с. 208]. В течение некоторого времени он скрывался у Бабура, но бежал от него, опасаясь, что тот прикажет расправиться с ним за убийство своих двоюродных братьев – Султан-Масуд-мирзы и Байсункур-мирзы. Поэтому он отправился в Герат, к своему номинальному сюзерену Бади аз-Заману, надеясь получить от него помощь в противостоянии с Шайбани-ханом. Однако Бади аз-Заман ограничился призывами к жителям Кундуза и Бадахшана встретить врага с оружием в руках, а те, не желая гибнуть за узурпатора, сдались узбекам [Бабур, 1992, с. 138; Туманович, 1989, с. 96]. Судьба братьев Хосров-шаха сложилась по-разному. Вали, правитель Хуталляна, покинул свое владение и бежал в Кабул, однако по пути был ограблен разбойниками и вынужден сдаться на милость Шайбани-хана, который приказал его схватить и казнить. Другой же брат, Баки Чаганиани, благоразумно сдался узбекам без боя, в результате чего потерял свои владения, но сохранил жизнь и впоследствии поступил на службу к Бабуру [Бабур, 1992, с. 53, 54, 140] (см. также: [Ахмедов, 1982, с. 67–68]).

Сам Хосров-шах годом позже, в 1505 г., предпринял попытку восстановить свою власть в Кундузе и Хисаре. Получив от своего сюзерена Бади аз-Заман-мирзы небольшой конный отряд, он направился к Кундузу. По пути к нему присоединялись сторонники, и в результате он довольно неожиданно для наместников Шайбани-хана оказался под Кундузом во главе значительных сил. Однако узбеки успели собрать войска и разгромили Хосров-шаха, в битве большинство его сподвижников были убиты, а самого узурпатора сбили с коня, связали и доставили в Кундуз. Его с позором провезли на осле по городу, которым он самовластно правил столько лет, затем обезглавили на кундузском базаре, а голову отправили Шайбани-хану [Бабур, 1992, с. 165; Семенов, 1954*в*, с. 60; Туманович, 1989, с. 97].

Однако власть узбеков в этих горных областях оказалась недолгой. Вскоре после ухода Шайбани-хана, весной 1505 г. в нескольких городах начались антиузбекские выступления. В Бадахшане был убит ханский наместник, и власть захватил некий Мубарак-шах, являвшийся потомком сановника прежних бадахшанских шахов. Аналогичное происхождение имел и Зубайр Раги предводитель восставших в Раге. В Рустаке восстание поднял

бывший придворный самого Хосров-шаха – Мухаммад-курчи. Как видим, пример Хосров-шаха, в свою очередь, послужил прецедентом для других узурпаторов власти. С той только разницей, что Хосров-шаху удавалось в течение ряда лет железной рукой удерживать в повиновении весь регион, тогда как новые узурпаторы перессорились между собой и вскоре перебили друг друга [Бартольд, 1965*а*, с. 345; Кисляков, 1945, с. 96–97]. Только к 1508 г. ситуация в регионе стабилизировалась, когда в Бадахшан прибыл Хан-мирза, считавшийся законным наследником бадахшанского трона: его бабка по матери, Шах-бегим (мать могулистанских Султан-Махмуд-хана и Султан-Ахмад-хана) являлась дочерью Султан Мухаммада Бадахши, последнего «зулкарнайна» [Бабур, 1992, с. 164; Мирза Хайдар, 1996, с. 274] (см. также: [Кисляков, 1945, с. 96–97]). С этого времени Бадахшан вновь попал под власть Тимуридов, которые, как уже отмечалось выше, вплоть до середины XVII в. с переменным успехом противостояли натиску бухарских узбеков.

Пример с Хосров-шахом еще раз подтверждает тенденцию поддержки местным населением отдельных регионов правителей, пусть и нелегитимных, но заботящихся о нуждах и интересах региона в ущерб законным, потомственным монархам, которые жертвовали интересами подданных, пытаясь восстановить некие имперские образования, к XVI–XVII вв. уже фактически превратившиеся в фантомы. Оборона собственных владений, развитие экономики региона, противостояние внешним врагам стали представляться подданным более весомым основанием для претензий на власть, нежели высокое происхождение правителей и, как следствие, их претензии на расширение владений, что влекло постоянные траты, сокращение населения и т. д.

Часть III
«Степные империи» под властью империй оседлых: иностранный фактор в борьбе за ханский трон

Некогда властители половины миры, монгольские правители, уже с рубежа XIV–XV вв. были вынуждены признавать сюзеренитет иностранных государей, которые прежде воспринимались ими как нижестоящие по отношению к монархам из «золотого рода». Этот процесс имел длительный характер: если крымские ханы из рода Гиреев признали сюзеренитет Османской империи (по крайней мере, номинально) уже в последней четверти XV в., то правители Бухары и Хивы сделали это в отношении Российской империи лишь в последней трети XIX в.

Как бы то ни было, но уже с XV в. воля иностранных сюзеренов становится еще одним фактором борьбы за власть, причем претерпевшим значительные политико-правовые трансформации. Так, если на начальном этапе иностранного владычества утрачивали легитимность в глазах населения собственных стран те монархи, которые шли на союз с иностранными государями и признавали вассалитет от них, – пусть даже они были законными государями по происхождению и способу прихода к власти. Впоследствии узурпаторами, но уже в глазах сюзеренов, становились монархи-Чингисиды, которые в прежние времена, несомненно, являлись бы законными монархами – те, что избирались в соответствии с чингисидскими традициями, но без согласования с иностранным сюзереном. И наконец, своеобразным «завершающим аккордом» стало возведение по воле иностранных монархов на троны чингисидских государств лиц и династий, не относившихся к «золотому роду».[109]

Глава 6
Попытки установления иностранного сюзеренитета и проблема легитимности иностранных ставленников в глазах собственных подданных

Нередко признание иностранного сюзеренитета объяснялось борьбой за власть среди самих Чингисидов и других претендентов на власть в чингисидских государствах, многие из которых, осознавая сомнительность своих прав на престол, апеллировали к иностранным правителям, обещая признать зависимость от них в обмен на поддержку в борьбе за трон. В некоторых случаях именно обращение к иностранному монарху за помощью при условии признания зависимости от него превращало в глазах его подданных легитимного монарха или претендента на престол в узурпатора.

§ 1. Зависимость от иностранных монархов как фактор снижения легитимации

Наиболее ранние примеры подобной «делегитимации» законных монархов проявились практически одновременно, на рубеже XIV–XV вв., на двух противоположных концах бывшей Монгольской империи: на западе, в Золотой Орде, и на востоке, в Монгольском ханстве.

Литовские ставленники на золотоордынском троне. В Золотой Орде первые попытки обращения Чингисидов за помощью к иностранным государям при условии признания зависимости от них относятся к эпохе правления известного золотоордынского хана Токтамыша, государя с непростой судьбой и противоречивой политикой. Выступив поначалу фактически как узурпатор, намеревавшийся захватить трон Синей Орды (восточной части Золотой Орды), который занимал вполне законный хан Урус (ср.: [Миргалеев, 2003, с. 50–52]), Токтамыш все же сумел прийти к власти и на рубеже 1370–1380-х годов был в законном порядке провозглашен и признан ханом Золотой Орды, объединив ее после длительной смуты, известной в русских летописях под названием «Замятни великой». Правда, ему пришлось для этого заручиться поддержкой иностранного правителя – знаменитого среднеазиатского государственного деятеля Амира Тимура (Тамерлана).

Сохранившиеся до нашего времени источники, содержащие сведения о взаимоотношениях Токтамыша и Тимура, не позволяют дать четкого и однозначного ответа об их характере. Сочинения придворных историков Тимура и Тимуридов, естественно, отзываются о Токтамыше как правителе, получившем власть и трон при помощи Тимура в обмен на признание вассалитета от него, а затем «вышедшем из повиновения», «взбунтовавшемся» против своего сюзерена (см., напр.: [Йазди, 2008, с. 115]). Золотоордынских исторических сочинений, как известно, не сохранилось, однако в татарских эпических произведениях политическая ситуация представлена совершенно противоположным образом: Амир Тимур представлен могущественным правителем, но не таким знатным, как Токтамыш, и, следовательно, его посягательства на власть и владения хана всего лишь незаконные действия [Идегей, 1990, с. 111–112]. В связи с этим трудно дать политико-правовую оценку отношениям Токтамыша и Тимура. С чисто формальной точки зрения Тимур не мог стать сюзереном золотоордынского хана, поскольку сам номинально являлся подданным ханов Чагатайского улуса – Суюргатмыша, а затем его сына Султан-Махмуда (которых, правда, он же и возвел на престол), а Токтамыш зависимости от этих ханов не признавал. Поэтому говорить о формальной зависимости хана Золотой Орды от чагатайского временщика было бы некорректным. Вместе с тем, конечно же, не следует и считать, что Амир Тимур, помогая Токтамышу захватить трон Золотой Орды, выполнял свой «вассальный долг» (да еще и безропотно вернул ряд золотоордынских областей, захваченных им во время «Замятни»), поскольку опять же он юридически являлся подданным монарха совершенно другого чингисидского государства – Чагатайского улуса (Мавераннахра) (см., напр.: [Миргалеев, 2003, с. 45 и след., 92–93]).

Как известно, Токтамыш во второй половине 1380-х годов порвал со своим покровителем и начал боевые действия против него, в результате двух кампаний (1390–1391 и 1395–1396 гг.) потерпел сокрушительное поражение и фактически был свергнут с трона, на который Амир Тимур возводил затем своих ставленников – Тимур-Кутлуга и Койричака. В отличие от Токтамыша эти два хана являлись куда более явными ставленниками чагатайского правителя, и поэтому их положение было довольно сложным. Неудивительно, что до конца 1390-х годов Токтамыш не без успеха боролся за возвращение трона в Золотой Орде: знать, армия и население предпочитали поддерживать своего законного хана, пусть даже он и не проявил

себя как талантливый полководец и опытный администратор.

Поэтому правление обоих ставленников Тимура в 1390-е годы было совсем непродолжительным. Так, Тимур-Кутлуг-хан в течение приблизительно 1392–1393 гг. признавался ханом в Синей Орде, однако видя, что население не признает ставленника Амира Тимура, его главный сподвижник мангытский эмир Идигу (знаменитый впоследствии золотоордынский временщик – Едигей русских летописей) предпочел пойти на сделку с Токтамышем, обеспечив себе практически безраздельную власть в Синей Орде в обмен на отказ от поддержки нелегитимного хана Тимур-Кутлуга [Трепавлов, 2001, с. 75–76] (см. также: [Почекаев, 2012, с. 216–217]). Еще более трагичной оказалась судьба второго ставленника Амира Тимура – хана Койричака, возведенного на трон в Сарае после разгрома Токтамыша в 1395 г. на р. Кондурча. Имея в своем распоряжении лишь «отряд узбекских храбрецов», этот ставленник чагатайского временщика,[110] несмотря на то что был потомственным Чингисидом и к тому же сыном легитимного хана Уруса, после ухода своего покровителя очень скоро был свергнут и либо убит, либо бежал к Амиру Тимуру [Миргалеев, 2003, с. 45–46].

Однако в конце 1390-х годов и сам Токтамыш, в очередной раз свергнутый с трона (на этот раз Тимур-Кутлугом, уже официально возведенным в ханы на курултае и, следовательно, признанным законным монархом), решился на рискованный шаг: он выразил готовность признать зависимость от своего союзника литовского великого князя Витовта, с которым он в 1398 г. заключил договор о разделе сфер влияния между Литвой и Золотой Ордой. Этот договор, дошедший до нас в составе русских летописей, очень важен для понимания правового характера отношений между Токтамышем и Витовтом, сложившихся по его условиям, поэтому считаем целесообразным воспроизвести его (вернее, его русский летописный перевод-пересказ) полностью:

> Поидемъ пленити землю Татарскую, победимъ царя Темиръ-Кутлуя, возмемъ царство его и разделимъ богатство и именіе его, и посадимъ во Орде на царстве его царя Тахтамышя, и на Кафе, и на Озове, и на Крыму, и на Азтракани, и на Заяицкой Орде, и на всемъ приморіи, и на Казани; и то будетъ все наше и царь нашь, а мы не точію Литовскою землею и Полскою владети имамы, и Северою, и Великимъ Новым городомъ, и Псковомъ, и Немцы, но и всеми великими княженіи Русскими, и со всехъ великихъ князей Русскихъ учнемъ дани и оброкы имати [ПСРЛ, 2000*б*, с. 172].

Само намерение «посадить во Орде» хана Токтамыша (пусть даже и под предлогом возвращения ему трона, которым он прежде владел на законном основании – «на царстве его») уже свидетельствует о том, что хан Токтамыш признавал свое зависимое положение от литовского государя. Откровенная констатация того, что в Орде будет править «царь наш» подтверждает эту зависимость, не говоря уж о том, что Токтамыш соглашался передать под контроль Литвы значительные территории, ранее либо входившие в состав Золотой Орды, либо же являвшиеся вассальными по отношению к ней. Интересно также отметить, что Витовт перед битвой на Ворскле 1399 г., которой так трагически для него и многих его родственников, литовских князей, завершилась поддержка Токтамыша, предпринял попытку подчинить себе Орду мирным путем, предложив правившему в ней на тот момент хану Тимур-Кутлугу также признать себя его, Витовта, вассалом – платить регулярную дань в Литву и чеканить на своих монетах портрет Витовта [Там же, с. 173]. Как известно, прибытие золотоордынского бекляри-бека Идигу с войсками прервало переговоры, а затем Тимур-Кутлуг и Идигу нанесли Витовту и Токтамышу сокрушительное поражение. Однако, на наш взгляд, подобное предложение, выдвинутое Витовтом, свидетельствует о том, что сам Токтамыш в случае победы над своими противниками готов был согласиться на такие условия и, следовательно, великому князю литовскому было безразлично, кто именно из ордынских ханов будет признавать себя его вассалом и выполнять соответствующие вассальные обязанности.

До заключения этого договора Токтамыш не был узурпатором: несмотря на поражение и бегство из своих владений, он не был официально лишен престола и, по сути, боролся за восстановление своих законных прав на трон. Однако его готовность ради прихода к власти заручиться поддержкой иностранного государя-нечингисида и даже признать себя его вассалом оттолкнула от него многих прежних сторонников и уже не позволила ему вернуть контроль в государстве, как это удавалось прежде даже после сокрушительных поражений от Амира Тимура. Фактически поставив себя вне закона своим договором с Витовтом, Токтамыш прожил последние годы как изгнанник и в конечном счете погиб в случайной стычке то ли с Идигу, то ли с очередным золотоордынским ханом Шадибеком.

По всей видимости, утрата Токтамышем (в глазах его бывших подданных) легитимных прав на трон и власть в полной мере распространилась и на его потомков: многочисленные сыновья Токтамыша, боровшиеся за власть в первой четверти XV в.,

опирались исключительно на поддержку иностранных государей и в результате на троне долго не задерживались: Джалал ад-Дин правил около года, Карим-Берди – четыре года, Кебек – менее года, Джаббар-Берди – около года. При этом наиболее откровенно поддержка того же Витовта выразилась в отношении царевича, упоминаемого в польско-литовских средневековых источников с загадочным именем Bexbut или Betsabul, которого, по мнению исследователей, можно отождествить с Кебеком, сыном Токтамыша. В 1414 г. Витовт прямо в своей столице Вильно провел церемонию его коронации, одев его в богатую шубу и шапку (что в соответствии с восточным протоколом считалось символическим актом закрепления вассалитета), и отправил в поход во главе ордынцев, осевших к этому времени в Литве [Грумм-Гржимайло, 1994, с. 133; Смирнов, 2005*а*, с. 178]. Неудивительно, что этот «монарх», настолько откровенно признавший вассалитет от литовского государя, не сумел обрести поддержку потенциальных подданных и был разгромлен своим сводным братом Карим-Берди (который, правда, тоже был ставленником иностранного государя – московского великого князя) (подробнее см.: [Почекаев, 2012, с. 225]).

Таким образом, подобно своему родоначальнику, «Тохтамышевичи», формально не будучи отстранены от трона, фактически поставили себя в положение узурпаторов, поскольку боролись за трон с конкурентами, которые уже были признаны в ханском достоинстве своими подданными, да еще и опирались на поддержку иностранных, нечингисидских государей, зависимость от которых зачастую не была тайной для их противников. Поэтому некоторые из «Тохтамышевичей» предпринимали определенные действия, чтобы обрести бóльшую легитимность в глазах своих подданных. Так, Джаббар-Берди (по другим сведениям – Кадыр-Берди), один из младших сыновей Токтамыша, вступил в союз с Нур ад-Дином – старшим сыном Идигу, которого назначил своим бекляри-беком, в результате чего получил поддержку значительной части могущественного племени мангыт (при этом Нур ад-Дин в известной степени противостоял своему отцу, поддерживавшему другого хана – Чокре) [Трепавлов, 2001, с. 83–84]. Соответственно, это нашло признание и в официальной документации. Так, в ярлыке крымским землевладельцам Туглу-баю и Хызру (1420 г.) хан Улуг-Мухаммад ссылается на аналогичный документ «хана, старшего брата», которого исследователи склонны считать Джаббар-Берди [Григорьев, 2006, с. 120, 124; Почекаев, 2009*в*, с. 96–97]. По-видимому, отказ от поддержки литовского князя и ориентация на золотоордынских феодалов сделали этого монарха

более легитимным в глазах подданных, нежели его братьев.

В некоторых случаях государи, пришедшие к власти при поддержке иностранных правителей, осознавая, что это подрывает законность их правления в глазах подданных, вероломно разрывали отношения со своими покровителями и начинали проводить «националистическую» политику, нередко даже выступая против своих прежних союзников-сюзеренов. В Золотой Орде такими правителями были, в частности, ханы Улуг-Мухаммад и Сайид-Ахмад. Улуг-Мухаммад, второй раз пришедший к власти при прямой поддержке литовского государя Витовта, в конце правления последнего вел активные переговоры с Ливонским орденом – врагом Литвы, а после смерти Витовта сам вмешался в гражданскую войну между претендентами на литовской великокняжеский стол, поддерживая одного из них в ущерб другому. Аналогичную политику проводил и его соперник – Сайид-Ахмад б. Кебек, внук Токтамыша: подобно своему отцу, он был возведен в ханское достоинство непосредственно в литовских владениях и направлен в Крым. Однако обретя поддержку части местной знати и населения, Сайид-Ахмад отмежевался от своих западных покровителей и демонстративно стал опираться именно на местные политические группировки. Это позволило внуку Токтамыша на рубеже 1430–1440-х годов стать наиболее могущественным из противоборствующих ханов Золотой Орды и во второй половине 1440-х годов самому активно вмешаться в литовскую политику на стороне одного из претендентов на великокняжеский трон против другого. Ярким показателем того, что этот иностранный ставленник сделал правильный выбор, отказавшись от поддержки литовцев, стало то, что он, в отличие от своего отца и многочисленных дядьев, находился на троне около двух десятилетий – с 1432 (1433) по 1452 (1453) гг. [Флоря, 2001, с. 177–190] (см. также: [Почекаев, 2012, с. 244–252]).

Китай в борьбе за контроль над Монголией. В Монголии в рассматриваемый период складывалась не менее сложная политическая ситуация. После падения империи Юань в результате изгнания монголов из Китая потомкам Хубилая, вернувшимся в Монголию, пришлось вступить в борьбу за власть с представителями других семейств Чингисидов, в частности с потомками Угедэя и Арик-Буги. Помимо монгольских кланов, поддерживавших различных претендентов на престол, в борьбу вмешались также и китайские власти, заинтересованные в ослаблении ханской власти и, соответственно, в возможности, в свою очередь, установить контроль над монгольскими территориями.

Первая попытка империи Мин возвести на монгольский трон своего ставленника имела место уже в конце 1370-х годов, после смерти Аюшридары (Билигту-хана) – монгольского монарха, вступившего на трон после падения империи Юань. Еще в начале его правления, в 1371 г., китайцы захватили в плен его старшего сына Мидрибалу, которого окружили заботой и даровали ему титул «чуньли». В 1374 г. Мидрибала был отпущен в Монголию ко двору отца, фактически став главой прокитайской партии. Когда в 1378 г. скончался его отец, у Мидрибалы были все шансы стать новым ханом и, в таком случае, подчинение монголов империи Мин стало бы лишь вопросом времени. Однако на этот раз «патриотическая» партия в Монгольском ханстве восторжествовала и сумела убедить участников курултая, что Мидрибала в силу своих связей с Китаем представляется менее законным претендентом на престол, чем его дядя Тогус-Тэмур (Усхал-хан) – брат Билигту-хана и ярый противник империи Мин [Покотилов, 1893, с. 8–9; Serruys, 1959, p. 211].

Несколько менее известно, что в борьбе за контроль над Монголией попытался принять участие и среднеазиатский властитель Амир Тимур. При его дворе находился монгольский царевич Улджай-Тэмур, которому Тимур обещал помощь в борьбе за монгольский трон. Однако в силу различных политических причин Железный Хромец так и не успел выполнить свое обещание, и Улджай-Тэмур (известный в китайских источниках как Баньяшили[111]) стал монгольским ханом уже после его смерти, в 1408 г. [Лубсан Данзан, 1973, с. 259; Покотилов, 1893, с. 33–34] (см. также: [Бира, 1978, с. 162, 164]). Несмотря на то что Улджай-Тэмур являлся прямым потомком Хубилая и, следовательно, представителем наиболее легитимной в глазах монголов династии, у него имелись серьезные противники – возможно, в силу того, что некоторое время он отсутствовал в Монголии, пребывая при дворе Амира Тимура, и утратил связи с возможными союзниками и вассалами. Поначалу он и демонстрировал стремление к самостоятельной национальной политике и всячески игнорировал требования империи Мин признать ее сюзеренитет, однажды даже нанеся китайцам сильное поражение [Serruys, 1959, p. 218]. Однако со временем Улджай-Тэмур был вынужден пойти на союз с китайцами: ок. 1410 г. его покровитель Аруктай в знак признания зависимости от империи Мин явился с данью к китайским властям. А вскоре после этого, в 1411 или 1412 г., Улджай-Тэмур был убит ойратским правителем Махаму [Покотилов, 1893, с. 37; Успенский, 1880, с. 149]: не исключено, что поводом для выступления представителя «черной кости» против хана-Чингисида стало именно признание

последним зависимости от Китая.

В дальнейшем китайцы попытались снова разыграть карту со своим собственным ставленником – как прежде в случае с Мидрибалой. Их выбор пал на некого царевича Эсен-Тукана, который был либо сыном Улджай-Тэмура (и, следовательно, потомком Хубилая), либо младшим братом его преемника Дэлбэга (в таком случае, являясь потомком Арик-Буги). Этот царевич в течение длительного времени сотрудничал с Аруктаем, однако поскольку последний то клялся в верности империи Мин, то обращал оружие против нее, китайцы решили противопоставить ему и его ставленникам именно Эсен-Тукана. Около 1423 г. он был признан властями Мин в статусе «татарского царя Севера», тем самым бросив вызов Аруктаю, которому пришлось срочно возвести на трон собственного ставленника-Чингисида – Адай-хана. Соответственно, Эсен-Тукан не получил поддержки своих потенциальных монгольских подданных, не признавших за ним ханского титула, дарованного китайцами, и вскоре решил вернуться к своим покровителям. Власти Мин обласкали его, даровав титул Чжун-юн-вана и позволив впредь именоваться китайским именем Цзинь Чжун [Serruys, 1959, p. 228–231].

Наконец, в середине XV в. империя Мин предприняла, по-видимому, последнюю попытку установить контроль над Монголией через хана-вассала. После краткого владычества ойратского хана-узурпатора Эсена к власти вернулись Чингисиды, причем в лице представителя наиболее легитимной ветви рода – Махагэргэс (Мэргус-хана), прямого потомка Хубилая. Однако несмотря на его происхождение и поддержку некоторой части монгольской знати, он, вероятно, чувствовал ненадежность своего положения и решил прибегнуть к покровительству империи Мин. Китайские власти присвоили ему титул «сяо-ван-цзы», т. е. «малый хан», кроме того, он преподносил императорскому двору дары, воспринимаемые китайскими властями как дань [Законы, 2002, с. 195] (см. также: [Грумм-Гржимайло, 1926, с. 588; Покотилов, 1893, с. 84–85]). Это привело к тому, что значительная часть населения Монголии не признала власть Махагэргэс-хана, и вскоре потомок Хубилая был убит собственным покровителем Махулихай-онгом. Убийца обвинил его в покушении на свою жизнь, однако не приходится сомневаться, что он решился на этот шаг именно в силу того, что хан проводил политику, чуждую интересам независимой Монголии и, соответственно, его устранение не вызвало бы слишком большого резонанса [Soni, б.г., p. 36–37].

В течение конца XV–XVI в. политическая ситуация

существенно изменилась: Монголия в очередной (и уже в последний) раз стала централизованным государством под властью знаменитого Даян-хана и ряда его потомков, которые начали натиск на владения империи Мин. Китайцам пришлось отказаться от намерений установить контроль над монголами и сосредоточиться на безопасности собственных границ. Поэтому следующая попытка взять под контроль Монголию имела место уже в первой половине XVII в., причем на политическую сцену вышли новые игроки – правители маньчжурской династии Цин, в 1644 г. свергнувшие Мин и установившие свою власть в Китае.

Существенную помощь в борьбе за Китай маньчжурам оказали монгольские правители, которые, с одной стороны, старались покончить с давними врагами – династией Мин, с другой – видели в Цинах возможность избежать подчинения центральной власти в самой Монголии. Дело в том, что в 1604–1634 гг. верховным правителем уже распадавшегося Монгольского ханства являлся Лигдан, принявший титул Чингис-хана[112] и всячески стремившийся восстановить сильную центральную власть, не пренебрегая и жесткими военными мерами против князей-сепаратистов. Соответственно, многие Чингисиды, не желая подчиняться Лигдану, присягнули маньчжурам, надеясь, что те, будучи относительно далекими сюзеренами, не смогут жестко контролировать их деятельность в собственных владениях.

Соответственно, в 1620–1630-е годы в нескольких монгольских областях появились правители из числа потомков Даян-хана, принявшие от маньчжуров ханские титулы: Сэчен-Дзоригту-хан в аймаке Аохан, Буян-тайши Бошугту-хан в аймаке Сунит, Ганчук-Батур в аймаке Найман [Кычанов, 1986, с. 58–59; Успенский, 1987, с. 151, 15 4]. Безусловно, в глазах монгольского хана и его лояльных подданных эти ханы являлись узурпаторами, поскольку приобрели свои титулы не путем избрания и даже не путем пожалования от верховного правителя Монгольского ханства, а от иностранных правителей, не имевших права такие титулы жаловать. Даровав им ханские титулы, императоры Цин подорвали авторитет власти верховного хана, поскольку противопоставили ему правителей из того же «золотого рода» с ханскими же титулами. Однако маньчжуры сами прекрасно понимали, что наличие вассалов, обладающих ханскими титулами (т. е. юридически считающихся независимыми государями), приведет к проблемам. Поэтому после того, как с помощью новоявленных вассалов им удалось покончить сначала, в 1634–1635 гг., с ханством Лигдана, а затем, в 1644–1645 гг., и с империей Мин, все ханские титулы были упразднены, а их

обладатели и их собственные наследники были вынуждены довольствоваться званиями цзюнь-ванов и тайцзи (тайджи) или же, в соответствии с маньчжурской титулатурой, бэйлэ [Мэнь-гу-ю-муцзи, 1895, с. 19–21, 36–38].

Иностранные ставленники на престолах центрально-азиатских ханств в XVI—XVIII вв. Иностранные государи предпринимали попытки установления сюзеренитета и над чингисидскими государствами Средней Азии – поначалу также в виде поддержки представителей местных династий, которые готовы были пойти на подчинение иностранному монарху в обмен на помощь в борьбе за трон. Именно таким образом персидские шахи из династии Сефевидов старались взять под контроль Бухарское ханство. Первая попытка была предпринята после гибели Мухаммада Шайбани-хана в битве при Мерве (28 ноября 1510 г.), когда созданная им обширная среднеазиатская «империя» практически распалась и представляла собой легкую добычу.

В 1511 г. персидский шах Исмаил Сефеви принял присягу верности от Тимурида Бабура, который был объявлен правителем Мавераннахра. Бабур явился в Чагатайский улус и вскоре при помощи персидских войск вытеснил оттуда Шайбанидов. Однако последние, потерпев военное поражение, сумели одержать политическую победу: они обвинили Бабура в подчинении иноземному монарху, признании вассалитета, а главное – в принятии шиизма, чего местное суннитское население, конечно, простить своему прежнему правителю не могло. В результате Шайбаниды сумели привлечь на свою сторону население Чагатайского улуса и, объединившись с казахскими султанами против общего врага, уже в 1512 г. вытеснили Бабура из Мавераннахра окончательно [История, 1947, с. 50–51; Семенов, 1954*б*, с. 117–118].

Следующую попытку установить сюзеренитет над среднеазиатскими владениями Сефевиды предприняли на рубеже XVI–XVII вв., поддерживая членов династии Шайбанидов, свергнутой в 1601 г. своими родичами Аштарханидами.

Сначала, в том же 1601 г., они возвели на трон Балха Мухаммад-Ибрахим-хана Шайбанида, однако он не получил поддержки среди населения (за свою приверженность к Сефевидам и шиизму), стал править чрезмерно суровыми методами и вскоре был свергнут и убит аштарханидскими правителями Баки-Мухаммадом и Вали-Мухаммадом [Алексеев, 2006, с. 104–105; Ахмедов, 1982, с. 98–99; 1994, с. 164].

В 1602 г. еще один шайбанидский царевич Мухаммад-Салим-султан при поддержке персидских кызылбашей вторгся в пределы

Бухарского ханства, обратившись к местному населению с призывами восстать против Аштарханидов. Однако новые правители Бухары успели организовать отпор и нанесли ставленнику Сефевидов поражение, заставившее его бежать в Иран. В 1605 г. аналогичную попытку предпринял еще один претендент на бухарский трон из рода Шайбанидов – Джахангир-султан, но тоже неудачно: население, которое, казалось, должно было сохранять верность династии, правившей в ханстве целое столетие, не поддержало претендента, сблизившегося с давними врагами Мавераннахра – персами-шиитами. Последнее вторжение в Бухарское ханство Мухаммад-Салим-султан и Джахангир-султан предприняли на рубеже 1607–1608 гг., однако и на этот раз они были разбиты войсками хана Вали-Мухаммада, поскольку поддержали претендентов лишь эмигранты из Бухарского ханства [Алексеев, 2006, с. 104–107; Ахмедов, 1982, с. 200–202].

Видя, что Шайбаниды дискредитировали себя в глазах бывших подданных, Сефевиды попытались сделать ставку на представителя уже новой, Аштарханидской, династии. Они поддержали претензии на трон Рустам-Мухаммад-султана б. Вали-Мухаммад-хана, старавшегося захватить престол в Балхе. При персидской поддержке он вторгался в границы Балхского владения в 1611, 1612, 1620 гг. и т. д. Однако, будучи и представителем свергнутой и изгнанной из Бухары ветви Аштарханидов (его отец был в 1611 г. убит собственными племянниками Имам-Кули-ханом и Надир-Мухаммад-ханом), и ставленником иностранных монархов, он не преуспел в своих попытках. Поэтому в 1036 г. х. (1626/1627 г.) шах Аббас I по договору с балхским правителем Надир-Мухаммадом повелел Рустам-Мухаммаду прекратить набеги на Балх и даровал ему в управление область в собственных владениях [Систани, 2000, с. 444–445 (примеч. 305)] (см. также: [Алексеев, 2006, с. 121–122; Саидов, 2008, с. 190–191]). Последние попытки Сефевидов установить контроль хотя бы над частью Бухарского ханства относятся уже к XVIII в. В 1711 г. на трон Балха был возведен привезенный из Герата Абдаллах, представитель боковой ветви бухарской династии Аштарханидов, после которого вплоть до 1737 г. в этом ханстве управляли также марионетки персидских шахов, власть которых не признавали многие местные родоплеменные вожди и представители мусульманского духовенства [Ахмедов, 1982, с. 230–231; Саидов, 2008, с. 191].

В другом центрально-азиатском государстве Чингисидов – Могулистане (в историографии также именуется Кашгарией или Восточным Туркестаном) попытались установить контроль ойратские правители Джунгарского ханства. Для этого они

поддержали ряд претендентов из местной династии потомков Чагатая (второго сына Чингис-хана), которые старались отнять трон у своих родственников, причем разные правители ойратов поддерживали разных претендентов на престол. Так, ойратский Очирту-хан в 1667 г. поддержал мятеж Юлбарса, старшего сына кашгарского хана Абдаллаха, против отца, а в то же время еще один влиятельный ойратский правитель, Элдэн-тайши, выступил на стороне Исмаила, дяди Юлбарса [Чурас, 1976, с. 240–242; Материалы, 1996, с. 208, 478 (примеч. 1)] (см. также: [Караев, 1995, с. 118; Чимитдоржиев, 1979, с. 13–15]). В конечном счете на троне в Яркенде (который в это время считался столичным городом Кашгарии) утвердился Юлбарс, поддержанный Сэнгэ-хунтайджи, верховным правителем Джунгарии, но после ряда поражений отрекся в пользу собственного сына, которого вскоре сменил Исмаил [Чурас, 1976, с. 242–243, 247] (см. также: [Чимитдоржиев, 1979, с. 15]). В 1682 г. новый джунгарский правитель Галдан возвел на трон Кашгарии Мухаммад-Амин-хана (свергнув при этом его родного брата Абд ар-Рашида) [Материалы, 2000, с. 339–340, 439–440 (примеч. 8, 9)].

Ставленники ойратских правителей стали официально их вассалами и даже платили этим монархам-нечингисидам дань. [113] Это не могло не вызвать возмущение мусульманского населения Кашгарии, которое предпочло потомкам Чингис-хана, поставившим страну в зависимость от иностранных монархов, да еще и иноверцев (ойраты исповедовали буддизм) других монархов – представителей династии кашгарских ходжей, являвшихся в течение долгого времени духовными лидерами Кашгарии [Валиханов, 1986*б*, с. 138; Караев, 1995, с. 121; Чимитдоржиев, 1979, с. 16] (см. также: [Акимушкин, 2004, с. 267]).

В других случаях имели место и попытки иностранных монархов сделать ханами правителей-«чужаков», поскольку местные династы отказывались идти на признание вассальной зависимости от зарубежных государств. Так, крымский хан Мухаммад-Гирей I, захватив в 1522 г. Астраханское ханство, организовал возведение на престол собственного сына – Бахадур-Гирея (правда, в начале следующего года оба были изменнически убиты своими союзниками – ногайскими мурзами) [Зайцев, 2006, с. 91–93; Трепавлов, 2001, с. 166–169] (см. также: [Гайворонский, 2007, с. 141–144]). Аналогичным образом бухарский хан Убайдаллах I, захватив в 1538 г. Хорезм (который бухарские Шайбаниды рассматривали как часть своих владений, а хивинских ханов – как мятежников против законных властей Бухары), назначил ханом-вассалом собственного сына Абд ал-

Азиза. Естественно, «чужой» правитель (хотя он был Чингисидом и относительно близким родственником хивинской династии Арабшахидов) не нашел поддержки у местной знати и населения. После нескольких выступлений Арабшахидов против него Абд ал-Азиз в 1539 г. был вынужден вернуться к отцу, а Убайдаллаху пришлось согласиться на возвращение трона представителю местной династии, довольствуясь лишь номинальным признанием зависимости Арабшахидов от него [Абуль-Гази, 1996, с. 125–128].

Возможность «отомстить» Бухаре появилась у хивинских ханов в начале XVIII в., когда в Бухарском ханстве правила уже другая династия – Аштарханиды. Воспользовавшись тем, что в правление хана Абу-л-Файза Бухарское ханство превратилось в конфедерацию практически независимых владений, хивинский хан Ширгази в 1722 г. предпринял попытку создать вассальное Самаркандское ханство, на трон которого возвел своего двоюродного брата Раджаб-султана. Претендента, несмотря на его «чужеродность», тем не менее признали некоторые влиятельные представители региональной знати, заинтересованные в приобретении полной независимости от Бухары [Беневени, 1986, с. 78–79; Тали, 1959, с. 68–69]. Годом позже Раджаб даже сам выступил в поход против Абу-л-Файза, хотя эта акция и не увенчалась успехом [Беневени, 1986, с. 88]. В дальнейшем Раджаб всячески старался привлечь на свою сторону население ханства, однако бухарцы на его письма «не обратили никакого внимания» [Тали, 1959, с. 81]. Тем не менее при поддержке влиятельного племени кенегесов и хивинского хана Раджаб-хан еще в течение нескольких лет противостоял Бухаре [Ерофеева, 2007, с. 186–187; История, 1969, с. 263–264].

В 1740 г. знаменитый персидский завоеватель Надир-шах также завоевал Хорезм и казнил местного монарха. Поскольку никому из представителей местной династии он доверять не мог, на трон Хивинского ханства был возведен некий Тахир, потомок свергнутого бухарского хана Вали-Мухаммада.[114] Тахир, по всей видимости, родился в Иране, проживал до своего воцарения в Герате и носил титул «мирза», что вообще ставит под вопрос его статус султана-Чингисида. Тем не менее выбор Надир-шаха пал именно на него. При поддержке персидских войск Тахир был провозглашен ханом и в течение нескольких месяцев пытался распространять в Хорезме шиизм, жестоко расправляясь с инакомыслящими [МИКХ, 1969, с. 467; Munis, Agahi, 1999, p. 66]. Его правление представлялось незаконным и вместе с тем жестоким, поэтому хивинцы предпочли призвать в качестве хана казахского султана Нурали (сына знаменитого хана Абу-л-Хайра),

который с соблюдением всех церемоний был провозглашен ханом, а Тахир, не получивший поддержки от персов, сдался ему в плен и был казнен [МИКХ, 1969, с. 467–468; Munis, Agahi, 1999, p. 66] (см. также: [Lockhart, 1938, p. 211]).

Надир-шах постарался учесть эту ошибку и своим следующим ставленником в Хиве назначил уже более легитимного правителя – Абу-л-Мухаммад-султана, сына прежнего хана Ильбарса III (казненного самим же шахом!). Чтобы подчекнуть законность назначения и привлечь население Хивы на сторону нового правителя, шах повелел ему именоваться Абу-л-Гази II (в честь знаменитого хивинского хана середины XVII в.). Однако и этот претендент был воспринят как незаконный правитель; он продержался несколько лет на троне лишь благодаря персидским войскам. Сразу после смерти Надир-шаха и начавшейся в Иране анархии он был свергнут и убит хивинцами, которые предпочли ему в качестве своего монарха очередного казахского султана [МИКХ, 1969, с. 468–469; Munis, Agahi, 1999, p. 66–68] (см. также: [Атдаев, 2010, с. 69–77]). Впоследствии в борьбу за хивинский престол вмешалась еще одна иностранная держава – Бухарское ханство. В 1748 и 1757 гг. эмир Мухаммад-Рахим, фактический правитель Бухары, содействовал возведению на трон казахского султана Каипа и хивинского принца-изгнанника Тимура-Гази соответственно. В 1771 и 1779 гг. брат Тимура-Гази, Артук-Гази, и еще один родич, Пулад-Гази, также вступали на хивинский престол при поддержке Бухары. Все эти ханы вызывали недовольство местной знати приверженностью «к подножию престола эмира», в результате чего в Хиве каждый раз «происходила смута», приводившая к свержению бухарских ставленников, причем трое были изгнаны, а Тимур-Гази убит хивинской знатью [Munis, Agahi, 1999, p. 68–72, 76, 78–79] (см. также: [Тулибаева, 2001, с. 89]).

Аналогичная ситуация имела место и в постчингисидских государствах, в частности в ханствах Средней Азии второй половины XIX в., когда российская имперская политика стала неотъемлемой частью политико-правового развития в этом регионе. Если правитель того или иного ханства, даже являясь потомственным монархом и занимая трон не один год, признавал зависимость от российских властей, у его подданных (по крайней мере у части) могло возникнуть основание для признания его нелегитимным и выдвинуть другого претендента на трон.

Так, вскоре после признания Бухарой вассалитета от Российской империи, в 1868 г. сын бухарского эмира Музаффара, Абд ал-Малик (Катта-тура), восстал, объявив свое выступление «священной войной» против русских и, соответственно, против

своего отца, принявшего их сторону (см., напр.: [Айни, 1966, с. 283–285]).[115] В 1873 г. туркестанский генерал-губернатор К. П. фон Кауфман захватил Хиву и предпринял попытку начать переговоры с ханом Мухаммад-Рахимом II, бежавшим из города при приближении русских войск, население Хивы провозгласило ханом его брата Атаджана-тура. Только под давлением русских новый правитель был вынужден написать брату-хану письмо с просьбой вернуться в столицу и вновь принять бразды правления [Терентьев, 1906*б*, с. 253, 262–263; Тухтаметов, 1969, с. 26–27]. Даже в Кокандском ханстве, которое не успело надолго попасть в зависимость от России (оно было упразднено в 1876 г. и преобразовано в Ферганскую область), в 1875 г. претендент на ханский трон Султан-Мурад-бек, брат хана Худояра, в соответствии с фетвой казиев был обвинен в том, что является «человеком русских», был захвачен «воинами ислама» и вскоре умерщвлен по обвинению в том, что «продался русским» [Бабаджанов, 2010, с. 546]. Пострадал и сам Худояр, вынужденно признавший протекторат Российской империи. В том же 1875 г. против него выступил его собственный сын Насреддин, который объявил отца «всецело продавшегося неверным и льстившегося тем, что он получил от них титул светлейшего хана», и провозгласил ханом себя самого [Бартольд, 1963*а*, с. 395; Morris, 1975, p. 531].

Таким образом, можно сделать вывод, что даже потомственные Чингисиды, избиравшиеся в ханы в соответствии с традицией на курултае, либо их преемники, также считавшиеся законными монархами, в случае признания зависимости от иностранного сюзерена теряли легитимность в глазах своих подданных. Это служило формальным поводом для их свержения и даже убийства, хотя в ряде случаев реальные причины для мятежных действий против монархов могли быть иные.

§ 2. Попытки смены династии иностранными монархами

В свое время Чингис-хан и его потомки в процессе завоевания различных государств и регионов нередко практиковали замену местной правящей династии другой – более лояльной к новым сюзеренам. Такая ситуация сложилась в Средней Азии, где на смену хоремзшахам-Ануштегинидам пришла «купеческая» династия Махмуда Ялавача [Карши, 2005, с. 127–130]; предпринимались такие попытки и на Руси в период «монголо-татарского нашествия» 1230–1240-х годов, когда Чингисиды всерьез рассматривали возможность замены князей Рюриковичей

представителями других, боярских родов (подробнее см.: [Почекаев, 2006, с. 183–185]). Своеобразной «иронией истории» стала такая же политика, но уже в отношении самих Чингисидов: установив контроль над чингисидскими государствами, иностранные сюзерены стали практиковать назначение их правителями нечингисидов. Соответственно, легитимные в глазах своих покровителей, они не признавались в качестве законных монархов населением.

Родственники Чингисидов как ставленники китайских императоров в Монголии в XV–XVII вв. Уже в первой половине XV в. империя Мин, стараясь раздробить и подчинить себе Монгольское ханство, предприняла попытку спровоцировать гражданскую войну. Не ограничиваясь поддержкой противоборствующих царевичей из рода Чингис-хана, китайские власти стали признавать права на ханский титул и правителей, не имевших чингисидского происхождения. Так, в 1410-е годы китайские власти признавали ханом ойратского правителя Эсэху, который в глазах Чингисидов и их приверженцев являлся несомненным узурпатором [Hambis, 1969, p. 187].[116] Стремясь, впрочем, не допустить усиления и новых претендентов, китайские власти в то же время закрепили высокие титулы и за другими ойратскими вождями, чтобы они стали противовесом не только Чингисидам, но и новоявленному хану Эсеху. Так, в самом начале XV в. три соперничавших между собой ойратских родоплеменных вождя получили китайские титулы: Махаму – Шун-нин-вана, Тайпин – Сян-и-вана и Бату-Болад – Ань-лована. Около 1418 г. Тогон-тайши (претендовавший, как мы помним, на монгольский трон как сын дочери хан-Чингисида) унаследовал от своего отца Махаму титул Шун-нин-вана, который стимулировал его к борьбе за единодержавие среди ойратов [Покотилов, 1893, с. 35, 39–40]. Аналогичным образом китайские имперские власти после смерти Тогона признали его сына Эсена в ханском достоинстве – также поначалу именно среди ойратов [Hambis, 1969, p. 31]. Несомненно, этот фактор в значительной степени обусловил его властные амбиции, и в результате Эсен, как известно, решился на узурпацию ханской власти во всем Монгольском ханстве, осмелившись даже провозгласить себя императором Юань. Однако в силу различных обстоятельств (появления в Монголии энергичных властителей вроде Мандухай-хатун и Даян-хана) и политического кризиса в самой империи Мин в XV в. китайские власти так и не сумели подчинить Монголию.

Однако в XVII в. китайские императоры (на этот раз уже не только династии Мин, но и сменившей ее маньчжурской династии Цин) вновь попытались подчинить себе Монголию,

сделав ставку на представителей нечингисидских династий – правда, на этот раз не на потомков Чингис-хана по женской линии, а на потомство его братьев, членов рода Борджигин. Таким образом, кровные связи претендентов с «золотым родом» как основание законности их прав на престол были усилены дополнительным фактором – поддержкой иностранных сюзеренов.

Когда Даян-хану перед смертью пришлось разделить власть между своими многочисленными сыновьями, каждый из них стал во главе определенного родоплеменного объединения, фактически заменив прежнюю родоплеменную знать, почти полностью уничтоженную во время завоевательных походов Мандухай и Даян-хана, и тем самым сравнявшись по статусу с этой самой родовой знатью. В этих условиях потомки братьев Чингис-хана, также стоявшие во главе родоплеменных объединений, перестали признавать верховенство «золотого рода» и стали претендовать на равный с ними статус [Владимирцов, 2002*б*, с. 468 (примеч. 366)]. А поскольку ряд потомков Чингис-хана в своих владениях (аймаках) уже приняли ханские титулы – Шитну-ханы, Тушету-ханы, Дзасагту-ханы, Сэчен-ханы, Сайн-Нойон-ханы, Алтан-ханы, – другие потомки рода Борджигин в начале XVII в. решили последовать их примеру. Но ни потомки Хасара, ни тем более его младших братьев не могли обосновать свои права на трон тем, что уже не существовало прямых потомков Чингис-хана. Поэтому они начали предъявлять права на ханские титулы, во-первых, в собственных уделах, во-вторых, опираясь на могущественных покровителей, каковыми стали маньчжурские ханы, как раз в это время начавшие активное завоевание Китая.

Причиной этих действий была деятельность Лигдан-хана – последнего верховного правителя Монгольского ханства, поставившего себе целью укрепление центральной власти и воссоединение стремительно распадающегося государства. Надо сказать, отчасти ему это удалось, но принимаемые им меры оказались настолько непопулярны как среди Чингисидов, так и среди других Борджигинов, что областные правители предпочли пойти на сговор с чужаками-маньчжурами, лишь бы не подчиняться своему слишком властному родичу.

Одним из первых таких правителей-Борджигинов, получивших ханский титул, стал Аоба (Одба, Ууба) – потомок Хасара в 18-м поколении, являвшийся наследным правителем аймака Хорчин. Еще его отец противостоял централизаторской политике Лигдан-хана и пошел на сговор с маньчжурами. Аоба, чьи владения неоднократно подвергались нападениям со стороны

монгольского верховного хана, продолжил отцовскую линию, присягнул маньчжурам и вместе с ними участвовал в боевых действиях против Лигдана. За свою помощь Аоба получил в жены внучатую племянницу Нурхаци – основателя маньчжурского государства, титул «эфу» («императорский зять»), а также незадолго до смерти Нурхаци (1626 г.) был пожалован титулом Тушету-хана и награжден украшенными шлемом и доспехом. В благодарность за оказанные почести Аоба в дальнейшем поддержал Абахая – сына и преемника Нурхаци [Джамбадорджи, 2005, с. 107; Илтгэл шастир, 2007, т. 141] (см. также: [Кузнецов, 1987, с. 159; Успенский, 1987, с. 149]). Естественно, в глазах монгольского хана титул, дарованный маньчжурским монархом (который и сам выглядел самозванцем в глазах потомка Чингис-хана), силы не имел, и в своих посланиях к Аобе Лигдан ехидно именовал его «Тушету-эфу» [Илтгэл шастир, 2007, т. 142]. Тем не менее прецедент был положен, и примерно в то же время еще ряд правителей южно-монгольских аймаков из потомков братьев Чингис-хана приняли ханские титулы. Правда, некоторые из них получали титулы не от маньчжуров, а от китайских императоров династии Мин: Тулан, потомок Тэмугэ-отчигина (Дугурэн-хан), правитель аймака Онгнигуд [Там же, т. 216; Мэн-гу-ю-му-цзи, 1895, с. 27; Успенский, 1987, с. 153], и три поколения правителей аймака Муминган – Шира-Хитад, потомок Хасара в 14-м поколении (Тушету-хан), его сын Дорджи (Буянту-хан) и внук Цэгэн (Сэчен-хан), который впоследствии перешел на сторону маньчжуров [Илэтгэл шастир, 2007, т. 253; Лубсан Данзан, 1973, с. 294; Мэн-гу-ю-му-цзи, 1895, с. 43–44; Успенский, 1987, с. 155]. [117]

Пожалование титулов было вдвойне полезно для маньчжурских и китайских правителей. С одной стороны, принимая от них титулы, потомки рода Борджигин становились их вассалами, обеспечивая военную силу и политическое влияние на территории Монголии. С другой – принятие ханских титулов потомками братьев Чингис-хана умаляло престиж ханского титула среди самих Чингисидов, способствовало снижению их авторитета и, как следствие, отходу от них многих сторонников. В том что именно такую задачу ставили перед собой китайские и маньчжурские правители, когда даровали титулы потомкам рода Борджигин, нас убеждает следующая тенденция: после установления маньчжурского сюзеренитета над Монголией и ликвидацией в ней верховной власти Чингисидов владетельные Борджигины лишились своих ханских титулов. Так, уже Бадари, сын и наследник хорчинского Тушету-хана Аобы, после смерти отца был вынужден довольствоваться титулом тушету-цин-ванов

[Илтгэл шастир, 2007, т. 142] (см. также: [Лубсан Данзан, 1973, с. 294]), т. е. князя или царевича, но не хана; потомки онгнигудского Тулана – титулами дугурэн-цин-ванов [Илтгэл шастир, 2007, т. 216; Мэн-гу-ю-му-цзи, 1895, с. 27–28]; а муминганский Сэчен-хан Цэгэн в 1664 г. и сам был лишен ханского титула, получив взамен титул тайджи (царевича) третьей степени [Мэн-гу-ю-му-цзи, 1895, с. 44]. С этого времени и до провозглашения Монголии республикой в 1924 г. ханские титулы сохранили лишь владетели аймаков Халхи – Северной Монголии, происходившие из рода Хубилая.

Российские и китайские ставленники нечингисидского происхождения в ойратских государствах XVIII в. Усиление российских позиций в тюрко-монгольском мире сыграло определенную роль и в укреплении позиций еще одних монгольских ханов, на этот раз – нечингисидского происхождения, т. е. с позиций «чингисизма» нелегитимных монархов: калмыцких ханов. В предыдущем разделе мы уже отмечали, что только два калмыцких хана в свое время получили инвеституру от Далай-ламы – Аюка в конце XVII в. и Дондук-Омбо в первой трети XVIII в. соответственно, другие монгольские государи, исповедовавшие буддизм (в том числе и Чингисиды), должны были признать их законными монархами. Однако ханским титулом обладали и другие калмыцкие правители XVIII в.: Цэрен-Дондук и Дондук-Даши, которые, подобно казахским ханам, утверждались в ханском достоинстве российскими монархами.[118] Впрочем, и вышеупомянутые «ставленники» Далай-ламы – Аюка и Дондук-Омбо – также получали инвеституру от российских монархов [Колесник, 2003, с. 128, 251–252; Трепавлов, 2007*а*, с. 160], иначе в их глазах они выглядели бы узурпаторами и подлежали бы смещению – подобно ряду казахских ханов, провозглашенных в соответствии с чингисидскими традициями, но против воли государя-сюзерена (о них подробнее см. ниже в § 3 наст. гл.). Соответственно, до официального утверждения в ханском достоинстве калмыцкие правители в официальной российской имперской документации именовались лишь «наместниками».

Аналогичную политику проводили и китайские власти в отношении ойратских государств, подражая действиям своих предков в Восточной Монголии первой половины XVII в. Еще в 1697 г. хошоутский хан Лхавсан, как и его предки получивший ханский титул от Далай-ламы, признал себя вассалом империи Цин в обмен на поддержку в противостоянии с ойратскими и тибетскими правителями. Император, в свою очередь, утвердил его в ханском достоинстве и обещал сохранить титул за его

потомками [Цыбиков, 1991*а*, с. 141]. Как мы помним, Лхавсан, не являвшийся Чингисидом, был потомственным ханом ойратов Кукунора. Однако поскольку его соперники, другие ойратские предводители, к этому времени также успели обзавестись аналогичными титулами, Лхавсан не имел перед ними преимущества. По-видимому, признание его в ханском достоинстве со стороны империи Цин давало ему таковое. Правда, когда Лхавсан-хан в 1717 г. погиб в результате джунгарского нашествия, китайцы, вторгшиеся в Тибет под предлогом помощи его родственникам и обещавшие восстановить их в статусе «царей Тибета», отказались от практики возведения вассальных ханов в Тибете, что вызвало так называемый Кукунорский мятеж 1723–1724 гг. [Дугаров, 1983, с. 47; Златкин, 1964, с. 234; Солощева, 2013, с. 62–63].

В середине XVIII в. маньчжурские власти постарались усилить свой контроль над Джунгарией, поддержав претензии на ханский трон (традиционно принадлежавший роду Чорос) Амурсаны, который был внуком хана Галдан-Цэрена только по матери и вообще принадлежал к роду Хойт [Бичурин, 1829, с. 163–164; Златкин, 1964, с. 290–291]. Правда, в конечном счете, ханской власти он так и не получил, что заставило его начать борьбу с самими маньчжурами, опираясь, как мы увидим ниже, уже на другой фактор легитимации.

Наконец, в 1771 г. китайцы присвоили титул дзоригту-хана Убаши, последнему правителю Калмыцкого ханства, который во главе части своих подданных откочевал из России и, прибыв на территорию Джунгарии (уже включенной к этому времени в состав империи Цин), признал себя вассалом маньчжурского императора [Колесник, 2003, с. 217].

Возникает вопрос: зачем русским и китайским монархам было нужно даровать ханский титул монгольским правителям, не имевшим на него право (как нечингисидам) и к тому же не просто признававшим от них вассальную зависимость, но и непосредственно пребывавших в составе соответствующей империи? Полагаем, тут могло быть две причины.

Во-первых, не последнюю роль играло упрочение международного статуса самих императоров: каково же должно быть их могущество, если их вассалами являлись ханы, традиционно считавшиеся независимыми верховными правителями! Эта концепция очень ярко выражена в речи русского посла в казахском Младшем жузе А. И. Тевкелева, описывавшего величие Российской империи:

> В подданстве России находятся… самовластные цари

> и ханы, и князья: перво – царь грузинский, второй – хан калмыцкий, третий – Аликулк-хан мунгальский, четвертый – Усмей-хан калпацкой, самавластные же князья кабардинские, кумыцкие, терские, барагунские, аксайские (цит. по: [Трепавлов, 2007*а*, с. 197]).

Надо полагать, такими же соображениями руководствовались и власти империи Цин.

Во-вторых, повышая статус ойратских правителей до ханского, российские и китайские власти обеспечивали им поддержку в противостоянии с другими тюрко-монгольскими правителями, имевшими право на этот титул в силу происхождения, в частности с казахскими Чингисидами, правителями Кашгарии и проч. Инвеституру калмыцких ханов, полученную ими от Далай-ламы, ханы казахов, естественно, не признавали, поскольку сами были мусульманами, а не буддистами. Волю же российского императора, вассалами которого они сами являлись, они игнорировать не могли. Это признание имело наибольшее значение в случае проявления «неблагонадежности» казахских Чингисидов: калмыцкие ханы в случае вооруженного конфликта по воле русского императора могли выступить против них как равные – ведь, не имея ханских титулов, в соответствии с тюрко-монгольскими политико-правовыми воззрениями, они выглядели бы как мятежники против законных ханов. В свою очередь, находясь под угрозой постоянных казахских набегов, сами калмыцкие ханы проявляли большую лояльность к российским властям, поскольку, лишившись их поддержки, они автоматически лишились бы и легитимного ханского титула и не имели бы законной возможности ни противостоять казахским ханам и султанам, ни вести с ними переговоры как равноправные стороны.

Правители-нечингисиды в Казахстане XIX в. Ярким примером политики «замещения» владетельных Чингисидов в вассальных государствах нечингисидскими правителями являются административные преобразования Российской империи в Казахстане. В 1822–1824 гг. специальными положениями (в частности, «Уставом о сибирских киргизах», разработанным М. М. Сперанским) в Среднем и Младшем жузах был ликвидирован и институт ханов. При этом, упразднив ханскую власть, российская администрация сохранила в Казахстане следующий уровень правителей – султанов: на уровне округов – ага-султанов в Среднем жузе и султанов-правителей в Младшем жузе, на уровне волостей – волостных султанов [Устав, 1830, с. 418; Утвержденное мнение, 2005, с. 363].

Казалось бы, можно видеть в этих действиях российских властей некоторый «реверанс» в сторону Чингисидов, тем более что окружные и волостные султаны должны были избираться «сеймами» выборщиков – практически как прежние ханы на курултае! Однако уже в 1820-е го ды волостные султаны-Чингисиды стали «разбавляться» султанами нечингисидского происхождения (т. е. султанами по должности, а не по происхождению), а в 1836 г. нечингисид Шорман Кучуков (капитан русской службы, пользовавшийся уважением и в степи) был избран ага-султаном Баян-аульского округа [Джампеисова, 2006, с. 131, 136]. К 1860 г. из волостных правителей осталось лишь 11 Чингисидов, тогда как 62 остальных были представителями «черной кости» [Заключение, 2005, с. 433]. Признаваемые и утверждаемые российскими властями, «новые» султаны в глазах потомственных Чингисидов являлись, конечно же, «черной костью» и, соответственно, узурпаторами власти, исконно принадлежавшей «золотому роду». Причем подобное отношение выказывали даже лояльные к имперским властям султаны-Чингисиды – например, Чокан Валиханов, который в 1862 г. принял участие в выборах старшего султана Атбасарского округа и выиграл эти выборы, однако не был утвержден сибирским генерал-губернатором, отдавшим предпочтение его сопернику – нечингисиду Ердену Сандыбаеву [Валиханов, 1985*б*, с. 151–152] (см. также: [Почекаев, 2013*б*, с. 341]).

Полагаем, что подобная политика властей преследовала цель окончательно дискредитировать и без того шаткий авторитет Чингисидов в Казахстане и в конце концов вообще отменить традиционные институты управления, а также привилегии Чингисидов. Это и было окончательно сделано в результате реформ 1867–1868 гг., когда полуавтономные казахские жузы прекратили существование, и весь Казахстан был разделен на области и уезды в составе Российской империи под властью российских же чиновников.

Глава 7
Новые основания приобретения власти в период иностранного владычества

§ 1. Назначение тюрко-монгольских монархов сюзеренами и отношение к ним местного населения

Даже когда власть иностранного сюзерена устанавливалась надолго (например, верховенство Османской империи над Крымским ханством или сюзеренитет Российской империи над Казахстаном), на начальном этапе пребывания под иностранным владычеством имели место случаи, когда подданные выступали против ханов-Чингисидов, являвшихся ставленниками иностранных монархов.

Так, в Крымском ханстве в 1524 г. на трон по воле османского султана был возведен хан Саадат-Гирей I, который провел всю молодость в Стамбуле и не скрывал своего преклонения перед турецким стилем управления, обычаями и образом жизни. Кроме того, он пришел к власти, предательски умертвив законно избранного крымской знатью хана Гази-Гирея I. Неудивительно, что подданные не приняли его и в течение всего его восьмилетнего правления неоднократно организовывали против него заговоры и мятежи. В результате хану пришлось отречься от престола [Гайворонский, 2007, с. 180–181].

Точно так же не повезло и другому турецкому ставленнику – хану Фатх-Гирею I, который в 1596 г. был вынужден практически против своей воли занять трон после смещения уважаемого им старшего брата – Гази-Гирея II. Жители Крымского ханства не признали свержения популярного хана, а вскоре в Стамбуле был отправлен в отставку султанский везир, рекомендовавший Фатх-Гирея на трон. В результате самим же османским властям пришлось отменить решение о воцарении своего ставленника – правда, сделали они это довольно оригинальным образом: вопрос о законности претензий на трон обоих ханов, Гази-Гирея и Фатх-Гирея, был передан на рассмотрение кафинского муфтия, который в конечном счете отдал предпочтение старшему из братьев. В результате младший в глазах подданных окончательно превратился в узурпатора и мятежника, за что и был казнен [Негри, 1844, с. 385–387; Смирнов, 2005*а*, с. 333–336] (см. также: [Гайворонский, 2007, с. 332–335]).

Особенно ярко жители Крымского ханства выражали свое

неприятие османских ставленников после смещения популярных ханов. Так, например, в 1683 г. был низложен один из самых любимых в Крыму ханов, Мурад-Гирей, и на трон по воле Османов был возведен его двоюродный брат Хаджи-Гирей II. Подобно Саадат-Гирею I, он всячески демонстрировал лояльность по отношению к Османской империи и к тому же лишил крымскую знать ряда привилегий, что вызвало открытое восстание против него. Восставшие созвали курултай, на котором объявили хана низложенным (причем к этому решению присоединился даже калга-султан – соправитель хана), выступили против него и заставили бежать из Крыма [Халим Гирай, 2004, с. 86–87; Смирнов, 2005*а*, с. 431] (см. также: [Гайворонский, 2003, с. 60]).

Нелегитимным правителем в глазах своих подданных стал еще один крымский монарх – Кара-Девлет-Гирей, назначенный ханом по воле османских властей. Причиной его воцарения стало беспокойство Стамбула по поводу того, что в Крыму к этому времени уже несколько десятилетий у власти находилось семейство Селим-Гирея I: он сам правил четыре раза, а ему наследовали его многочисленные сыновья. Соответственно, турки опасались, что эта династия станет воспринимать Крымское ханство как свое семейное достояние и начнет подумывать об отказе от сюзеренитета Османской империи. Поэтому в 1716 г. ханом был объявлен Кара-Девлет-Гирей – старейший представитель рода, приходившийся Селим-Гирею двоюродным братом. Несмотря на то что в Крыму была официально проведена церемония избрания и интронизации хана, ни сами крымские подданные, ни ногайцы – вассалы крымских ханов не подчинялись ему, заявляя, что с предками этого хана у них издавна были нелады, и что на трон вновь следует вернуть потомство Селим-Гирея. В результате Кара-Девлет-Гирей фактически даже не успел реализовать свои властные полномочия, официально пробыв ханом не более трех месяцев [Смирнов, 2005*б*, с. 30–31].

Подобные примеры имели место также и в Казахстане, который с 1731 г. признал сюзеренитет Российской империи, однако это, по мнению казахов, вовсе не означало, что с русскими властями следовало соотносить различные политические вопросы, включая и избрание ханов. В первые десятилетия после принятия российского подданства большинство казахских султанов и родоплеменных старейшин выказывали недоверие тем правителям, которые присягали русским императорам – Абу-л-Хайру, Абу-л-Мамбету, другим ханам и султанам [Ерофеева, 2007, с. 275–277]. Справедливости ради, впрочем, отметим, что к

их делегитимизации это не привело (как в случае с Токтамышем и его сыновьями в Золотой Орде), однако дало основания некоторым казахским Чингисидам не подчиняться им и самим предъявлять претензии на верховную власть.

Когда же в конце XVIII в. имперские власти стали не просто утверждать казахских ханов, избранных на курултаях, но и предписывать казахам, кого именно из султанов-Чингисидов следует избирать, это вызвало негодование населения Казахстана. Это негодование подогревалось еще и тем, что российские власти с показным пренебрежением относились к традиционной процедуре избрания. Так, например, в 1795 г. султан Ишим, внук Абу-л-Хайра, был фактически назначен ханом Младшего жуза по совместному решению симбирского и уфимского губернаторов, а в официальной процедуре избрания участвовала лишь незначительная часть представителей знати жуза [Ерофеева, 2001, с. 130; История, 1979, с. 125]. Среди казахов возникла серьезная оппозиция хану, которую возглавлял влиятельный батыр Сырым Датулы (Срым Датов), с именем которого связывают казахское освободительное движение 1783–1797 гг. (см., напр.: [Мажитов, 2007, с. 13]). В 1797 г. хан Ишим был убит сторонниками Сырыма, который не скрывал, что расправился с ханом как проводником русской политики в Казахстане. Более того, после убийства хана заговорщики искали также его чиновников из числа русских ставленников, не трогая других обитателей ханской ставки [Вяткин, 1947, с. 339–340; Ерофеева, 2001, с. 130–131; Левшин, 1996, с. 276–277; Трепавлов, 2007*а*, с. 170]. При сходных обстоятельствах произошло воцарение, а затем и убийство еще одного хана Младшего жуза – Джанторе, который был утвержден российской администрацией, но не получил поддержки в Степи и вскоре был убит своим двоюродным братом и соперником, Каратаем, выступившим в качестве поборника казахских национальных интересов [Ерофеева, 2001, с. 132].

§ 2. Иностранные сюзерены как ханы и способы их легитимации

Установление прямой власти иностранных правителей-сюзеренов в тюрко-монгольских государствах являлось давней практикой во взаимоотношениях «степных империй» и империй оседлых. Например, еще в 629 г. Ли Шиминь – Тай-цзун, император китайской династии Тан, официально стал и каганом тюрков, установив своеобразную «личную унию», в результате которой Тюркский каганат на полвека стал частью Китая [Барфилд, 2009, с. 232]. Аналогичные механизмы применяли

порой и иностранные сюзерены чингисидских государств, когда считали, что сохранение их независимости или автономии не отвечает имперским интересам.

«Белый хан»: московский повелитель татарских ханств. В отечественной истории наиболее известны случаи с постордынскими государствами – Казанским, Астраханским и Сибирским ханствами, после присоединения которых к Московскому царству Иван IV Грозный прибавил к своим титулам также титулы «царь Казанский» и царь Астраханский, а его сын Федор Иванович – «царь Сибирский». То, что эти титулы не просто отражали факт покорения и присоединения указанных ханств к Москве, подтверждается особым статусом присоединенных территорий, которые в течение длительного времени имели статус особых административно-территориальных единиц в составе России – «царств», обладавших определенной автономией, хотя и управлявшихся наместниками московских царей. Таким образом, в данном случае также можно говорить о своеобразной «личной унии», и именно личность государя объединяла Московское царство и эти три «царства» в рамках единого государства, которое уже со второй половины XVI в. некоторые исследователи не без оснований характеризуют как империю [Каррер д'Анкосс, 2010].

Интересно отметить, что, став монархами в чингисидских государствах, сами московские цари не обременяли себя заботами о легитимации собственной власти в глазах своих новых тюрко-монгольских подданных. Уже с конца XV в. все свои территориальные приобретения или даже установление сюзеренитета над восточными государствами и народами московские Рюриковичи обосновывали исключительно одним фактором – божьей волей. Так, например, уже Иван III после завоевания Казани, установления над ней своего протектората и возведения на трон собственного ставленника Мухаммад-Амин-хана писал сибирскому хану Ибаку и ногайским мирзам:

> И божьим милосердием того своего недруга царя Алегама достали есмя…, и землю его взяли есмя, и посадили есмя на том юрте на Казани своего брата и сына Магмет-Аминя царя [Посольская книга, 1984, с. 20; Посольские книги, 1995, с. 21]. Аналогичное обоснование законности своей власти в завоеванных и присоединенных государствах приводил и его внук, Иван IV, фактически поддерживая репутацию завоевателя новых «царств», т. е. именно узурпатора их тронов!

Однако самим новым подданным и вассалам московских

царей (которых они называли «белыми царями», или «белыми падишахами»), не обладавшим особенно сильной верой в покровительство христианского бога, такого фактора легитимации было явно недостаточно. И чтобы новый монарх с формальной «чингисидской» точки зрения не выглядел узурпатором, они сами изобретали понятные им обоснования его власти. Так, например, ногайские мурзы и сибирские беки-Тайбугиды, стремясь придать легитимный характер сюзеренитету Ивана IV над бывшими постордынскими юртами, называли его Чингисидом, к чему сам он, впрочем, ничуть не стремился [Трепавлов, 2004, с. 282–283; 2007*а*, с. 94–96].[119] Тем не менее определенное преемство с прежними ханами Иван Грозный демонстрировал – возможно, за счет принятого в 1547 г. им титула царя. Как известно, ордынских и постордынских ханов в средневековой русской традиции именовали именно царями, так что Иван IV, приняв этот титул, становился равным им и, вероятно, в какой-то степени имел право на преемство их власти. Это, в частности, подтверждается фактами выдачи в 1550-е годы Иваном Грозным ярлыков своим ногайским, башкирским и сибирским вассалам: правом издания таких актов пользовались исключительно ханы-«цари», следовательно, присвоив себе такую прерогативу, Иван IV становился легитимным их преемником. Подтверждение этого преемства выразилось в выдаче в 1600 г. ярлыка царем Борисом Годуновым, причем уже не вассалу нечингисидского происхождения, а потомственному хану-Чингисиду – касимовскому правителю Ураз-Мухаммад-хану, потомку казахских ханов [Посольские книги, 2006, с. 242–243, 334; Трепавлов, 2008].

Любопытно отметить, что хотя сами «царства» уже в начале XVIII в. были упразднены как автономные единицы, и на их территории была распространена губернско-уездная система, титулы «царя Казанского, Астраханского, Сибирского» сохранялись в титуле российских императоров вплоть до падения империи [Лакиер, 1847, с. 73].

Китайский император – великий хан монголов. Сходная ситуация складывалась в отношениях Монголии с Китаем, императоры которого, начиная уже с конца XIV в. стали предпринимать попытки подчинить себе монголов, подобно тому, как ханы-Чингисиды сами подчинили себе Китай полутора веками ранее. Как мы помним, их старания увенчались частичным успехом: некоторые монгольские улусы признали китайское подданство, отдельные монгольские Чингисиды либо признавали себя вассалами Китая, либо были даже его прямыми ставленниками на монгольском троне.

Как и русских царей при завоевании постордынских ханств, китайских императоров не слишком заботило законное с точки зрения «чингисизма» обоснование их власти над Монголией. Например, когда ойратский Тогон-тайши в 1430-х годах расправился со своими соперниками Аруктай-тайши и Адай-ханом, он даже отправил в Пекин ханскую яшмовую печать как символ того, что верховная власть над Монголией отныне принадлежит империи Мин, а он, Тогон, признает себя ее вассалом.[120] Однако император презрительно отверг этот дар, предложив ойратскому вождю сохранить печать для себя [Покотилов, 1893, с. 49]. Как видим, китайские монархи конца XIV – первой половины XV в. чувствовали себя достаточно могущественными, чтобы (опять же подобно московским царям) обосновывать свою власть силой оружия, а не какими-то «варварскими», с их точки зрения, тюрко-монгольскими политико-правовыми средствами.

Тогда монголы сами стали искать основания легитимации власти императоров Мин и, вероятно, не столько в интересах сюзеренов, сколько для того, чтобы подчинение иноземному монарху не было унизительным для самих монгольских династов. И такое основание было найдено, им стала легенда о происхождении Юн-ло, третьего императора династии Мин. Согласно монгольской историографии, этот государь, четвертый сын Чжу Юаньчжана, основателя Мин, «на самом деле» был сыном последнего монгольского императора Китая – Тогон-Тэмура. Якобы Чжу Юаньчжан захватил беременную супругу хана-императора, которая упросила Небо, чтобы срок ее беременности продлился двенадцать месяцев, и новый супруг поверил, что это его собственный ребенок [Лубсан Данзан, 1973, с. 255].[121] Создавая этот миф, монгольские придворные идеологи решали сразу две политические задачи. Во-первых, они «констатировали», что даже после изгнания монголов из Китая на его троне продолжали пребывать потомки Чингис-хана (ведь все последующие императоры Мин были прямыми потомками именно Юн-ло) [Бира, 1978, с. 282–283]. Во-вторых, подчинение потомкам императора Юань, а не китайского бунтовщика, было незазорно ни для рядовых монголов, ни даже для знати и Чингисидов. Их не смущал даже тот факт, что Юн-ло родился в 1360 г., тогда как бегство Тогон-Тэмура из Китая (и, соответственно, приписываемое Чжу Юаньчжану пленение его беременной супруги) имели место в 1368 г., т. е. восемью годами позже…

Несколько сложнее оказалась задача монгольских политических идеологов при обосновании права на власть над

Монголией маньчжурских императоров династии Цин, сменившей Мин в 1644 г. При всем желании происхождение маньчжурских государей не могло быть выведено от Чингис-хана или даже кого-то из его родственников – для этого не было даже таких зыбких оснований как в случае с императорами Мин. Поэтому в поисках легитимации нового сюзерена идеологи пошли по другому пути – по пути сближения монгольской и китайской политических традиций, восходящих корнями к эпохе Юань.

Согласно официальной версии, в 1635 г. Эчжэ, сын Лигдан-хана, последнего верховного правителя Монголии из рода Чингис-хана, сдался маньчжурскому правителю Абахаю, передав ему отцовскую яшмовую печать (ту самую, которую Тогон-тайши некогда предлагал императору Мин). Обладание этой печатью делало маньчжурского монарха законным претендентом на трон как по монгольской, так и по китайской традиции: «мандат Неба» на управление монголами перешел от Чингисидов к маньчжурскому правящему роду Айсинь Гиоро и лично к Абахаю, который годом позже, в 1636 г., и был торжественно коронован как новый верховный хан монголов, «Богдо-хан» [Базарова, 2006, с. 258–260; Горохова, 1980, с. 9; Кычанов, 1986, с. 69–71; Godwin, 1967, p. 92].[122] Так Южная Монголия признала власть «хана» Абахая. А когда в 1691 г. китайский сюзеренитет признали и северные монголы (Халха), третьему цинскому императору Кангси было уже гораздо проще предстать в роли их легитимного правителя, имея основание в виде прецедента, созданного его дедом [Цааджин бичиг, 1998, с. 8; Soni, 2007, p. 156].

Уже позднее в монгольской историографии стали пытаться найти и дополнительные обоснования для оправдания подчинения монголов (в том числе и Чингисидов) чужеземному монарху. Например, делались попытки вывести родословную маньчжурских императоров от Елюя Чу-цая, советника Чингис-хана, именовавшегося в монгольской историографии Чу-Мэргэн-нойоном [Каполнаш, 2011, т. 283–284].[123] Создателей этой легенды не смущал тот факт, что Елюй Чуцай был киданем и не имел к маньчжурам никакого отношения: они «записали» его в «чжурчжиты», т. е. чжурчжени, предводители которых основали династию Цзинь и правили Китаем в 1125–1234 гг. [Лубсан Данзан, 1973, с. 336 (примеч. 4); Цендина, 2007, с. 213]. Надо сказать, что маньчжурский правящий род и в самом деле претендовал на родство с чжурчженями: не случайно Нурхаци, основатель маньчжурского государства, первоначально назвал свою династию Поздней Цзинь [Кузнецов, 1985, с. 121–123; Кычанов, 2010, с. 251]. Также дополнительным фактором

легитимации власти маньчжурских императоров в Монголии стало, как ни странно, их покровительство буддизму – именно религиозная общность побудила монгольских князей и буддийских иерархов в 1691 г. признать зависимость от Китая, а не от России [Пан, 2006, с. 78–79; Успенский, 2011, с. 178–179; Godwin, 1967, p. 128–135]. При этом практически не поднимался вопрос о легитимации власти императоров Цин в Монголии путем породнения с Чингисидами, хотя сам Абахай, согласно официальной монгольской историографии, женился на двух вдовах Лигдан-хана, а его потомки на протяжении многих поколений роднились с наиболее влиятельными монгольскими ханами и князьями [Успенский, 2013; Цендина, 2007, с. 202; Godwin, 1967, p. 135–139].

Однако эти версии не получили серьезного распространения, тогда как версия о преемстве маньчжурскими императорами «мандата Неба» вместе с яшмовой печатью Чингисидов оказалась востребованной не только монголами, но и самими маньчжурами. Впоследствии, при создании официальной историографии империи Цин этот фактор легитимации также учитывался, в результате чего маньчжуры представали в глазах потомков как преемники не только непосредственно предшествовавшей им империи Мин, но и прежних династий, в том числе Юань [Пан, 2006, с. 164–165].

В монгольской исторической традиции все маньчжурские императоры носили особые монгольские имена-титулы: Нурхаци – Тэнгээс-Дзаягату, Абахай – Ундур-Богдо (затем – Дэгэду-Эрдэмту), Шуньчжи – Эер-Дзасагчи, Канг-си – Энхэ-Амугулан и т. д. [Джамбадорджи, 2005, с. 108–116].[124]

§ 3. Чингисиды – узурпаторы в глазах иностранных сюзеренов

По мере укрепления власти иностранных государств над тюрко-монгольскими государствами воля сюзерена все чаще становилась фактически единственным средством легитимации власти. Теперь узурпаторами могли быть признаны правители, возведенные на трон в соответствии с чингисидскими обычаями и с одобрения подданных, но без согласования с сюзеренами.

Отсутствие согласия сюзерена на воцарение как повод для обвинения в узурпации. Подобные политико-правовые казусы, как правило, возникали вскоре после признания соответствующим государством или регионом зависимости от иностранного сюзерена или же после прямого включения соответствующей территории в состав иностранного государства.

После признания Крымским ханством вассалитета от Османской империи еще в последней четверти XV в. установился такой порядок вступления хана на трон, при котором сначала османский султан назначал крымского монарха своим специальным фирманом-указом, а лишь затем осуществлялась официальная церемония его «избрания» и коронации в Крыму. И хотя в ряде случаев – особенно на раннем этапе османского сюзеренитета над Крымом – этот порядок представлял собой простую формальность,[125] Османы порой достаточно болезненно реагировали на нарушение своей прерогативы и отдавали приказ жестоко расправляться с ханами, посмевшими «избраться» без санкции своего сюзерена. В 1523 г. после неожиданной гибели Мухаммад-Гирея I на трон Крымского ханства вступил его сын Гази-Гирей I, избранный, как положено, собранием крымской знати. Султан Сулейман I Великолепный тут же издал фирман о незаконности его избрания и назначении ханом Крыма Саадат-Гирея I (брата Мухаммад-Гирея), который по приезде в Крым немедленно приказал казнить племянника как мятежника и узурпатора [Смирнов, 2005*а*, с. 301; Халим Гирай, 2004, с. 26] (см. также: [Гайворонский, 2007, с. 153–157]). Та же судьба постигла еще одного хана, избранного и возведенного на трон до получения официального одобрения османского султана – Токтамыш-Гирея. В 1608 г., после смерти своего отца, знаменитого Гази-Гирея II он был избран его преемником и поднят на белом войлоке в соответствии с тюркской кочевой традицией, причем, по некоторым сведениям, это было сделано даже на основании предварительной договоренности его отца с османскими властями. Однако султан не признал воцарения сына и продолжателя традиций довольно независимого Гази-Гирея и предпочел ему его дядю – Саламат-Гирея, который до этого много лет протомился в османской тюрьме. Объявленный незаконным правителем Токтамыш-Гирей лишился поддержки крымской аристократии, был свергнут и убит [Смирнов, 2005*а*, с. 346–349; Халим Гирай, 2004, с. 51–52] (см. также: [Гайворонский, 2009, с. 23–27]). Неудивительно, что правление Гази-Гирея и Токтамыш-Гирея даже не нашло отражения в большинстве произведений официальной крымской историографии [Зайцев, 2009, с. 195, 198]. Таким образом, утверждение крымского хана с середины XVI в. превратилось из простой формальности в юридически значимый акт, и те ханы дома Гиреев, которые по-прежнему не стремились немедленно после формального избрания на курултае получить подтверждение своих прав на трон от сюзерена, могли быть обвинены в мятеже против него [Беннигсен, Лемерсье-Келькеже, 2009, с. 222–223].

Присоединение Сибирского ханства к России в конце XVI в. повлекло радикальные перемены в системе управления. После нескольких веков владычества ханов-Чингисидов новым монархом – «царем Сибирским» – стал московский государь, а в Сибири был сформирован институт воевод-наместников. Безусловно, прямая аннексия чингисидского государства Московским царством не была признана ни местными династами, ни соседними государствами Чингисидов. Соответственно, представители сибирской правящей династии Шибанидов начали борьбу за восстановление независимости своего государства и в течение первых двух третей XVII в. выдвигали своих претендентов на престол – сыновей и внуков Кучума: Алея, Каная, Ишима, Аблая, Девлет-Гирея, Кучука (подробнее см.: [Почекаев, 2011, с. 100 и след.]). С точки зрения чингисидской государственности и права это были вполне законные правители, возводившиеся в ханское достоинство на курултае, хотя и поддерживало их не более нескольких сотен подданных, да и отдельные сибирские роды и племена в целях личной выгоды то признавали власть этих эфемерных ханов, то вновь переходили «под руку» Москвы [Трепавлов, 2012, с. 92–94 и след.; Худяков, 2011, с. 106–108].

Однако с точки зрения новых, московских, властей это были несомненные узурпаторы, претендовавшие на власть над территориями Московского царства. И потому во всех официальных документах сибирские претенденты именовались исключительно «царевичами», т. е. султанами (а иногда «бродячими царевичами» и даже «государевыми изменниками»), и в ханском достоинстве их Москва не признавала [Вершинин, 1998; Русско-монгольские, 1959, с. 108, 111]. Исключение составляет, впрочем, первый из претендентов – хан Али, сын Кучума (последнего легитимного в глазах московских властей сибирского хана из династии Шибанидов). В 1608 г. он попал в плен к русским и до самой своей смерти в 1632 г. прожил в России. Именно он в российских официальных документах и дипломатической переписке именовался «царем», т. е. ханом. А. В. Беляков полагает, что такое титулование давало московским властям возможность и юридически, и фактически не признавать претензии на власть родственников Али, пока сам он был жив. Однако В. В. Трепавлов сомневается в таком объяснении, поскольку русскому царю, уже принявшему титул царя Сибирского, не требовалось «искусственного дублирования» аналогичным титулом султана-Шибанида [Трепавлов, 2012, с. 72].

В Казахстане русские власти также неоднократно сталкивались с проблемой появления ханов, кандидатуры

которых не устраивали имперское правительство и тем самым в его глазах являлись незаконными. Не секрет, что русским властям не были нужны на казахском троне влиятельные и энергичные монархи из наиболее авторитетных семейств ханского рода. Поэтому они старались поддерживать кандидатуры с меньшими правами на трон – таковыми в глазах казахов являлись хан Абу-л-Хайр и его потомки, потомки Усека (одного из младших сыновей Джанибека – основателя Казахского ханства). В связи с этим неудивительно, что значительная часть казахских родов и племен отказывалась признавать воцарение этих русских ставленников и избирала собственных ханов из других ветвей династии казахских Туга-Тимуридов. Такими ханами были, в частности, представители двух ветвей рода Джадыка, старшего брата Усека.

Вскоре после смерти Абу-л-Хайра в 1748 г. ряд казахских родов и племен Младшего жуза, не желавших подчиняться потомкам Усека, выбрали своим ханом Батыра из рода Джадыка. В дальнейшем прямые потомки Батыра – его сын Каип, внуки Абу-л-Гази и Ширгази (сыновья Каипа), правнуки Арингази (сын Абу-л-Гази) и Джангази (сын Ширгази) и Аип б. Жолбарыс также официально избирались на курултаях ханами Младшего жуза или его отдельных родоплеменных подразделений, однако в глазах российских властей законными претендентами они не являлись [Ерофеева, 2001, с. 131–135; 2003, с. 116; Левшин, 1996, с. 279, 284].

Другую ветвь возглавлял хан Борак – убийца Абу-л-Хайра, который вскоре после его смерти, в 1749 г. был избран ханом частью племен Среднего и Старшего жуза. Естественно, его власть также не была признана российскими властями – равно как и власть его сыновей Даира и Хан-Ходжи [Ерофеева, 2001, с. 118–121; 2003, с. 79; Левшин, 1996, с. 284].

В заключение рассмотрим еще один интересный казус с «частичным признанием» прав казахского правителя. В 1815 г. в Букеевском ханстве (Внутренней Орде) – небольшом казахском государстве, изначально созданном в качестве вассала Российской империи, умер его основатель хан Букей, внук знаменитого казахского хана Абу-л-Хайра. Его наследником, согласно завещанию, являлся его старший сын Джангир, которому в год смерти отца было 11 лет, поэтому на время его малолетства правителем Внутренней Орды был утвержден султан Шигай, брат Букея, который еще в последние годы правления старшего брата фактически управлял ханством в связи с нездоровьем Букея [Зиманов, 1981, с. 94]. Это утверждение произошло в официальном порядке – уральским военным губернатором Г. С. Волконским на основании прошения знати

ханства [Ханыков, 1849, с. 47].

Регентство Шигая – случай довольно редкий в тюрко-монгольских государствах и исключительный в истории казахских ханств. Сам институт регентства в «степных империях» был достаточно распространен, однако очень редко регентами при малолетних ханах являлись их родственники-Чингисиды, поскольку и сами имели право на трон. Обладание статусом регента давало им значительный «административный ресурс» в борьбе за ханский трон [Флетчер, 2004, с. 227] – достаточно вспомнить примеры Тулуя, оттягивавшего избрания в ханы Монгольской империи своего брата Угедэя, или монгольского царевича Барс-Болада, который в первой половине XVI в. объявил себя правителем до совершеннолетия своего племянника Боди-Алаг-хана и сохранял регентские полномочия, пока законному монарху не исполнилось, по некоторым сведениям, сорок с лишним лет [Лубсан Данзан, 1973, с. 287–288; Монгольские источники, 1986, с. 85–86] (см. также: [Владимирцов, 2002*б*, с. 467])![126] В связи с этим легко можно понять, почему чаще всего регентами при малолетних правителях назначались либо представительницы ханского семейства (бабки, матери, тетки юных ханов), либо же сановники нечингисидского происхождения, которые не могли претендовать на престол Чингисидов.

На протяжении всего своего регентства Шигай боролся за ханский титул, используя все доступные ему средства: созывал курултай для своего избрания, обращался к российским имперским властям, даже обвинял своего племянника Джангира в присвоении ханских прерогатив, чтобы тот был лишен права занимать трон [История, 2002, с. 224–225; Ханыков, 1849, с. 47] (см. также: [Зиманов, 1981, с. 94]). Однако все его попытки оказались неудачны, и когда Джангир в 1822 г. прибыл в ханство, чтобы вступить в права наследования, Шигай не имел достаточно влияния, чтобы противостоять ему.

Однако он не пожелал сдаваться даже несмотря на то, что Джангир был возведен в ханы волеизъявлением императора Александра I. Шигай решил противопоставить воле сюзерена старинные правовые традиции Чингисидов и, апеллируя к тому, что был избран в ханы на курултае, обратился на суд к Ширгази, хану Младшего жуза.[127] Однако Джангир, чтобы не проиграть дяде, поступил точно так же. Впрочем, Ширгази, которому самому оставалось уже буквально несколько месяцев до отставки (в результате реформы 1824 г., упразднившей ханскую власть), не смог решить их спора. Сначала он выдал представителям Шигая документ о том, что не будет ему препятствовать добиваться

ханского титула, затем выдал аналогичный документ и представителям Джангира. А чуть позже, чтобы его не обвинили в двоедушии, издал третий акт, в котором прямо заявлял, что не будет препятствовать обоим претендентам добиваться желаемого ханского титула [Горихвостов, 1957, с. 112] (см. также: [Почекаев, 2009 *г*, с. 159]).

В результате конечное решение осталось за имперскими властями. Проведя расследование в Букеевской Орде, представители российской администрации установили, что Шигай подделал ряд документов относительно обвинений против Джангира и поддержки знатью его самого. Поэтому в июне 1823 г. высочайшей грамотой Джангир был официально признан ханом Внутренней Орды.

Данный случай привлек наше внимание несколько противоречивым статусом Шигай-султана. Он был признан российскими властями как регент, т. е. являлся вполне легитимным временным правителем ханства, и даже самому законному хану Джангиру было предписано повиноваться ему и выказывать уважение [История, 2002, с. 228–229]. Однако когда Шигай попытался расширить свои полномочия и организовать свое избрание в ханы – в соответствии с чингисидскими традициями, но вопреки воле имперских властей, – его действия стали рассматриваться уже как некое подобие узурпации, что и послужило поводом для его отстранения от власти даже в качестве регента.

Двойной вассалитет / Двойное подданство. К этой же категории правителей, непризнанных своими сюзеренами (т. е. узурпаторов в их глазах), можно отнести Чингисидов, которые принимали ханскую инвеституру от одних иностранных правителей, юридически являясь вассалами других. Например, южномонгольский Чингисид Омбо, правитель области Ордос, поначалу признал маньчжурский сюзеренитет, но в 1634 г. вступил в контакт с династией Мин и получил от нее титул «Орон-Дазагун-Гэгэн-хан», («светлейший хан западных земель»). Естественно, в глазах Абахая, императора маньчжурской династии Цин, Омбо тут же превратился из вассала в мятежника-узурпатора и был арестован [Успенский, 1987, с. 157].

Традиция признания зависимости сразу от двух, а то и трех разных иностранных правителей и одновременная им выплата дани (так называемые двоеданничество или троеданничество) была довольно распространена в позднем Средневековье среди центрально-азиатских и сибирских кочевых народов, которые могли одновременно признавать себя вассалами Московского государства, Китая и, например, Джунгарского ханства

(подробнее см.: [Боронин, 2003]). Однако в конце XVIII–XIX в. ситуация коренным образом изменилась, и сюзерены стали довольно жестко реагировать на попытки своих кочевых вассалов получить ханское достоинство от иностранных государей. В большинстве случаев подобные инциденты случались с Чингисидами, считавшимися вассалами Российской империи.

Как правило, получение ими ханского титула от иностранных государей происходило во время вооруженного конфликта России с иностранным государством. В частности, подобного рода воцарения имели место в Крымском ханстве незадолго до его окончательного присоединения к России, в 1770–1780-е годы. При этом, как ни странно, первый прецедент был положен именно российскими властями. Во время войны с Османской империей русские войска оккупировали практически весь Крымский полуостров и в 1771 г. организовали избрание ханом своего ставленника – Сахиб-Гирея II. Естественно, в турецких хрониках он изображен как самый настоящий предатель и узурпатор, поскольку в это время Крым формально все еще находился в вассальной зависимости от Османской империи [Смирнов, 2005*б*, с. 122–125]. Турецкие власти в течение всего правления Сахиб-Гирея не признавали его в качестве хана и постоянно держали при себе собственных ставленников на престол, которых следовало немедленно интронизировать по освобождении Крыма от русских войск – сначала Максуд-Гирея, затем Девлет-Гирея IV [Гайворонский, 2003, с. 88–91].

Однако когда по итогам русско-турецкой войны 1768–1774 гг. был подписан Кучук-Кайнарджийский мирный договор, то в соответствии с первым пунктом которого Крымское ханство официально выводилось из-под османского сюзеренитета и признавалось независимым государством, правда, под фактическим российским протекторатом [Дружинина, 1955, с. 279–282]. И с этого времени роли Российской и Османской империй в отношении Крыма поменялись на противоположные: теперь турецкие ставленники на крымском троне выглядели узурпаторами и мятежниками в глазах российских властей. Таким мятежником, в частности, стал Девлет-Гирей IV, который в 1775 г. отнял трон у Сахиб-Гирея и потребовал у Османской империи расторгнуть мирный договор с Россией, однако вскоре он и сам был свергнут русским ставленником Шахин-Гиреем. Аналогичным образом в качестве мятежника и узурпатора представал в глазах российских властей Бахадур-Гирей II, свергший с трона своего брата Шахин-Гирея, но вскоре изгнанный им при помощи русских войск [Халим Гирай, 2004, с. 138–139] (см. также: [Алексеев, 1914, с. 444–449; Гайворонский, 2003, с.

90–91, 99]).

Наконец, когда Крымское ханство в 1783 г. было официально упразднено, а его территория вошла в состав Российской империи, Османы предприняли еще несколько попыток восстановления этого чингисидского государства во главе со своими вассалами-Гиреями. Османская империя объявила России очередную войну (1787–1791), во время которой претендентами на крымский престол выступали Шахбаз-Гирей и Бахт-Гирей, имевшие в соответствии с чингисидской традицией законные права на престол как сыновья ханов (первый был сыном Арслан-Гирея, второй – Крым-Гирея) [Халим Гирай, 2004, с. 143–146]. Однако поскольку победителем в войне оказалась Россия, никакие права этих претендентов не помогли им стать легитимными правителями ханства, окончательно прекратившего свое существование.

Китайская империя Цин формально врагом России не являлась, однако между двумя державами существовало соперничество в отношении ряда центрально-азиатских владений, включая и казахские жузы (особенно Старший). Обе империи старались не давать друг другу повод для открытия военных действий, и некоторые казахские претенденты на трон этим пользовались.

Уже знаменитый Аблай, который в 1771 г. был провозглашен ханом представителями всех трех казахских жузов, но долго не получал утверждения в ханском достоинстве от российских властей,[128] решил апеллировать к китайскому богдыхану, которого именовал в своих посланиях «Верховным великим ханом», себя признавал его «албату», т. е. податным. Китайские власти, желая воспользоваться возможностью распространить свою власть на казахов, с готовностью признали за Аблаем ханский титул, заодно присвоив ему также и княжеский титул в цинской имперской иерархии [Тимковский, 1824, с. 253; Noda, Onuma, 2010, p. 12, 40, 70] (см. также: [Абуев, 2012, с. 118]). Русские власти, не желая перехода казахов под влияние Китая, в свою очередь, утвердили за Аблаем ханское достоинство, правда, только в одном Среднем жузе [Абуев, 2012, с. 117–118; Ерофеева, 2001, с. 127]. Тем самым из узурпатора и субъекта двойного подданства Аблай официально превратился в хана-вассала Российской империи, что, впрочем, не мешало ему осуществлять практически абсолютную власть над подвластными казахами, что отмечал в свое время еще его правнук Чокан Валиханов [Валиханов, 1985*а*, с. 116].[129]

Российские власти в знак признания заслуг Аблая сразу же после его смерти признали и утвердили в ханском достоинстве

его сына Вали. Однако признание со стороны России не помешало новому хану тут же вступить в контакт с империей Цин и, подобно отцу, заручиться подтверждением своего ханского статуса и от китайских властей, а в 1800 г. император Цзяцин официально утвердил его сына Габбас-султана в качестве наследника Вали, пожаловав ему титул гуна [Цинская империя, 1989, с. 103, 126; Noda, 2011, p. 68]. Впрочем, поскольку официальное подтверждение его в ханском статусе со стороны России состоялось позже, чем со стороны Цин, российские власти не поставили под сомнение его законность и лояльность, но напротив, в течение всего его правления неоднократно поддерживали даже в конфликтах с собственными подданными [Ерофеева, 2001, с. 129]. Любопытно отметить, что Вали-хан, как бы оправдывая доверие сюзерена, сам постоянно сообщал российским властям о своих контактах с Китаем [Цинская империя, 1989, с. 107].

Китайским титулом «ван» обладал еще один влиятельный казахский правитель Среднего жуза – султан Абу-л-Файз, также присягнувший на подданство России и вместе с тем выражавший верноподданство империи Цин. Его же сыновья, не обладавшие ханскими титулами, получили от цинских властей менее высокие титулы: Бопу – тайджи (царевича), а Джучи – гуна (князя) [Noda, Onuma, 2010, p. 23, 32, 44, 53–57, 61].

Представители других султанских родов остались недовольны предпочтением российских властей роду Аблая и, в свою очередь, постарались найти поддержку со стороны китайцев. Наиболее активно в этом направлении действовали сыновья уже неоднократно упоминавшегося султана (затем хана) Борака – Даир и Хан-Ходжа. Первый из них соперничал еще с Аблаем за власть в Среднем жузе, подчеркивая, что, в отличие от последнего, является ханским сыном, внуком, правнуком и т. д. [Ерофеева, 2003, с. 78–79]. Не добившись желаемого, Даир самовольно провозгласил себя ханом, обратившись за признанием к китайскому императору [Андреев, 1998, с. 37; Noda, Onuma, 2010, p. 49–50]. Его брат Хан-Ходжа после смерти отца был усыновлен в четырехлетнем возрасте вышеупомянутым султаном Абу-л-Файзом, после смерти которого, в 1783 г. был избран в ханы, получив также китайский титул вана, т. е. имперского князя [Цинская империя, 1989, с. 111–112]. Примечательно, что хотя русские (оренбургские) власти и не признавали его в ханском достоинстве, они в течение всего его правления поддерживали с ним контакты так же, как и империя Цин [Андреев, 1998, с. 42, 44; Ерофеева, 2001, с. 130: Noda, 2011, p. 67]. После смерти Хан-Ходжи, в 1799 г., указом императора

Цзяцина его наследником с ханским титулом был признан его сын Джан-Ходжа, естественно, также в глазах российских властей считавшийся узурпатором [Цинская империя, 1989, с. 125].

Последним ханом в подвластных России казахских владениях, попытавшимся сделать ставку на Китай, стал Губайдулла сын Вали и внук Аблая. Он был избран в ханы Среднего жуза по смерти отца, в 1822 г., однако как раз в это время был введен в действие «Устав о сибирских киргизах», которым упразднялась ханская власть в Среднем жузе. Поэтому, даже не попытавшись получить подтверждение своего ханского достоинства от российских властей, он сразу же после избрания отправил прошение об утверждении ко двору императора Цин, каковое и было удовлетворено [Цинская империя, 1989, с. 128; Noda, 2011, p. 69]. Между тем российские власти уже успели провести административную реформу в Среднем жузе и назначили Губайдуллу ага-султаном одного из вновь созданных округов. Тем не менее он продолжал ожидать цинское посольство, которое и прибыло летом 1824 г., чтобы официально короновать хана. Тогда русские власти силой заставили Губайдуллу подписать и передать китайским послам заявление о сложении с себя ханского титула, после чего неблагонадежный вассал был взят российской администрацией под арест [Цинская империя, 1989, с. 133–147] (см. также: [Ерофеева, 2001, с. 137; Стрелкова, 1983, с. 14–15; Noda, 2011, p. 71–77]). Еще в 1830-е годы российская администрация выражала обеспокоенность по поводу контактов султанов из дома Аблая и других бывших ханских семейств с империей Цин и получения от нее титулов, которые в глазах русских имперских властей являлись незаконными и свидетельствовали не только об узурпации власти, но и фактически о государственной измене [Коншин, 1900, с. 54–56]. [130]

Сложные отношения складывались у России и с Хивинским ханством. В конце 1810-х годов русско-хивинское противостояние едва не вылилось в открытый вооруженный конфликт [Ниязматов, 2010, с. 54]. Именно к этому времени относятся первые попытки хивинского хана Мухаммад-Рахима I Кунграта возвести на казахский трон своих ставленников. Сначала это был Ширгази, сын хана Каипа и внук хана Батыра, род которых противостоял потомкам Абу-л-Хайра в борьбе за власть в Младшем жузе. По сведениям русского дипломата, капитана Н. Н. Муравьева, побывавшего в Хивинском ханстве в 1819–1820 гг., Ширгази нисколько не скрывал зависимость от хивинских властей и даже лично привозил дары (фактически дань) хану Мухаммад-Рахиму [Муравьев, 1822, с. 45].[131] После смерти Ширгази

хивинский хан объявил ханом Младшего жуза его сына Джангази (Маненбая), который признавался ханом в ущерб собственному двоюродному брату, самовольно избранному казахами хану Арингази, кандидатура которого равным образом не устраивала ни русских, ни хивинцев [Виткевич, 1983, с. 89; Ерофеева, 2001, с. 136; Халфин, 1974, с. 267].[132] Естественно, поскольку Казахстан официально был подвластен России, креатуры Хивинского ханства рассматривались как узурпаторы власти и не признавались российскими властями.[133]

На рубеже 1810–1820-х годов напряжения в отношениях между Россией и Хивой несколько разрядились. Однако несмотря на то что их состояние в 1820–1830-х годах обычно расценивается как «потепление» [Ниязматов, 2010, с. 55–56], в Казахстане в течение всего этого периода шла борьба за власть между ханами – российскими и хивинскими ставленниками. Хивинский хан сумел воспользоваться непростой ситуацией в Казахстане, где в результате реформ 1822–1824 гг. был упразднен институт ханской власти, и поддержал последнего из законных, признававшихся Россией, ханов – Ширгази Айчувакова, внука Абу-л-Хайра. Ширгази был отстранен от власти в 1824 г., но уже в 1827 г. по воле хивинского хана Алла-Кули был вновь избран в ханы казахами, признававшими зависимость от Хивы. Русские власти не применили никаких санкций к этому «узурпатору», поскольку уже к 1830 г. союз между Алла-Кули и Ширгази расстроился, и с этого времени бывший хивинский ставленник неизменно демонстрировал лояльность по отношению к России. Неофициально Ширгази до самой смерти в 1845 г. продолжал признаваться отдельными казахскими родовыми подразделениями в ханском достоинстве, и российские власти этому не препятствовали [Добросмыслов, 1902, с. 283–293; Ерофеева, 2001, с. 133].

Несмотря на неудачный опыт взаимодействия с Ширгази, хивинские ханы и в дальнейшем делали ставку на представителей рода Абу-л-Хайра, поскольку среди них было немало султанов, недовольных реформами 1822–1824 гг. Так, в 1830 г. ханом западных казахских родов Младшего жуза был объявлен ставленник хивинского хана Каипгали – правнук Абу-л-Хайра. При подстрекательстве своего покровителя он начал борьбу против лояльных России казахских правителей и в первую очередь против Джангира, хана Букеевского ханства (Внутренней Орды), поддержав восстание Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова (однако оно было разгромлено русскими войсками). Потерпев в 1840-е годы ряд неудач, он в конце концов был лишен ханского титула самим же хивинским ханом [Ерофеева, 2001, с.

141–143; 2007, с. 393; Рязанов, 1927, с. 94, 98].

Тогда же, в 1837 г., Саукым, еще один правнук Абу-л-Хайра, был поставлен ханом над присырдарьинскими казахами, номинально являвшимися подданными России, но реально входившими в сферу влияния Хивинского ханства. Последним из хивинских ставленников на троне Младшего жуза стал Иликей (Ермухаммад), провозглашенный в 1844 г. ханом вместо своего скончавшегося дяди Саукыма. Стремясь приобрести бо льшую легитимность, Иликей получил указ о признании его в ханском достоинстве и от хивинского хана Рахим-Кули, и от бухарского эмира Насруллаха, однако в конечном счете предпочел добровольно отказаться от ханствования и перейти на российскую службу [Байхожаев; Ерофеева, 2001, с. 144–145; 2007, с. 393]. Уже накануне установления российского протектората над Хивой, ок. 1869 г., хан Мухаммад-Рахим II назначил правителем подчиненных ему казахов и каракалпаков султана Садыка – сына знаменитого Кенесары, в свое время возглавившего мощное движение против российских имперских властей в Казахстане [Кенесарин, 1992, с. 48],[134] о котором мы подробнее поговорим в следующей главе.

Впрочем, и в самом Хивинском ханстве, которое пыталось возводить своих ставленников на казахский трон в ущерб интересам Российской империи, имели место несколько случаев признания подданства иностранных монархов. Так, в 1856 г. против хивинских ханов из династии Кунгратов восстало казахское и каракалпакское население Приаралья, которое решило возвести на трон собственных ханов. При этом они сделали ставку на казахских султанов: одним из претендентов стал Батыр – потомок хана Борака, убившего Абу-л-Хайра, другим – султан Зарлык, происхождение которого точно не установлено [История, 1974, с. 141, 143].[135] Примечательно, что претенденты на трон обратились за поддержкой к бывшему хану Иликею, который с 1852 г. официально принял русское подданство – надо полагать, в перспективе восставшие видели переход под сюзеренитет Российской империи [История, 1974, с. 143; Нурмухамедов, Жданко, Камалов, 1971, с. 34–36]. Впрочем, восстание вскоре было разгромлено хивинским ханом, так что остается только строить предположения о политической ориентации его предводителей.

Наконец, самый последний (по хронологии) пример двойного подданства в тюрко-монгольских государствах относится уже ко второй трети XX в.: речь идет о Дэмчиг-Донрове – правителе Внутренней Монголии, потомке Чингис-хана из области Чахар. С 1934 г. он сумел добиться от гоминдановского правительства

признания Внутренней Монголии как автономного образования в составе Китая, а сам стал ее правителем, проявив себя преданным сторонником Гоминдана [Новейшая история, 1984, с. 127]. Однако уже в 1935 г. Дэмчиг-Донров вступил в переговоры с Пу И – свергнутым императором Цин, который в 1933 г. был провозглашен императором марионеточного государства Маньчжоуго, созданного японцами в Маньчжурии. Монгольский правитель получил от Пу И титул Удэ-чинвана, а годом позже при поддержке японцев объявил независимость Внутренней Монголии, провозгласив себя Дэ-ваном государства Мэнцзян, которое также в течение всего времени своего существования (1936–1945) поддерживалось японцами [Новейшая история, 1984, с. 128; Дудин, 2013, с. 112–113; 2014, с. 34–35; Lattimore, 1937, p. 69]. Таким образом, Дэмчиг-Донров стал мятежником в глазах официальных китайских властей, при поддержке которых добился власти и автономии, поскольку пошел на соглашение со свергнутым (т. е. официально признанным незаконным) монархом Китая и стоявшими за ним японскими интервентами. Не получил он признания и со стороны СССР: в 1943 г. И. В. Сталин, принимая руководителя МНР Х. Чойбалсана, провозгласил его «лидером Внешней и Внутренней Монголии» [Radchenko, 2012, p. 14].

Впрочем, стоит отметить, что в течение длительного времени и японские власти не могли положиться на этого своего ставленника: они не только не получали из Внутренней Монголии войска для ведения боевых действий на Дальнем Востоке, но еще и были вынуждены постоянно опасаться партизанского движения среди монголов [Lattimore, 1962, p. 404–405].[136] Как бы то ни было, Дэмчиг-Донров, несмотря на то что он формально не принял ханского титула, фактически стал последним монгольским монархом: Мэнцзян выпускал собственную валюту, а семейство Дэ-вана обладало особым статусом, свойственным монархическим семействам (подробнее см.: [Jagchid, 1999]).

Таким образом, можно сделать вывод, что практика получения ханской инвеституры от разных сюзеренов была достаточно распространена в самых различных тюрко-монгольских государствах. Объяснялась она, по-видимому, тем, что у тюрко-монгольских народов имелось представление о подданстве, не совпадавшее с представлением, характерным для оседлых государств. Кочевники понимали подданство как систему более-менее равноправных отношений с сюзереном, гарантия им сохранения определенных льгот и привилегий в обмен на оговоренные выплаты и военную службу. Если же права

вассалов, по их мнению, ущемлялись, они могли перекочевать в земли другого сюзерена, вовсе не чувствуя себя мятежниками против прежнего. Отсюда и постоянное поддержание контактов тюрко-монгольских государей, имевших вассальный статус со всеми влиятельными игроками на международной политической арене, – Россией, Джунгарией, Китаем, ханствами Средней Азии [Трепавлов, 2007*а*, с. 146–147, 164–167]. Естественно, в глазах монархов оседлых государств-сюзеренов подобные настроения выглядели мятежными, что и влекло соответствующие правовые последствия – превращение чрезмерно самостоятельных вассалов в узурпаторов.

Глава 8
Национально-освободительное движение как условие претензий на власть

Нередко иностранное владычество оказывалось слишком тяжелым для подчиненных народов и провоцировало движения, которые сегодня принято называть национально-освободительными. Надо сказать, впрочем, что само понятие «национально-освободительная борьба» является достаточно условным и не до конца определенным. Ведь теория национально-освободительного движения в советской политической и исторической науке разрабатывалась в соответствии с насущной необходимостью в реалиях 1920–1930-х годов (подробнее см.: [Филатова, 2008, с. 237 и след.]) и потому ее следует с осторожностью применять к событиям в Евразии Средневековья и Нового времени.

Кроме того, следует иметь в виду, что формально процесс складывания национальных государств в Евразии активизировался не ранее XIX в., а завершился лишь в первой трети XX в. – в результате «на циональ но го размежевания» в Средней Азии (см., напр.: [О национальном размежевании, 1934; Олимов, 1991; Ходжаев, 1970; Мамадалиев, 2010]). Поэтому использование самого термина «национальная борьба» (как и «национальный фактор») также до некоторой степени условно. Тем не менее, как мы увидим, в ряде случаев речь идет именно о консолидации всего населения (или по крайней мере значительной его части) под властью одного претендента, противопоставлявшего себя иноземным властителям.

Универсальность принципа монополии Чингисидов на власть в любом из государств на пространстве бывшей Монгольской империи в значительной степени устраняла членов «золотого рода» от участия в национально-освободительных движениях. Они являлись как бы наднациональной сословной группой, и такой фактор обоснования своих прав на трон как защита национальных или региональных интересов в значительной мере сужал бы их права на троны других государств и тем более имперских образований. Это и повлекло приход к власти «региональных» нечингисидских династий в бывших владениях «золотого рода», о чем мы уже говорили выше. Поэтому национальный фактор в большей степени был востребован претендентами нечингисидского происхождения, которые ничего не теряли, отождествляя себя с населением конкретного региона

или государства, тогда как в случае удачи могли получить гораздо больше, нежели имели.

§ 1. Борьба против иностранного владычества как средство захвата власти

«Приглашенные» ханы в Башкирии XVII—XVIII вв. Переход Башкирии под власть московских князей, а затем царей повлек коренную перестройку системы управления, а главное – установление налогов, сборов и повинностей, заселение башкирских земель русскими служилыми людьми, крестьянством и даже монастырями [Акманов, 1993, с. 54 и след.]. Конечно, не стоит идеализировать государственное устройство и социально-экономический строй башкир в период чингисидского и ногайского владычества, однако прежние правители все же были ближе к башкирским политическим, экономическим, религиозным традициям, чем новые власти. Поэтому неудивительно, что с середины XVII в. в Башкирии началась целая серия восстаний, продолжавшихся в общей сложности более столетия. Восстания эти в отечественной историографии трактовались как национально-освободительные движения, однако нельзя отрицать, что башкиры не только стремились освободиться от русского владычества, но и предпринимали попытки восстановления прежнего государственного устройства и правления. На это указывает тот факт, что во время восстаний в Башкирию в качестве предводителей восставших неоднократно приглашались Чингисиды, признававшиеся башкирами в качестве ханов, либо же, как мы увидим ниже, выдававшие себя за них самозванцы.

Ни для кого, включая самих провозглашенных ханов, не было секретом, что их роль чаще всего бывала номинальной, а реальной властью над восставшими и находившимися под их контролем регионами обладали представители башкирской знати. Более того, соглашаясь даже номинально стать во главе восстания, эти ханы автоматически становились мятежниками и узурпаторами в глазах русских властей, в подданстве которых с середины XVI в. находилась Башкирия. Тем не менее многие представители «золотого рода» соглашались на предложение башкир, поскольку видели возможность либо, однажды приняв ханский титул, бороться за него в дальнейшем уже и в других постордынских землях, либо же (если они к этому времени уже считались ханами) присоединить Башкирию к своим владедиям.

Так, во время восстаний в середине XVII в. восставшие башкиры делали ставку на потомков сибирского хана Кучума,

разгромленного в конце XVI в. московскими войсками. Его потомки до 1670-х годов старались вернуть себе трон Сибирского ханства, поэтому их враждебность по отношению к Москве, несомненно, выглядела привлекательным качеством претендентов в глазах башкир. Кроме того, выбор именно Кучумовичей как номинальных предводителей восстаний мог объясняться рядом политико-правовых факторов, благодаря которым обосновывалась легитимность сибирских Шибанидов как законных ханов в Башкирии. Тут могло учитываться и то, что их предки (правда, не прямые) владели троном Золотой Орды и в качестве таковых являлись правителями всего Поволжья, в том числе и Башкирии – Хызр, Тимур-Ходжа, Мюрид, Азиз-Шейх, Пулад, Ильбек, Каганбек, Арабшах. В конце XV – начале XVI в. на трон Золотой Орды и Казанского ханства претендовали уже прямой предок Кучумовичей – Ибак (дед Кучума) и его братья – Мамук и Агалак. Наконец, в 1540-е годы наместником ногайских властей в Башкирии являлся Ахмад-Гирей – старший брат Кучума [Исянгулов, 2011; Трепавлов, 2001, с. 208–210, 243]. Являясь, таким образом, потомственными наследниками ханского трона, Кучумовичи обладали в глазах башкирских родоплеменных вождей и еще одним ценным свойством: они не имели тесных связей с Башкирией, не могли опереться на какие-либо местные силы и, следовательно, в случае провозглашения их ханами всецело зависели бы от тех, кто их поддерживал.

Впрочем, следует отметить, что и в Башкирии далеко не все восставшие готовы были признавать именно потомков Кучума в качестве своих предводителей. Так, например в 1663 г. во время очередного антимосковского восстания башкиры Сибирской дороги призвали Кучука, правнука Кучума, тогда как башкиры Ногайской и Казанской дорог обратились за поддержкой не к Кучумовичам, а к калмыкам Шукур-Дайчину и Аюка [Акманов, 1993, с. 102; Колесник, 2003, с. 89]. Тем не менее значительная часть башкир с готовностью признавала претензии на ханскую власть сыновей и внуков Кучума. Правда, был ли их статус монархов официально закреплен церемонией интронизации именно в Башкирии, сведений не имеется. Вполне возможно, что башкиры признавали Кучумовичей ханами по итогам их интронизации в самой Сибири, где они могли формально проводить курултаи, на которых официально возводились в ханское достоинство.

Таким образом, в глазах башкир сибирские Шибаниды в течение длительного времени оставались наиболее легитимными претендентами на ханский трон. Обращение башкирских вождей к другим восточным монархам – казахским, каракалпакским или

ойратским ханам началось только после того, как Кучумовичи сошли с политической сцены.

Поскольку башкирские восстания заканчивались поражениям, мы не можем судить о том, в какой форме башкиры представляли себе положение ханов-Кучумовичей в случае создания независимого государства. Однако есть основания полагать, что о сильной ханской власти речи не шло: башкирские феодалы, несомненно, намеревались сохранять сильную политическую власть и влияние при номинальных ханах, которые, как уже отмечалось, не имели тесных связей и твердой опоры в Башкирии. Именно это, скорее всего, и послужило причиной того, что башкиры столь длительное время последовательно поддерживали «сибирских претендентов» на ханский трон.

Башкирское восстание 1704–1711 гг., названное по именам его главных вождей Алдар-Кусюмовским, характеризовалось активным участием в нем истинных и мнимых Чингисидов, которых восставшие намеревались провозгласить ханами. О мнимых Чингисидах речь пойдет ниже,[137] здесь же пока отметим, что в начале восстания в Башкирию были приглашены казахские ханы Батыр (некоторые исследователи отождествляют его со знаменитым ханом Тауке – фактически последним ханом всех трех казахских жузов), Зангир и Оболгаир (которого, вероятно, можно отождествить с известным впоследствии казахским ханом Младшего жуза Абу-л-Хайром – тем самым, который первым из казахских ханов принял русское подданство[138]). Кроме того, в 1708 г. среди предводителей восстания упоминался некий Хази (Хаджи?), считавшийся потомком Кучума: восставшие имели грандиозные планы по захвату Казани и возведению Хази на трон вновь создаваемого ханства [Таймасов, 2012, с. 21].[139]

В некоторых случаях башкиры обращались не только к сравнительно близким в географическом положении сибирским Шибанидам, но и более «дальним» государям. Так, во время восстания 1704–1711 гг. мятежники обратились за поддержкой к крымскому хану, что не могло не обеспокоить Москву [Акманов, 1993, с. 147]. Во время восстания 1735–1339 гг. в Башкирии вновь оказался казахский хан Абу-л-Хайр, правитель Младшего жуза. Уже около пяти лет считавшийся подданным российских императоров, он появился в Башкирии в 1736 г. под предлогом оказания помощи русским в подавлении волнений.[140] Однако связанный с башкирской знатью узами родства (одна из жен Абу-л-Хайра была башкиркой) на самом деле хан имел намерение сделать башкирским ханом своего сына Ходжа-Ахмада [Ерофеева, 2007, с. 305; Касымбаев, 1997, с. 70; Материалы, 2002, с. 536,

557]. Учитывая его статус российского подданного (причем крайне ненадежного!), имперские власти не сочли возможным воздействовать на него силой оружия и поэтому начальнику оренбургской пограничной комиссии В. Н. Татищеву пришлось применить все свои дипломатические способности, чтобы убедить хана вернуться в Казахстан. Тем не менее годом позже Абу-л-Хайр вновь появился в Башкирии, на этот раз намереваясь стать башкирским ханом лично. Только летом-осенью 1738 г. после долгих переговоров и ряда политических уступок В. Н. Татищеву вновь удалось убедить Абу-л-Хайра покинуть Башкирию, да еще и оставить Ходжа-Ахмада в Оренбурге в качестве аманата, т. е. заложника [Ерофеева, 2007, с. 305–308].[141]

Можно ли считать действия «приглашенных» ханов Башкирии участием в национально-освободительной борьбе? Дело в том, что практически ни один из приглашенных во время башкирских восстаний ханов не отождествлял себя с башкирами, а некоторые и прежде являлись ханами в других государствах (казахские Тука-Тимуриды) или по крайней мере считались таковыми (потомки Кучума). История не допускает сослагательного склонения, однако если бы даже восставшие и сумели освободиться от русского подданства, нет никаких оснований полагать, что провозглашенные ими ханы согласились бы довольствоваться именно владычеством над Башкирией, отказавшись от возможности возглавить Сибирь, тот или иной казахский жуз, Каракалпакию и т. д.

Тем не менее мы сочли возможным рассмотреть провозглашение ханов восставшими башкирами как использование национального фактора: ведь смысл приглашения «постороннего» хана являлся, по сути, своеобразным политическим компромиссом между восставшими. Влиятельные предводители многочисленных башкирских родов не соглашались подчиняться один другому, поэтому привлечение в качестве главного предводителя восстания не просто Чингисида, но еще и такого, кто не имел тесных связей с Поволжьем и Уралом, явилось эффективным средством объединения восставших для борьбы против иностранного господства.

Восстание Кенесары Касымова как национально-освободительное движение. Выше мы рассмотрели немало примеров провозглашения казахских султанов-Чингисидов ханами при полном соблюдении чингисидских традиций, но вопреки воле российских имперских властей, которые воспринимали их как узурпаторов и, соответственно, в ханском достоинстве не признавали. Несколько особняком среди них стоит Кенесары Касымов.

Деятельность Кенесары стала привлекать внимание историков уже вскоре после его смерти (он погиб в 1847 г., а первые исследования, посвященные его жизни и деятельности, появились уже в начале 1870-х годов) и имеет на сегодня достаточно обширную историографию. В течение длительного времени его движение рассматривалось (и рассматривается в современном Казахстане) именно как национально-освободительная борьба казахского народа против российского имперского владычества. Рассмотрим, однако, насколько справедливо подобное мнение.

На наш взгляд, в действиях Кенесары наиболее отчетливо проявилось стремление восстановить упраздненные политико-правовые институты Казахского ханства, причем, хотя сам он провозглашал намерение возродить ханство своего деда Аблая, во многих его действиях усматривается также и подражание политико-правовым традициям еще Золотой Орды. Так, он стал издавать собственные указы-ярлыки и восстановил ханскую систему налогов и повинностей. В его аппарате появились специальные институты, занимавшиеся финансовыми и международными вопросами – в чем нельзя не увидеть аналога золотоордынских диванов.

Безусловно, не следует видеть в деятельности Кенесары Касымова последовательную идейную политику возрождения традиционных институтов казахской государственности и права. В первую очередь этот властный и честолюбивый потомок Чингис-хана старался реализовать собственные амбиции и поэтому приобрел власть путем вооруженной борьбы, раз не смог добиться ее мирным путем на основании договоренности с представителями имперских властей.[142] Борьба за возрождение прежних институтов власти и права явилась для Кенесары всего лишь удачным поводом для вовлечения в свое движение широких общественных масс из представителей разных слоев казахского общества – с целью провозгласить себя (впервые после своего деда Аблая, умершего в 1781 г.) верховным ханом всех казахов, а не только какого-то родоплеменного подразделения или жуза [Центральная Азия, 2008, с. 55]. Поначалу он, стремясь привлечь больше сторонников, отменил часть сборов и повинностей, в результате чего даже некоторые роды, формально продолжавшие признавать российское подданство, фактически стали поддерживать Кенесары, выплачивая ему зякет [Абдилдабекова, 2009, с. 140; Кенесарин, 1992, с. 19].

Стремясь подчинить себе и родичей-султанов, и родоплеменных предводителей, Кенесары активно проводил политику сдержек и противовесов. Чтобы обеспечить зависимость

от себя султанов-Чингисидов, хан лишил крупных феодалов права собирать налоги самостоятельно: теперь это делали ханские чиновники, после чего собранное распределялось между ханскими родственниками [Бекмаханов, 1992, с. 291]. Это также заставляет провести параллель в действиях Кенесары с политикой наиболее могущественных золотоордынских ханов. Чтобы ослабить влияние племенных предводителей и биев, хан, напротив, упразднил совет старейшин, заменив его ханским советом, а себя к тому же провозгласил и верховным судьей в государстве [Там же, с. 285–286, 311–312]. Неудивительно, что многие казахские султаны, недовольные политикой Кенесары, выступили против него, и их своеобразным кредо стала защита российских имперских интересов в Казахстане, тогда как кредо самого Кенесары являлось восстановление независимого государства, основанного на политико-правовых принципах, действовавших в прежнем Казахском ханстве. По сути, участие российских войск в действиях против Кенесары было минимальным, в основном против него выступали его же родичи-султаны, так что в какой-то степени события 1836–1846 гг. в Казахстане можно рассматривать и как междоусобную борьбу различных ветвей рода местных потомков Чингис-хана.

Как видим, движение Кенесары Касымова имело достаточно сложный характер, сочетая черты как реваншистского (стремление возродить уже давно упраздненные административные и правовые традиции, уходящие корнями в золотоордынские времена), так и национально-освободительного (борьба с имперскими властями в Казахстане) движения [Там же, с. 280–285]. Кенесары, чье избрание в ханы состоялось в полном соответствии с чингисидскими правовыми традициями, в глазах российских властей был узурпатором вдвойне: и как не утвержденный имперской администрацией, и как посмевший провозгласить себя ханом уже после того, как институт ханской власти в Казахстане был отменен. Соответственно, против него выступили как русские войска, так и лояльные к имперской власти султаны-Чингисиды, подписавшие официальное обращение к российским властям, что считают Кенесары мятежником [Валиханов, 2004, с. 166]. Однако в глазах своих приверженцев Кенесары оставался законным монархом, что позволило ему сохранять титул и оказывать сопротивление превосходящим сила противника в течение шести лет, а затем, после поражения и гибели, казахи оплакивали его как последнюю надежду на счастливую жизнь (см., напр.: [Нестеров, 1900]). Тот факт, что его поддержали представители разных жузов, родов и племен, равно как и его апелляция к чингисидским политико-

правовым традициям как к старинным казахским обычаям, позволяет утверждать, что он использовал национальный фактор как средство для достижения ханской власти.

Киргизский хан Ормон – узурпатор или вождь освободительного движения? Уникальность возведения влиятельного киргизского манапа племени сары-багыш Ормона Ниязбек уулу (Урмана Ниязбекова) в ханы киргизов в 1842 г. состоит в том, что прежде институт ханской власти среди киргизов не существовал: они находились в подчинении чагатайских ханов, затем – джунгарских или казахских монархов, а в XIX в. – кокандских ханов. Все эти правители, как правило, назначали наместников из числа самих киргизов, которым жаловали титулы в соответствии с собственной иерархией. Так, сам Ормон в свое время был пожалован высоким кокандским званием парвоначи [Токтоналиев, 2002, с. 4]. Чингисидов среди киргизов (в отличие от казахов или узбеков) никогда не было, и они выделяли в качестве «белой кости» потомков неких родоначальников киргизского народа [Джамгерчинов, 1950, с. 178].

Тем не менее в 1842 г. (а по некоторым сведениям даже в 1831 г.) Ормон был торжественно возведен в ханы, и его власть была признана рядом киргизских родов. Сама церемония интронизации (поднятие на белом войлоке) и последующие действия новоизбранного хана свидетельствовали о заимствовании традиций из опыта чингисидских государств. Хан издавал указы (в русской традиции – «декреты», по-видимому, имелись в виду ханские ярлыки), создал ханский совет, исполнявший также и судебные полномочия [Абрамзон, 2002, с. 23; Омурбеков, 2007, с. 228–230]. Таким образом, киргизский хан, по крайней мере формально, видел себя в какой-то степени преемником ханской власти Чингисидов, на которую в силу своего происхождения, а также отсутствия традиций этого института в Киргизии, прав не имел.

Международного признания в качестве хана Ормон так и не получил. Например, русские власти в 1850-е годы писали ему как «почтеннейшему манапу» [Перемышльский, 2002, с. 79]. Кроме того, сам Ормон вел переговоры с российскими властями о вступлении киргизов в подданство Российской империи, т. е., по-видимому, не рассматривал себя как суверенного правителя.

Любопытно отметить, что Ормон, кажется, даже после своего возведения в ханы не вступал в прямую конфронтацию с Кокандом. Так, ок. 1847 г. он по поручению кокандского сановника Лашкара-кушбеги вместе с другим предводителем племени сары-багыш Убайдаллахом разгромил маньчжурский

отряд, вторгшийся в киргизские земли. Впрочем, поскольку этот факт известен из кокандских придворных хроник [Бейсембиев, 2009, с. 189, 261], трудно сказать, действовал ли Ормон и в самом деле по распоряжению кокандских властей или же отражал нападение, совершенное на его собственные владения, что оказалось небезвыгодным и для кокандцев.

Таким образом, можно сделать вывод, что Ормон сам, вероятно, сознавал неполную легитимность своего избрания в ханы и, соответственно, не настаивал на титуловании себя ханом в международных отношениях, чтобы не вызывать обвинений в узурпации (ср.: [Абрамзон, 2002, с. 22–23]). Тем не менее его вступление на ханский трон послужило прецедентом и для других: вождь киргизского племени бугу Боромбай также объявил себя ханом, хотя признавался в качестве такового лишь среди своих собственных соплеменников [Джамгерчинов, 1950, с. 181; Хасанов, 1977, с. 15]. Он даже видел в Ормоне своего соперника: именно племя бугу с согласия (если не по прямому распоряжению) Боромбая в 1855 г. напало на Ормона, и 80-летний хан погиб в битве [Жамгерчинов, 2002, с. 53].[143]

Трудно сказать, какими именно причинами было обусловлено настолько нетипичное для киргизов решение провозгласить собственного хана. Анализ социально-экономических и политических условий в Киргизии к моменту вступления Ормона на трон дает основание предположить, что это был именно акт национально-освободительной борьбы. Исследователи отмечали сложность экономической ситуации в Киргизии: среднеазиатские ханства начали интенсивно «втягивать» киргизов в орбиту своего экономического влияния, причем использовали для этого как хозяйственные методы (внедрение торговых отношений среди самих киргизов), так и религиозную пропаганду. Кроме того, именно в этот период в Казахстане наиболее активно действовал Кенесары Касымов, который стремился подчинить своей власти и киргизов (помня, что некогда они подчинялись его предкам-ханам). Неудивительно, что путем избрания собственного хана и признания его власти многими разрозненными киргизскими племенами «последний раз в истории киргизского народа была сделана попытка создания политического объединения» [Абрамзон, 2002, с. 21]. Именно Ормон возглавил объединенные силы киргизов и кокандцев в сражении, в котором Кенесары был разгромлен и взят в плен, а затем казнен [Валиханов, 2004, с. 172–173; Токтоналиев, 2002, с. 10–13].

Таким образом, можно сделать вывод, что Ормон, несмотря на попытки проведения реформы системы управления в своем

«ханстве», по большому счету был своего рода военным вождем, необходимость в котором возникла лишь в связи с тем, что положение киргизов в это время оказалось наиболее опасным. Он также стал своеобразным символом, знаменем, вокруг которого объединялись его соплеменники для совместного отражения внешней агрессии, тогда как во внутренней жизни ханская власть частью киргизских племен признавалась лишь номинально или не признавалась вообще [Абрамзон, 2002, с. 22–23]. Особого влияния на последующее политико-правовое развитие Киргизии правление Ормона в принципе не оказало, тем более что вскоре ряд киргизских племен принял российское подданство.

Восстания 1869—1870, 1916 и 1929—1930 гг. в Казахстане и Средней Азии. Реформа управления в Казахстане, проводившаяся в 1868–1869 гг. привела к полной отмене традиционных казахских институтов власти и управления. Был упразднен институт султанов, отменено разделение на жузы, роды и племена – им на смену пришли области и уезды, возглавлявшиеся российскими чиновниками. Причин этой реформы было несколько. Во-первых, конечно, нельзя не отметить, что она проходила в общем контексте так называемых Великих реформ императора Александра II, имевших место в 1861–1874 гг., и соответственно были приняты меры по дальнейшей инкорпорации Казахстана в состав «обновленной» Российской империи. Во-вторых, в какой-то степени на радикальность реформ могли повлиять многочисленные восстания в разных частях Казахстана в 1830–1850-е годы. Наконец, еще одной причиной стало то, что именно в 1860-х годах Российская империя начала активную политику присоединения территорий Старшего жуза и ханств Средней Азии. Именно на новоприобретенных территориях Старшего жуза, вошедших в состав Туркестанского генерал-губернаторства, впервые и были опробованы новые механизмы управления, которые затем были использованы повсеместно на всей территории Казахстана [Джампеисова, 2006, с. 162–164].

Безусловно, такое откровенное попрание национальных политических и правовых институтов казахов не могло не вызвать недовольства. В течение 1869–1870 гг. на территории Казахстана произошло несколько восстаний против российской администрации, причем восставшими были провозглашены даже несколько ханов. Снижение авторитета Чингисидов (для чего много было сделано российскими властями) привело к тому, что эти претенденты даже не принадлежали к потомкам Чингис-хана, т. е. являлись узурпаторами [Артыкбаев, 1993, с. 289]. В частности, такими ханами в разных родах были избраны Беркен

Усманов, Сейл Туркебаев, Кузбай Апасов, Конал Артанов и Мамбеталий (подробнее см.: [Мухтарова, 1998]). Из них наиболее легитимным являлся Беркен Усманов, который был внуком знаменитого батыра Сырыма Датулы, женатого на внучке хана Абу-л-Хайра; неслучайно два других кандидата на трон, которым восставшие предлагали стать ханами, отказались в его пользу [Карабалин]. Остальные «ханы» не имели даже такой связи с «золотым родом».

Восстания 1869–1870 гг. не были массовыми движениями, действия отдельных претендентов на трон не были скоординированы, поэтому имперские власти сумели достаточно быстро их подавить. Можно сделать вывод, что большинство казахского населения к этому времени уже было подготовлено к принятию российских реформ и не поддержало «ревнителей старины», которые старались добиться власти под предлогом защиты национальных культурных, политических и правовых ценностей. Более того, известно, что многие участники восстания действовали не столько против представителей российских властей, сколько против собственных баев, аксакалов и проч., что давало основание советским историкам говорить не только о национально-освободительном, но и о классовом (народном) характере восстания [История, 1979, с. 241–242].

Однако, как оказалось, сторонников возрождения традиционных институтов власти и управления в Казахстане было гораздо больше, чем можно было подумать по итогам движений 1869–1870 гг. Это наглядно показало мощное восстание, охватившее Казахстан и Среднюю Азию в 1916 г. Его события хорошо известны по источникам, им посвящено также большое количество исследований. Подробно проанализированы причины и ход восстания, его движущие силы, последствия и проч. Но практически не уделено внимания историко-правовому аспекту – т. е. как строили восставшие свои институты власти, чем регулировались их правоотношения между собой и с мирным населением, каковы были их цели в государственном и правовом направлении в случае победы. А между тем попытки воссоздания восставшими национальных государственно-правовых институтов (в первую очередь института ханской власти) подтверждаются и официальными документами, и свидетельствами современников, в том числе и его участников. Это позволяет склониться к мнению, что восстание 1916 г. носило националистический и даже в какой-то степени реваншистский характер: восставшие требовали отделения от Российской империи и возрождения независимого Казахского ханства [Восстание, 1960, с. 13–14].

Прежде всего восставшие старались уничтожить

административный аппарат, введенный имперскими властями, который все еще воспринимался ими как чуждый (см., напр.: [Сулейменов, Басин, 1977, с. 95 и след.]).[144] Одновременно восстанавливалась (по крайней мере отчасти) прежняя, традиционная административно-территориальная система казахского общества. Так, например, восставшие группировались по родам и племенам (а именно это деление казахов старались разрушить русские имперские власти). Их армия строилась на основе десятичной системы (тысяча – сотня – десяток), что было характерно для тюрко-монгольских государств еще в древние времена [Там же, с. 109].[145] По воспоминаниям Алиби Джангильдина, активного участника восстания, восставшие учредили суд, выносивший решения на основе казахских правовых обычаев [Восстание, 1960, с. 633] (ср.: [Якунин, Кулиев, 1952, с. 38]).

В областях, охваченных восстанием, была отменена система налогообложения, введенная русскими имперскими властями, и вместо нее были установлены натуральные налоги и повинности – существовавшие ранее, но с учетом военного положения. А. Джангильдин дает характеристику этой налоговой системы:

> Вот положим, аул, десять кибиток стоят. Этот аул должен дать на каждого бойца на месяц пуд муки и одного барана, не считая крупы, риса… Кроме того, должны дать одежду: сапоги, кафтаны, теплые шубы, башлыки – полное обмундирование. Такой комплект должны дать десять кибиток. Лошадей давали исключительно баи. Каждый должен дать лошадь и седло [Джангильдин, 2009, с. 38–39].

Однако самым ярким признаком националистического и реваншистского характера восстания стало восстановление в областях, охваченных восстанием, института ханской власти. В Тургайской области было выбрано сразу несколько ханов, которых выдвигали соответствующие роды и племена. Даже в этом отношении казахи следовали своей старинной традиции XVIII – начала XIX в., когда один или несколько родов могли выбрать себе собственного хана (подробнее см.: [Ерофеева, 2001, с. 118 и след.]). Так, хан Абдугаппар Джанбусынов был избран кипчаками, а его сподвижник Оспан Шолаков – аргынами и т. д.[146] А. Джангильдин описывает государственное устройство восставших следующим образом:

> Решили организовать в Тургайской области ханство. Во главе стоит хан. Он является как бы законодателем, и

должны быть министры, одновременно они же были советниками 12 человек. Во главе каждой тысячи солдат стоит начальник. Он назывался мынбасы. Он должен был заботиться о снабжении продовольствием, о военной подготовке. Мынбасы подчинялись командующему армии восстания сардару (главнокомандующему). Сардаром был назначен Амангельды Иманов [Джангильдин, 2009, с. 40].

Происхождение этих ханов (равно как и десятка других) доступные нами источники не освещают, но скорее всего, они, как и «ханы» 1869–1870 гг., не принадлежали к потомкам Чингис-хана. В частности, про Абдугаппара Джанбусынова известно лишь, что он был крупным феодалом-скотоводом, участвовал в барымте и был избран волостным управителем [Асфендиаров, 1936, с. 79]. Хан Нуржан Кияшев был братом бывшего волостного управителя, а еще один, Джумагазий Журганов – народным судьей [Восстание, 1960, с. 497, 596]. Таким образом, занимая чиновничьи должности в волостном и аульном управлении, они получили возможность влиять на восставших с помощью «административного ресурса», приобретенного благодаря имперским властям, против которых они теперь «возмущали народ» [Там же, с. 530]!

Кроме того, отдельные ханы даже не были казахами. Например, в Киргизии были избраны ханами три манапа: «кочкорский хан» Канаат Абукин (который, правда, когда был захвачен в плен, отрицал, что получил ханский титул), Мокуш Шабданов в племени сары-багыш и Батырхан Ногаев в племени бугу [Там же, с. 369, 377–378, 387, 410].[147] Появление последних двух «ханов», по-видимому, явилось в какой-то степени подражанием избранию в середине XIX в. киргизских ханов Ормона в племени Сары-багыш и Боромбая в бугу. Как и казахи, киргизы требовали отделения от Российской империи и создания собственного, независимого ханства [Там же, с. 272–274, 408]. В Джизакском уезде ханом объявил себя бывший десятник бухарского эмира, а затем крупный землевладелец и торговец Абдурахман Джевачи, который не только принял ханский титул, но и повелел именовать себя сахибкираном («обладателем счастливого сочетания звезд»). Этим титулом именовали, в частности, Амира Тимура, а также впоследствии ряд бухарских ханов и эмиров [Там же, с. 133, 141] (см. также: [Шестаков, 1933, с. 63, 65, 68]).

В докладе одного из командиров российских имперских войск начальнику Генерального штаба содержится сообщение о

еще более «экзотическом» хане:

> Прибыл третий нижний чин местной Иргизской команды Банников, бежавший из баубского скопища мятежников. Он доложил, что ночью 4-го декабря во время нападения на лагерь мятежников там было два хана, причем один из них *русский* (Курсив мой. – *Р. П.)* [Восстание, 1960, с. 614].

Как видим, в условиях национально-освободительной борьбы ни принадлежность к роду Чингис-хана, ни даже казахское происхождение отнюдь не являлись определяющим фактором в глазах восставших при избрании в ханы! Сохранив воспоминание о самом институте ханской власти, население Казахстана и Киргизии, по всей видимости, не помнило, какие именно требования в свое время предъявлялись к кандидатам в ханы, или сознательно игнорировало их в новых политических условиях.

Статус ханов, провозглашенных во время восстания, недостаточно изучен. По словам того же А. Джангильдина,

> хан самостоятельно не мог решать вопросы. Двенадцать министров составляли совет, который решал все вопросы. Фактически решали вопросы 2–3 человека [Джангильдин, 2009, с. 39].

Вызывает также большой интерес статус Амангельды Иманова, носившего звание сардара, или «главнокомандующего над всеми восставшими киргизами» [Восстание, 1960, с. 618, 739]. Советские историки, учитывая, что впоследствии А. Иманов перешел на сторону советской власти, именно его характеризовали как фактического руководителя восстания. Однако согласно отчетам и докладам российских имперских чиновников о восстании 1916 г., А. Иманов являлся лишь «помощником» хана Абдугаппара [Там же, с. 624]. Впрочем, влияние А. Иманова в среде восставших, его активная роль в боевых действиях позволяют провести параллель (хотя и достаточно условную) с системой соправительства в позднесредневековых тюрко-монгольских государствах, когда верховный главнокомандующий (бекляри-бек, амир ал-умара) являлся фактическим, а иногда – и официальным соправителем хана. Аналогичным образом, известно, что у хана Оспана Шолакова был визирь, а киргизский «хан» Мокуш Шабданов назначил одного из своих братьев главнокомандующим [Там же, с. 380, 622].

Кто именно подал идею восстановления института ханской

власти? В советской историографии эту инициативу было принято приписывать «баям и муллам» (см., напр.: [Сулейманов, Басин, 1977, с. 111]). Однако ханы никоим образом не способствовали укреплению позиций ислама и мусульманского духовенства, не предоставляли особых льгот и баям – напротив, согласно вышеприведенному свидетельству А. Джангильдина, богатая верхушка казахского общества была обложена дополнительными сборами. По-видимому, восстановление института ханской власти было предпринято руководством восставших вне зависимости от их социальной принадлежности: ханы были нужны как официальные предводители, символ возрождения независимой казахской государственности. Можно согласиться с мнением, что хан «был по сути дела “ширмой” для привлечения широких масс» [Асфендиаров, 1936, с. 79]. Следовательно, восстановления прежней системы власти желали не только «реакционные элементы», но и основная масса казахского населения, сочувствовавшего восстанию.

Однако, по-видимому, восстановление ханской власти в Казахстане, где этот институт был упразднен почти 100 лет назад, было воспринято как анахронизм и не встретило поддержки ни со стороны социал-демократов, которые вскоре взяли курс на сближение с большевиками, ни со стороны «казахских буржуазных националистов», которые в 1918 г. провозгласили в Казахстане автономию – Алаш-Орду. Деятельность отдельных ханов вызывала еще и откровенно враждебную реакцию местного населения. Так, например, Тришин, хан Кызылжарской волости, убил нескольких аульных аксакалов, которых подозревал в поддержке русских властей, и с ним хотели расправиться их родственники; спасли его от мести, как ни странно, русские, отбив «хана» у его соотечественников и поместив под охрану в лазарет [Восстание, 1960, с. 621].

Ухудшение отношения народа к ханам не было для последних секретом, поэтому многие узурпаторы очень быстро сошли с политической сцены. Например, в Иргизском уезде было избрано девять ханов, все они попали в руки властей, причем восемь сдались добровольно [Там же, с. 613, 616, 623, 626; Сулейменов, Басин, 1977, с. 111]. Оспан Шолаков, один из ближайших соратников хана Абдугаппара и А. Иманова, не только сам сдался русским властям, но и привел к покорности возглавляемых им аргынов, поддавшись на уговоры своих сородичей – представителей Алаш-Орды [Асфендиаров, 1936, с. 80].[148] Абдугаппар Джамбусынов впоследствии также поддерживал Алаш-Орду и боролся против установления в Казахстане советской власти [Восстание, 1960, с. 740]. Попытки

реставрации национальных казахских государственных и правовых институтов во время восстания 1916 г., таким образом, оказались кратковременными и в значительной степени анахроничными. А вскоре реваншистский характер восстания также утратил актуальность в связи с изменившейся ситуацией, когда после февральской, а затем и октябрьской революций в России, в состав которой в качестве АССР был включен и Казахстан, впоследствии превратившийся в союзную республику.

Однако даже существенное изменение политического режима не привело к окончательному забвению в Казахстане идеи ханской власти. Последнее в истории Казахстана национально-освободительное движение, в рамках которого появлялись претенденты на трон, имело место уже на рубеже 1920–1930-х годов – на этот раз уже против советской власти. Восстания 1929–1930 гг. были следствием непродуманной политики сплошной коллективизации в Казахстане. Основной силой восстания явилось среднее и бедное крестьянство, однако во главе его стояли люди с более высоким статусом, которые увидели в этом движении возможность занять еще более значительное положение (подробнее см.: [Давлетова, 2001]).

В сентябре 1929 г. в Каракалпакии представители местного казахского и каракалпакского населения провели курултай, на котором избрали ханом Жалел-Масума Исматуллаева, а командующим – Барлыкбая Нурымова (опять связка «хан – бекляри-бек»!), после чего бросились громить партийные и советские учреждения, однако вскоре в районный центр прибыл небольшой отряд ОГПУ, частично разогнав, частично арестовав восставших [Кузембайулы, Абиль, 2000, с. 307].

В октябре—ноябре 1929 г. в Костанайском округе также началось восстание, участники которого провозгласили своей целью свержение советской власти, восстановление института ханской власти и аульных аксакалов. Ханом был избран один из активных участников восстания – Омарбай Бармаков. Примечательно, что в восстании, равно как и в принятии решений, участвовали не только казахи, но и русские крестьяне, а также сами представители советской власти: несколько коммунистов, комсомольцев, членов аульных советов и комбедов. Наравне с новоизбранным ханом восстание возглавили первый секретарь Тургайского ревкома и начальник районного отдела милиции. Тем не менее и это восстание было подавлено уже к середине ноября, а большинство его участников схвачено [Кузембайулы, Абиль, 2000, с. 308].

В феврале следующего, 1930 г., началось восстание казахов Сырдарьинского округа, выступавших под лозунгами «Долой

советскую власть!» и «Да здравствует ханская власть!». Ханом был избран некий Султанбек Шолакулы, среди восставших, как и в Костанайском округе, были представители советских органов власти и милиции. Уже 15–16 февраля восставшие были окружены и разгромлены, а хан Султанбек погиб вместе с несколькими сотнями своих новых подданных. Очень коротким оказалось восстание в соседнем районе того же Сырдарьинского округа, где восставшие избрали некоего Серик-хана, однако его движение было подавлено сразу, а сам хан и его соратники схвачены и расстреляны без суда [Кузембайулы, Абиль, 2000, с. 308–309; Большой атлас, 2008, с. 625].

Однако наибольшего размаха достигло восстание на западе Казахстана (Актюбинск, Кустанай, Кызыл-Орда), где восставших возглавил хан Айжаркын Канаев, который уже был провозглашен ханом во время восстания 1916 г. и являлся одним из самых активных соратников хана Абдугаппара и сардара А. Иманова (см.: [Восстание, 1960, с. 520–621, 626]). Его движение, начавшееся в конце февраля 1930 г., оказалось настолько значительным, что советским властям пришлось бросить против них не только отряды ОГПУ и милиции, но и части кавалерийской дивизии, а несколько позднее – даже самолеты и бронепоезда. Хан Айжаркын погиб в сражении 20 марта 1930 г., однако боевые действия продолжались до апреля и закончились не победой одной из сторон, а мирными переговорами, причем представителей советских властей на этих переговорах возглавил еще один бывший соратник хана Абдугаппара и А. Иманова – А. Джангильдин [Кузембайулы, Абиль, 2000, с. 309–311].

Итак, идея восстановления ханской власти на протяжении веков оказывалась тесно связанной с другой идеей – идеей национального освобождения. Как мы могли убедиться, со временем участники освободительных движений забывали принципы избрания ханов, требования к ханам, даже порядок избрания. Однако сам институт ханской власти продолжал ассоциироваться у них с независимостью, сохранением национальной самобытности и традиций. При таком подходе не было необходимости обращаться исключительно к потомкам Чингис-хана, и на ханский трон вполне могли рассчитывать менее знатные, но более патриотичные или практичные лица.

§ 2. Превращение религиозного фактора в национальный

Завершая раздел о борьбе за власть и обосновании прав на трон в условиях иностранного владычества, считаем

целесообразным рассмотреть несколько примеров того, как узурпаторы, приходившие к власти с помощью различных факторов легитимации, затем превращали их в национальный, чтобы повысить свой авторитет среди подданных. Подобные действия были актуальны, во-первых, именно в условиях национально-освободительной борьбы, во-вторых, для лиц нечингисидского происхождения.

Борьба кашгарских ходжей за трон в XVIII—XIX вв. Выше мы уже достаточно подробно описали процесс прихода к власти в конце XVII в. кашгарских ходжей, которые уже в середине XVIII в. были вынуждены признать вассальную зависимость от империи Цин. Однако, когда враждебные Китаю черногорские ходжи были изгнаны из Восточного Туркестана, и на троне оказался лояльный маньчжурам белогорец Бурхан ад-Дин-ходжа, в кашгарской политике произошли существенные изменения. Понимая, что сильно проигрывает по сравнению с изгнанными противниками, ставленник Китая решил напомнить своим подданным о своем происхождении от почитаемых святых и… призвать население к борьбе против своих прежних покровителей – китайцев. Это было тем проще сделать, что китайцы являлись «неверными», следовательно, борьба с ними должна была стать общим делом всех мусульман Кашгарии – независимо от того, сторонниками какой династии ходжей они являются. В результате в 1758 г. белогорские ходжи сумели превратить религиозный фактор в национальный и возглавили восстание против империи Цин. Однако уже в 1759 г. восстание было подавлено, Бурхан ад-Дин и его брат Хан-ходжа бежали в Бадахшан, где их в том же году убил местный правитель Султан-шах – за эту услугу китайские власти еще долго выплачивали его потомкам, бадахшанским шахам, специальную пенсию [Валиханов, 1986*б*, с. 145, 191; Григорьев, 1861, с. 33–34, 146–148 (примеч. 86); Ходжаев, 1982, с. 167–170; Boulger, 1878, p. 48–49; Imbault-Huart, 1895, p. 90–96].

Наверное, действия ходжей были в принципе правильными, поскольку население Кашгарии, или Восточного Туркестана (или Синьцзяна, как этот регион именуется сегодня), издавна характеризовалось разобщенностью и отсутствием четкой этнической и национальной идентичности (см., напр.: [Newby, 1996; Brophy, 2011; Thum, 2012*b*]). Более того, в силу давнего влияния мусульманского духовенства на все сферы жизни государства и общества Восточного Туркестана (особенно после установления теократической монархии ходжей) четко отделить светскую власть от религиозной было практически невозможно [Newby, 1998, p. 284]. Таким образом, фактически по умолчанию опора на религиозный фактор становилась едва ли не

единственным средством признания законности претендента на власть. Другое дело, что у них не хватило ни войск, ни времени, чтобы эффективно использоваовать этот фактор, почему они и потерпели поражение.

Большинство ходжей погибли во время восстания, из семи сыновей Бурхан ад-Дин-ходжи уцелел только один, Сарымсак (Саали-ходжа), многочисленные потомки которого нашли убежище в Коканде. Китайцы прекрасно понимали, насколько важна роль ходжей как потенциальных предводителей антицинского движения. Поэтому они уступили Кокандскому ханству право сбора отдельных пошлин в Восточном Туркестане и предоставили ряд дополнительных привилегий – исключительно за то, чтобы ханы Коканда установили надзор за ходжами и не допускали их попыток вернуть себе трон Кашгарии [Валиханов, 1986*б*, с. 191].

Однако время от времени отношения между Кокандом и империей Цин осложнялись, и тогда ханы использовали ходжей как средство давления на Китай. В течение 1820–1860-х годов сыновья и внуки ходжи Сармысака раз за разом предпринимали попытки свергнуть цинское господство в Восточном Туркестане и восстановить свою власть. И как ни странно, хотя раз за разом терпели поражение, при очередной попытке вновь находили большое количество сторонников, которых вели на борьбу против китайцев. Несомненно, такую тенденцию можно объяснить исключительно тем, что ходжи были символом религиозной борьбы, в глазах населения Кашгарии являвшейся также и борьбой против иностранного владычества – владычества «неверных» китайцев. Не случайно в исследовательской литературе этот период характеризуется как «джихад ходжей» [Tian, 2012, p. 115].

Так, в мае 1826 г. Джахангир (Джангир) – ходжа б. Сарымсак, за несколько лет до этого бежавший в киргизские степи из-под надзора кокандского хана, который не пожелал поддержать его идею «священной войны» в Восточном Туркестане [Kim, 2004, p. 24], практически без боя захватил Кашгар, при ликовании народа был провозглашен правителем с титулом Сайид-Джахангир-султана и восстановил мусульманские институты управления по кокандскому образцу. Проводя сравнительно либеральную внутреннюю политику, он сумел обеспечить себе поддержку практически всего населения государства, включая даже тех, кто ранее целиком стоял на стороне цинских властей. А мусульманское население других областей, все еще контролировавшихся маньчжурами, готовило заговоры в пользу ходжи. Джахангир-ходжа также пытался создать коалицию из

мусульманских государей Центральной Азии против империи Цин, однако сумел добиться только присылки отряда из Коканда. В 1827 г. китайское войско численностью в 70 тыс. человек вступило в пределы Кашгарии. Но хотя ходжа смог выставить до 200 тыс. воинов, они не имели достаточного опыта войны с регулярной китайской армией, были плохо вооружены. Тем не менее Джахангир, подобно своему деду Бурхан ад-Дин-ходже, объявил газават и призвал всех «правоверных» выступить против иноземцев. В первом же сражении ходжа был разгромлен, но не сложил оружия: он бежал к киргизам и в 1828 г. во главе их конницы сумел даже разгромить одно из китайских воинских соединений. Однако вскоре один из кашгарских наместников, преданный маньчжурам, изменническим образом захватил ходжу, который был брошен в тюрьму и через несколько лет предан казни [Валиханов, 1986*б*, с. 150–154; Коншин, 1902, с. 5–27; Boulger, 1880, p. 65–68; Newby, 2005, p. 95–123]. [149]

Следующая попытка ходжей вернуть власть в Кашгарии была предпринята уже не по их собственному желанию, а по прямому указанию кокандского хана. В 1829 г. Мухаммад-Али-хан, стремившийся распространить свое влияние на Восточный Туркестан, вызвал из Бухары Мэд (Мухаммад) – Юсуф-ходжу, старшего брата Джахангир-ходжи, и отправил его на завоевание Восточного Туркестана, бросив при этом клич ко всем правоверным мусульманам помочь кашгарским единоверцам освободиться от китайского ига. В результате в сентябре 1830 г. Мэд-Юсуф-ходжа выступил на Кашгар во главе армии кокандцев, ташкентцев, горных таджиков и кашгарских эмигрантов, достигшей общей численности 40 тыс. человек, причем во главе ее стояли высшие ханские военачальники. То есть на этот раз Кокандское ханство под предлогом помощи единоверцам прямо заявляло о своем вмешательстве во внутренние дела империи Цин, признавая права белогорского ходжи на кашгарский трон.

Как и его брат, Мэд-Юсуф-ходжа с триумфом вошел в Кашгар и был провозглашен правителем, а кокандские военачальники в ближайшие же дни захватили Янысар, Яркенд и Хотан, причем действовали настолько решительно, что китайские войска даже не решились сразу оказать им сопротивление. Казалось, совместные действия двух мусульманских государей – кокандского хана и кашгарского ходжи – позволили вырвать Восточный Туркестан из рук китайцев. Однако далеко не все среднеазиатские правители разделили идеи священной вой ны с иноверцами: в самый разгар восстания в Кашгарии на границы Кокандского ханства обрушились войска Бухарского эмирата, и кокандским войскам было приказано вернуться в ханство. Мэд-

Юсуф-ходжа, не обладая отвагой брата, не стал дожидаться ответных действий китайцев и поспешил в Коканд, пробыв на троне предков всего три месяца [Валиханов, 1986*б*, с. 155–156; Григорьев, 1861, с. 35–39; Коншин, 1902, с. 28–37; Boulger, 1880, p. 69].

Начиная с 1842 г. Кокандское ханство сотрясали внутренние смуты и междоусобицы, ханы – ставленники разных кланов менялись на престоле каждые два-три года. Естественно, в таких условиях Коканду было не до помощи Кашгарии в борьбе с Китаем. Не могли кокандские власти допустить и самостоятельных действий ходжей, поскольку это ухудшило бы и без того непростые отношения с империей Цин. Однако как раз в это время на политическую сцену выступило следующее поколение белогорских ходжей, которые, в свою очередь, решили попытать счастья.

В 1847 г. началось движение, получившее название «бунта семи ходжей»: именно столько потомков Аппака вторглось в Кашгарию с намерением вернуть наследие предков. Главными их предводителями стали три сына Мэд-Юсуф-ходжи – Мухаммад-Амин-ходжа, более известный под именами Ишан-хан-тура, и Катта-хан (старший хан) и его братья Вали-хан-тура и Кичик-хан-тура. Судя по приставке «тура», которая традиционно принадлежала только потомкам Чингис-хана,[150] претенденты считали себя не только ходжами, но и «природными» ханами. Поэтому, подобно дяде и отцу, легко захватив Кашгар и несколько других городов, они, в отличие от старших родственников, не позаботились о привлечении симпатий населения и его поддержке. Первые же дни правления ходжей ознаменовались грабежами, их двор составили не представители местной знати, а выходцы из Коканда, а первым государственным деянием, которое они совершили, стало создание собственных гаремов. Соответственно, они упустили время, за которое можно было бы организовать оборону от китайцев, поэтому приход последних оказался для ходжей неожиданностью. Катта-хан узнал о выступлении китайцев, когда сам находился в походе на Яркенд; он тут же бросился обратно в Кашгар, однако жители города, недовольные предпочтением, которое правитель оказывал кокандцам, заперли перед ним ворота. Как и их отец семнадцатью годами раньше, ходжи поспешили под защиту Коканда [Валиханов, 1986*б*, с. 157–159; Ювачев, 1907, с. 964].

Несмотря на неудачный опыт трех братьев, кокандские власти продолжали покровительствовать им: с их помощью можно было продолжать оказывать дипломатическое давление на империю Цин и требовать у нее новых уступок в торговой и

политической сфере (подробнее см.: [Newby, 2005, p. 153–183]). При поддержке кокандских ханов Вали-хан-тура сделал еще три попытки вторжения в Кашгарию, однако все они оказались неудачными: в 1851 г. он осадил Яркенд, но амбань, китайский наместник разгромил его и заставил бежать; а в 1855 и 1856 гг. Вали-хан-тура вместе со своим братом Кичик-ханом-тура даже не попали в Кашгарию, поскольку не смогли преодолеть маньчжурские пограничные пикеты [Валиханов, 1986*б*, с. 159; Boulger, 1880, p. 72] (см. также: [Бейсембиев, 2009, с. 315]).

Хотя сыновья Мэд-Юсуфа-ходжи явно утратили доверие населения в связи с их личными качествами и военными неудачами, они все же не отказались от борьбы за власть. Правда, когда во время следующего восстания, в 1857 г., Вали-хан вступил в Кашгар, он действовал уже не от имени себя и братьев, а от имени двоюродного брата – Бузрук-хана-тура б. Джахангир-ходжи. Это оказало надлежащий эффект, поскольку Бузрук-хан пользовался большим уважением в память о своем отце, а кроме того, не успел испортить себе репутацию, поскольку не участвовал в предыдущих авантюрах своих родственников. Однако, захватив от его имени Кашгар, Вали-хан стал править в нем сам и оставил по себе самую мрачную память. Еще во время восстания 1847 г., когда он владел городом Янысаром, то ознаменовал свое правление жестокими казнями, теперь же, когда в его власти оказалась вся Кашгария, масштабы его зверств также возросли. Вали-хан казнил представителей знати, торгового сословия и простолюдинов как за правонарушения, так и по собственному произволу. Сохранился, например, рассказ о том, что он отрубил голову сыну кузнеца, принесшего ему саблю, лишь для того, чтобы проверить остроту клинка. Кроме того, как и в 1847 г. он окружил себя кокандцами, стал заставлять местных жителей одеваться по ферганской моде и чаще посещать мечети, что также не могло улучшить отношение населения к нему. Наконец, Вали-хан-тура пристрастился к курению гашиша и, одурманивая себя, выдумывал все новые и новые жестокости. В том же 1857 г. им был казнен по подозрению в шпионаже прусский ученый и путешественник А. Шлагенвейт, судьба которого выяснилась лишь несколько лет спустя [Валиханов, 1986*б*, с. 162; Boulger, 1880, p. 214]. Из голов своих жертв Вали-хан-тура, по примеру Чингис-хана, Амира Тимура и их потомков приказал соорудить на берегу реки башню, которая росла едва ли не ежедневно.

Впрочем, интересно отметить, что, несмотря на все свои пороки, он прекрасно осознавал, что положение ходжи обеспечивает ему покорность и послушание подданных. И он не

только злоупотреблял им, заставляя кашгарцев сносить свои беспричинные жестокости, но и мог использовать в политических и военных целях. Так, направив в поход на Яркенд своего военачальника Тилля-хана, он также объявил его ходжой (т. е. признал своим родичем), и население города открыло бы перед ним ворота без боя, если бы яркендский хаким не уверил горожан, что Тилля-хан – никакой ни ходжа, а сын мясника.

Естественно, такой правитель долго у власти оставаться не мог. Поэтому как только китайцы вступили на территорию Кашгарии, население не выразило готовности защитить Вали-хана-тура, и только очередная серия жестоких расправ заставила их приступить к обороне. Когда же китайцы достигли Кашгара, войска ходжи стали в массовом порядке дезертировать. Увидев, что воинов у него не осталось, сам Вали-хан-тура также бежал [Валиханов, 1986*б*, с. 159–164].

Последним правлением этот ходжа настолько подорвал собственную репутацию, что когда в 1864 г. он в очередной раз появился в Кашгарии, то местное население, которое «испытало много горя от ходжей», даже не дожидаясь китайских войск, выступило против него [Бейсембиев, 2009, с. 315]. Казалось, ходжам уже не суждено вернуться во владения своих предков, и даже их происхождение и религиозный авторитет не помогут им в этом.

Однако в том же 1864 г. в Восточном Туркестане началось мощное антицинское восстание, причем сразу в ряде городов, в каждом из которых был провозглашен собственный независимый правитель. В Куче дунганское население возвело на трон потомка почитаемого средневекового мусульманского святителя Рашид ад-Дин-ходжу, принявшего титул Хан-ходжи (в знак претензий не только на ханскую власть, но и на происхождение от пророка Мухаммада [Kim, 2004, p. 40, 62]); Уч-Турфан возглавил его двоюродный брат Бурхан ад-Дин-ходжа, Аксу – Джалал ад-Дин-ходжа, Хотан – Хабибула (Хаджи-падшах) [Ибрагимова, 1965, с. 52; Тихонов, 1948; Ходжаев, 1979, с. 26–30]. Можно было бы не упоминать всех этих правителей, большинство которых сошло с политической сцены уже в 1865–1867 гг., однако нельзя не обратить внимания на два момента. Во-первых, каждый из правителей именно себя считал главой всей Кашгарии и готов был воевать с другими, чтобы заставить их признать себя верховным правителем. Во-вторых, как видим, практически все новые правители имели титул «ходжа», хотя по происхождению не принадлежали ни к белогорцам, ни к черногорцам. Это заставляет предполагать, что правители-узурпаторы считали себя равными прежним правителям Кашгарии по статусу, а также –

предводителями газавата, священной войны с «неверными», т. е. китайцами. Таким образом, они использовали опыт ходжей, старавшихся в свое время объединить население Кашгарии под своей властью, опираясь именно на религиозный авторитет. В глазах новых претендентов на верховную власть, оказывается, уже не надо было иметь происхождения от почитаемых мусульманских святителей (не говоря уж о крови рода Чингисидов), чтобы занять трон и, объединив подданных, повести их за собой на «священную войну» [Kim, 2004, p. 67].

Вскоре в Кашгарию прибыл известный среднеазиатский авантюрист – казахский султан Садык, сын мятежного хана Кенесары, боровшегося в 1830–1840-е годы с российскими властями в Казахстане. Садык вступил в борьбу с маньчжурскими войсками, но чтобы увеличить число своих сторонников, а заодно и придать легитимность своим действиям, он направил послание кокандскому хану (чьим подданным в то время номинально считался), прося прислать в Кашгарию кого-либо из белогорских ходжей. В результате в регион в начале 1865 г. был направлен Бузрук-хан-тура, номинально объявленный верховным правителем Кашгарии. Садык надеялся, что ходжа своим религиозным авторитетом сумеет объединить восставших жителей Кашгарии и позволит ему, Садыку, обрести от его имени всю полноту светской власти, надеясь, таким образом, в очередной раз использовать религиозный фактор как фактор национального объединения и закрепления собственной власти [Ходжаев, 1979, с. 31]. Однако роль фактического правителя Кашгарии кокандские власти отвели не Садыку, а кокандскому сановнику Якуб-беку. Казахскому султану пришлось смириться со своим положением, он подчинился Якуб-беку, однако вскоре взбунтовал против него часть войск, был разгромлен и бежал в Хиву [Бейсембиев, 2009, с. 316].[151]

Бузрук-хан-ходжа, по-видимому, прекрасно понимая, что реальной власти у него нет, даже не попытался стать национальным лидером Кашгарии. Формально именуясь ханом, он передоверил все дела Якуб-беку, тогда как сам, подобно своим родичам, поднимавшим восстания десятилетием ранее, вел образ жизни, весьма далекий от благочестивого. В его дворце день и ночь играла музыка, появлялись мужчины и женщины легкого поведения и т. д. Кроме того, он позволил вовлечь себя в заговор кипчакских и киргизских военачальников Кашгара против всесильного временщика, после раскрытия которого последние его сторонники были частично перебиты, частично изгнаны из Кашгара [Там же, с. 318; Моисеев, 2003*б*, с. 92–93].

На словах предупреждая ходжу о недопустимости подобного

поведения, Якуб-бек втайне вел переговоры с его двоюродным братом – Ишан-ханом-тура, который вскоре прибыл в Кашгар и был торжественно провозглашен новым правителем, Бузрук-хану-тура же пришлось удалиться. Однако новый правитель скончался три месяца спустя, и хотя Якуб-бек на его похоронах изображал глубокую скорбь, в народе пошли слухи, что именно он отравил ходжу. Когда же еще через два месяца скончался и Вали-хан-тура, который вполне откровенно не ладил с Якуб-беком, то уже ни у кого не было сомнений в виновности временщика. Наиболее законным претендентом на престол оставался Хаким-хан-тура – сын Ишан-хана-тура, однако Якуббек избавился от него, отправив наместником в город Маралбаши, а затем – в Турфан [Веселовский, 1899, с. 98–100; Ресалэ, 1940, с. 132].

Некоторое время спустя Бузрук-хан-тура вернулся в Кашгар, вновь став номинальным ханом. Однако за время его отсутствия Якуб-бек успел продемонстрировать способность управлять самостоятельно, и его последующие завоевания, учитывая образ жизни и склонности ходжи, никто не пытался приписать номинальному хану. В результате в 1867 г. Якуб-бек фактически низложил Бузрук-хана-тура и заставил покинуть Кашгарию под благовидным предлогом совершения хаджа в Мекку [Тихонов, 1958, с. 111].

Последняя попытка белогорских ходжей вернуть себе власть над Кашгарией относится к 1877 г., когда после смерти Якуб-бека началась борьба за власть между его сыновьями. Хаким-хан-тура увидел в этих событиях возможность захватить трон, от которого его бесцеремонно отстранили 12 лет назад, и вмешался в борьбу. Несмотря на то что его родичи-ходжи уже успели себя дискредитировать как неспособные и неэффективные правители, у ходжи нашлись сторонники, которые провозгласили его правителем в ущерб Бек-Кули-беку, старшему сыну Якуб-бека. Ходжа обосновался в Аксу, куда вскоре подошел Бек-Кули-бек и, подобно отцу, сумел одержать победу над потомком белогорских ходжей, разгромив его и заставив бежать. Хаким-хан-тура добрался до Ташкента, где на некоторое время попал под арест русских властей, однако вскоре был выпущен и получил разрешение поселиться в Ферганской области, до конца жизни пользуясь уважением населения и живя на народные пожертвования как потомок прежних властителей Кашгарии [Веселовский, 1899, с. 107–108; Гаврилов, 1927, с. 8; Гедин, 1899, с. 316–317; Ходжаев, 1979, с. 99].

Следует согласиться с мнением, что белогорские ходжи в XIX в. не сумели преуспеть в своей деятельности, поскольку не пытались адаптироваться к изменившимся условиям, уповая на

то, что их происхождение является главным основанием претензий на власть и должно привлечь к ним население всего Восточного Туркестана [Кадырбаев, 2006, с. 84]. Они не смогли эффективно использовать религиозный фактор, превратив его в фактор национального единства и освободительной борьбы против «неверных», поскольку, во-первых, не сумели предстать в глазах населения Кашгарии ревнителями его интересов, а во-вторых, постоянно соперничали за власть между собой. В результате уже с середины XIX в. они перестали считаться законными претендентами на трон, значительно уступая другим, не имевшим такого существенного фактора легитимации, как религиозный.

Восточный Туркестан (Синьцзян) еще в течение долгого времени оставался «болевой точкой» китайских властей: восстания против империи Цин, а затем – и против республиканского Китая поднимались здесь до середины XX в. – достаточно вспомнить, например, комульское восстание 1931–1934 гг., Восточно-Туркестанскую Республику во главе с Алиханом-тура, существовавшую в 1944–1949 гг., движение Осман-батыра, подавленное лишь к 1951 г. Причем предводители этих восстаний также использовали уроки своих предшественников, превращая религиозный фактор в фактор национальной борьбы. Последним по хронологии примером такого рода является провозглашение алтайскими казахами в 1943 г. Осман (Оспан) – батыра ханом в соответствии с древними обычаями, в том числе и поднятием на белом войлоке. Причиной присвоения ему такого высокого статуса стала его борьба за независимость всех китайских подданных, исповедующих ислам [Бенсон, 2005, с. 150].

Джунаид-хан: агент османского султана-халифа как вождь национально-освободительного движения. В какой-то мере более удачно сумел трансформировать религиозный фактор в национальный Джунаид-хан – последний монарх, вернее, диктатор Хивинского ханства. Выше мы уже упоминали, что этот вождь туркменского племени йомуд[152] начал свою борьбу за власть в ханстве, опираясь на фирман, выданный ему «повелителем правоверных» – турецким султаном, являвшимся также халифом. Однако уже в 1916 г. он стал использовать этот фактор для привлечения на свою сторону хивинского населения в борьбе против русских властей в Хиве, требовать их изгнания из ханства [Садыков, 1972, с. 176].

В какой-то мере его действия оказались эффективными: как и в Кашгарии, религиозное единство стало консолидирующим фактором в борьбе против иностранного сюзерена,

исповедующего другую религию. Джунаид-хана активно поддерживало хорезмское мусульманское духовенство, традиционно обладавшее сильным влиянием на население [Тухтаметов, 1969, с. 87–88]. Поэтому узурпатор, находясь в эмиграции после поражения от российских войск в начале 1916 г., с большим интересом следил за событиями восстания в Средней Азии, выискивая возможность воспользоваться национально-освободительной борьбой в своих интересах [Восстание, 1960, с. 470, 474].

Таким образом, Джунаид-хан умудрился использовать религиозный фактор как национальный, одновременно привлекая к себе и население Хивинского ханства, призывая его к национально-освободительной борьбе, и иностранных покровителей-единоверцев – правителей Турции, Ирана и Афганистана, которые, демонстрируя поддержку ревнителю веры, на самом деле с готовностью вмешивались в дела Российской империи, стараясь ослабить ее центрально-азиатские владения. Любопытно, что Джунаид-хан, со временем все более и более становившийся исключительно агентом иностранного влияния в Хорезме, по-видимому, продолжал искренне верить в то, что является освободителем ханства от русского, а после 1920 г. – от советского владычества [Ниязматов, 2010, с. 460].[153] Вероятно, именно эта вера побуждала его не складывать оружия после свержения в 1920 г. и последующих многочисленных поражений и неудач и продолжать борьбу за престол вплоть до самой смерти в 1939 г. Примечательно, что его веру разделяли и многие представители родственного ему туркменского населения: еще в 1931 г. они поднимали восстание, обещая, что «в России Белый царь сядет на трон, власть в Туркмении примет Джунаид-хан» (цит. по: [Аннаоразов, 2013, с. 37]).

§ 3. Отказ от иностранной поддержки в пользу национального фактора

Как мы убедились, претенденты на престол нередко опирались не на один фактор легитимации, а сразу на несколько, чтобы укрепить свое положение в глазах подданных. Однако в некоторых случаях, напротив, происходил отказ от одного из факторов в пользу другого, представлявшегося такому претенденту более перспективным.

Амурсана и Ченгунджаб: от коллаборационизма к национально-освободительной борьбе. В середине XVIII в. в Западной Монголии вспыхнули два крупных восстания против маньчжурского господства. Их предводителями стали ойратский

нойон Амурсана и монгольский князь-Чингисид Ченгунджаб. Помимо того что они во время восстания поддерживали контакты между собой и координировали свои действия против китайских войск, их объединяло также то, что к власти они пришли при помощи маньчжуров, против которых затем и обратили оружие.

Амурсана, как мы помним, был внуком джунгарского хана Галдан-Цэрена по женской линии, сыном его дочери. Будучи представителем рода хойт, он не мог претендовать на престол, поэтому предпочел поддержать своего родича Даваци – потомка боковой линии джунгарского правящего рода Чорос, который в обмен на помощь в занятии трона обещал ему особое положение в ханстве. Однако по какой-то причине новый хан не выполнил своего обещания, в результате между ним и Амурсаной возникли трения, вскоре вылившиеся в вооруженный конфликт; Амурсана потерпел поражение и был вынужден бежать в Китай.

Он явился к императорскому двору, где обвинил Даваци в измене и замыслах против сюзерена и заявил о готовности признавать цинский сюзеренитет, если ему будет оказана помощь в занятии джунгарского трона [Кузнецов, 1980, с. 29 и след.; Newby, 1998, p. 280]. Двухсоттысячная китайская армия, передовой отряд которой возглавил сам Амурсана, вторглась на территорию Джунгарии. Попытки Даваци начать переговоры с китайцами не имели успеха, вскоре он был разгромлен и взят в плен. Амурсана надеялся, что теперь он получит право занять трон, однако китайские власти решили иначе. Единое джунгарское государство было разделено на четыре удела: в соответствии с прежним делением «четырех ойратов» были выделены княжества-хошуна Дэрбэт, Хошоут, Чорос и Хойт, и Амурсана стал всего лишь правителем последнего из них – хошунным нойоном хойтов, к тому же формально являясь помощником маньчжурского наместника в Илийском округе [Горохова, 1980, с. 104–105; Златкин, 1964, с. 288–292].

Таким образом, Амурсана не добился того, на что рассчитывал, опираясь на поддержку маньчжуров. Его претензии на трон Джунгарского ханства, в принципе, были спорны в силу его происхождения. Теперь же его легитимность оказалась еще более подорванной в глазах местного населения из-за сотрудничества с китайцами, с господством которых ойраты не были намерены мириться. В этих условиях Амурсана принял решение, которое превратило его (по крайней мере в монгольской историографической традиции) из «пособника иноземных угнетателей» в «национального героя»: он призвал население Джунгарии восстать против маньчжуров и возглавил это восстание. Впрочем, исследователи не идеализируют этого

деятеля и вполне однозначно заявляют, что на восстание его подвигли отнюдь не бедствия ойратского народа и желание видеть его независимым, а исключительно собственные амбиции: причиной выступления Амурсаны против маньчжуров стало их нежелание признать его ханом Джунгарии [Златкин, 1964, с. 293–294] (ср.: [Баабар, 2010, с. 100]).

Сходным образом действовал и монгольский князь Ченгунджаб, потомок Чингис-хана, который в течение долгих лет служил в монгольских войсках империи Цин, сделал неплохую военную карьеру, участвуя, в том числе, и в подавлении антицинских восстаний в Урянхайском крае и Восточном Туркестане, получил в маньчжурской иерархии титул Шадарвана. Поводом для его выступления послужила казнь в Пекине в 1755 г. нескольких его родичей-Чингисидов, в частности чин-вана Ринчен-Доржи, брата Богдо-гэгэна II (обвиненного в том, что он позволил бежать Амурсане, арестованному по обвинению в заговоре против маньчжуров). Узнав о его гибели, Ченгунджаб заявил, что оставляет службу маньчжурам, и призвал своих подданных к восстанию против них [Моисеев, 1983, с. 79–80; Чимитдоржиев, 2002, с. 64; Kaplonski, 1993, p. 238].

В источниках нет сведений, позволяющих считать, что Ченгунджаб, подобно Амурсане, претендовал на титул хана. Однако не следует забывать, что он являлся потомком хотогойтских Алтан-ханов – некогда правителей автономного удела в Западной Монголии, фактически равных по статусу аймачным ханам Халхи (Тушету-хану, Дзасагту-хану и проч.). Несмотря на то что уже в конце XVII в. с самостоятельностью этого удела было покончено и он стал частью аймака Дзасагту-хана, его правители продолжали обладать автономным статусом. Поэтому можно предполагать, что он намеревался создать независимое монгольское владение в Западной Монголии и Саяно-Алтае (см.: [Kaplonski, 1993, p. 246–247]).[154]

Таким образом, оба предводителя восстания 1755–1757 гг., добившись определенного статуса при помощи маньчжуров, решили отказаться от их поддержки, понимая, что опора на национальный фактор позволит им занять более высокое положение. Однако ими не было принято во внимание, что Монголия к этому времени была уже давно разобщена, и объединяющий ее фактор было найти достаточно затруднительно. По своему происхождению ни Ченгунджаб, ни тем более Амурсана, не являлись более законными претендентами на трон, чем другие халхасские или джунгарские правители, поэтому претензии вождей восставших на верховную власть восстановили против них других монгольских князей, с

готовностью принявших участие в подавлении восстаний как в Джунгарии, так и на Алтае. Не мог сплотить население Монголии также и религиозный фактор, как это было, например, в Восточном Туркестане: маньчжуры оказывали всемерное покровительство буддизму, что привлекло на их сторону многочисленное и влиятельное монгольское ламство.[155]

Более того, действуя против восставших, маньчжурские власти не менее эффективно, чем сами Амурсана и Чингунджаб, старались использовать национальный фактор: они обвинили вождей восставших в том, что своими действиями они причиняют вред самим монголам, разоряют их имущество, заставляют покидать свои кочевья, разрушают почтовую и пограничную инфрастуктуры и вообще организуют всяческие беспорядки [Моисеев, 1983, с. 81–82; Чимитдоржиев, 2002, с. 67]. Наибольшее правдоподобие подобным обвинениям в адрес вождей восстания придавал тот факт, что Амурсана, стремясь увеличить число своих сторонников, не ограничился только монгольскими областями, а попытался привлечь на свою сторону также казахов и население Кашгарии, о чем императорский двор не преминул проинформировать монгольских князей [Международные отношения, 1989*б*, с. 22–23]. В результате Амурсана и Чингунджаб, пытавшиеся представить себя в глазах своих реальных и потенциальных сторонников защитниками интересов монголов в борьбе против иноземного господства, оказались обвинены в измене не только против законного сюзерена, но и против собственного народа. Именно монгольские князья оказались ударной силой в борьбе против Амурсаны и Чингунджаба и разгромили их [Моисеев, 1983, с. 82–83]. Чингунджаб в самом начале 1757 г. был пленен и доставлен в Пекин, где подвергся мучительной казни, а Амурсана в том же 1757 г. понес окончательное поражение и был вынужден бежать в Россию, в Тобольск, где вскоре скончался от оспы. Таким образом, опора на национальный фактор в данном случае оказалась не слишком эффективной, поскольку, во-первых, население Монголии было уже давно разобщено, во-вторых, маньчжурские власти сумели с большей эффективностью представить себя защитниками интересов монголов.

От кокандского подданства к созданию нового государства: Якуб-бек и Йеттишар. Более удачно сумел использовать отказ от иностранной поддержки в пользу защиты национальных интересов другой претендент на власть – Якуб-бек, правитель Кашгарии, уже неоднократно упоминавшийся выше.

Когда кокандские власти в 1864 г. отправили в Кашгарию в качестве верховного правителя своего ставленника Бузрук-хана-

тура, вместе с ним был отправлен и Якуб-бек, которого Алимкул, фактический правитель Коканда, предназначал в фактические правители при марионеточном белогорском ходже [Бейсмебиев, 2009, с. 286]. В самом деле этот государственный деятель представлялся им очень подходящим для такой роли: начав службу махрабом (ханским гвардейцем), он проявил себя храбрым воином и неплохим военачальником, в частности, в битве с русскими при Ак-Мечети в 1852 г., а к 1862 г. дослужился до должности хакима Ходжента [Ресалэ, 1940, с. 129–130; Boulger, 1880, p. 79–83] (см. также: [Бейсмебиев, 2009, с. 270; Kim, 200 4, p. 73–83]; ср.: [Веселовский, 1899, с. 88]). Впрочем, кокандский хан Султан-Сайид без особых сожалений отправил его в Кашгарию: поскольку Якуб-бек считался сторонником и ставленником одного из его предшественников, монарх не пожелал держать могущественного сановника в ханстве [Бейсембиев, 2009, с. 286; Веселовский, 1899, с. 97–98].[156]

Поначалу Якуб-бек вел себя довольно лояльно по отношению к Кокандскому ханству. Он выполнил все приказания ханского двора, даже воссоздал в Кашгаре управленческую и военную систему Коканда, включая назначение на должности амир-и лашкаров, юзбаши и т. д. [Бейсембиев, 2009, с. 171]. Однако в 1864–1865 гг. он существенно укрепил свои позиции в регионе и, соответственно, ослабил позиции как кокандских властей, так и белогорских ходжей. Выше уже было описано, как он избавился от ходжей. Примерно в это же время ему удалось разгромить объединенные силы нескольких других ханств Восточного Туркестана (Яркенда, Кучи, Аксу, Уч-Турфана) и дунган. К 1867 г. Якуб-бек разгромил и казнил кучинского правителя Хан-ходжу, пленил и вскоре казнил Джалал ад-Дин-ходжу, правителя Аксу, и заставил уч-турфанского «султана» Бурхан ад-Дин-ходжу отказаться от своего владения в пользу его, Якуб-бека. А чтобы обеспечить себе верность мятежного Яркенда, в качестве наместника Якуб-бек отправил туда Кичик-хана-тура – потомка ходжей и, следовательно, легитимного правителя в глазах населения, однако не обладавшего амбициями своих братьев. Примечательно, что поражение своих соперников Якуб-бек объяснял тем, что они оказались не слишком преданными делу ислама – в отличие от него самого [Бейсембиев, 2009, с. 316, 318, 319; Ибрагимова, 1965, с. 55; Тихонов, 1958, с. 111; Kiernan, 1955, p. 319; Kim, 2004, p. 92]!

В 1867 г. Якуб-бек перестал признавать власть Кокандского ханства. Дело в том, что в это время на престол в Коканде вернулся (уже в третий раз!) хан Худояр, не слишком жаловавший ходжентского хакима (по некоторым сведениям Якуб-бек

участвовал в заговоре против него), и кашгарский властитель, по-видимому, счел себя свободным от обязательств, принятых от его предшественника. Но Якуб-бек не был легкомысленным авантюристом, рискнувшим отказаться от покровительства кокандского хана и остаться один на один с населением совершенно чужого региона. В течение 1860-х годов из Кокандского ханства в Кашгарию эмигрировало немало представителей кокандской гражданской и военной администрации, которые в результате постоянной смены ханов впадали в немилость у новых монархов. Одних только высших придворных сановников Коканда при дворе Якуб-бека оказалось восемнадцать! Кроме того, к нему постоянно переходили и кокандские войсковые подразделения – кипчакские, киргизские и т. д. [Бейсембиев, 2009, с. 126, 129, 198, 289, 317].

В результате уроженец Бухарского эмирата (впоследствии он намекал, что является потомком Амира Тимура) и кокандский сановник, Якуб-бек объявил себя независимым правителем Кашгарии, выразителем его национальных интересов, назвав созданное им государство Йеттишар, т. е. «Семь городов», тем самым подчеркивая, что его власть распространилась практически на все области Восточного Туркестана. Таким образом, Якуб-бек стал очередным узурпатором власти в восточной части бывшего Чагатайского улуса, отняв власть у ходжей, которые, в свою очередь, лишили престола потомков Чингис-хана! Примечательно, что, объявив себя защитником мусульман Восточного Туркестана, Якуб-бек не пытался проводить «популистскую» политику, нередко практиковавшуюся другими «вождями нации» в мировой истории. Напротив, под предлогом мобилизации всех сил государства для борьбы с «неверными» он обложил население двойными налогами (деньгами и зерном), периодически устраивал конфискацию земель, а затем продавал ее тем же, у кого ранее отобрал, либо же щедро жаловал конфискованные земли своим сыновьям и сподвижникам, ввел жестокие наказания на основе шариата и т. д. [Веселовский, 1899, с. 102; Гаврилов, 1927, с. 9–10; Тихонов, 1958, с. 113–116, 126–132; Kim, 2004, p. 131–137]. Любопытно, что в памяти жителей Восточного Туркестана тем не менее о нем сохранились преимущественно положительные воспоминания, что нашло отражение даже в их национальном фольклоре (см.: [Пантусов, 1901, с. 5, 30–31]).

Поскольку единственным объединяющим фактором для многонационального и разрозненного населения Восточного Туркестана являлось единство вероисповедания, новый монарх, не мудрствуя лукаво, последовал по пути изгнанных им ходжей и

провозгласил газават – священную войну всех приверженцев «истинной веры» против, соответственно, «неверных» китайцев [Kim, 2004, p. 129–131]. И как уже упоминалось, для подтверждения своих полномочий как поборника ислама, обратился к османскому султану, который не только одобрил его действия против империи Цин, но и подтвердил его в звании эмира (не хана![157]), даровал титул-эпитет «бадаулет» («счастливый»), а также прислал несколько «советников» и оружие для борьбы с «неверными» [Веселовский, 1899, с. 100; Центральная Азия, 2008, с. 80].

В орбиту политических интересов Якуб-бека попали, помимо Восточного Туркестана, Джунгария и киргизские земли. Естественно, его внимание к этим регионам объяснялось не имперскими амбициями, а стремлением увеличить число воинов, готовых поддержать его в борьбе с империей Цин: мусульманское население Джунгарии, дунгане, являлись едва ли не единственными союзниками правителя Йеттишара, кроме того, время от времени в дела Восточного Туркестана вмешивались и киргизы [Моисеев, 2003*б*, с. 91–92; Образование, 1927, с. 4].

В течение ряда лет Якуб-бек пытался добиться признания своего статуса на международной арене. Стремясь обезопасить себя от угрозы со стороны империи Цин, он стал устанавливать дипломатические отношения с двумя другими империями – Британской и Российской. Британские власти в Индии, к которым он отправлял посольства в начале 1870-х годов, не согласились признавать его самостоятельным монархом, однако в 1874 г. заключили с ним договор о развитии двусторонней торговли [Бейсембиев, 2009, с. 320; Камалов, 2002, с. 118; Boulger, 1880, p. 219–234].[158] Интересно отметить, что Якуб-бек старался наладить и что-то вроде научного сотрудничества с англичанами: за его правление Восточный Туркестан посетило несколько научных экспедиций (несомненно, помимо исследовательских целей, имевших и шпионские задачи) [Forsyth, 1875; Hayward, 1870; Shaw, 1869–1870; Trotter, 1878] (см. также: [Kiernan, 1955, p. 320–324]).

Что же касается России, то ее власти были недовольны заигрыванием кашгарского правителя с Англией, а также его вмешательством в русско-киргизские отношения. Кроме того, они опасались, что новоявленный правитель Кашгарии попытается вмешаться в дела Кокандского ханства, недавно попавшего под протекторат Российской империи [Васильев, 2009, с. 93]. Стремясь предотвратить дальнейшее расширение владений Якуб-бека, войска Туркестанского края в 1871 г. аннексировали Кульджинский (Таранчинский) султанат [Clarke, 1880, p. 491;

Schuyler, 1877, p. 185–188; Kim, 2004, p. 140–141]. Официальным предлогом послужило укрывательство местным правителем Алаханом Абиль-оглы казахского бунтовщика, фактически же губернатор К. П. фон Кауфман стремился создать особую буферную зону между своим генерал-губернаторством и владениями Якуб-бека. Для китайских властей захват Кульджинского края, юридически принадлежавшего империи Цин, был обставлен как вынужденная мера, призванная обезопасить границы Российской империи и вместе с тем восстановить порядок в самом крае, который впоследствии будет передан империи Цин (что и случилось в 1884 г.) [Мартенс, 1881, с. 75–78; Моисеев, 2000, с. 85–91; 2001*а*; Boulger, 1880, p. 174–211].[159] В отличие от Англии, Россия не сочла целесообразным заключать с Якуб-беком даже торговое соглашение, поскольку считала его «весьма недолговечным правителем Восточного Туркестана» [Гарбузарова, 2009, с. 56] (см. также: [Моисеев, 2001*б*]), поэтому в 1872 г. туркестанским генерал-губернатором К. П. фон Кауфманом и Якуб-беком были подписаны некие предварительные «условия» о статусе русских купцов в Кашгарии, и далее дело не пошло [Куропаткин, 1879, с. 49–50] (см. также: [Kim, 2004, p. 143]).

Добившись признания своей власти (где добровольно, а где и насильственным путем) как национального лидера в самой Кашгарии, Якуб-бек, казалось, утратил интерес к противостоянию с Китаем, которое и обеспечило ему полноту власти в государстве. В 1874–1875 гг. он пытался наладить дипломатические отношения с империей Цин, чтобы добиться признания самостоятельности своего государства. Его позиция вызвала обеспокоенность союзников – джунгарских дунган, которые стали подозревать Якуб-бека в том, что он намерен купить мир с Цин, оставив их на произвол судьбы (что, в общем-то, было недалеко от истины). Лишь после отказа китайских властей от переговоров правитель Йеттишара вновь возобновил боевые действия [Ходжаев, 1979, с. 89–92].

Интересно отметить, что в придворных кокандских хрониках Якуб-бек, несмотря на фактическую измену Коканду и провозглашение себя независимым правителем, всегда характеризовался как подданный династии Минг. Разные авторы по-разному оценивают его личность и политику: по мнению одних, он являлся эффективным правителем и талантливым полководцем, другие считают его хитрым интриганом, виновным в смерти одних белогорских ходжей и бегстве из Кашгарии других [Бейсембиев, 2009, с. 119–120, 315] (ср.: [Ибрагимова, 1965, с. 54]). Однако в узурпации власти кокандские историки его

не обвиняют. Вполне вероятно, что это связано, во-первых, с тем, что он не стремился испортить отношения с Кокандским ханством, во-вторых, не претендовал на ханский титул, что дало бы формальные основания обвинить его в мятеже и узурпации. Более того, еще в 1873 г. он обращался к кокандскому хану с просьбой прислать ему войска для борьбы с китайцами [Петровский, 2010, с. 106].[160] Тот факт, что он реально не признавал власти Коканда, по-видимому, не смущал историков: в последний период истории Кокандского ханства многие региональные наместники и внутри самого ханства зачастую вели себя точно так же! Такое отношение к нему тем более любопытно, поскольку историкам не было неизвестно о том, что Якуб-бек в борьбе за трон Йеттишара устранял не только ходжей, но и представителей кокандской ханской династии. Так, в 1286 г. х. (1869/1870 г.) в Кашгарию прибыл Музаффар-бек, сын кокандского хана Мухаммад-Али, и потребовал у Якуб-бека передать ему власть на том основании, что некогда сам «бадаулет» являлся слугой его отца. По распоряжению Якуб-бека амбициозный ханский сын был отравлен, а вскоре такая же судьба постигла и еще одного члена династии Минг – Мухаммад-Кули-бека [Бейсембиев, 2009, с. 233–234, 319].

Отказ Якуб-бека от подчинения своему законному сюзерену, провозглашение себя независимым правителем, подчинение (пусть даже и духовное!) османскому султану, а также заигрывание с Российской и Британской империями не повредили узурпатору. В течение десятилетия он возглавлял созданное им государство Йэттишар, считаясь лидером и объединителем практически всего многонационального населения Восточного Туркестана. Тем не менее несмотря на собственную энергию, способность объединить разнообразное население Кашгарии, дипломатическое мастерство, нельзя сказать, что Якуб-бек преуспел в качестве монарха. В последние годы жизни он потерпел несколько поражений от китайцев, а 30 мая 1877 г. умер – по одним сведениям, от яда, по другим – от апоплексического удара. Государство Йеттишар ненадолго пережило своего основателя: сразу после его смерти его сыновья начали борьбу за власть, чем немедленно воспользовались китайцы и уже в 1878 г. вновь вернули Восточный Туркестан под свой контроль [Веселовский, 1899, с. 101–102; Ресалэ, 1940, с. 135; Ходжаев, 1979, с. 98–103; 1982, с. 191; Boulger, 1880, p. 237–260].

Часть IV
Самозванцы в тюрко-монгольских государствах

Как и практически во всех странах и регионах мира, в тюрко-монгольских государствах имели место случаи самозванства, хотя деятельность таких авантюристов была затруднительна. Ведь тюркские и монгольские народы довольно аккуратно относились к своим родословным, так что попытка какого-либо лица приписать себя к какому-нибудь роду, особенно правящему, с большой долей вероятности могла быть развенчана. Тем не менее такие авантюристы находились, и их появление обусловливалось самыми разными факторами, о которых мы и поговорим ниже.

Глава 9
Категории самозванцев

Условия, при которых самозванцы появлялись в тюрко-монгольских государствах, не слишком отличались от условий появления аналогичных авантюристов в других странах.

Несомненно, наибольший всплеск самозванства приходился на периоды династических кризисов, междоусобной борьбы, когда за короткое время уничтожалось физически значительное число представителей правящей династии того и иного государства. Настолько короткое, что порой ни подданные, ни даже представители знати не успевали узнать, что тот или иной царевич (или даже хан) уже сошел с политической сцены. Этим и пользовались авантюристы, выдававшие себя за представителей правящего рода.

Можно выделить три основных вида самозванцев в тюрко-монгольских государствах, каждый из которых мы рассмотрим отдельно.

§ 1. Самозванцы, выдававшие себя за реально существовавших правителей

Авантюристы, выдававшие себя за реально существовавших потомков Чингис-хана или представителей нечингисидских правящих династий, были довольно многочисленны: ведь немало членов тюрко-монгольских государств погибали при довольно таинственных обстоятельствах, дающих основание предполагать, что они могли остаться в живых. Это и неудивительно: ведь ни один монарх, занявший трон после смерти своего предшественника, не пожелал бы давать собственным соперникам такое основание для обвинения, как устранение законного монарха или других своих близких родственников! Соответственно, в некоторых случаях авантюристы или стоявшие за ними политические силы старались использовать противоречивость сведений о судьбе того или иного потомка Чингис-хана, чтобы попытаться захватить власть. Хотя авантюры таких самозванцев характерны также преимущественно для периодов кризисов и гражданских войн, иногда «чудесно спасшиеся» претенденты на трон появлялись и в более спокойные периоды.

По-видимому, хронологически первым самозванцем, зафиксированным в источниках, являлся авантюрист,

выдававший себя, впрочем, не за Чингисида, а за представителя могущественной эмирской династии: он был объявлен Тимур-Ташем – сыном Чопана, влиятельного государственного деятеля в государстве ильханов в Иране. Чопан и многие члены его семейства (в том числе и Тимур-Таш) погибли в конце 1320-х годов в результате репрессий, обрушенных на них ильханом Абу Саидом. Однако в 1337 г. Хасан Кучак, сын Тимур-Таша, ставший в это время одним из нескольких влиятельных временщиков в разваливающемся государстве Хулагуидов, нашел «бродягу, похожего на его отца» по имени Кара-Джари, которого выдал за спасшегося Тимур-Таша [Хафиз Абру, 2011, с. 158].[161] Дело в том, что несмотря на свое влияние и энергичность, сам Хасан Кучак был слишком молод (ему в это время было около двадцати лет), поэтому вряд ли сумел бы убедить других эмиров, включая и собственных родственников, поддержать его в борьбе за власть. Действуя же от имени своего «отца», который уже в 1320-е годы был достаточно влиятельным сановником (наместником ильхана в Руме – Малой Азии), он мог с большим успехом достичь своей цели. Однако годом позже лже-Тимур-Таш, убедившись, что многие принимают его за настоящего эмира, выступил против своего «сына», который в любой момент мог его разоблачить, попытался убить его, но попытка оказалась неудачной, и самозванцу пришлось бежать. Хасан Кучак тут же объявил, что на самом деле это никакой не его отец, а «туркманский нищий», причем нисколько не смущаясь признал: «Это дело (объявление самозванца Тимур-Ташем. – *Р. П.)*было моей хитростью». Самозванец бежал в Тебриз, где объединился с ойратскими эмирами, которые, несмотря на разоблачение, сочли возможным поддержать его претензии, надеясь, что это поможет им в борьбе за власть. В самом деле вскоре ойратам, действуя от его имени, удалось взять под контроль Багдад и практически весь Ирак. Однако и с ними у авантюриста возникли разногласия, он попытался спастись бегством, но был схвачен и казнен в 1339 г. [Хафиз Абру, 2011, с. 159–162].

Кстати, тот же Хасан Кучак чуть позднее, на рубеже 1330–1340-х годов, держал при своем дворе некоего «мальчика неизвестного рода и племени», которого сам он провозгласил царевичем Абу-л-Хайром: такой царевич действительно существовал, он был сыном ильхана Олджайту, но умер в детстве. Эмир намеревался использовать его в качестве «альтернативного» кандидата на трон на тот случай, если с его ставленником, ильханом Сулейманом, что-то произойдет. Однако сам Сулейман выразил неудовольствие наличием претендента, тем более явно фальшивого – ведь в живых еще было много представителей

знати, помнивших о смерти настоящего Абу-л-Хайра. Поэтому, чтобы не вызвать новой смуты среди своих сторонников, Хасан Кучак отправил мальчика к Сулейману, который приказал его умертвить [Хафиз Абру, 2011, с. 171].

В Индии, при дворе делийского султана Мухаммада Тоглука на рубеже 1330–1340-х годов появился человек, выдававший себя за чагатайского хана Тармаширина, свержение которого в 1334 г. положило начало длительной междоусобице в Чагатайском улусе. Хан был в том же году убит своим племянником Янги, однако это по понятным причинам не стало достоянием широкой гласности и дало возможность самозванцу утверждать, что он, Тармаширин, якобы спасся. Причем, согласно рассказу Ибн Баттуты, его признали сначала лекарь, некогда лечивший настоящего хана, а затем родные сын и дочь Тармаширина. Однако подданные индийского монарха внушили ему, что если к человеку, выдавшему себя за хана, начнут стягиваться подданные из Чагатайского улуса, то они могут представлять опасность и для самого султана. В результате Мухаммад Тоглук велел самозванцу покинуть его двор. После долгих странствий тот оказался в Фарсе у местного правителя Абу Исхака Инджу, который и дал ему убежище [Ибрагимов, 1988, с. 87–90] (см. также: [Грачев, 2005, с. 95]).

В 1361 г. в Золотой Орде при поддержке ряда влиятельных эмиров появился «неизвестный человек», выдававший себя за Кильдибека, одного из внуков знаменитого Узбек-хана. Появление претендента вызвало удивление, поскольку было известно, что Кильдибек был убит во время захвата власти Бердибеком в 1357 г. или чуть позже [СМИЗО, 1941, с. 129; Утемиш-хаджи, 1992, с. 113]. Однако многие из непосвященных в заговор все же поверили в его «чудесное спасение». Скоро они поплатились за свою доверчивость: когда лже-Кильдибек захватил трон, многие влиятельные сановники поспешили к его двору, чтобы изъявить верность, но самозванец, боясь, что многие из них знали настоящего Кильдибека и могут разоблачить его, приказал их устранить [СМИЗО, 1941, с. 129] (см. также: [Григорьев, 2004, с. 144–145]). Результатом стало то, что от него отшатнулись даже те, кто изначально поддерживал самозванца, и вскоре он погиб в очередной междоусобице (подробнее см.: [Почекаев, 2012, с. 151–153]). Сам факт упоминания его «самозванства» в русских летописях и восточных исторических сочинениях, на наш взгляд, очень показателен: по-видимому, кому-то из столичных аристократов все же удалось уцелеть и разоблачить лже-Кильдибека.

Настоящий «бум самозванцев» имел место в Бухарском

ханстве на рубеже XVI–XVII вв. Он был связан с тем, что многие члены правящей династии Шайбанидов к этому времени погибли сначала от рук хана Абдаллаха II, стремившегося устранить всех удельных правителей и объединить ханство под своей властью, а затем – от рук его сына и наследника Абд ал-Муминам, который решил избавиться от всех остальных претендентов на трон. В результате в 1580–1600-е годы появилось несколько авантюристов, выдававших себя за «чудесно спасшихся» Шайбанидов.

В 1588 г. в Ташкенте, лишь недавно перешедшем под контроль Абдаллах-хана II, вспыхнуло восстание его противников – узбекских султанов-Шайбанидов, которые заключили союз с казахскими султанами и выступили против хана. В противовес Абдаллаху восставшие выдвинули собственного претендента на трон казахского султана Джан-Али, внешне похожего на бывшего ташкентского правителя Баба-султана (Баба-хана), который до самой своей смерти в 1582 г. был наиболее упорным противником и опасным соперником Абдаллаха II в борьбе за верховную власть. Однако бухарскому хану удалось вовремя мобилизовать свои силы, и мятежники потерпели поражение [Абусеитова, 1985, с. 77–80; Абусеитова, Баранова, 2001, с. 265–266]. Этот пример интересен тем, что это, кажется, единственный случай, когда один потомок Чингис-хана выдавал себя за другого – пусть даже и более влиятельного.[162]

Примерно в то же время, в конце 1580-х годов, каракалпакские вожди, воспользовавшись междоусобной борьбой в Бухарском ханстве, провозгласили ханом некоего самозванца, выдав его за недавно скончавшегося Шайхим-султана (внука бухарского хана Абу Саида из династии Шайбанидов). Самозванец около года боролся за ханский трон, совершив в союзе с каракалпаками и казахским Абу-Лайс-султаном несколько походов в окрестности Самарканда. Однако в конце концов «ложь его стала явной, [и] ему отрезали голову подобно барану и избавили себя от [источника] того беспокойства» [Юдин, 1988, с. 208; 2001*б*, с. 58–59].

На рубеже XVI–XVII вв. династия Шайбанидов была свергнута своими соперниками – Аштарханидами. В условиях смутного времени появилось еще несколько самозванцев, выдававших себя за уцелевших членов этой династии. В 1601–1602 гг. в Фергане сторонники Шайбанидов выдвинули нескольких самозванцев, объявив их сыновьями Абд ас-Саттар-султана б. Баба-хана, который, как и его отец, был убит в 1580-е годы Абдаллахом II. Им удалось нанести поражение балхскому правителю Вали-Мухаммаду Аштарханиду, после чего они двинулись на Ташкент

и отбили его у казахских султанов. Однако на помощь последним явились их родственники, которые перебили армию самозванцев, погибших в сражении [Абусеитова, Баранова, 2001, с. 196–197; Юдин, 1988, с. 211–212].

Чуть позднее, в 1603 г., еще один самозванец, выдававший себя опять же за сына Баба-хана – на этот раз Абд ал-Гаффара (настоящий Абд ал-Гаффар был убит несколькими годами ранее казахским Таваккул-Мухаммад-ханом), был возведен в ханы каракалпаками в противовес казахским Чингисидам. В течение двух лет лже-Абд ал-Гаффар правил каракалпаками, а затем овладел Ташкентом, Туркестаном, Саураном и другими областями, успешно противостоя натиску казахских ханов Бахадура и Ишима. Лишь в 1605 г. казахские предводители

> пришли близко к Ташкенту с целью [напасть на] Абд ал-Гаффар-султана, схватили некоего человека и выяснили истинное положение Абд ал-Гаффара.

После этого Ишим-хан, внезапно напав на ставку самозванца, покончил с ним [Абусеитова, Баранова, 2001, с. 199–200; Юдин, 1988, с. 213–214] (см. также: [Султанов, 2006, с. 113]).

В 1694 г. молодой хивинский хан Эренг-Мухаммад из династии Арабшахидов погиб во время конной прогулки, упав с лошади (по крайней мере такова была официальная версия его смерти). Его мать, туркменка Токта-ханым, чтобы не упустить из рук власть, возвела на престол сына своего старшего брата, приходившегося, соответственно, двоюродным братом покойному хану и очень похожего на него. Около года он пребывал на троне под именем Эренг-хана, но вскоре узбекскую знать Хивинского ханства насторожило то, что хан стал оказывать покровительство туркменам, а узбеков подверг гонениям. Они восстали против самозванца, убили его и казнили Токта-ханым [МИТТ, 1938, с. 330–331; Munis, Agahi, 1999, p. 52–53] (см. также: [Султанов, 2006, с. 113–114]).

Уже во второй половине XIX в. самозванчество оказалось востребованным еще в одном узбекском ханстве Средней Азии – Кокандском. В 1862 г. предводители влиятельного племени кипчак и примкнувшие к ним киргизы подняли восстание против правившего тогда хана Худояра и провозгласили своим предводителем некоего Сарымсака, которого объявили Шахрухом, сыном хана Мухаммада-Али (правление 1822–1842 гг.). Однако вскоре, в 1863 г., сами же мятежники нашли другого претендента на трон – Султан-Сайида, сына Малла-хана (правление 1858–1862 гг.), который хотя и был несовершеннолетним, но зато несомненным потомком ханского рода, а лже-Шахруха сами же и

убили [Бейсембиев, 2009, с. 231].[163]

Наконец, последний известный нам пример, когда самозванец выдавал себя за представителя правящего рода, имел место в том же Кокандском ханстве, где в 1873–1876 гг. поднял восстание самозванец, выдавший себя за представителя правящей династии Минг – Пулад-хана, внука Алим-хана, первого правителя Коканда, принявшего ханский титул. Примечательно, что сначала противники Худояр-хана намеревались сделать своим предводителем и претендентом на трон настоящего Пулада, но тот спокойно проживал в Самарканде и отказался от предложения, поскольку не доверял заговорщикам и поддерживавшим их киргизам. Получив его отказ, заговорщики цинично заявили:

> [Потом] как только наше [дело] благополучно завершится, какой-нибудь хан найдется [Бабаджанов, 2010, с. 287–288; Корытов, 1902, с. 21–22],

в связи с чем можно предположить, что и этого потенциального претендента с большой вероятностью ожидала судьба вышеупомянутого Шахруха-Сарымсака в случае привлечения на сторону мятежников более легитимного претендента. Тем не менее, заехав по пути в Ташкент, они нашли подходящего претендента, которого и объявили Пулад-ханом [Бейсембиев, 1987, с. 26; Хасанов, 1977, с. 65; Schuyler, 1876, p. 348 (n. 1)]. В действительности же это был уроженец киргизского племени бостон по имени Мулла Исхак б. Мулла Хасан, мелкий торговец табаком [Корытов, 1902, с. 19–20].

Вскоре многие киргизские подданные кокандских ханов признали нового претендента на престол. Худояр-хан отправил против самозванца пятитысячный отряд, который перешел на сторону лже-Пулад-хана. Претендент во главе своих сил двинулся в сторону Коканда. В отчаянии хан призвал на помощь туркестанского генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана, однако это вызвало возмущение даже среди его сторонников, немедленно составивших заговор в пользу Наср ад-Дина, старшего сына Худояра. Взвесив все обстоятельства, Кауфман сам порекомендовал хану отречься от трона в пользу своего первенца. Однако самозванец обратил оружие и против нового хана, заставив его, подобно отцу, бежать из Коканда. В результате к концу 1875 г. под властью самозванца находилась вся восточная половина Кокандского ханства, и он мог выставить до 100 тыс. воинов для завоевания оставшейся части [Хасанов, 1977, с. 65–84].

Поскольку самозваный хан не только действовал против

легитимных властей Коканда, но и объявил «священную войну» против русских, власти Туркестанского края, наконец, решили напрямую вмешаться в дела ханства. В декабре 1875 г. экспедиция под командованием полковника (впоследствии генерала) М. Д. Скобелева выступила против восставших, которые после ряда поражений стали разбегаться, несмотря на то что лже-Пулад-хан пытался навести в своих войсках порядок даже показательными казнями. В январе 1876 г., восстановив на троне Наср ад-Дина, русские войска нанесли окончательное поражение самозванцу, который бежал, но вскоре был схвачен родственниками казненных им военачальников и выдан царским войскам. Учитывая, что самозванец бросил вызов не только кокандскому трону, но и Российской империи, он был судим военным судом в Маргелане и приговорен к повешению в феврале 1876 г. [Бартольд, 1965*а*, с. 397–398; Корытов, 1902, с. 34–40; Хасанов, 1977, с. 84–88]. Однако его движение в конечном счете привело русские власти к мысли о нецелесообразности дальнейшего существования Кокандского ханства, и оно было ликвидировано в том же году.

§ 2. Самозванцы, выдававшие себя за вымышленных членов правящих семейств

Авантюристы, выдававшие себя за представителей правящих династий, в действительности не существовавших, были не так многочисленны, как те, у кого имелись реальные «прототипы», известны всего лишь несколько подобных претендентов на власть.

В 1558 г. в городе Чарджуй, входящем в состав Бухарского ханства, появился некий «сайид-заде», который выдавал себя за сына Бурхан-султана (Шах-Бурхан-хана) – шайбанидского правителя Бухары, умерщвленного своим родичем Абдаллахом II годом раньше. Чарджуй к этому времени был только что взят бухарским ханом, и противников его власти в городе оставалось довольно много. Они-то и решили сделать правителем мнимого султана, выдав его за сына одного из влиятельных противников Абдаллаха.[164] Ханский наместник в Чарджуе был убит, а самозванец посажен на трон. Однако хану не пришлось даже беспокоиться о самозванце: его сторонники в самом городе выступили против бунтовщиков и перебили их, и новому наместнику оставалось лишь вступить в город и восстановить порядок [Хафиз-и Таныш, 1983, с. 225].

Другой известный случай подобного самозванства также имел место в Бухарском ханстве, но в гораздо более поздний период – в эпоху смуты, начавшейся после смерти Абдаллаха II в

1598 г. Его сын и наследник Абд ал-Мумин-хан, как уже упоминалось, перебил большое количество своих родственников, в которых видел соперников в борьбе за трон. Многие из уцелевших Шайбанидов, естественно, сочли такие действия хана преступными и отказались повиноваться ему, закрепившись в своих уделах в качестве самостоятельных правителей. Вскоре Абд ал-Мумин был убит, однако удельные правители, почувствовав вкус независимости, отказались повиноваться и сменившему его на троне Пир-Мухаммаду II. В этих условиях в Балхе (втором по значению городе Бухарского ханства) ханом был провозглашен некий Абд ал-Амин под именем Исфанд-султана. Он был объявлен сыном Ибадаллах-султана, брата Абдаллаха II, хотя было известно, что у этого султана был единственный сын – Ядгар-Мухаммад-султан, который умер в возрасте трех или четырех лет еще при жизни своего отца. Однако это обстоятельство не смутило балхских эмиров, и они объявили семнадцатилетнего претендента законным наследником Ибадаллах-султана, вдова которого, Джахан-ханум, подтвердила происхождение Исфанд-султана [Ахмедов, 1982, с. 97–98; 1985, с. 105] (см. также: [Систани, 2000, с. 477–478 (примеч. 622)]).

В течение трех лет самозванец удерживал власть над Балхом, Кундузом и другими областями, не подчиняясь бухарским ханам и чеканя собственную монету. Однако в конце концов в 1601 г. он пал жертвой заговора, составленного при прямой поддержке персидского шаха Аббаса I Сефеви, который возвел на балхский трон своего ставленника – Мухаммад-Ибрахим-хана, в шайбанидском происхождении которого сомнений не было [Ахмедов, 1994, с. 163–164].

Довольно неопределенные и противоречивые сведения сохранились еще об одном самозванце, действовавшем во время башкирского восстания 1704–1711 гг. против русских властей. В 1707–1708 гг. одним из предводителей восставших был некий Мурат Кучуков, являвшийся, согласно расследованиям российских чиновников, уфимским уроженцем, т. е. башкиром, и одним из реальных руководителей восстания [Ахмадов, 2002, с. 181, 3 47]. Однако чтобы усилить свое влияние по сравнению с другими вождями восставших, он стал выдавать себя за царевича-Чингисида под именем Султан-Мурада, или Султана-Хаджи.

Интересно отметить, что, похоже, сами башкиры не очень-то понимали на родство с какой ветвью «золотого рода» претендовал самозванец. По одним данным, он выдавал себя за сына сибирского царевича Кучука – последнего потомка Кучума, предъявлявшего претензии на трон Сибирского ханства [Лемерсье-Келькеже, 2009, с. 263; Трепавлов, 2012, с. 123].

Некоторые косвенные данные позволяют предположить, что он претендовал на связь с северокавказской ветвью крымского правящего рода Гиреев [Акманов, 1993, с. 144–145]. Наконец, по еще одной версии он считался сыном каракалпакского хана Кучука [Сабитов, 2008, с. 79; Сень, 2009, с. 166–167]. К тому же, окончательно запутывая самих участников восстания и следствие, начавшееся после его подавления, он именовал себя «прямым башкирским салтаном», кроме того, среди восставших стали распространяться слухи, будто он еще и святой, а видеть его могут лишь наиболее высокопоставленные вожди восставших [Акманов, 1993, с. 146–147; Ахмадов, 2002, с. 347].

Самозванец вел активную дипломатическую деятельность, стараясь привлечь к участию в восстании народы Северного Кавказа (добиваясь и их признания его власти как потомка Чингис-хана), а также вел переговоры с Крымским ханством и Османской империей о переходе башкир в их подданство. Однако его сомнительный статус вызвал настороженное отношение со стороны этих монархов, и его поездки в Бахчисарай и Стамбул оказались неудачными. А по возвращении он потерпел поражение в бою с русскими войсками, был ранен, взят в плен и казнен в Казани [Лемерсье-Келькеже, 2009, с. 263; Трепавлов, 2012, с. 123].

Трудно определить причину, по которой самозваные претенденты на трон выдавали себя за правителей, никогда не существовавших. Вряд ли они и поддерживавшие их влиятельные деятели слишком плохо разбирались в генеалогии Чингисидов. Скорее, напрашивается обратное объяснение: они прекрасно разбирались в семейных взаимоотношениях «золотого рода», отлично знали, кто из его представителей жив, кто умер, чтобы рисковать, выдавая претендента за лицо, о смерти которого было известно. Принимая во внимание разнообразие семейных связей (взятие в жены вдов и, соответственно, усыновление их детей от предыдущего брака, признание законными детей от наложниц, усыновление дальних родственников бездетными владетельными Чингисидами и т. д. (см., напр.: [Сабитов, 2008, с. 70–71])), можно было надеяться, что население с доверием примет информацию о ранее неизвестном потомке Чингис-хана и поддержит его претензии на власть.

§ 3. Претенденты на трон с сомнительным происхождением

Эта группа претендентов на трон, вернее даже правителей, может быть отнесена к самозванцам с некоторой натяжкой: их

происхождение вызывало сомнение у современников, однако прямых оснований считать их самозванцами не имелось.

Первые обвинения претендентов на трон и правителей в самозванстве такого рода появляются уже в работах историков персоязычных авторов XIV в., повествующих о событиях междоусобной борьбы в Иране в последние годы правления династии Хулагуидов. Как уже упоминалось выше, после смерти ильхана Абу Саида в 1335 г. к власти пришел Арпа-хан, потомок Арик-Буги (брата Хулагу), пытавшийся укрепить свое право на трон путем женитьбы на Сатибек – сестре Абу Саида. В качестве «дополнительного средства легитимации» он уничтожил всех имеющихся в Иране царевичей-Чингисидов, которые, подобно ему, могли выступить претендентами на трон. Согласно Хафизу Абру, Арпа-хан —

> мальчика из рода Конкуртая ибн Хулагу… с двумя другими царевичами, также из рода Хулагу-хана, [не заслуживающих] упоминания, приказал задушить.

Та же судьба вскоре постигла еще одного отдаленного родича:

> Из Маверанахра царевич Таваккул-Кутлуг из рода Угедей-каана ибн Чингис-хана с двумя сыновьями… укрепился в этой стране. [Когда] он с сыновьями прибыл в ставку, Арпа Ке'ун посчитал их более достойными падишахства, [чем он сам] и не простил им этого (убил их) [Хафиз Абру, 2011, с. 147].

Как видим, потомок Арик-Буги постарался уничтожить всех потомков боковых ветвей Хулагу и даже представителей других ветвей Чингисидов, весьма обоснованно полагая, что, коль скоро он сам сумел воссесть на трон, то и они могут последовать его примеру.

О том что в результате действий Арпа-хана не осталось более-менее законных претендентов на престол, мы также упоминали. В результате на трон претендовали различные лица, которые вряд ли решились бы на это при наличии законных наследников: Сатибек, сестра Абу Саида, которую как законную наследницу трона поддержали предводители племени сулдуз во главе с эмиром Хасаном Кучаком (он приходился внуком могущественному эмиру Чопану, бывшему первым мужем Сатибек), возведя ее в 1337 г. на трон в качестве «правосудной султанши» [Mernissi, 2006, p. 105] (см. также: [Почекаев, Почекаева, 2012, с. 118]); Туга-Тимур, потомок Хасара, брата

Чингис-хана. Тем не менее несмотря на то что практически все царевичи Хулагуиды были вырезаны Арпа-ханом, в течение 1336–1339 гг. влиятельные иранские эмиры выдвинули ряд претендентов, провозгласив их членами рода Хулагу. Так, ильхан Муса, согласно средневековым персидским авторам, был человеком лет сорока, который занимался торговлей тканями; однако могущественный эмир Али-падшах из племени ойрат провозгласил его сыном Али б. Байду и возвел на трон ильханов [Melville, 1999, p. 46]. Абу Бакр Ахари замечает, что «кроме имени у него ничего не было» [Ахари, 1984, с. 112]. Его сменил на троне некий

> ребенок по имени Пир Хусейн из рода Анбарчи, которого нарекли Мухаммад-ханом.

Официально Мухаммад-хан считался сыном Йулкутлуга б. Ил-Тимура б. Анбарджи б. Менгу-Тимура б. Хулагу, причем его «назначил на царство» (sic! – *Р. П.)*Хасан Бузург из династии Джалаиров [Ахари, 1984, с. 113; Шараф-хан, 1976, с. 67].[165] Хасан Кучак, возведший Сатибек на трон, в силу ряда причин перестал ей доверять (подробнее см.: [Почекаев, Почекаева, 2012, с. 119–120]) и, стремясь противопоставить ильханам из дома Хулагу, провозглашенным его соперником Хасаном Бузургом,

> нашел одного человека по имени Илйас. Говорили, что он [один] из детей Сукая (Сукай – сын Юшмута, одного из младших сыновей Хулагу. – *Р. П.)*. Он дал ему имя Сулейман-хана и возвел на трон. [Правду] знает Аллах [Ахари, 1984, с. 118].

Мухаммад-хан был разгромлен своим соперником Сулейманом и убит, а на его место Хасан Бузург посадил на трон некоего Изз ад-Дина под именем ильхана Джахан-Тимура б. Алафранга б. Кейхату-хана, которого вскоре сам же и сверг, объявив ханом себя самого. В «Родословии тюрков», сочинении XV в., Джахан-Тимур вообще назван эмиром, т. е. не членом ханского рода Чингисидов [Shajrat, 1838, p. 328]. Наконец, уже в 1344 г., после смерти Сулейман-хана, брат и преемник Хасана Кучака, Малик Ашраф,

> привел одного [человека] из племени торклийан, посадил на трон и велел читать в Арране хутбу с упоминанием его имени. Кроме имени Ануширван у того ничего больше не было [Ахари, 1984, с. 122].[166]

Как видим, средневековые авторы дают понять, что сомневаются в том, что эти претенденты на трон действительно принадлежали к роду Хулагу. Однако нельзя не учитывать то обстоятельство, что эти сомнения призваны отразить позицию заказчиков произведений – правителей из рода Джалаиров, узурпировавших, как мы помним, власть в Иране у потомков Чингис-хана. Естественно, причислить себя к потомкам Чингис-хана Джалаиры не могли (хотя по материнской линии и имели частичку чингисидской крови), зато обвинить в самозванстве тех, кого они свергли, у них была возможность. А исторические сочинения на Востоке всегда были прекрасным инструментом для продвижения политических идей, в том числе и для обоснования прав на верховную власть [Султанов, 2005, с. 35].

В 1347 г. в Могулистане (восточной части Чагатайского улуса, фактически отделившейся от западной, Мавераннахра, в результате смуты, начавшейся в середине 1330-х годов) могущественный эмир Пуладчи из рода Дуглат решил провозгласить собственного хана, в качестве какового возвел на трон 17-летнего Тоглук-Тимура. Юноша считался сыном одного из могульских эмиров по имени Шировул. Однако по утверждению Пуладчи, супруга эмира ранее была наложницей чагатайского царевича Эмиль-Ходжи б. Дувы-хана, после смерти которого, будучи уже беременной от него, вышла замуж за Шировула [Муизз, 2006, с. 51]. Однако по другой, более романтической, версии, отцом будущего хана был не царевич Эмиль-Ходжа, а его брат – Эсен-Буга-хан, причем его наложница, мать Тоглук-Тимура, вышла замуж не после его смерти, а была отдана своему будущему мужу насильно супругой Эсен-Буги, позавидовавшей тому, что наложница беременна от хана, тогда как она, законная жена, остается бездетной [Абуль-Гази, 1996, с. 90–91; Мирза Хайдар, 1996, с. 25–26] (см. также: [Пантусов, 1910, с. 177–179; Караев, 1995, с. 46–47]).

Думается, противоречивые сведения могут отражать сомнение в чингисидском происхождении основателя Могулистана. Однако поскольку могущественный эмир Пуладчи официально объявил Тоглук-Тимура потомком Чингис-хана, никто не осмелился ему противоречить, а некоторое время спустя озвученная эмиром версия превратилась в факт, который «весь народ знал» [Бартольд, 1943, с. 65; Султанов, 2006, с. 177–178]. И впоследствии это позволило Тоглук-Тимуру претендовать на трон не только Могулистана, но и Мавераннахра: в течение ряда лет он старался объединить весь Чагатайский улус под своей властью. Да и в отношении прав на трон его потомков, управлявших Могулистаном до конца XVII в., ни разу не высказывалось

сомнений. Правда, сам Тоглук-Тимур, по-видимому, все же считал свое положение несколько ненадежным – именно по этой причине он решил опереться на поддержку влиятельного сословия мусульманского духовенства, и уже в первые годы своего правления стал принимать активные меры по распространению (если не сказать насаждению) ислама в Могулистане [Абуль-Гази, 1996, с. 91–92; Мирза Хайдар, 1996, с. 27–31], тем самым обеспечив духовенству настолько высокий авторитет, что именно его представители, по иронии судьбы, в конце концов отобрали могульский трон у потомков Тоглук-Тимура!

Есть некоторые основания считать, что современники выказывали сомнения в чингисидском происхождении одного из первых узбекских ханов – Ядгара. В 1457 г. он был возведен на престол соперниками правившего в то время хана Абу-л-Хайра, после смерти которого в 1468 г. был признан в ханском достоинстве также и сторонниками последнего. Однако при возведении Ядгара на трон они заявили:

> В конце концов будет [вновь] зажжен светильник династии Чингис-хана [МИКХ, 1969, с. 98].

Получается, что самого Ядгара они членом династии Чингис-хана не считали? Дело в том, что Ядгар, приходившийся своему предшественнику Абу-л-Хайру троюродным племянников, как и Тоглук-Тимур-хан, родился так же после смерти своего официального отца, Тимур-Шейх-оглана, и его матери пришлось убеждать подданных, что ребенок и в самом деле является сыном ее покойного супруга [Абуль-Гази, 1996, с. 105–106]. Тем не менее потомки Ядгара в начале XVI в. стали монархами независимого Хивинского ханства и занимали хивинский трон еще во второй половине XVIII в.

Еще раз подчеркнем, что сомнения в законности происхождения того или иного претендента на трон, его принадлежности к ханскому роду возникали преимущественно по политическим причинам. По этим же причинам поддерживающие их кланы старались не давать хода этим сомнениям, поскольку действия от имени Чингисидов (пусть даже и сомнительных) давали им широкие возможности по захвату владений и ведению завоевательных войн, в том числе и с другими Чингисидами, действовать против которых от собственного имени влиятельные эмиры и военачальники не имели права: в соответствии со степной политико-правовой идеологией это являлось мятежом против «природных» государей.

§ 4. Особые случаи самозванства

Некоторые случаи самозванства в тюрко-монгольских государствах не вписываются ни в один из вышерассмотренных видов, поэтому мы выделяем их особо.

Самозванство или нет? В середине XVI в. мервский хан Абу-л-Мухаммад из династии хивинских Арабшахидов (потомков вышеупомянутого Ядгар-хана) лишился единственного сына, погибшего в сражении с персидскими кызылбашами. Поскольку других наследников у хана не было, его владение после его смерти должно было перейти к представителям другой ветви рода. Тогда ханские приближенные отыскали некую цыганскую танцовщицу, которая утверждала, что родила ребенка от хана. Ребенок был доставлен к Абу-л-Мухаммаду, который официально признал его своим сыном.

После смерти Абу-л-Мухаммада ок. 1567 г. этот ребенок вступил на престол под именем Нур-Мухаммад-хана (Нурум-хана), хотя многие хивинские султаны отказывались признавать его законным потомком Чингис-хана и презрительно именовали «Лули-бече», т. е. цыганенком. Впрочем, несмотря на постоянные покушения на его власть со стороны султанов-Арабшахидов, он в течение длительного времени (более 20 лет) удерживал власть над Мервом, пользуясь поддержкой со стороны бухарского хана и персидского шаха. Лишь в начале 1590-х годов под натиском бухарских войск он покинул пределы Хивинского ханства и остаток жизни провел в эмиграции при дворе персидского шаха [Абуль-Гази, 1996, с. 135; Бартольд, 19635, с. 600].

Таким образом, в данном случае речь идет не совсем о самозванстве, поскольку именно сам хан, потомок «золотого рода», официально признал ребенка своим сыном. Такая процедура, в какой-то мере близкая акту усыновления, была широко распространена в средневековой Европе под названием «легитимации» и использовалась для того, чтобы дети, родившиеся вне брака, не считались незаконными, поскольку последние не имели никаких прав и не могли рассчитывать на более-менее приличное положение в обществе. Многие легитимированные «бастарды» становились владетельными князьями, а в средневековой Италии – даже и государями, основателями династий.

Следующий пример также довольно трудно классифицировать как самозванство, поскольку претенденты на трон не предъявляли прав сами, а явились в какой-то степени разменной монетой в руках различных политических сил.

В конце XVI в. одна пленная полячка (по некоторым

преданиям едва ли не из рода Потоцких) в ханском гареме родила сына, отцом которого объявила Фатх-Гирея, который в 1596 г. занимал крымский трон, но вскоре был смещен и казнен своим братом Гази-Гиреем П. Однако сам Фатх-Гирей свое отцовство отрицал и повелел отправить ребенка в Ак-Мечеть, где тот был отдан на воспитание одному из местных пастухов, за что впоследствии и сам получил прозвище Мустафа-чобан, т. е. пастух Мустафа. Никаких попыток претендовать на родство с ханским домом он, естественно, и не предъявлял, однако в 1623 г. хан Мухаммад-Гирей III приказал вызвать его в Бахчисарай и официально подтвердил принадлежность бывшего пастуха к роду Тиреев, повелев отныне именоваться Девлет-Гиреем. А вскоре назначил его своим нураддин-султаном – вторым наследником после калга-султана (этот пост занимал ханский брат Шахин-Гирей). Столь странные действия хана объясняются тем, что он вступил в конфронтацию со всеми остальными представителями своего семейства, которые отказались ему повиноваться, покинули ханство и пребывали при дворе османского султана. Поэтому ему практически поневоле пришлось признать своим родичем Мустафу-чобана [Смирнов, 2005а, с. 365; Халим Гирай, 2004, с. 57–58] (см. также: [Гайворонский, 2009, с. 87–88]).

Впрочем, вскоре после получения поста нураддин-султана новоявленный Девлет-Гирей погиб в бою с турками, владычество которых пытался сбросить его покровитель-хан. Однако после этого невольного самозванца осталось двое сыновей, при рождении получивших имена Кул-Булад и Чул-Булад, переименованные, соответственно, в Фатх-Гирея и Адил-Гирея. Этих новоявленных царевичей остальные члены ханского семейства презрительно именовали «Чобан-Гиреями» и своими родственниками не считали. Поэтому ничего удивительного, что после свержения своего благодетеля Мухаммад-Гирея III в 1628 г. они перебрались в Османскую империю, султан которой признал их членами рода Гиреев.

А в 1666 г. Адил-Гирей, к негодованию всего крымского правящего семейства, был возведен на трон в Бахчисарае. Султан Мехмед IV назначил его ханом, тем самым показывая гордым крымским Чингисидам, что он имеет полное право даровать ханский титул кому пожелает – независимо от происхождения. Таким образом, этот предположительно самозваный Чингисид оказался на троне исключительно благодаря вмешательству влиятельной внешней силы – турецкого султана, являвшегося сюзереном Крымского ханства. Поскольку хан, чингисидское происхождение которого многими оспаривалось, занял трон

исключительно по милости османского монарха, он волей-неволей должен был сохранять лояльность своему сюзерену в отличие от природных Гиреев, имевших легитимные права на ханский титул, влиятельных сторонников и многочисленные войска в Крыму. Адил-Гирей был вынужден лавировать между своими турецкими покровителями и могущественными крымскими аристократами, но в итоге все-таки вызвал неудовольствие турецкого султана, был низложен и умер год спустя в ссылке [Смирнов, 2005а, с. 412–417] (см. также: [Гайворонский, 2004, с. 39–40]).

Дважды самозванец: Карасакал. Одним из наиболее ярких и нетипичных, на наш взгляд, примеров самозванства является башкир Миндигул Юлаев, более известный под прозвищем Карасакал, т. е. «чернобородый» [Садалова, 2006, с. 26–28] (ср.: [Таймасов, 2004, с. 67]). На протяжении ряда лет он умудрялся выдавать себя за двух разных претендентов на трон, причем сначала за Чингисида, а потом за представителя джунгарского ханского семейства!

Его карьера началась в 1739 г. во время очередного башкирского восстания, когда он объявил себя ханом Султан-Гиреем. Причем, как и его предшественник Мурат Кучуков, также весьма неопределенно отзывался о своем происхождении, называя себя потомком то крымского ханского рода, то сибирского хана Кучума [Корниенко, 2011, с. 160–161; Садалова, 2006, с. 26]. Подобно тому же Мурату Кучукову, он старался использовать свое «происхождение» для укрепления власти над восставшими, а также для привлечения к антироссийскому восстанию тюркских народов Крыма, Кавказа, Кубани, а также казахов. При этом для нахождения общего языка с представителями разных народов он и самого себя называл то кубанцем, то «турченином», то ногайцем, демонстрировал хорошее знание основ ислама, а также личную храбрость.

Восстание в Башкирии было подавлено в 1739 г., однако сам Карасакал со своими приверженцами оказывал имперским войскам сопротивление еще и в следующем году, продолжая находить приверженцев – несмотря на то что русские власти достаточно быстро установили его подлинное имя и распространяли эту информацию среди башкир, призывая не поддаваться на посулы самозванца [Корниенко, 2011, с. 167]. Тем не менее под натиском превосходящих сил противника он все же был вынужден скрыться и найти убежище в казахском Младшем жузе у уже неоднократно упоминавшегося хана Абу-л-Хайра. И вот тут-то он примерил на себя другую ипостась – уже не султана-Чингисида, а ойратского князя Лубсан-Шоно. Последний был

сыном джунгарского правителя Цэван-Рабдана и соперничал за трон со своим братом Галдан-Цэреном, который настраивал отца против него и в конце концов, в 1725–1726 гг., заставил бежать в Калмыцкое ханство. Лубсан-Шоно пытался добиться поддержки калмыков и российских властей в борьбе за трон Джунгарии, но не преуспел в этом и умер в Калмыкии в 1732 г. [Златкин, 1964, с. 235–237; Колесник, 2003, с. 124–125, 129–130; Садалова, 2006, с. 8–22].[167] Почему же Карасакал решил так резко сменить «ипостась» и выдавать себя уже не за вымышленного потомка «золотого рода», а за покойного джунгарского царевича?[168] Ведь он даже не знал монгольского языка и к тому же был мусульманином, а не буддистом по вероисповеданию. Причины такой резкой смены его претензий, по-видимому, следует объяснить двумя соображениями. Во-первых, он, вероятно, надеялся сбить с толку имперскую администрацию, которая преследовала его как самозваного султана-Чингисида и, вероятно, не стала бы искать под другим именем. Однако даже если у него и было такое намерение, российские власти провести не удалось: уже в начале 1740-х годов они знали, что в казахских степях скрывается именно башкирский бунтовщик Карасакал, только теперь претендующий на имя «Суны», т. е. Шоно, и настоятельно требовали от казахских султанов его выдачи [Материалы, 2002, с. 654; Садалова, 2006, с. 32–33].

Вероятно, именно с опасностью выдачи была связана и вторая причина «метаморфозы», произошедшей с Карасакалом: он понадеялся, что если выдаст себя за претендента на джунгарский трон, казахские султаны будут заинтересованы в нем как в средстве дипломатического воздействия на Джунгарское ханство. Учитывая возросшую в этот период напряженность между казахскими и ойратскими правителями, периодически проявлявшуюся во взаимных набегах друг на друга [Ерофеева, 2007, с. 326 и след.], такая позиция выглядела достаточно перспективной. Казахи и в самом деле попытались его использовать: в 1741 г. Карасакал во главе отряда воинов вторгся в Джунгарию, однако лишь успел разграбить несколько пограничных кочевий, после чего на него обрушилось многочисленное войско Галдан-Цэрена, и самозванцу пришлось бежать. Больше попыток активно бороться за джунгарский трон он не предпринимал, но даже и этот его незначительный рейд вызвал новое обострение джунгарско-казахских отношений и вторжение ойратов в казахские земли, и только вмешательство российских властей предотвратило попадание Среднего жуза под контроль Джунгарии [Моисеев, 1991, с. 118;Чимитдоржиев, 1979, с. 43–46] (см. также: [Абуев, 2012, с. 115; Корниенко, 2011, с.

169]).

Тем не менее положение Карасакала среди казахов после его поражения не ухудшилось: султаны-Чингисиды оказывали ему гостеприимство, даря скот и имущество, выделяя воинов для охраны. Казахи настойчиво отвергали все требования и джунгар, и русских о выдаче самозванца, продолжая по-прежнему питать надежды, что смогут использовать его для разжигания междоусобной борьбы в Джунгарском ханстве. Эти надежды подкреплялись тем, что со временем к самозванцу стали перебегать и сами джунгары, недовольные своим правителем, причем демонстративно «признавали» в нем Лубсана-Шуно. Показателен следующий эпизод: в 1742 г. в плен к Галдан-Цэрену попал казахский султан Аблай (будущий последний хан всего Казахского ханства), и джунгарский правитель потребовал в обмен на него голову Карасакала. Однако никто из казахских Чингисидов не поднял руку на гостя, да и сам Аблай в своих посланиях к родичам требовал не соглашаться на предложение ойратского хана и «беречь Шуно» [Моисеев, 1991, с. 130–131; Таймасов, 2004, с. 68] (см. также: [Корниенко, 2011, с. 171]). Как сообщали русским их джунгарские осведомители, еще в 1746 г. многие ойраты хотели видеть «Шуну» своим ханом [Валиханов, 1985*в*, с. 8].

Почувствовав, что его положение окрепло, Карасакал осмелел и начал более активно вмешиваться в казахские политические дела. В частности, блюдя образ джунгарского князя – союзника Казахского ханства, он стал отговаривать султанов отправлять их сыновей в Джунгарию в качестве заложников. Этим он вызвал гнев могущественного султана Борака, больше других страдавшего от ойратских вторжений. В 1744 г. Борак даже намеревался схватить Карасакала: он пообещал выдать за него замуж свою сестру, а сам планировал захватить его, когда тот приедет к нему. Однако доброжелатели предупредили самозванца, и тот откочевал под защиту других, дружественных к нему султанов [Там же, с. 12–13; Моисеев, 1991, с. 131].[169]

Карасакал умер в 1749 г., причем сведения об обстоятельствах его смерти противоречивы. По одним – он умер своей смертью [Валиханов, 1985*в*, с. 13], по другим – все же был умерщвлен своим недругом султаном Бораком [Корниенко, 2011, с. 178]. Тем не менее в любом случае он оказался одним из немногих авантюристов, предъявлявших претензии на трон в течение целого десятилетия. А тот факт, что он поочередно предъявлял права сразу на два трона, выдавая себя, соответственно, за двух разных людей, делает его случай вообще уникальным.

Самозваный эмиссар османского султана-халифа. Еще один нетипичный пример самозванства являл собой предводитель Андижанского восстания 1898 г. против российского владычества Мухаммад-Али-халифа, более известный под именем Дукчи-ишана. Этот ферганский религиозный и политический деятель был даже возведен восставшими в ханы, причем он не претендовал на родство ни с Чингисидами, ни с постчингисидскими династиями. Зато он выдавал себя за эмиссара (халифа́) османского султана Абдул-Хамида II, предъявляя в знак подтверждения своих полномочий фальшивую грамоту, якобы дарованную ему султаном, являвшимся также халифом, т. е. духовным главой всех правоверных мусульман для ведения священной войны против русских. Кроме того, как показывали арестованные соучастники Дукчи-ишана, султан передал ему и другие атрибуты власти – золотое кольцо и зеленое знамя газавата. Эти свидетельства поддержки со стороны халифа внушили такое доверие к Дукчи-ишану, что восставшие даже провозгласили его ханом с соблюдением полагающейся церемонии поднятия на белом войлоке.[170]

Лишь после подавления восстания фальсификация была обнаружена. Причем сам Дукчи-ишан категорически отрицал, что пользовался этим документом, вполне обоснованно полагая, что за это его могут осудить не только как предводителя бунтовщиков, но и как агента иностранного государства. Равным образом он отрицал свое намерение занять ханский трон и даже заявлял, что противился такому решению своих приверженцев, утверждая, что при русских властях жить стало лучше, чем при ханах [Россия – Средняя Азия, 2011, с. 365, 373; Т-ов, 1908, с. 660–661; Ювачев, 1907, с. 975–977].[171]

Неоднозначность выбранного Дукчи-ишаном средства обоснования своих прав на власть вызвала противоречивое отношение к нему в Фергане: одни готовы были почитать его и как светского повелителя, и как духовного лидера, другие видели в нем бунтовщика и самозванца, что нашло отражение даже в сатирических стихотворных произведениях [Erkinov, 2009, p. 26]. Особенно критиковали его те представители населения Ферганы, которые понимали всю несопоставимость сил восставших и мощи Российской империи и полагали, что вполне можно оставаться мусульманами даже под властью «белого царя», тогда как Дукчи-ишан своей попыткой газавата «опозорил свой народ», а его действия характеризовали как «содеянный по безумству мятеж» [Бабаджанов, 2009, с. 177–178; Эркинов, 2003, с. 114; Erkinov, 2009, p. 29].

Андижанское восстание отличалось своей

кратковременностью: несмотря на тщательную подготовку, оно продлилось всего двое суток (в ночь с 17 на 18 мая 1898 г. восставшие атаковали казармы царских войск в Андижане, а 19 мая все бунтовщики уже были схвачены). Однако поскольку оно прошло в период наиболее противоречивого курса российских властей по отношению к среднеазиатскому исламу, туркестанская администрация отнеслась к нему достаточно серьезно и стала разрабатывать проекты изменения взаимоотношений с мусульманским населением [Бабаджанов, 2009, с. 158–160; Центральная Азия, 2008, с. 250–251].[172]

Самозванец-реинкарнация: Джа-лама. В какой-то мере близок Дукчи-ишану и другой самозванец, также в значительной степени опиравшийся на религиозные ценности и выдававший себя за человека… умершего за полтора столетия до его авантюры! Это был знаменитый на рубеже XIX–XX вв. Джа-лама – «лама с маузером», в течение почти трех с половиной десятилетий игравший значительную роль в политической жизни Монголии и ставший под конец жизни практически неограниченным правителем ее западной части.

Настоящее имя Джа-ламы было Балдан[173] Санаев, он происходил из калмыков-дэрбэтов, проживавших в Астраханской области. Еще в детстве он попал в Монголию, некоторое время пробыл в монастыре, посетил Тибет, где прошел курс учения в одном из монастырей Лхасы и получил имя – ламы Джамби-Джалцан, однако известным стал под более коротким именем-прозвищем Джа-ламы. Посетив Тибет, Индию, Китай, он в 1890 г. вернулся в Монголию, где стал заниматься благотворительностью, попутно рассказывая одаряемым им беднякам, что является потомком Амурсаны – ойратского борца за независимость, последнего хана Джунгарского ханства. Впоследствии он стал называть себя уже не просто потомком, а перерождением Амурсаны, которому предначертано освободить Монголию от китайского ига. Самозванцем его следует считать потому, что его претензии, на то что он является перерождением Амурсаны, не были подтверждены официально, как это обычно происходило в случаях с монгольскими хубилганами. Однако, учитывая недовольство монголов китайским владычеством и собственными князьями, стоявшими на страже маньчжурских интересов, неудивительно, что его слова падали на уже подготовленную почву [Позднеев, 1896, с. 45–46; Рерих, 1982, с. 148–149; Юзефович, 1999, с. 320–321].

В течение 1900–1910 гг. Джа-лама вновь побывал в Тибете, затем в Восточном Туркестане, участвовал в качестве проводника в экспедиции выдающегося русского монголоведа П. К. Козлова, а

в 1911 г. вновь оказался в Монголии. Как раз в это время началось революционное движение за независимость Монголии, в котором Джа-лама принял самое активное участие, однако двигали им отнюдь не идейные, а карьерные соображения [Ширендыб, 1963, с. 74]. Как бы то ни было, его образ как перерождения Амурсаны оказался в этих условиях более чем кстати; по воспоминаниям современников, он не только осуществлял военное командование, но и исполнял «идеологическую функцию», благословляя воинов и внушая, что боги помогут им в сражении [Оссендовский, 1994, с. 140–141; Юзефович, 1999, с. 322–324]. Ему без труда удалось собрать большой отряд, который одержал несколько побед над маньчжурами, затем во главе пятитысячного Джа-лама оказался в Кобдосском районе, который также сумел освободить от китайцев. Поскольку именно с занятием Кобдо вся территория Монголии стала свободной от китайцев, роль Джа-ламы невозможно было не признать. Власти Автономной Монголии присвоили ему титул туше-гуна (не желая отказываться от преимуществ, которые ему сулило пребывание в духовном звании, он стал именоваться с этого времени «тушегун-лама») и сделали правителем хошуна с центром в Кобдо; таким образом, он стал фактическим правителем обширного Кобдосского района [Оссендовский, 1994, с. 137; Рерих, 1982, с. 150–152] (см. также: [Лузянин, 2003, с. 65]).

Деятельность Джа-ламы была довольно противоречивой: с одной стороны, он стимулировал развитие земледелия, строительства и торговли, даже установил торговые отношения с Россией, чтобы получать оттуда сельскохозяйственные орудия, построил несколько школ. Однако добивался исполнения своих распоряжений Джа-лама весьма жестокими методами: провинившихся он сурово наказывал, не оказывая снисхождения даже священнослужителям, а попавших к нему в плен врагов подвергал страшным мучениям, выжигая на них клейма, живьем сдирая кожу и запарывая насмерть [Юзефович, 1999, с. 325–327]. Своими действиями он настолько устрашил все население, что даже местные князья-Чингисиды боялись грозного «перерожденца», подобно слугам подсаживая его на коня. Не ограничиваясь своими монголами, он не менее жестокими методами действовал и против алтайских киргизов, добиваясь уступки ими пастбищ. Один из киргизских старейшин был взят им в плен, с него живьем содрали кожу и принесли его матери, которая прибыла к Джа-ламе с выкупом за сына. Иностранцев (прежде всего китайцев), которые попадали к нему в плен, Джа-лама использовал для самых настоящих жертвоприношений,

причем кровью убитых расписывал боевые знамена, а кожей обтягивал церемониальные барабаны. Впадая в своеобразный транс во время этих ритуалов, Джа-лама стал восприниматься своими приверженцами и почитателями уже не только как перерождение ойратского хана XVIII в., но и как живое воплощение Махакалы – грозного буддийского божества (дхармапалы), охранника и защитника буддийской религии [Юзефович, 1999, с. 326–327]. Естественно, он и эту веру своих почитателей старался использовать в политических целях.

Однако вскоре Джа-лама посмел вступить в конфликт с охраной русского консульства в Кобдо, после чего русские власти арестовали его и выслали в Россию, где он пробыл в заключении с 1914 по 1918 г. Правда, по другим сведениям, он был арестован по иной причине – за то что вел агитацию в пользу независимости калмыков и их выхода из-под власти России [Оссендовский, 1994, с. 136–137; Юзефович, 1999, с. 329–330].

Неудивительно, что когда он вновь оказался в Монголии (попав под амнистию Временного правительства), ее власти, не желавшие портить отношения с Россией, сами приказали его арестовать, почему Джа-лама был вынужден бежать и вести жизнь скитальца. Однако его репутация как перерождения Амурсаны в очередной раз помогла ему: он обосновался на юго-западной границе Монголии, и вскоре под его начало собрался большой, хотя и разношерстный отряд, состоявший из монгольских преступников, китайских дезертиров, торгоутских браконьеров и тибетских контрабандистов. Во главе этого сброда Джа-лама контролировал местные торговые пути, которые из-за его нападений на караваны вскоре перестали использоваться.

Однако, по-видимому, жизнь скитальца и грабителя караванов не слишком устраивала Джа-ламу, поэтому когда в 1920 г. монголы поднялись против китайцев, вновь оккупировавших Монголию годом ранее, Джа-лама, блюдя свою репутацию освободителя Монголии, во главе своего отряда участвовал в освобождении Урги, чем вновь заслужил благожелательное отношение монгольского правительства, а также барона Унгерна, ставшего в 1920 г. фактическим диктатором Монголии [Рерих, 1982, с. 152–153].[174]

В 1921 г. при молчаливом согласии ургинских властей, старавшихся заручиться его лояльностью и поддержкой, Джа-лама возвел в горах юго-западной Монголии крепость-храм Дэнбэй-Чжалцэн-байшин, который с этого времени стал его опорным пунктом [Князев, 2004, с. 29]. Но несмотря на благожелательное отношение правительства Монголии, самозванец отнюдь не собирался вмешиваться в его

противостояние с революционными войсками, хотя прямо и не отвечал отказом на его призывы. Вел он переговоры и с бароном Унгерном, который до самого своего ареста верил, что Джа-лама вскоре присоединится к нему со своим воинами [Торновский, 2004, с. 163].[175]

Однако последний предпочел отсидеться в своем «орлином гнезде», хотя после провозглашения Монгольской Народной Республики стал в оппозицию к новым властям, вступив в союз с китайскими властями Синьцзяна и Внутренней Монголии и планируя даже совместный с ними поход на Ургу. В его распоряжении имелся гарнизон из 500 солдат, вооруженных самым современным немецким и японским оружием, захваченным у китайцев при взятии Урги. А со временем к нему стали стекаться и другие противники нового режима [Лузянин, 2003, с. 122].

Обосновавшийся в Дэнбэй-Чжалчэн-байшине, Джа-лама удивительным образом сочетал в своей деятельности черты атамана разбойников и святителя. Его подданные грабили караваны и захватывали рабов, в то время как сам он благословлял паломников и давал им наставления, за которыми они приходили, а порой даже и творил «чудеса» – вплоть до воскрешения людей, которых сам же до этого умерщвлял [Оссендовский, 1994, с. 138–139; Юзефович, 1999, с. 322]. Не ограничиваясь самовластием в собственных владениях, Джа-лама установил контакты с представителями столичных властей, затевавшими заговор против правительства. Когда в 1922 г. заговор был раскрыт, многие из арестованных указали на то, что Джа-лама сотрудничал с ними [Рощин, 1999, с. 59–60]. Тогда было принято решение покончить с опасным врагом – тем более опасным, что монголы даже после революции не утратили своей религиозности, и репутация Джа-ламы заставляла относиться к любому проявлению его враждебности с большой серьезностью.

В конце 1922 или начале 1923 г. отряды народно-революционной армии скрытно подошли к владениям Джа-ламы, а несколько сотрудников службы безопасности, переодевшись в паломников, проникли в его крепость и, встретившись с Джа-ламой под предлогом вручения ему подношения, прикончили его. Так закончилась жизнь последнего самозванца в истории Монголии [Рерих, 1982, с. 154–155; Юзефович, 1999, с. 332–333].[176]

Глава 10
Пределы претензий на власть

Далеко не все самозванцы и их окружение принадлежали к безрассудным авантюристам, действовавшим по принципу «все или ничего». Нередко они даже не пытались претендовать на власть над всем государством, а ограничивались куда более скромными достижениями. Подобная позиция объяснялась многими соображениями: общей политической ситуацией (сила центральных властей, число конкурентов в борьбе за власть), традициями региона, в котором самозванец начинал свой путь к власти, наконец – статусом тех лиц или династий, на идентичность с которыми претендовал авантюрист.

§ 1. Претенденты на верховную власть

Безусловно, самой высокой ставкой в борьбе за власть был ханский трон и, соответственно, контроль над всем государством. Лже-Кильдибек в Золотой Орде, лже-Эренг-Мухаммад в Хивинском ханстве, кокандский лже-Пулад-хан – все они ставили цель именно захвата власти над своими государствами в целом. Для ее достижения их и поддерживали влиятельные кланы, а иногда даже и иностранцы, готовые ради этой власти бросить вызов крови – вызов законным претендентам на трон, имеющим право на ханский титул в силу происхождения. Так, например, золотоордынского самозванца, помимо ряда ордынских эмиров, поддержали венецианцы, имевшие торговые интересы в Причерноморье и надеявшиеся увеличить свою долю на рынке благодаря собственному ставленнику [Григорьев, 2007, с. 124–129]. Хивинский лже-хан был поддержан родственными ему туркменами, которые, пусть и на короткое время, сумели взять верх над своими соперниками при ханском дворе – узбекской аристократией [МИТТ, 1938, с. 330–331; Munis, Agahi, 1999, p. 52–53]. Кокандский самозванец также был поддержан преимущественно киргизской знатью и войсками, его соплеменниками, которые и прежде нередко выступали против законной ханской власти [Хасанов, 1977, с. 65 и след.].

Некоторые правители (и явные самозванцы, и претенденты с сомнительными правами на трон) формально, присваивая себе титул монарха, претендовали на власть во всем государстве, но на деле ограничивались фактическим контролем над конкретным регионом. Так поступали, например, противоборствующие

ильханы в Иране – ставленники различных могущественных сановных семейств, которые традиционно были связаны с той или иной областью государства Хулагуидов. Поэтому власть, например, ильханов Мухаммад-хана и Джахан-Тимура, ставленников Шайх Хасана Бузурга, ограничивалась Ираком: именно этот регион находился под контролем Хасана и его рода Джалаиров. Аналогичным образом, Хасан Кучак и Малик Ашраф, соперники Хасана Бузурга, могли обеспечить своим ставленникам – Сатибек, Сулейману и Ануширвану – власть над Азербайджаном, поскольку в этом регионе наиболее сильно было влияние клана Чопанидов [Шараф-хан, 1976, с. 69–70] (см. также: [История, 1977, с. 156]). Однако при этом каждый из марионеточных ильханов в силу своего происхождения (истинного или мнимого) и принятого монаршего титула формально претендовал на власть во всем государстве, что, собственно, и являлось формальной причиной длительных междоусобиц на осколках государства Хулагуидов.

Можно предположить, что Хасан Бузург в конечном счете решил отказаться от практики возведения на трон подставных потомков Хулагу, в том числе и по той причине, что другие регионы отказывались их признавать. Поэтому его решение провозгласить самого себя верховным правителем в собственных владениях – Ираке и значительной части Ирана – вряд ли было рискованным и необдуманным: эти регионы и так находились под его полным контролем, а непризнание Джалаиров в ханском достоинстве другими регионами их не смущало – ведь и они сами отказывались признавать власть других правителей, в том числе и Хулагуидов, являвшихся ставленниками рода Чопана.

А вот судьба еще одного хана с сомнительным происхождением – Тоглук-Тимура, внука Дувы – сложилась гораздо более удачно. Сначала он был единодушно признан в ханском достоинстве всей знатью и населением Могулистана, восточной части Чагатайского улуса, фактически положив начало самостоятельному государству в Восточном Туркестане. Однако при поддержке влиятельного рода Дуглатов и местного духовенства, он почувствовал себя настолько уверенно, что стал задумываться о дальнейшем расширении своих владений. Пользуясь непрекращающимися междоусобицами в Мавераннахре, западной части Чагатайского улуса, Тоглук-Тимур вторгся туда и в 1360 г. был признан также и ханом Мавераннахра, объединив, пусть и на короткое время, государство Чагатаидов под властью одного хана [Караев, 1995, с. 50–51]. Обратим внимание, что своими действиями этот «сомнительный» Чингисид бросил вызов чагатайским ханам, в

принадлежности которых к «золотому роду» никто не сомневался, и одержал над ними победу. Трудно сказать, насколько чагатайские эмиры, признавшие власть Тоглук-Тимура (а среди них – и Амир Тимур), верили в его чагатайское происхождение: претенденту удалось доказать свое право на трон предков не столько генеалогическими сведениями, сколько силой оружия и дипломатическими талантами, позволявшими ему устранять одних противников и привлекать на свою сторону других. Правда, сразу же после смерти Тоглук-Тимура Чагатайский улус, объединенный им в формате «личной унии», вновь распался на две части: эмиры Мавераннахра отказались признавать власть Ильяс-Ходжи – сына и наследника Тоглук-Тимура. Однако в Могулистане, основы государственности которого были заложены именно Тоглук-Тимуром, династия его потомков оставалась на троне до конца XVII в.

В отдельных случаях амбиции не зависели от воли сомнительных претендентов на трон: на что им претендовать, решали стоящие за ними влиятельные политические силы либо внутри государства, либо даже иностранные.

Узбекский хан с сомнительным происхождением – Ядгар, правивший в Восточном Дешт-и Кипчаке в середине XV в., изначально не ставил целью власть над всем государством и довольствовался владениями в Приаралье, которые затем унаследовали его прямые потомки. Однако политическая ситуация в «государстве кочевых узбеков» сложилась таким образом, что он при поддержке правителей Ногайской Орды был признан верховным правителем всей страны в целом, и его власти подчинились даже его политические противники, включая несомненных султанов-Шибанидов.

Аналогичным образом не мечтали о власти в Крымском ханстве, а уж тем более о ханском троне, представители династии Чобан-Гиреев. Однако Мустафа-чобан (Девлет-Гирей) стал нураддин-султаном по воле хана Мухаммад-Гирея III, а его сын Чул-Болад – Адил-Гирей по воле своего сюзерена и покровителя, османского султана, был возведен на престол, на котором провел пять лет (1666–1671). Выбор, таким образом, был сделан за самих претендентов, которые, хотя и обладали чингисидскими титулами, будучи нечингисидами, отнюдь не могут быть признаны авантюристами. Кроме того, ни один из Чобан-Гиреев, несмотря на титулы, реальной монаршей властью не пользовался: Девлет-Гирей очень быстро погиб в бою, а Адил-Гирей-хан все свое номинальное правление провел, стараясь не вызвать неудовольствия ни султана Османской империи, ни членов рода Гиреев.

Зато достаточно велики оказались амбиции Дукчи-ишана – предводителя Андижанского восстания 1898 г., хотя сам он отрицал, что метил в ханы. Возникает вопрос: ханом какого государства могли видеть его ферганцы? Ведь их собственное ханство было упразднено имперскими властями за 22 года до восстания. Таким образом, если не Дукчи-ишан, то стоявшие за ним политические силы ставили цель ни более, ни менее как реставрация Кокандского ханства! Духовный авторитет предводителя восстания, а также поддержка его османским султаном-халифом (пусть даже и подтвержденная всего лишь сфальсифицированным султанским фирманом), по их мнению, могли способствовать достижению этой цели. Другое дело, что в случае успеха на трон восстановленного ханства можно было возвести одного из представителей прежней династии Минг, которые в это время оставались не у дел, получив насмешливое прозвище «ханы-сироты» [Россия – Средняя Азия, 2011, с. 373]. [177]

Не менее глобальные планы, как оказалось, ставил перед собой и монгольский «экзотический» самозванец Джа-лама. Хотя фактически он контролировал сначала Кобдосский район, а потом некоторые горные регионы на юго-западе Монголии, в конечном счете он видел себя восстановителем и правителем прежнего Джунгарского ханства (не будем забывать о его калмыцком, т. е. ойратском, происхождении), в которое, по его замыслу, должны были войти также земли Тибета и Восточного Туркестана [Рерих, 1982, с. 153; Юзефович, 1999, с. 332]. Как и в случае с Дукчи-ишаном, его религиозный авторитет, образ перерождения Амурсаны в сочетании с реальной военной силой и связями в Китае и Тибете делали эту цель не такой уж недостижимой в политических реалиях начала 1920-х годов. Неудивительно, что правительство МНР приняло решение о его устранении, что и претворило оперативно в жизнь.

§ 2. Авантюристы «регионального масштаба»

Некоторые самозванцы изначально ставили перед собой более скромные цели, даже не задумываясь о власти над государством в целом. Пользуясь разрушением аппарата центральной власти и управления, распадом единого государства, они старались закрепиться в каком-либо уделе, делая его самостоятельным, независимым от власти других правителей.

Так, первый (в хронологическом отношении) из упомянутых нами самозванцев, лже-Тимур-Таш, самозваный сын эмира Чопана, уже в силу происхождения не мог претендовать на власть

в государстве в целом. Кроме того, не имея собственных войск, вынужденный опираться на могущественных покровителей – сначала своего «сына» Хасана Кучака, затем ойратских эмиров в Ираке, – он фактически был «привязан» к тем регионам, которые в соответствующий период находились под их контролем. А сами эмиры, собственно, даже номинально не предназначали его в правители, держа при себе лишь как представителя знатного рода, пользующегося некоторым авторитетом среди знати [Хафиз Абру, 2011, с. 158–162].

Наибольшее же число примеров «региональных» самозванцев можно наблюдать в Бухарском ханстве второй половины XVI – начала XVII в.: власть «сайид-заде», мнимого сына Шах-Бурхан-хана, ограничивалась областью Чарджуй; «чудесно спасшиеся» Шайхим-султан и потомки Баба-хана – сыновья Абд ас-Саттар-султана и Абд ал-Гаффар-султан – претендовали, соответственно, на Ташкент, принадлежавший именно семейству Баба-хана (настоящего!), и ряд прилегающих регионов [Юдин, 1988, с. 208–212]. Исфанд-султан (Абд ал-Амин-султан), вымышленный сын балхского правителя Ибадаллах-султана, в течение трех лет правил Балхом, не претендуя на расширение своих владений, хотя и был объявлен ханом [Ахмедов, 1982, с. 97–98; 1994, с. 163–164].

Точно так же вел себя и правитель Мерва в Хивинском ханстве – Нур-Мухаммад-хан, легитимированный своим предполагаемым отцом Абу-л-Мухаммад-ханом: он предпочитал отсиживаться в доставшемся ему уделе, отражая посягательства других членов хивинского ханского семейства, вовсе не думая принять участие в междоусобицах, чтобы расширить свои владения [Абуль-Гази, 1996, с. 135].

Аналогичным образом самозваные ханы Башкирии XVIII в. (Султан-Мурад и Карасакал – Султан-Гирей) также не преследовали цели распространить свою власть на соседние регионы, хотя и старались заручиться поддержкой их населения, чтобы увеличить число противников российского владычества [Акманов, 1993, с. 146–147; Садалова, 2006, с. 26–28]. В большинстве случаев такие «региональные» самозванцы, фактически были не более чем областными правителями, довольствовавшиеся формальным принятием ханского титула, хотя некоторые (как вышеупомянутые лже-Шайбаниды) обходились даже и без него.

Подобные скромные амбиции объяснялись, вероятно, тем, что чем меньше был объект притязаний того или иного самозванца, тем меньше внимания привлекали они со стороны могущественных конкурентов по борьбе за власть, включая и

потомков Чингис-хана, и других представителей знати, которые и сами были готовы захватить трон, принадлежавший по закону Чингисидам – как это сделали Джалаиры, Тимуриды, Дуглаты и т. д. А кроме посягательств со стороны прямых конкурентов, была велика и опасность, что деятельностью того или иного самозваного правителя могли заинтересоваться те, кто знал настоящих членов правящих семейств, за которых выдавали себя эти самозванцы. В таком случае вероятность разоблачения, свержения и гибели была более чем вероятной.

Тем не менее некоторые из авантюристов, как было показано выше, укрепившись в каком-то одном регионе, решались увеличить свои притязания – вплоть до претензий на ханский трон. Однако чаще всего они не успевали их реализовать, поскольку тут же бывали вынуждены вступить в жесткое противостояние с конкурентами, не имевшими такой уязвимой черты как фальшивая генеалогия. Так, например, лже-Абд ал-Гаффар в течение двух лет признавался каракалпаками в ханском достоинстве, но как только завоевал Ташкент и прилегавшие к нему области, тут же был убит в борьбе со своими конкурентами – казахскими султанами [Юдин, 1988, с. 213–214].

Зато некоторые из самозванцев, ограничивая свои властные амбиции рамками одного региона, не только закреплялись в нем при поддержке своих покровителей и военной силы, но даже в редких случаях могли получать признание от законных ханов. Например, Исфанд-султана, лже-правителя Балха, признал бухарский хан Пир-Мухаммад II, который пришел к власти в очень сложной обстановке и для сохранения пусть даже призрачного единства государства Шайбанидов был вынужден признавать фактическую самостоятельность удельных правителей – даже такого явного самозванца и узурпатора власти [Ахмедов, 1994, с. 164].

Таким образом, ограничивая свои претензии масштабами одного региона, самозванцы в значительной степени увеличивали свои шансы удержать эту власть и закрепить положение.

§ 3. Самозванцы без властных амбиций

Обратившись к жизнеописаниям самозванцев в мировой истории, мы обнаружим, что с течением времени все больше из них затевали свои авантюры не для того, чтобы вести кровопролитную борьбу за власть, а чтобы добиться внимания, привлечь к себе интерес, богатых покровителей и в конечном счете разбогатеть, вести безбедное существование. Эта тенденция вполне логична и объяснима: ведь борьба за трон чаще всего

кончалась разоблачением и гибелью претендента, либо его казнью как государственного преступника. Если же целью самозванства было всего лишь «вытрясти» немного денег из доверчивых жертв, то такое деяние рассматривалось не более чем мошенничество и грозило в худшем случае тюремным заключением, а то и вообще принуждением вернуть полученное. В качестве примеров можно привести, например, многочисленных претендентов на роль «чудесно спасшегося» французского короля Людовика XVII (на самом деле умершего в тюрьме в годы Великой Французской революции), лже-потомков Николая II, «экзотических» самозванцев – «индейского принца» Елеазара Уильямса, Джорджа Салманазара, «принцессу Карабу» и проч. (подробнее см.: [Баганова, 2010]).

Конечно, в отличие от «цивилизованной» и «меркантильной» Европы, в тюрко-монгольских государствах главной целью самозванцев оставалась борьба за власть: претенденты на ханские троны не так дорожили жизнью и стремились к богатству, как их западные «коллеги». Однако в ряде случаев мы с удивлением наблюдаем, что и лже-Чингисиды порой демонстрировали похвальный практицизм и довольствовались улучшением своего материального положения, отказываясь от рискованной борьбы за власть.

Например, лже-Тармаширин, нашедший приют сначала при дворе делийского султана, а затем правителя Фарса, за все время, что он выступал в роли бывшего хана, не предпринял ни одной попытки вернуть трон Чагатайского улуса. Он довольствовался выказываемым ему почтением и получаемыми дарами. Со своей стороны, его покровители также не подталкивали его к решительным действиям по «возвращению» трона, довольствуясь тем, что при их дворе есть претендент на трон, чье присутствие в известной мере гарантирует мирные отношения с Чагатайским улусом. Для Делийского султаната, который в свое время подвергался нападениям самого Тармаширина (настоящего!) [Бартольд, 1943, с. 62], это было весьма актуально. Что же касается Абу Исхака, правителя Фарса, то он с охотой приютил лже-Тармаширина, чтобы иметь определенные гарантии безопасности в случае, если какой-либо потомок «золотого рода» решит обвинить его в узурпации: ведь мнимый хан в любой момент мог быть провозглашен верховным правителем в его государстве, тем самым лишив врагов правителя Фарса повода упрекнуть его в узурпации! Кроме того, принимая претендента на чингисидский трон, Абу Исхак Инджу демонстрировал собственную приверженность к чингисидским традициям [Грачев, 2005, с. 95].

Знаменитый Карасакал, изменив свою «ипостась», радикальным образом изменил и характер своей деятельности как претендента на трон. Если в Башкирии, где выдавал себя за султана-Чингисида, он добивался власти военным путем, участвуя в боях, терпя поражения и даже получая тяжелые раны, то в Казахстане, приняв имя Лубсан-Шоно, он повел себя совершенно иначе. За исключением малозначительного эпизода с попыткой вторжения в пределы Джунгарии в 1741 г., он не предпринимал никаких активных действий для реализации своих мнимых прав на джунгарский трон. Вместо этого он приятно проводил время со своими друзьями и покровителями – казахскими ханами, султанами и батырами, получая от них подарки, слуг, скот, порядком увеличивая свое благосостояние. Как и лже-Тармаширин, он интересовал казахских султанов прежде всего как средство дипломатического воздействия на джунгар, с помощью которого можно было добиваться от них мира и территориальных уступок. Именно в этом качестве рассматривали Карасакала казахские лидеры, когда не только оказывали ему покровительство, но и отвергали требования русских и джунгарских властей о его выдаче [Моисеев, 1991, с. 130–131; Таймасов, 2004, с. 68; Корниенко, 2011, с. 171]. Тот факт, что он скончался при невыясненных обстоятельствах именно в 1749 г., когда Джунгария сама вступила в фазу кризиса и распада, и Карасакал перестал представлять ценность для казахов, подтверждает такое предположение: он перестал быть нужен казахским Чингисидам.

Большое количество самозванцев, предпочитавших «хождению во власть» увеличение собственного благосостояния, объявилось среди татарской служилой аристократии в Московском государстве. Первым исследовал этот феномен на основе исторических источников А. В. Беляков, назвавший таких авантюристов «ложными Чингисидами», хотя (как он сам отмечает), факты подобного самозванства фиксировались историками и ранее.

Оказывается целый ряд татарских дворянских родов (и даже, как ни странно, не только татарских) в XVI и особенно XVII в. претендовали на происхождение от Чингис-хана. Так, род Аничковых считал своим предком некоего царевича Береке, якобы выехавшего на службу еще к Ивану Калите в первой трети XIV в. и крестившегося под именем Аникея. Дворянские роды Серкизовых и Старковых считали себя потомками ордынского царевича, выехавшего из Золотой Орды на службу к Дмитрию Донскому; претендовали на «царское» (т. е. ханское) происхождение рязанские роды, возводящие генеалогию к мирзе

Салахмиру – Крюковы, Шишкины, Апраксины, Дувановы, Хитрово и др. Род Мустафиных позиционировал себя как потомков астраханского царевича Муртазы б. Мустафы, жившего в конце XVI в. Род Тевкелевых, давший России несколько видных военных деятелей и дипломатов, также заявлял о своем чингисидском происхождении, выдумав для этого некоего царевича Девлет-Мухаммада, якобы являвшегося сыном касимовского хана начала XVII в. Ураз-Мухаммада. Род Чанышевых также выдумал себе предка – некоего Алтун-хана. Род Булатовых считал своим предком Якуба, сына первого казанского хана Улуг-Мухаммада и т. д. [Беляков, 2011, с. 79–80].

Но самое удивительное, что на происхождение от чингисидских правителей претендовали некоторые княжеские и боярские роды, которые, судя по родословным, вообще не были татарскими по происхождению! Так, например, роды Булгаковых, Голицыных и Куракиных называли в качестве своего предка некоего Ивана Ивановича Шею-Булгака, представителя золотоордынского ханского рода, выехавшего в начале XV в. на службу к великому князю рязанскому Олегу Ивановичу. А между тем, согласно родословцам российского дворянства, эти семейства вообще относились к Гедиминовичам, т. е. являлись потомками литовского великокняжеского рода [Беляков, 2011, с. 79] (см. также: [Халиков, 1992; Иванов, 2003, с. 234])!

При этом ни один из этих служилых родов, претендовавших на чингисидское происхождение, никогда не предъявлял претензий на троны постордынских государств, тем более что после присоединения к Москве Казанского, Астраханского и Сибирского ханств такие требования были бы бессмысленны. Не пытались они и использовать чингисидское происхождение для повышения своего значения в политической жизни Московского государства. Зачем же в таком случае они вообще шли на такие фальсификации, давая повод уличить себя в самозванстве?

Дело в том, что в рамках действовавшей в Московском царстве системы местничества высокое происхождение давало право на получение, соответственно, и высоких придворных должностей, которые являлись достаточно выгодными синекурами: выполняя необременительные обязанности при царе, их обладатели могли рассчитывать на крупное жалование, обладание богатыми земельными владениями, получение дополнительных почестей, льгот и привилегий. Это-то и интересовало тех, кто в XVI–XVII вв. пытался выдавать себя за потомков «Потрясателя Вселенной»: Чингисиды в местнической системе занимали очень высокое положение, выше них были только сами цари и члены их семей, равными им – представители

родовитого московского дворянства, знатные иноземцы; остальные боярские и княжеские роды (включая удельных Рюриковичей и Гедиминовичей) были гораздо ниже (подробнее см.: [Беляков, 2011, с. 372 и след.]). Соответственно, признание того или иного рода чингисидским позволяло надеяться на получение самых престижных придворных должностей, самых высоких вознаграждений, самых обширных вотчин и поместий. О том, чтобы добиваться влияния, благосостояния и уважения собственными заслугами выходцы из Золотой Орды и постордынских ханств в это время уже не думали.[178]

Как же эти самозванцы рассчитывали убедить московские власти в своем чингисидском происхождении? По-видимому, они делали ставку на то, что многие чингисидские родословные (шежере) могли исчезнуть – погибнуть сначала в результате завоевания постордынских юртов Московским царством, а затем и в самой Москве во время Смутного времени. Ведь известно, что как раз после Смуты, пользуясь гибелью документальных архивов, многочисленные худородные и мелкопоместные дворяне, а иногда даже простолюдины и холопы записывали себя в боярские и дворянские списки как представителей знатных родов, и зачастую их было невозможно уличить в фальсификации. По-видимому, на такие же подделки шли и претенденты на родство с Чингисидами.

Однако происхождение от Чингис-хана было слишком высоким и потому слишком заметным, чтобы подобные аферы прошли незамеченными – подобно мнимому дворянству или фальшивому боярству. Кроме того, как уже неоднократно отмечалось, Чингисиды очень тщательно хранили свои генеалогии от поколения к поколению, помнили многие поколения своих предков и сложные семейные связи между разными ветвями «золотого рода». Таким образом, им даже не нужны были документы, чтобы понять, является ли претендент настоящим потомком Чингис-хана или же самозванцем.

Тем не менее этот пример самозванства представляется интересным и необычным, так как позволяет проследить, как со временем менялись представления тюрко-монгольской знати о прерогативах и возможностях, которые давала принадлежность к «золотому роду». Если раньше, претендуя на родство с Чингисидами, можно было надеяться при удаче занять ханский трон, теперь же такие претензии ограничивались желанием получения жалований и поместий, содержания и проч.

Часть V
Узурпаторы и самозванцы «от истории»

В завершение считаем целесообразным посвятить самостоятельный раздел нашей книги еще одному феномену в рамках узурпаторства и самозванства в истории тюрко-монгольских государств. Речь пойдет о некоторых случаях, когда претенденты на трон объявлялись самозванцами, но не своими современниками, а последующими историками. Таких примеров не так много, однако среди них встречаются и достаточно известные деятели и монархи. Поскольку раздел носит в определенной степени историографический характер, уместно рассмотреть эти примеры по времени их появления, а не по хронологии деятельности упомянутых в них персонажей, выделив, соответственно, обвинения в узурпаторстве и самозванстве, выдвигавшиеся средневековыми авторами (от современников описываемых событий до XVIII в.) и современными исследователями (XIX–XXI вв.).

Глава 11
Узурпаторы и самозванцы в средневековой историографии

Наверное, один из наиболее ранних и при этом широко известных примеров «историографического обвинения» в самозванстве – это «Послание владычие на Угру к великому князю», известный литературный памятник Московской Руси конца XV в., созданный ростовским епископом Вассианом. Призывая московского великого князя Ивана III к борьбе с золотоордынским ханом Ахмадом, автор «Послания» убеждает государя, что тому не следует бояться выступать против «царя» (так на Руси титуловали веками золотоордынских ханов), поскольку тот является незаконным правителем! Причем речь идет не только о современном Ивану III и епископу Вассиану хане Ахмаде, но и о его предшественниках, начиная с

> Батыя, который пришел по-разбойничьи и захватил всю землю нашу, и поработил, и воцарился над нами, хотя он и не царь и не из царского рода. Мы ведь тогда прогневили бога, и он прогневался на нас и наказал нас [ПЛДР, 1982, с. 532].

Таким образом, Вассиан Рыло объявляет всех золотоордынских монархов (начиная с Батыя, который был первым правителем этого государства, известным на Руси) узурпаторами, сумевшими установить свою незаконную власть над Русью лишь за грехи самих русских.

Тенденциозность этого произведения и его политическая направленность уже неоднократно подчеркивались исследователями (см., напр.: [Горский, 2000, с. 172–174; Кудрявцев, 1951, с. 165–166; Скрынников, 1990, с. 98 и след.]). И значит, что обвинение золотоордынских ханов в худородстве и, следовательно, узурпации власти являлось всего лишь доводом его автора в пользу активизации борьбы против них, обоснованием правомерности противостояния с бывшими сюзеренами русских князей. Не игнорируя основную политическую составляющую этого произведения, мы тем не менее имеем основания считать «Послание на Угру», содержащее своеобразный исторический экскурс в прошлое русско-ордынских отношений – одним из первых примеров историографии, в котором все (!) ханы-Чингисиды объявлялись незаконными

монархами, т. е. узурпаторами.

Следующий из рассматриваемых случаев относится к середине XVI в. и нашел отражение в сочинении «Чингис-наме» (или «Тарих-и Дост-султан») хивинского историка Утемиш-хаджи. В этом сочинении значительная часть главы, посвященной правлению золотоордынского хана Токты, представляет собой рассказ о воцарении некоего Баджира Тук-Буги, который, будучи «черным человеком» (т. е. представителем «черной кости», нечингисидского происхождения) осмелился провозгласить себя ханом, воспользовавшись тем, что после хана Токты не осталось потомства, поскольку тот якобы уничтожил всех золотоордынских Чингисидов, чтобы передать трон своему сыну, а тот умер раньше отца. Однако, как оказалось, Узбек, племянник Токты, чудесным образом спасся от резни и к моменту смерти дяди проживал на Кавказе (в «Черкесском вилайете»). Его сторонники в Золотой Орде устроили заговор против узурпатора и убили его, тем самым вернув власть в государстве Чингисидам в лице Узбека [Утемиш-хаджи, 1992, с. 103–104].

Сведения Утемиш-хаджи дублируются еще двумя авторами – Кадыр-Али-бием Джалаири, автором «Джами ат-таварих» («Сборник летописей»), составленным в г. Касимове в самом начале XVII в., и крымским историком XVIII в. Абд ал-Гаффаром Кырыми (подробнее см.: [Трепавлов, 2007*б*, с. 332–333; Усманов, 1972, с. 74–75; De Weese, 1994, p. 151 (n. 195), 154 (n. 203)]). Не исключено, что Кадыр-Али-бий, имевший связи с бухарскими Шайбанидами,[179] мог получить доступ к сочинению придворного историка их хивинских родичей и пересказать его. Либо же оба автора основывались на одних и тех же степных преданиях о хане Узбеке. Что касается Абдал-Гаффара Кырыми, то он непосредственно опирался на текст Утемиша-хаджи [De Weese, 1994, p. 154 (n. 203)].

Однако казахстанский исследователь В. П. Юдин, введший «Чингис-наме» в научный оборот, отнесся к данному сообщению с полным доверием [Юдин, 1992*б*, с. 58]. Его не смутило даже то, что в процессе исследования он столкнулся с многочисленными противоречиями и нестыковками – например, почему Тук-Буга именуется «Баджир» (сам В. П. Юдин трактует это как «башкир»), но при этом Утемиш-хаджи называет его уйгуром? Исследователь попытался устранить это противоречие, предположив, что «Баджир», т. е. «башкир» – это этноним, а «уйгур» – конфессиональная принадлежность: дескать, уйгуры были буддистами, следовательно, Тук-Буга был башкиром по национальности и буддистом по вероисповеданию [Там же, с. 69] (ср.: [Костюков, 2009, с. 190; De Weese, 1994, p. 82 (n. 22)]).

Однако подобная версия представляется слишком уж натянутой – и потому, что сам Утемиш-хаджи в своем сочинении именует буддистов «неверными колдунами и жрецами» [Утемиш-хаджи, 1992, с. 105–106], и потому, что башкиры, согласно свидетельствам современников, в начале XIV в. уже исповедовали ислам [Аннинский, 1940, с. 92].[180]

Тем не менее сведения Утемиш-хаджи и предположения В. П. Юдина нашли отражение в ряде научных работ. Так, например, Д. ДеВиз и В. В. Трепавлов использовали сведения о Баджире Тук-Буге в своих работах, не задаваясь, впрочем, вопросом о том, насколько они историчны, а просто констатируя наличие такой версии [Трепавлов, 2007*б*, с. 331–333; De Weese, 1994, p. 151–154]. А вот некоторые авторы из Башкирии не только с полным доверием воспринимают сведения о Тук-Буге, но и расценивают их как свидетельство значительной роли башкир в политической жизни Золотой Орды (см., напр.: [Юсупов, 2009, с. 37–38]).[181]

Ранее мы уже высказывали мнение о том, что «башкир» Тук-Буга, по всей видимости, – это в действительности Тукель-Буга, один из сыновей хана Токты, который был убит своим двоюродным братом Узбеком в результате военного переворота, приведшего последнего на ханский трон [Почекаев, 2010, с. 203 (примеч. 41)].[182] Почему же вместо ханского сына и законного претендента на трон в исторических источниках появился узурпатор власти, «черный человек», посмевший провозгласить себя ханом? Думается, дело в том, что авторы не хотели бросать тень на репутацию хана Узбека, с именем которого связывались (и до сих пор связываются) и расцвет Золотой Орды, и ее обращение в ислам. Естественно, его образ сильно пострадал бы в глазах потомков, если бы историки (причем мусульманские!) прямо написали, что ради вожделенного трона он убил своего двоюродного брата, который был ханским сыном и вполне легитимным претендентом на престол. А вот расправа с незаконным правителем, посмевшим нарушить традиции «чингисизма» и объявить себя ханом в ущерб представителям «золотого рода», не только не выглядела преступлением, но и, напротив, всячески приветствовалась. Таким образом, под пером авторов XVI–XVIII вв. царевич Тукель-Буга превратился в узурпатора Тук-Бугу – не то башкира, не то уйгура.

Глава 12
Узурпаторы и самозванцы в современной историографии

Следующий интересный пример «историографического» самозванства мы находим у выдающегося российского востоковеда О. И. Сенковского, известного также как «барон Брамбеус». В своей статье, представляющей собой рецензию на публикацию И. Н. Березиным исторического сочинения конца XVI в., известного под названием «Шейбаниада» [Березин, 1849] (о котором он, кстати, отозвался в целом довольно пренебрежительно), исследователь утверждает, что знаменитый среднеазиатский завоеватель Мухаммад Шайбани-хан, основатель Бухарского ханства Шайбанидов, оказывается, вовсе не принадлежал к ханскому роду, а был самозванцем. По мнению О. И. Сенковского, имя «Шайбак» («Шибак») – всего лишь сокращение от «шейх Ибак», и что его прадед, шейх-Девлет (или Девлет-шейх) был, по всей видимости, духовным лицом. А его потомки (начиная с Абу-л-Хайра, деда Мухаммада Шайбани), захватив власть, объявили себя ханами и даже приписались к потомкам Чингис-хана, которые превратились к этому времени (спустя 15–20 поколений после Джучи и Бату) «в разряд обыкновенного дворянства» [Сенковский, 1859, с. 6–8].

Исследователь не принял во внимание, что «Ибак» является, в свою очередь, сокращением от имени Ибрагим, а такого имени Мухаммад Шайбани никогда не носил. Приведенный Сенковским «аналогичный пример» из русских летописей («Шихмат» вместо «Шейх-Ахмед») [Там же, с. 7] вряд ли можно счесть аналогией: «Шайбак» является отнюдь не русским вариантом, а персидским или тюркским.[183]

Если в рассмотренных нами выше примерах причины появления «историографических» узурпаторов выглядят вполне понятными, то в данном случае их выявить не представляется возможным. Зачем О. И. Сенковскому понадобилось опровергать принадлежность Мухаммада Шайбани к роду Чингисидов, которая подтверждается достаточно многочисленными и независимыми друг от друга источниками, включая труды, составленные при дворах врагов этого хана? Остается полагать, что либо исследователь решил в очередной раз проявить оригинальность (непростой характер и экстравагантность «барона Брамбеуса» в свое время были хорошо известны), либо же использовал свое неподкрепленное источниками утверждение как

дополнительный аргумент в пользу низкой ценности рецензируемой им работы. Справедливости ради стоит отметить, что высказанное Сенковским мнение не получило поддержки и распространения в науке и приводится нами как интересный нюанс из области историографии, касающийся истории самозванства и узурпаторства в тюрко-монгольских государствах.

«Не повезло» в историографии и двум золотоордынским ханам начального периода «Великой замятни» – Кульне (Кулпе) и Наурусу (Неврузу): их «обвинили» в самозванстве очень авторитетные ученые – Г. Е. Грумм-Гржимайло, известный своими солидными изысканиями в области монголоведения в первой половине XX в., и Л. Н. Гумилев, являвшийся популярным и читаемым автором в конце того же века [Грумм-Гржимайло, 1994, с. 118; Гумилев, 1995, с. 167]. Никаких аргументов в пользу своего утверждения они не приводили, соответственно, не давалось ими и никаких ссылок на источники, послужившие основанием для признания Кульны и Науруса самозванцами, выдававшими себя за членов ханского рода. По всей видимости, и Грумм-Гржимайло, и Гумилев либо могли добросовестно заблуждаться и перенести сведения источников о самозванстве лже-Кильдибека (подробнее см. гл. 9 наст. изд.) на двух его предшественников, либо же сознательно утрировали неопределенность сведений о происхождении обоих ханов, чтобы подчеркнуть, насколько глубоким был политический кризис в Золотой Орде в 1360–1370-е годы.

Как и в случае с утверждением Сенковского о самозванстве Мухаммада Шайбани-хана, версия Грумм-Гржимайло и Гумилева не нашла значительной поддержки в историографии. Большинство авторов работ по истории Золотой Орды и русско-ордынских отношений просто нейтрально пишут о кратковременном царствовании Кульны и Науруса, не задаваясь вопросом об их происхождении (хотя, будь они самозванцами, исследователи, несомненно, отметили бы это). Некоторые специалисты даже пытаются восстановить генеалогическую принадлежность этих ханов [Гаев, 2002, с. 18–19; Григорьев, Григорьев, 2002, с. 126–128; Сафаргалиев, 1960, с. 276–277], фактически опровергая утверждения об их самозванстве.

Еще несколько интересных предположений о самозванцах в Золотой Орде было высказано вышеупомянутым В. П. Юдиным. Так, например, в одной из своих работ он упоминает о том, что «Исатай из племени кыйат и Алатай из племени сиджут, сторонники золотоордынского хана Узбека, который сам был лже-Чингисидом, убили его соперника-нечингисида Ток-Бугу, пытавшегося “узурпировать” ханскую власть». Далее

исследователь развивает эту мысль, отмечая, что хан Узбек, не будучи потомком Чингис-хана, подобно другим самозванцам, сочинил легенду о своем происхождении от одного из прежних золотоордынских ханов [Юдин, 1992*а*, с. 20]. Однако В. П. Юдин нигде не уточняет, на каком основании он делает вывод, что Узбек был самозванцем. Лишь ниже, в своем примечании к сочинению «Чингис-наме» Утемиша-хаджи исследователь еще раз отмечает:

> Обстоятельства появления Узбека в Золотой Орде очень сходны с появлением Туглук-Тимур-хана и Хызр-Ходжа-хана и многих других правителей, которых выдавали за действительных представителей династии и возводили на трон. В Русском государстве такими были Лжедмитрий и самозванцы, выдававшие себя за Петра III. В источниках мы не находим бесспорных фактов, которые бы говорили о том, что Узбек на самом деле был сыном Тогрылчи и, следовательно, потомком Бату. Вполне возможно, что линия потомков Бату пресеклась на Токте, а Узбек был самозванцем, который со временем, однако, сумел овладеть полнотой власти, при этом ссылаясь почему-то на М. Г. Сафаргалиева [Утемиш-хаджи, 1992, с. 92 (примеч. 24)], у которого ничего подобного мы не находим – напротив, он вполне однозначно упоминает о принадлежности Узбека к роду Бату, скрупулезно воспроизводя его генеалогию на основе восточных источников [Сафаргалиев, 1960, с. 64 и след.].

Итак, ни одной ссылки на источники, которые хотя бы косвенно подтверждали утверждение о самозванстве Узбека, В. П. Юдин не приводит, что не мешает ему, впрочем, энергично отстаивать свою позицию с помощью новых (таких же неподкрепленных убедительными доводами) утверждений. Не пытается он никак прояснить и позицию эмиров Исатая и Алатая, которые, по его мнению, расправились с одним узурпатором, Тук-Бугой, чтобы возвести на престол другого – Узбека. Зачем им это было нужно, когда сам же В. П. Юдин отмечает (опираясь на «Чингис-наме»), что в живых оставалось большое количество потомков Джучи, т. е. легитимных претендентов на трон Золотой Орды?

Не ограничиваясь «обвинением» в самозванстве Узбека, В. П. Юдин аналогичным образом объявляет самозванцами целую династию Туга-Тимуридов – правителей сначала Золотой Орды, а затем и многих постордынских государств, включая Крымское,

Казанское, Астраханское, Казахское и Бухарское ханства. Правда, тут, в отличие от казуса с Узбеком, у него имеются некоторые аргументы в пользу своей позиции, а именно: противоречивость сведений о происхождении ханов Синей (в ряде источников – Белой) Орды, в частности Урус-хана. В свое время еще Ч. Ч. Валиханов, сам являвшийся потомком казахских ханов, отмечал скудость сведений о происхождении своих предков и хронологии их прихода к власти (не высказывая, впрочем, сомнений в их происхождении от Туга-Тимура, тринадцатого сына Джучи) [Валиханов, 1986*а*, с. 260–261]. Юдин же, ссылаясь на противоречивость, запутанность и хронологическую неопределенность сообщений источников об этой династии, допускает истинность генеалогии ханов Синей (Белой) Орды второй половины XIV в., отраженной в источниках, выводящих ее от Туга-Тимура, однако дает понять, что склонен считать ее сомнительной. Поэтому он и характеризует Туга-Тимуридов как «неизвестную династию» уже в заголовке своей статьи, посвященной этому вопросу, а хан Урус (основатель казахской ханской династии), по его мнению, «“врывается” в историю казахских степей, не имея предшественников» [Юдин, 1992*б*, с. 64].

Наконец, В. П. Юдин находит еще целую династию узурпаторов в Золотой Орде – род Киятов, представители которого, согласно Утемишу-хаджи, управляли Синей (Белой) Ордой в течение трех поколений в 1320-е – начале 1360-х годов (Исатай/Иса – Джир-Кутлу – Тенгиз-Буга). И если в своих ранних работах он считает, что называть их узурпаторами можно с большой долей условности [Юдин, 1974] (см. также: [Юдин, 1992*а*, с. 44]), то в более поздних уже перестает оговаривать условный характер использования данного термина применительно к Киятам и вполне однозначно утверждает, что после смерти хана Бердибека они узурпировали власть в левом крыле Золотой Орды в ущерб представителям ханского рода Джучидов [Утемиш-хаджи, 1992, с. 103 (примеч. 68)]. В особенности этот термин применим к последнему представителю династии – Тенгиз-Буге, который, согласно «Чингис-наме», жестоко обращался с подчиненными ему восточными царевичами-Джучидами и в конце концов намеревался уничтожить их всех, возведя на трон одного из них в качестве подставного хана, однако царевичи предупредили его и сумели первыми уничтожить узурпатора [Утемиш-хаджи, 1992, с. 109–112]. Непонятно, правда, почему все-таки исследователь считает Тенгиз-Бугу узурпатором, если тот не намеревался объявить ханом самого себя, а планировал править через легитимного

хана-Чингисида – пусть даже и собственную «марионетку»…

Построения и выводы В. П. Юдина представляются несколько экстравагантными, поэтому неудивительно, что они не получили поддержки со стороны других исследователей.[184] Однако аналогичные идеи некоторых других авторов в отношении еще одного представителя рода Киятов были поддержаны исследователями в гораздо большей степени. Речь идет о знаменитом Мамае, который, начиная с некоторого времени, стал характеризоваться как узурпатор власти в Золотой Орде. Нами уже было посвящено специальное исследование проблеме формирования в историографии образа Мамая как узурпатора [Почекаев, 2010, с. 149–157], поэтому ниже мы кратко воспроизведем лишь основные свои выводы по данному вопросу.

Средневековые авторы нередко именовали Мамая ханом или царем, но, как мы предположили, либо добросовестно заблуждались относительно его статуса, либо же намеренно старались повысить его, чтобы представить победу над ним Дмитрия Донского на Куликовом поле более значительной [Почекаев, 2010, с. 149–152]. А прямое обвинение его в узурпации власти прозвучало впервые на рубеже 1980–1990-х годов в работах Л. Н. Гумилева, всячески стремившегося представить русско-ордынские отношения как союз. А противостояние московского государя Дмитрия Ивановича (впоследствии Донского) с Мамаем он объяснял тем, что Мамай являлся узурпатором власти, и московский государь, выступив против него якобы поступил как истинный друг и союзник законного хана-Чингисида Токтамыша [Гумилев, 1992*б*, с. 425; 1995, с. 170].

Можно было бы задать немало вопросов и привести множество возражений в связи с различными натяжками и противоречиями в концепции Гумилева, однако все это, как уже отмечалось, было сделано нами в другой работе. Теперь же для нас важно, что для многих последующих историков и публицистов красивая версия Льва Николаевича оказалась вполне убедительной и впоследствии неоднократно использовалась ими – несмотря на то что они знали о так называемых мамаевых ханах (см., напр.: [Абдулаева, 2009; Горский, 1998, с. 16; Кожинов, 2000; Кругов, 2005; Федотов, 2004, с. 202]).

В какой-то мере примыкает к версии об узурпаторстве Мамая еще одна концепция – о создании Мамаем самостоятельного государства на обломках Золотой Орды, фактически распавшейся в эпоху «Великой замятни». В исследовательской литературе появляются работы о «Мамаевой Орде» [Кучкин, 1996] и даже так называемом эмирате Мамая [Гончаров, 2005, с. 99; История, 2009, с. 577], что с правовой точки зрения также может оцениваться как

мятеж и узурпация.

Таким образом, Мамай из законного бекляри-бека, чей статус подтверждался всеми ханами, которых он поддерживал (а фактически возводил на престол), усилиями историков и популяризаторов их идей превратился в очередного «узурпатора» на золотоордынском троне (по версии Л. Н. Гумилева и его последователей), либо же создателя на золотоордынском пространстве собственного независимого государства (по версии В. А. Кучкина).

Наконец, последний из интересующих нас примеров опять же связан с золотоордынскими правителями и к тому же имеет прямое отношение к Мамаю, поскольку касается тех ханов, которые возводились им на престол. В ряде своих недавних работ казанский историк и этнограф Д. М. Исхаков, анализируя отдельные произведения средневекового татарского фольклора, сделал интересные наблюдения относительно происхождения «мамаевых ханов». Исследователь обратил внимание на упоминание, в частности, в татарско-башкирском дастане «Туляк и Сысулу» имен правителей Туляка и Габдуллы, причем с ханскими титулами – эти имена совпадают с именами ханов, возводившихся Мамаем на престол Золотой Орды. Сравнив эти сведения с данными ряда других средневековых источников (анонимного татарского исторического сочинения XVII в. «Дефтер-и Чингис-наме», а также ряда других татарских летописей и родословных-шеджере), Исхаков обнаружил, что деятельность Туляка и Габдуллы также связана с одним из регионов Золотой Орды, а именно – с Волжской Булгарией. Все это позволило исследователю высказать осторожное суждение о том, что Габдулла и Туляк (т. е. «мамаевы» ханы Абдаллах и Мухаммад-Булак) могли на самом деле быть не Чингисидами, а представителями булгарской княжеской династии, а также родственниками покровительствовавшего им Мамая [Исхаков, 2009*а*, с. 96–101; 2011*б*, с. 121–124, 126]. Безусловно, такая версия противоречит как ряду источников, сообщающих о принадлежности указанных правителей не просто к роду Чингисидов, но также и к ветви Бату, т. е. наиболее легитимному правящему семейству Золотой Орды, так и мнению большинства исследователей данной эпохи в истории Золотой Орды.[185] Однако в отличие от приведенных выше версий О. И. Сенковского, В. П. Юдина и Л. Н. Гумилева, она базируется на тщательном анализе различных исторических источников и потому заслуживает внимания как интересный пример возможности использования эпических и литературных произведений в качестве источников «альтернативной»

информации, нередко противоречащей уже устоявшимся в исторической науке мнениям и стереотипам. То есть, как следует из подназвания одной из работ самого Д. М. Исхакова, – возможности представить «новый взгляд на известные проблемы».

«Навязанное» родство. Все возрастающий интерес к истории рода Чингисидов заставляет исследователей и популяризаторов истории тюрко-монгольских государств искать представителей «золотого рода» там, где их не было. В результате в ряде работ Чингисидами объявляются правители, которые сами и не подозревали о своей принадлежности к ханскому роду.

За последние несколько лет, благодаря изысканиям кумыкских историков, были подробно рассмотрены различные аспекты исторического развития кавказского народа кумыков. В изучении различных проблем исследователи значительное внимание уделяют происхождению их правителей – шамхалов. Основываясь на довольно туманных сообщениях средневековых источников о правителях «из рода ордынских ханов» [Алиев, 2009, с. 11], кумыкские ученые восстанавливают генеалогию шамхалов, выводя их происхождение сразу от двух линий золотоордынского правящего семейства Джучидов. Согласно их изысканиям, первой династией кумыкских правителей являлись потомки Чолхана (в русской фольклорной традиции «Щелкан Дудентьевич») – двоюродного брата золотоордынского хана Узбека, потомка Бату; в конце XIV – начале XV в. эта династия сменяется другой – потомками Туга-Тимура, брата Бату, которые якобы управляли кумыками вплоть до 1867 г. В подтверждение своей концепции авторы довольно вольно интерпретируют данные летописных источников, эпоса и фольклора, филологии и исторической географии, считая возможным выводить происхождение кумыкских шамхалов из названий отдельных местностей и населенных пунктов (см., напр.: [Гусейнов, 2009, с. 316–318; 2010, с. 198–200]).

Подробно описывая происхождение кумыкских шамхалов, авторы не пытаются ответить на некоторые вопросы, которые неизбежно возникают, если допустить даже гипотетическое родство шамхалов с «золотым родом». В частности, не поднимается вопрос, почему являясь представителями именно правящих ветвей Джучидов (потомство Бату в XIV в. и потомство Туга-Тимура в XV–XIX вв.), эти владетели не участвовали в борьбе за золотоордынский трон в смутные времена, а также почему довольствовались «скромными» северо-кавказскими владениями, не пытаясь претендовать на соседние территории; все известные нам чингисидские династии постордынского времени вели себя именно таким образом. Кроме того, нет ответа и на вопрос,

почему предполагаемые Чингисиды обладали странным (для представителей «золотого рода») титулом шамхала, а не приняли ханский титул – при том, что кавказские правители ряда других династий обладали ханскими титулами, вовсе не претендуя на родство с потомками Чингис-хана.[186]

Единственное объяснение подобного настойчивого желания кумыкских исследователей объявить своих прежних правителей потомками золотоордынских ханов, на наш взгляд, желание привлечь внимание общественности к проблемам истории своего народа, ранее обладавшего собственным государством, а сегодня не имеющего даже национально-культурной автономии. В самом деле, история кумыков интересна и, безусловно, заслуживает внимания, однако попытки связать их правителей с Чингисидами выглядят настолько натянуто, что заставляют с большой долей критичности относиться и к другим изысканиям кумыкских историков в области их национальной истории.

Еще одна династия правителей «неожиданно» оказывается связанной с Чингисидами в работах казахстанского автора Ж. М. Сабитова, позиционирующего себя как ведущего специалиста по генеалогии «торе» («тура»), т. е. потомков Чингис-хана: валашские правители конца XIII–XIV вв. Опираясь на сомнительные сведения отдельных румынских, турецких и даже американских авторов, ученый выводит происхождение правителей Валахии от Беркечара – еще одного сына Джучи [Сабитов, 2008, с. 35–39]. С результатами работы кумыкских авторов эту гипотезу сближает одинаковый подход: попытки вывести генеалогию на основе сходно звучащих имен местных правителей и отдельных представителей джучидской династии, а весьма и весьма вольные допущения подаются им как установленные факты. Аналогичным образом непонятно почему эти «Чингисиды» довольствовались сравнительно небольшими владениями на Дунае и к тому же носили титул не ханов, а воевод, а затем – господарей.

Итак, можно увидеть, что благодаря изысканиям историков, которые по тем или иным причинам склонны были «обвинить» в самозванстве и узурпаторстве деятелей, которые не являлись таковыми в соответствии с историческими источниками, число лиц, бросавших вызов харизме и власти рода Чингис-хана, довольно существенно возрастает, равно как и число мнимых Чингисидов, бросивших вызов крови «золотого рода».

Заключение

Итак, нами были рассмотрены многочисленные примеры незаконных претензий на власть и захвата власти в тюрко-монгольских государствах чингисидского и постчингисидского времени, на основе которых была предпринята попытка выявить некие общие закономерности борьбы за власть тех претендентов, которые не имели прав на престол. По итогам исследования можно выделить несколько основных периодов, в которые наиболее ярко проявлялись определенные особенности борьбы за власть и средства обеспечения легитимации власти в случае незаконного занятия трона.

Первый этап мы предлагаем рассматривать как имперский – это период существования Монгольской империи и «четырех улусов», выделившихся из ее состава в результате распада, которые также являлись государствами имперского типа. Этот период, охватывающий XIII–XV вв. (хотя некоторые тюрко-монгольские имперские государственные образования распались и раньше, в XIV в.), характеризуется тем, что борьба за власть шла преимущественно между потомками Чингис-хана. Таким образом, признавалась своеобразная монополия этого рода на ханский титул и верховную власть, причем в любом из государств на пространстве распавшейся империи Чингис-хана.

Это, впрочем, не означало, что незаконных захватов власти в это время не было: многие Чингисиды занимали трон либо путем восстания против законно избранного хана, либо же игнорировали необходимость соблюдения процедуры избрания. Однако будучи ревностными приверженцами монгольского имперского законодательства («Ясы Чингис-хана»), Чингисиды не могли допустить, чтобы их обвиняли в незаконных действиях при занятии трона, поэтому использовались самые разнообразные средства, для обоснования захвата власти – от прямого апеллирования к закону и завещаниям предшественников до ссылок на свое более привилегированное положение или в крайнем случае на обвинения монарха, занимающего трон, с целью его смещения.

Второй этап, охватывающий преимущественно XV–XVIII вв. (в некоторых государствах хронологические рамки могут несколько отличаться), характеризуется окончательным распадом чингисидских империй, хотя отдельные попытки их восстановления предпринимались еще и в XVI в. Соответственно, авторитет Чингисидов падает, и они утрачивают статус единственно законных правителей в глазах своих подданных.

Прямым следствием этой тенденции является вступление в борьбу за верховную власть и даже за ханские титулы претендентов нечингисидского происхождения. Поскольку, несмотря на кризис чингисидской легитимности, происхождение от Чингис-хана в качестве условия занятия трона не отменяется, новым претендентам нужны другие основания для претензий на власть, чтобы не выглядеть узурпаторами. Причем они должны быть равнозначными происхождению от «золотого рода». В результате на троны бывших чингисидских государств (вернее, государств, образовавшихся после их распада) вступают выходцы из нечингисидских династий. В качестве альтернативы чингисидскому происхождению они задействуют новые факторы легитимации, среди которых тем не менее имеется также и родство с Чингисидами (по мужской боковой или прямой женской линии), однако наравне с родством обоснованием захвата власти выступает религиозный фактор – действия в интересах религии, либо с санкции высших духовных авторитетов, а также региональный фактор: чингисидским имперским амбициям противопоставлялась защита интересов конкретного региона (что должно было склонить симпатии местных жителей к представителю региональной элиты, а не «чуждому» Чингисиду). При этом очень важно отметить, что в большинстве случаев эти факторы, во-первых, проявляются по-разному (т. е. можно выделить отдельные варианты задействования каждого из них), во-вторых, зачастую используются в комбинации – например, родство с Чингисидами в сочетании с получением инвеституры от высшего духовного лица соответствующей религии.

Наконец, третий этап, охватывающий XVI – начало XX в., – это эпоха иностранного владычества над большинством тюрко-монгольских государств: Османской империи над Крымским ханством, китайской империи Цин над монгольскими ханствами (в том числе и кратковременный сюзеренитет над ойратскими государствами в Тибете и Джунгарии, до времени их полной аннексии), сюзеренитет России над Казахстаном и протекторат над среднеазиатскими ханствами. В связи с этим происходит существенная трансформация политико-правовых ценностей, появляются новые факторы легитимации власти, равно как и новые основания для признания лиц, добившихся этой власти, незаконными правителями. Так, например, даже законно пришедшие к власти ханы могли утратить легитимность в глазах своих подданных, если слишком явно пользовались поддержкой и покровительством иностранных государей. В то же время воля сюзерена в этот период также становится источником власти и

фактором легитимации: даже если потомственный Чингисид избирался в ханы с соблюдением всех необходимых церемоний и ритуалов, он мог быть признан узурпатором, если его не утверждали власти государства-сюзерена (естественно, узурпатором в глазах этих самых властей). Следствием жесткой политики государств-сюзеренов являлась национально-освободительная борьба, которая также становилась способом прихода к власти руководителей освободительных движений и закрепления легитимности их в глазах подданных.

Особняком от трех вышеописанных этапов в книге рассмотрены случаи самозванства, имевшие место в истории тюрко-монгольских государств. Не такие многочисленные, как, например, в европейской истории (что связано с более глубоким знанием представителями тюрко-монгольских народов своих родословных), эти примеры тем не менее также могут быть рассмотрены в рамках нескольких категорий, включая виды самозванства и пределы их претензий на власть.

Завершает книгу небольшой раздел историографического характера: в нем рассматриаются случаи, когда правители тюрко-монгольских государств обвинялись в узурпации власти или самозванстве не своими современниками, а более поздними историками. В результате число «узурпаторов» и «самозванцев» в истории тюрко-монгольских государств оказалось намного больше, чем было известно современникам тех деятелей, которых историки впоследствии обвинили в незаконном посягательстве на власть.

Безусловно, предлагаемая периодизация является в значительной степени условной. Ее хронологические рамки применительно к отдельным государствам и регионам могут сдвигаться или раздвигаться; тема же самозванства вообще не вписывается в хронологию, поскольку критерии классификации самозванцев предлагаются совершенно иные. Кроме того, мы не можем утверждать, что Чингисиды не участвовали в борьбе за власть в рамках второго периода, который мы обозначили как эпоху борьбы за власть именно нечингисидов. Однако эта условность, на наш взгляд, еще лучше отражает степень сложности политико-правовых процессов в сфере борьбы за власть, характерную для истории тюрко-монгольских государств, невозможность вписать все примеры ее проявления в жесткие рамки, а также и применения, во-первых, современных, и во-вторых, западных, европейских политико-правовых стандартов и категорий к историческим реалиям евразийского мира.

И хотя наше исследование посвящено прошлому тюрко-монгольских государств, думаем, нетрудно будет заметить, что

многие черты их политико-правового развития и сегодня довольно четко проявляются в политической жизни стран и народов, являющихся преемниками этих государств. Надеемся, что в связи с этим книга окажется полезной всем тем, кого интересуют вопросы исторического, политического, правового, а также и геополитического развития Евразии.

Литература

Абдилдабекова, 2009 – *Абдилдабекова А. М.* Почему была табуирована история восстания Кенесары Касымова в советское время? // Вестник Челябинского университета. 2009. № 12 (150). Вып. 31. История. С. 138–144.

Абдулаева, 2009 – *Абдулаева Г.* Фиаско Мамая и триумф Тохтамыша // Татарский мир. 2009. № 2 (6301). С. 12.

Абрамзон, 2002 – *Абрамзон С.* У истоков манапства (экспедиционные очерки) // Ормон хан в научных трудах и архивных материалах: Сб. материалов / сост. Ж. Токтоналиев. Бишкек: Акыл; Кыргызстан, 2002. С. 20–27.

Абуев, 2012 – *Абуев К. К.* Хан Абылай: выдающийся государственный деятель, полководец, дипломат // История Казахстана: итоги научных исследований и презентация проекта десятитомной «Отан тарихы» / История Отечества. Материалы междунар. науч. – практ. конф. (Алматы, 19 апреля 2012 г.). Алматы: Ин-т истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова, 2012. С. 112–120.

Абуль-Гази, 1996 – *Абуль-Гази-Бахадур-хан.* Родословное древо тюрков / пер. Г. Саблукова // Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков. Иоакинф. История первых четырех ханов дома Чингисова. Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии. М.; Ташкент; Бишкек: Междунар. изд-во «Туркестан», 1996. С. 3–187.

Абусеитова, 1985 – *Абусеитова М. Х.* Казахское ханство во второй половине XVI века. Алма-Ата: Наука, 1985.

Абусеитова, Баранова, 2001 – *Абусеитова М. Х., Баранова Ю. Г.* Письменные источники по истории и культуре Казахстана и Центральной Азии в XIII–XVIII вв. Алматы: Дайк-Пресс, 2001.

Азимджанова, 1957 – *Азимджанова С.* К истории Ферганы второй половины XV в. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957.

Айни, 1966 – *Айни С.* История мангытских эмиров // Айни С. Собр. соч. Т. 6. М.: Наука, 1966. С. 266–312.

Акимбеков, 2011 – *Акимбеков С.* История степей: феномен государства Чингисхана в истории Евразии. Алматы: Центр Азии, 2011.

Акимушкин, 1976 – *Акимушкин О. Ф.* Введение в изучение памятника // Шах-Махмуд Чурас. Хроника / пер., коммент., исслед. О. Ф. Акимушкина. М.: Наука, 1976. С. 23–146.

Акимушкин, 2001 – *Акимушкин О. Ф.* «Тарих-и Кашгар»: источниковедческий и историографический анализ // Тарих-и Кашгар / изд. текста, введ. и указ. О. Ф. Акимушкина. СПб.:

Петербургское Востоковедение, 2001. С. 7–30.

Акимушкин, 2004 – *Акимушкин О. Ф.* Хронология правителей восточной части Чагатайского улуса (линия Туглук-Тимур-хана) // Акимушкин О. Ф. Средневековый Иран. Культура. История. Филология. СПб.: Наука, 2004. С. 257–269.

Акманов, 1993 – *Акманов И. Г.* Башкирские восстания XVII – начала XVIII вв. Уфа: Китап, 1993.

Алексеев, 1914 – *Алексеев В. А.* Шагин-Гирей, последний хан крымский // Наша старина. 1914. Май. С. 440–453.

Алексеев, 2006 – *Алексеев А. К.* Политическая история Тукай-Тимуридов: По материалам персидского исторического сочинения Бахр ал-асрар. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006.

Алексеев, 2008 – *Алексеев А. К.* Йаса и ислам: особая модель функционирования административно-правовых институтов ханств Мавераннахра // Рахмат-наме: Сб. статей к 70-летию Р. Р. Рахимова. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 37–46.

Алиев, 2009 – *Алиев К. М.* К этнополитической истории кумыков в составе Золотой Орды (XIII–XV вв.) // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 1. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009. С. 9–15.

Алтан-Тобчи, 1858 – *Алтан-Тобчи.* Монгольская летопись. С прил. калмыцкого текста Истории Убаши-Хунтайджия и его войны с Ойратами / пер. Г. Гомбоева // Труды Восточного отделения Императорского археологического общества. Ч. VI. СПб.: Изд-во Императорской Академии наук, 1858.

Анваров, 1994 – *Анваров А.* Малоизвестный английский источник по истории Восточного Туркестана // Известия АН Республики Казахстан. Сер. Общественные науки. 1994. № 6. С. 9–16.

Андреев, 1998 – *Андреев И. Г.* Описание Средней Орды киргиз-кайсаков. Алматы: Гылым, 1998.

Аннаоразов, 2013 – *Аннаоразов Дж.* Восстание туркменских кочевников в 1931 г. // Вопросы истории. 2013. № 5. С. 36–53.

Аннинский, 1940 – *Аннинский С. А.* Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. 1940. № 3. С. 71–112.

Арапов, 2002 – Мусульманское движение в Средней Азии в 1910 г. (По архивным материалам Департамента полиции Министерства внутренних дел Российской империи) / публ. Д. Ю. Арапова // Сборник Русского исторического общества. Т. 5 (153). М.: Русская панорама, 2002. С. 127–13 4.

Арендаренко, 1974 – Бухара и Афганистан в начале 80-х годов XIX в. (Журналы командировок Г. А. Арендаренко). М.: Наука, 1974.

Арсланова, 2004 – *Арсланова А. А.* Причины войн Улуса Джучи с хулагуидским Ираном // Нижнее Поволжье и Исламская Республика Иран: исторические, культурные, политические и экономические связи. Саратов, 2004. <http://www.sgu.ru>.

Артамонов, 1962 – *Артаманов М. И.* История хазар. М.: Наука, 1962.

Артыкбаев, 1993 – *Артыкбаев Ж. О.* Казахское общество в XIX веке: традиции и инновации. Караганда: Полиграфия, 1993.

Асфендиаров, 1936 – *Асфендиаров С. Д.* Национально-освободительное восстание 1916 г. в Казахстане. Алма-Ата; Москва: Казахстанское краевое изд-во, 1936.

Атдаев, 2010 – *Атдаев С. Д.* Туркмены Хивинского ханства в XVIII веке. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2010.

Ахари, 1984 – *Абу Бакр ал-Кутби ал-Ахари.* Тарих-и шейх Увейс / пер. М. Д. Кязимова, В. З. Пириева. Баку: Элм, 1984.

Ахмадов, 2002 – *Ахмадов Ш. Б.* Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века (Очерки социально-экономического развития и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII – начале XIX века). Элиста: Джангар, 2002.

Ахмедов, 1982 – *Ахмедов Б. А.* История Балха (XVI – первая половина XVIII в.). Ташкент: Фан, 1982.

Ахмедов, 1985 – *Ахмедов Б. А.* Историко-географическая литература Средней Азии XVI–XVIII вв. (письменные памятники). Ташкент: Фан, 1985.

Ахмедов, 1994 – *Ахмедов Б. А.* О времени и обстоятельствах смены на рубеже XVI–XVII вв. династии Шейбанидов Аштарханидами // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 2. М.: Восточная литература, 1994. С. 161–171.

Аюшеева, 2006 – *Аюшеева М. В.* Мэргэн-Гэгэн Лубсандамбижалцан (1717–1766) и его письменное наследие в истории культуры монголов: дис. … канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2006.

Аякова, 2004 – *Аякова Ж. А.* Социально-философские аспекты буддизма Бурятии: дис. … канд. филос. наук. Улан-Удэ, 2004.

Баабар, 2010 – *Баабар.* История Монголии: от мирового господства до советского сателлита. Казань: Татарское книжное изд-во, 2010.

Бабаджанов, 2009 – *Бабаджанов Б.* Андижанское восстание 1898 года и «мусульманский вопрос» в Туркестане (взгляды «колонизаторов» и «колонизированных») // Ab Imperio. 2009. № 2. С. 155–200.

Бабаджанов, 2010 – *Бабаджанов Б. М.* Кокандское ханство: власть, политика, религия. Токио; Ташкент: Yangi nashr, 2010.

Бабур, 1992 – Бабур-наме / пер. М. А. Салье. Ташкент: Главная редакция энциклопедий, 1992.

Баганова, 2010 – *Баганова М.* Самозванцы. Главные аферы всемирной истории. Лжегерои. Лжезлодеи. Лжемудрецы. М.: Астрель, 2010.

Базарова, 2006 – *Базарова Б. З.* Монгольские летописи – памятники культуры. М.: Восточная литература, 2006.

Байхожаев – *Байхожаев А.* Судьба правителей двух родов в свете русско-хивинской политики в 40–60 гг. XIX в. (к вопросу о гибели Жанхожи Нурмухаммедова). <http://lib.kazsu.kz/ctlgs>.

БАМРС, 2001 – Большой академический монгольско-русский словарь / под общ. ред. А. Лувсандэндэва, Ц. Цэдэндамба; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. I. М.: Academia, 2001.

БАМРС, 2002 – Большой академический монгольско-русский словарь / под общ. ред. А. Лувсандэндэва, Ц. Цэдэндамба; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. IV. М.: Academia, 2002.

Бартольд, 1943 – *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья. Фрунзе: Киргизгосиздат, 1943.

Бартольд, 1963*а* – *Бартольд В. В.* История культурной жизни Туркестана // Бартольд В. В. Соч. Т. II. Ч. 1. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. С. 167–432.

Бартольд, 1963*б* – *Бартольд В. В.* Очерк истории туркменского народа // Бартольд В. В. Соч. Т. II. Ч. 1. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. С. 547–624.

Бартольд, 1963*в* – *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В. В. Соч. Т. I. М.: Изд-во восточной литературы, 1963.

Бартольд, 1965*а* – *Бартольд В. В.* Бадахшан // Бартольд В. В. Соч. Т. III. М.: Наука, 1965. С. 343–347.

Бартольд, 1965*б* – *Бартольд В. В.* Хорезм // Бартольд В. В. Соч. Т. III. М.: Наука, 1965. С. 544–552.

Бартольд, 1966*а* – *Бартольд В. В.* Теократическая идея и светская власть в мусульманском государстве // Бартольд В. В. Соч. Т. VI. М.: Наука, 1966. С. 303–320.

Бартольд, 1966*б* – *Бартольд В. В.* Халиф и султан // Бартольд В. В. Соч. Т. VI. М.: Нау ка, 1966. С. 15–78.

Бартольд, 2002*а* – *Бартольд В. В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Бартольд В. В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Восточная литература, 2002. С. 17–192.

Бартольд, 2002*б* – *Бартольд В. В.* Дуглат (из «Энциклопедии ислама») // Бартольд В. В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Восточная литература, 2002. С. 529–533.

Бартольд, 2002*в* – *Бартольд В. В.* Калга (из «Энциклопедии ислама») // Бартольд В. В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Восточная литература, 2002. С. 537.

Бартольд, 2002 *г* – *Бартольд В. В.* Коканд // Бартольд В. В. Работы по исторической географии. М.: Восточная литература, 2002. С. 462–466.

Барфилд, 2002 – *Барфилд Т.* Мир кочевников скотоводов // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М.: Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, 2002. С. 43–61.

Барфилд, 2009 – *Барфилд Т.* Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.) / пер. с англ. Д. В. Рухлядева, В. Б. Кузнецова; науч. ред. и предисл. Д. В. Рухлядева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009.

Башкирские родословные, 2002 – Башкирские родословные / сост., предисл., пер., послесл. и указ. Р. М. Булгакова, М. Х. Надергулова; науч. рук. Р. Г. Кузеев. Вып. 1. Уфа: Китап, 2002.

Безкоровайная, 2010 – *Безкоровайная Ю. Е.* К вопросу о понятиях «легальность» и «легитимность» государственной власти в теории права // Вестник Омского государственного университета. Сер. Право. 2010. № 2 (23). С. 15–22.

Бейсембиев, 1985 – *Бейсембиев Т. К.* Духовенство в политической жизни Кокандского ханства в XVIII–XIX веках (по некоторым сочинениям кокандской историографии) // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М.: Наука, 1985. С. 37–46.

Бейсембиев, 1987 – *Бейсембиев Т. К.* «Тарих-и Шахрухи» как исторический источник. Алма-Ата: Наука, 1987.

Бейсембиев, 2004*а* – *Бейсембиев Т. К.* Возрождение чагатайской государственной идеи в Мавераннахре (конец XVIII – начало XIX вв.) // Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дашт-и Кипчака в XIII–XVIII вв. Материалы Междунар. круглого стола. Алматы: Дайк-Пресс, 2004. С. 97–114.

Бейсембиев, 2004*б* – *Бейсембиев Т. К.* Высшая администрация Ташкента и юга Казахстана в период Кокандского ханства: 1809–1865 (просопографический обзор по кокандским хроникам) // Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дашт-и Кипчака в XIII–XVIII вв. Материалы Междунар. круглого стола. Алматы: Дайк-Пресс, 2004. С. 291–313.

Бейсембиев, 2007 – *Бейсембиев Т. К.* Среднеазиатский (чагатайский) тюрки и его роль в культурной истории Евразии (взгляд историка) // Тюркологический сборник. 2006. М.: Восточная литература, 2007. С. 77–94.

Бейсембиев, 2009 – *Бейсембиев Т. К.* Кокандская историография. Исследование по источниковедению Средней Азии XVIII–XIX веков. Алматы: Print-S, 2009.

Бекмаханов, 1992 – *Бекмаханов Е.* Казахстан в 20–40 годы XIX века. Алма-Ата: Казак университеті, 1992.

Беляев, Настич, б.г. – *Беляев В. А., Настич В. Н.* Медные пулы Джунгарского ханства XVIII в. <Zeno.ru>.

Беляков, 2011 – *Беляков А. В.* Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: Миръ, 2011.

Беляков, 2012 – *Беляков А. В.* Чингисиды в России XV–XVII веков. Лишние люди? // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 4. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2012. С. 181–186.

Беневени, 1986 – Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 годах. М.: Наука, 1986.

Беннигсен, 1912 – Легенды и сказки Центральной Азии, собранные графом А. П. Беннигсен. СПб.: Изд-во графа А. П. Беннигсена, 1912.

Беннигсен, Лемерсье-Келькеже, 2009 – *Беннигсен А., Лемерсье-Келькеже Ш.* Московия, Османская империя и кризис наследования ханской власти в Крыму в 1577–1588 гг. Кочевническая традиция против модели оседлых монархий // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей: Сб. статей. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009. С.

Бенсон, 2005 – *Бенсон Л.* Осман батыр: золотая легенда казахов // История Казахстана в западных источниках XII–XX вв. Т. 3. Алматы: Санат, 2005. С. 136–178.

Березин, 1849 – *[Березин И. Н.]* Шейбаниада: История монголо-тюрков на джагатайском диалекте. Казань, 1849.

Биккинин, 2004 – *Биккинин И.* Татарская аристократия темниковского княжества и ее потомки // Культурные традиции Евразии: вопросы средневековой истории и археологии. Сер. Восток-Запад: Диалог культур Евразии. Вып. 4. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2004. С. 292–308.

Билигсайхан, 2008 – *Билигсайхан Ч.* Монгольские беллетризированные исторические сочинения // Altaica XIII. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2008. С. 13–26.

Биография, 1965 – Биография Елюй Чуцая из «Юань ши» // *Мункуев Н. Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах: Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая. М.: Наука, 1965. С. 185–201.

Бира, 1978 – *Бира Ш.* Монгольская историография (XIII–

XVII вв.). М.: Наука, 1978.

Бичурин, 1829 – *Бичурин Н. Я.* (*о. Иакинф*). Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии / пер. с кит. Ч. I–II. СПб., 1829.

Бичурин, 1991 – *Бичурин Н. Я.* (*о. Иакинф*). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1991.

Бичурин, 2005 – *Бичурин Н. Я.* (*о. Иакинф*). История первых четырех ханов из дома Чингисова // История монголов. М.: АСТ, 2005. С. 7–234.

Бобров, Худяков, 2010 – *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Огнестрельное оружие в войсках Джунгарского ханства (1635–1758 гг.) // Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана / Научные чтения памяти Н. Э. Масанова. Сб. материалов Междунар. науч. конф. (Алматы, 23–24 апреля 2009 г.). Алматы: Print-S, 2010. С. 204–218.

Большой атлас, 2008 – Большой атлас истории и культуры Казахстана / гл. рук. проекта А. Ш. Бимендиев; гл. ред. колл. К. М. Байпаков (пред.) и др.; науч. ред. К. З. Ускенбай. Алматы: АБДИ Компани, 2008.

Боронин, 2003 – *Боронин О. В.* Двоеданничество в Сибири. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2003.

Букейханов, 1901 – *Букейханов А.* Из переписки киргизских ханов, султанов и проч. // Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 год. Вып. V. Семипалатинск, 1901. Отд. II. С. 1–17.

Бухари, 1957 – *Мир Мухаммед Амин-и Бухари.* Убайдалланаме / предисл., пер. и коммент. А. А. Семенова. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957.

Валиханов, 1985*а* – *Валиханов Ч. Ч.* Аблай // Валиханов Ч. Ч. Собр. соч.: в 5 т. Т. 4. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. С. 111–116.

Валиханов, 1985*б* – *Валиханов Ч. Ч.* [Письмо] Ф. М. Достоевскому // Валиханов Ч. Ч. Собр. соч.: в 5 т. Т. 5. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. С. 150–152.

Валиханов, 1985*в* – *Валиханов Ч. Ч.* Шуна-батыр (авантюрист XVIII ст.) // Валиханов Ч. Ч. Собр. соч.: в 5 т. Т. 4. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. С. 8–13.

Валиханов, 1986*а* – *Валиханов Ч. Ч.* Киргизское родословие // Валиханов Ч. Ч. Избранные произведения. М.: Наука, 1986. С. 251–265.

Валиханов, 1986*б* – *Валиханов Ч. Ч.* О состоянии Алтышара,

или Шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии), в 1858–1859 годах // Валиханов Ч. Ч. Избранные произведения. М.: Наука, 1986. С. 112–225.

Валиханов, 2004 – *Валиханов Э.* Кенесары. М.: Молодая гвардия, 2004.

Василик, 2012 – *Василик В. В.* Образ самозванца в нарративе первой трети XVII в.: Лжедимитрий как Юлиан Отступник и Антихрист // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского гос. ун-та. Т. 10: Смутное время в России: конфликт и диалог культур. Материалы науч. конф. (Санкт-Петербург, 12–14 октября 2012 г.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. С. 29–34.

Васильев, 2007*а* – *Васильев А. Д.* Взаимоотношения Османской империи и государств Центральной Азии в середине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2007.

Васильев, 2007*б* – *Васильев А. Д.* Взаимоотношения Османской империи и государства Якуб-бека Кашгарского // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2007. № 2. С. 13–23.

Васильев, 2009 – *Васильев А. Д.* Рапорт Кашгарского посланника в Стамбуле султану Абдулхамиду II о китайском вторжении и падении государства Якуб-бека // Вестник Российского гос. гуманитарного ун-та. 2009. № 8. С. 92–101.

Вершинин, 1998 – *Вершинин Е.* Неверность «бродячих царевичей». Зауральское степное пограничье в XVII веке // Родина. 1998. № 1. С. 60–63.

Веселовский, 1877 – *Веселовский Н. И.* Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб.: Типография братьев Пантелеевых, 1877.

Веселовский, 1899 – *Веселовский Н.* Бадаулет Якуб-Бек, аталык Кашгарский // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. XI. 1897–1898. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1899. С. 87–104.

Веселовский, 1922 – *Веселовский Н. И.* Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время // Записки Российской академии наук. Сер. VIII. Т. XIII. Пг.: Типография Российской Академии наук, 1922.

Винничек, Лебедев, 2004 – *Винничек В. А., Лебедев В. П.* Период экономической активности на Никольском селище по нумизматическим данным // Древности Поволжья и других регионов. Вып. V. Нумизматический сборник. Т. 4. М.; Нижний Новгород: Нумизматическая литература, 2004. С. 119–148.

Виткевич, 1983 – Записка И. В. Виткевича // Записки о Бухарском ханстве. М.: Наука, 1983. С. 84–129.

Владимирцов, 2002*а* – *Владимирцов Б. Я.* Монгольское ongniyud – феодальный термин и племенное название // Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: Восточная литература, 2002. С. 289–294.

Владимирцов, 2002*б* – *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм // Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: Восточная литература, 2002. С. 295–488.

Восемнадцать, 2002 – Восемнадцать степных законов: Памятник монгольского права XVI–XVII вв. / пер., коммент. и исслед. А. Д. Насилова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002.

Восстание, 1937 – Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы. М.: Госсоцэкгиз, 1937.

Восстание, 1960 – Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. документов. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

Вяткин, 1947 – *Вяткин М. П.* Батыр Срым. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947.

Гаврилов, 1927 – *Гаврилов М. Ф.* Страничка из истории Якуб-бека Бадаулета – правителя Кашгарии. Ташкент: Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, 1927.

Гаев, 2002 – *Гаев А. Г.* Генеалогия и хронология Джучидов. К выяснению родословия нумизматически зафиксированных правителей Улуса Джучи // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV. Нумизматический сборник. Т. 3. М.: Информэлектро, 2002. С. 9–55.

Гайворонский, 2003 – *Гайворонский А.* Созвездие Гераев. Симферополь: Доля, 2003.

Гайворонский, 2004 – *Гайворонский О.* Страна Крым. Крымское ханство в лицах и событиях. Кн. 1. Симферополь: Доля, 2004.

Гайворонский, 2007 – *Гайворонский О.* Повелители двух материков. Т. 1: Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. Киев; Бахчисарай: Оранта, 2007.

Гайворонский, 2009 – *Гайворонский О.* Повелители двух материков. Т. II: Крымские ханы первой половины XVII столетия в борьбе за самостоятельность и единовластие. Киев; Бахчисарай: Оранта, 2009.

Галдан, 2012 – *Галдан.* История монголов, именуемая «Эрдэнийн эрихэ» / исслед. и коммент. пер. П. Б. Балданжапова, Ц. П. Ванчиковой. Улан-Батор: Ин-т истории АНМ; Улан-Удэ:

ADMON, 2012.

Гарбузарова, 2009 – *Гарбузарова Е. Г.* Восточный Туркестан в спектре геополитических интересов России и Великобритании в XIX в. // AUCA Academic Review. 2009. P. 55–63.

Гатин, 2011 – *Гатин М. С.* Сведения письменных источников по вопросу употребления алкогольных напитков номадами Золотой Орды в доисламский период // Золотоордынское наследие. Вып. 2. Материалы Второй междунар. науч. конф. «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М. А. Усманова (Казань, 29–30 марта 2011 г.). Казань: Фолиант, 2011. С. 90–96.

Гафуров, 1955 – *Гафуров Б. Г.* История таджикского народа в кратком изложении. Т. I: С древнейших времен до Великой Октябрьской Социалистической Революции 1917 г. М.: Госполитиздат, 1955.

Гафуров, 1987 – *Гафуров А.* Имя и история. М.: Наука, 1987.

Гедин, 1899 – *Гедин С.* В сердце Азии. Памир. Тибет. Восточный Туркестан: Путешествие в 1893–1897 годах. Т. I. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1899.

Глушаков, 2003 – *Глушаков А. Ю.* Государственно-правовые символы в системе легитимации публичной власти древней и средневековой Руси IX–I половины XV вв.: Историко-правовое исследование: автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2003.

Гончаров, 1997 – *Гончаров Е. Ю.* Медные монеты XIV в. города Хаджи-Тархан // Восточное историческое источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 5. М.: Восточная литература, 1997. С. 177–188.

Гончаров, 2005 – *Гончаров Е. Ю.* Монетные дворы Улуса Джучидов // Труды международных нумизматических конференций «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков» (Саратов, 2001; Муром, 2003). М.: Нумизматическая литература, 2005. С. 97–102.

Горихвостов, 1957 – Журнал полковника А. З. Горихвостова // Известия АН Казахской ССР. Алма-Ата, 1957. № 2 (5). С. 106–127.

Горский, 1998 – *Горский А. А.* Московско-ордынский конфликт начала 80-х годов XIV века: причины, особенности, результаты // Отечественная история. 1998. № 4. С. 15–24.

Горский, 2000 – *Горский А. А.* Москва и Орда. М.: Наука, 2000.

Горохова, 1980 – *Горохова Г. С.* Очерки по истории Монголии в эпоху Манчжурского господства (конец XVII – начало XX вв.). М.: Наука, 1980.

Грачев, 2005 – *Грачев А. И.* Историко-нумизматический очерк династии Инджуидов (Фарс, XIV в.) // Труды междунар. нумизматической конф. «Монеты и денежное обращение в

монгольских государствах XIII–XV веков». III МНК (Старый Крым, 3–9 октября 2004 г.). М.: Нумизматическая литература, 2005. С. 93–98.

Грачев, 2011 – *Грачев А. И.* О «правлении» хана Джанибека в Джурджане // Нумизматика Золотой Орды: Сб. науч. ст. Вып. 1. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2011. С. 94–102.

Григорьев, 1834 – История монголов. От древнейших времен до Тамерлана / пер. с перс. В. Григорьева. СПб.: Типография Карла Крайя, 1834.

Григорьев, 1850 – *Григорьев В. В.* Описание клада из золотоордынских монет, найденного близ развалин Сарая. СПб.: Типография экспедиции заготовления гос. бумаг, 1850.

Григорьев, 1861 – *Григорьев В. В.* О некоторых событиях в Бухаре, Хоканде и Кашгаре. Записки Мирзы-Шемса Бухари // Ученые записки Императорского Казанского университета. Казань: Университетская типография, 1861.

Григорьев, 1978 – *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв.: Чингисидские жалованные грамоты. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.

Григорьев, 1983 – *Григорьев А. П.* Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: Хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. VII. 1983. С. 9–54.

Григорьев, 2004 – *Григорьев А. П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004.

Григорьев, 2006 – *Григорьев А. П.* Золотоордынские ярлыки: поиск и интерпретация // Тюркологический сборник, 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М.: Восточная литература, 2006. С. 74–142.

Григорьев, 2007 – *Григорьев А. П.* Историческая география Золотой Орды: местоположение городов, их наименования // Тюркологический сборник, 2006. М.: Восточная литература, 2007. С. 117–168.

Григорьев, Григорьев, 2002 – *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002.

Грумм-Гржимайло, 1926 – *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2: Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Л.: Издание Ученого комитета МНР, 1926.

Грумм-Гржимайло, 1994 – *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Джучиды. Золотая Орда // Мир Льва Гумилева. «Арабески» истории. Кн. I: Русский взгляд. М.: ДИДИК, 1994. С. 100–148.

Гумилев, 1992*а* – *Гумилев Л. Н.* В поисках вымышленного царства. М.: Клышников, Комаров и К°, 1992.

Гумилев, 1992*б* – *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М.: Клышников, Комаров и К°, 1992.

Гумилев, 1995 – *Гумилев Л. Н.* От Руси до России. М.: ДИ-ДИК, 1995.

Гурлянд, 1904 – *Гурлянд Я. И.* Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие. Казань: Типо-литография Императорского ун-та, 1904.

Гусейнов, 2009 – *Гусейнов Г-Р.А-К.* Золотая Орда и средневековая кумыкская государственность по историческим, лингвистическим и фольклорным данным (конец XIII – конец XIV вв.) // Золотоордынское наследие / Материалы Междунар. науч. конф. «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». (17 марта 2009 г.). Сб. статей. Вып. 1. Казань: Фэн, 2009. С. 312–323.

Гусейнов, 2010 – *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Северо-Восточный Кавказ и Дагестан в составе Золотой Орды: об этническом составе населения, территориальных и административных пределах, статусе и генеалогии правителей / Золотоордынская цивилизация: Сб. статей. Вып. 3. Казань: Фэн, 2010. С. 195–202.

Гэрэлбадрах, 2006 – *Гэрэлбадрах Ж.* Завещал ли Амбагай сделать Хотулу монгольским ханом? // Altaica XI. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2006. С. 56–61.

Давидович, 1995 – *Давидович Е. А.* О стандартах чистоты и весовых стандартах серебряных монет Тимура и Тимуридов (конец XIV–XV вв.) // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 4. М.: Восточная литература, 1995. С. 119–152.

Давлетова, 2001 – *Давлетова Г. А.* Восстание? Выступление? К оценке событий 1929 г. в Каракалпакстане // Международный исторический журнал. 2001. № 13. <http://history.machaon.ru/all/number_13/analiti4/index.html>.

Далай, 1983 – *Далай Ч.* Монголия в XIII–XIV веках. М.: Наука, 1983.

Далай, 2002 – *Далай Ч.* Ойрад монголын түүх. Тэргүүн боть. Улаанбаатар, 2002.

Джамалутдин, 2001 – «История Кавказа и селения Карабудахкент» Джамалутдина-хаджи Карабудахкентского / пер. Г. М.-Р. Оразаева. Махачкала, 2001.

Джамбадоржи, 2005 – Джамбадорджи. Хрустальное зеркало / пер. Б. И. Короля, А. Д. Цендиной // История в трудах ученых лам. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2005. С. 62–154.

Джамгерчинов, 1950 – *Джамгерчинов Б.* Присоединение

Северной Киргизии к России: дис. … докт. ист. наук. Л., 1950.

Джампеисова, 2006 – *Джампеисова Ж.* Казахское общество и право в пореформенной степи. Астана: Евразийский национальный ун-т им. Л. Н. Гумилева, 2006.

Джангильдин, 2009 – *Джангильдин А.* Документы и материалы. Алматы: Анна тілі, 2009.

Добросмыслов, 1900 – *Добросмыслов А. И.* Башкирский бунт в 1735, 1736 и 1737 г. // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. VIII. Оренбург: Типо-литография Ф. Б. Сачкова, 1900.

Добросмыслов, 1902 – *Добросмыслов А. И.* Тургайская область (Исторический очерк) // Известия Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. Вып. 17. Тверь: Типо-литография Н. М. Родионова, 1902. С. 255–524.

Добросмыслов, 1912 – *Добросмыслов А. И.* Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. Ташкент: Типография О. А. Порцева, 1912.

Довутов, 2006 – *Довутов Д.* Денежное обращение Хатлона (V в. до н. э. – начало XX в. н. э.): автореф. дис. … докт. ист. наук. Душанбе, 2006.

Дружинина, 1955 – *Дружинина Е. И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (подготовка и заключение). М.: Изд-во АН СССР, 1955.

Дугаров, 1983 – *Дугаров Р. Н.* «Дэбтэр-Чжамцо» – источник по истории монголов Куку-нора. Новосибирск: Наука, 1983.

Дугаров, 2003 – *Дугаров Р. Н.* Очерки средневековой истории Кукунора (Ойрат-монгольская цивилизация IV–XIX вв.). Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 2003.

Дудин, 2013 – *Дудин П. М.* Модель государственности Мэнцзяна: хронология становления // Вестник Бурятского гос. ун-та. Вып. 7. История. 2013. С. 110–115.

Дудин, 2014 – *Дудин П. М.* Монгольская Алашаньская республика как политический проект 1940-х гг. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2014. № 2. С. 33–42.

Еремин, 2010 – *Еремин В. И.* История правовой системы Японии. М.: РОССПЭН, 2010.

Ерофеева, 2001 – *Ерофеева И. В.* Символы казахской государственности (средневековье и новое время). Алматы: Аркаим, 2001.

Ерофеева, 2003 – *Ерофеева И. В.* Родословные казахских ханов и кожа XVIII–XIX вв. Алматы: Print-S, 2003.

Ерофеева, 2007 – *Ерофеева И. В.* Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик. Изд. 3-е, испр. и доп. Алматы: Дайк-Пресс,

2007.

Ерофеева, 2010 – *Ерофеева И. В.* История формирования культового комплекса Тамгалытас // Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н. Э. Масанова: Сб. материалов Междунар. науч. конф. (Алматы, 23–24 апреля 2009 г.). Алматы: Print-S, 2010. С. 490–530.

Жамгерчинов, 2002 – *Жамгерчинов Б.* Киргизы в эпоху Ормон-хана (Из истории феодально-родовых войн киргизов в XIX веке) // Ормон-хан в научных трудах и архивных материалах: Сб. материалов / сост. Ж. Токтоналиев. Бишкек: Кыргызстан, 2002. С. 31–62.

Зайцев, 2006 – *Зайцев И. В.* Астраханское ханство. Изд. 2-е, испр. М.: Восточная литература, 2006.

Зайцев, 2009 – *Зайцев И. В.* Крымская историографическая традиция XV–XIX веков: пути развития: рукописи, тексты и источники. М.: Восточная литература, 2009.

Закиров, 1966 – *Закиров С.* Дипломатические отношения Золотой орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М.: Наука, 1966.

Заключение, 2005 – Заключение Совета общего областного управления сибирскими казахами о новых правилах избрания волостных управителей // Казактын ата зандары. Древний мир права казахов. Т. V. Алматы: Жеті жаргы, 2005. С. 432–435.

Законы, 2002 – Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли) / пер. с кит., исслед., примеч. и прил. Н. П. Свистуновой. М.: Восточная литература, 2002.

Залесов, 1862 – *Залесов Н.* Посольство в Хиву капитана Никифорова в 1841 г. // Военный сборник. 1862. № 9. С. 41–92.

Златкин, 1957 – *Златкин И. Я.* Очерки новой и новейшей истории Монголии. М.: Изд-во восточной литературы, 1957.

Златкин, 1964 – *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства (1635–1758). М.: Наука, 1964.

Зиманов, 1981 – *Зиманов С. З.* Россия и Букеевское ханство. Алма-Ата: Наука, 19 81.

Золотое сказание, 2005 – Золотое сказание / пер. Г. С. Гороховой, А. Д. Цендиной // История в трудах ученых лам. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2005. С. 19–61.

Ибн Рузбихан, 1976 – *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани.* Михман-наме-йи Бухара («Записки бухарского гостя») / пер., предисл., примеч. Р. П. Джалиловой; под ред. А. К. Арендса. М.: Наука, 1976.

Ибрагимов, 1988 – *Ибрагимов Н.* Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М.: Наука, 1988.

Ибрагимова, 1965 – *Ибрагимова Г. М.* Рукопись Мухаммеда Аляма – источник по истории Синьцзяна // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 1: Материалы межвуз. науч. конф. (25–27 января 1963 г.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. С. 50–55.

Иванов, 2003 – *Иванов Н.* История Литовско-русского государства в именах и датах (Держава Гедиминовичей): Историко-генеалогическое исследование обобщение. Кн. 1. СПб.: Книга, 2003.

Игнатьев, 2013 – [Указ о разрешении жениться сыну Абулхаир-хана] // Игнатьев Р. Г. Собр. соч. (уфимский и оренбургский период) / сост. М. И. Роднов. Т. VII: 1880–1881 годы. Уфа, 2013. С. 358–359.

Идегей, 1990 – Идегей: Татарский народный эпос / пер. С. Липкина. Казань: Татарское книжное изд-во, 1990.

Илтгэл шастир, 2007 – Зарлигаар тогтоосон гадаад монгол, хотон аймгийн ван гүргүүдийн илтгэл шастир / ред. А. Очир. Улаанбаатар, 2007.

История, 1947 – История народов Узбекистана. Т. 2: От образования государства Шейбанидов до Великой Октябрьской Социалистической Революции. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1947.

История, 1954 – История Монгольской Народной Республики. М.: Изд-во АН СССР, 1954.

История, 1958 – История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л.: Изд-во ЛГУ, 1958.

История, 1969 – История Самарканда. Т. I. Ташкент: Фан, 1969.

История, 1974 – История Каракалпакской АССР. Т. I: С древнейших времен до Великой Октябрьской Социалистической Революции. Ташкент: Фан, 1974.

История, 1977 – История Ирана / отв. ред. М. С. Иванов. М.: Изд-во МГУ, 1977.

История, 1979 – История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Т. III. Алма-Ата: Наука, 1979.

История, 1999 – История Эрдэни-дзу / пер., введ., коммент. и прил. А. Д. Цендиной. М.: Восточная литература, 1999.

История, 2002 – История Букеевского ханства. 1801–1852: Сб. документов и материалов. Алматы: Дайк-Пресс, 2002.

История, 2006 – История Казахстана в персидских источниках. Т. IV: Сб. материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II: Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным / подг. нов. изд., введ., пер., коммент. М. Х. Абусеитовой, Ж. М. Тулибаевой. Алматы: Дайк-

Пресс, 2006.

История, 2009 – История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009.

Исхаков, 2009*а* – *Исхаков Д. М.* Булгарский вилаят накануне образования Казанского ханства: новый взгляд на известные проблемы // Исхаков Д. М. Исторические очерки. Казань: Фэн, 2009. С. 81–108.

Исхаков, 2009*б* – *Исхаков Д. М.* Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань: Татарское книжное изд-во, 2009.

Исхаков, 2010 – *Исхаков Д. М.* Арские князья и нукратские татары. Казань: Фэн, 2010.

Исхаков, 2011*а* – *Исхаков Д. М.* Институт сейидов в Улусе Джучи и позднезолотоодынских тюрко-татарских государствах. Казань: Фэн, 2011.

Исхаков, 2011*б* – *Исхаков Д. М.* Об отражении некоторых золотоордынских реалий в татарско-башкирском дастане «Туляк и Сусылу» // Золотоордынская цивилизация: Сб. статей. Вып. 4. Казань: Фэн, 2011. С. 119–127.

Исянгулов, 2008 – *Исянгулов Ш. Н.* Малоизученные аспекты истории дореволюционного Башкортостана. Уфа: Аэрокосмос и ноосфера, 2008.

Исянгулов, 2011 – *Исянгулов Ш. Н.* Башкиры и кочевые узбеки в XV – начале XVI вв. // Проблемы востоковедения. 2011. № 1. С. 29–33.

Исянгулов, 2012 – *Исянгулов Ш. Н.* Башкирский хан в домонгольский период: ритуал возведения на престол // Вестник Восточной экономико-юридической академии. 2012. № 2. С. 95–101.

Их Цааз, 1981 – Их Цааз («Великое уложение»): Памятник монгольского феодального права XVII в. / пер., введ. и коммент. С. Д. Дылыкова М.: Наука, 19 81.

Йазди, 2008 – *Шараф ад-Дин Али Йазди.* Зафар-наме. Книга побед Амира Темура / пер. со староузб., предисл., коммент. и указ. А. Ахмедова. Ташкент: SAN'AT, 2008.

Кавахара, 2010 – *Кавахара Я.* «Святые семейства» Маргелана в Кокандском ханстве в XIX в. // Pax Islamica. 2010. № 1 (4). С. 121–139.

Кадырбаев, 2006 – *Кадырбаев А. Ш.* Ходжи суфийского ордена Накшбандие в Восточном Туркестане накануне и в эпоху маньчжуро-китайского владычества XVII – начала XIX веков // Суфизм в Иране и Центральной Азии: Материалы Междунар. конф. (Алматы, 2–3 мая 2006 г.). Алматы: ДайкПресс, 2006. С. 79–84.

Кайдарова, Ускенбай 2004 – *Кайдарова А. А.-А., Ускенбай К. З.* Ибн Халдун о пребывании Урус-хана в золотоордынском Поволжье в 70-е гг. XIV века // Вопросы истории Казахстана. Вып. V. Алматы: Ин-т истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова, 2004. С. 74–84.

Камалов, 2002 – *Камалов А. К.* Торговые отношения Британской Индии с Восточным Туркестаном в 1920–1930-х гг. // Казахстан – Индия: древность, средневековье и современность. Алматы: Олке, 2002. С. 118–123.

Каполнаш, 2011 – *Каполнаш О.* Монгол сурвалж дахь Aisin Gioro-гийн гарлын тухай домгууд // Угсаатан судлал. Б. XX. Улаанбаатар, 2011. Т. 280–285.

Карабалин – *Карабалин Г.* О малоизвестных страницах из жизни Срыма Датова и его потомков. <http://lib.kazsu.kz/ctlgs>.

Караев, 1995 – *Караев О. К.* Чагатайский улус. Государство Хайду. Могулистан. Образование кыргызского народа. Бишкек: Кыргызстан, 1995.

Карпини, 1997 – *Джованни дель Плано Карпини.* История монгалов / пер. А. И. Малеина, вступит. ст., коммент. М. Б. Горнунга // Путешествия в восточные страны. М.: Мысль, 1997. С. 28–85.

Карпов, 2011 – *Карпов С. П.* Доктрина императорской власти в Византии и ее судьба после 1204 г. // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время. М.: Наука, 2011. С. 46–65.

Каррер д'Анкосс, 2010 – *Каррер д'Анкосс Э.* Евразийская империя: История Российской империи с 1552 г. до наших дней / пер. с фр. А. А. Пешкова. М.: РОССПЭН, 2010.

Карши, 2005 – *Джамал ал-Карши.* Ал-Мулхакат би-с-сурах / введ., пер., коммент. Ш. Х. Вохидова, Б. Б. Аминова. Алматы: Дайк-Пресс, 2005.

Кастельская, 1980 – *Кастельская З. Д.* Из истории Туркестанского края (1865–1917). М.: Наука, 1980.

Касымбаев, 1997 – *Касымбаев Ж.* Политика Абулхайр хана в принятии Младшим жузом российского подданства в 30-х годах XVIII века // Ізденіс-Поиск. 1997. № 5. С. 62–71.

Кенесарин, 1992 – *Кенесарин К.* Султаны Кенесары и Сыздык: Биографические очерки. Алма-Ата: Жалын, 1992.

Кисляков, 1945 – *Кисляков Н. А.* История Каратегина, Дарваза и Бадахшана // Материалы по истории таджиков и Таджикистана. Сталинабад: Госиздат при СНК Таджикской ССР, 1945. С. 71–113.

Китайские документы, 1994 – Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV–XIX вв. Алматы: Гылым, 1994.

Кляшторный, Султанов, 2009 – *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государства и народы Евразийских степей. От древности к Новому времени. Изд. 3-е, испр. и доп. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009.

Князев, 2004 – *Князев Н. Н.* Легендарный барон // Легендарный барон: неизвестные страницы гражданской войны. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2004. С. 12–167.

Кожинов, 2000 – *Кожинов В.* Против кого боролся Дмитрий Донской? // Наука и религия. 2000. № 8.

Козин, 1941 – *Козин С. А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.

Козловский, 1928 – *Козловский Е.* Красная Армия в Средней Азии. Военно-исторический очерк. Ташкент: Издание политуправления Средне-Азиатского военного округа, 1928.

Колесник, 2003 – *Колесник В. И.* Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М.: Восточная литература, 2003.

Команджаев, 2002 – *Команджаев Е. А.* Эволюция законодательства у калмыков в XVII–XIX вв. Элиста: Джангар, 2002.

Команджаев, 2003 – *Команджаев А. Н.* Органы управления и суда в Калмыкии XVIII–XIX вв. Элиста: Джангар, 2003.

Кончина, 1911 – Кончина эмира Бухарского // Родина: Еженедельная политическая и общественная газета. СПб., 1911. № 11. С. 3–4.

Коншин, 1900 – *Коншин Н.* Материалы для истории Степного края (Открытие Аягузского округа, Каракиргизская депутация 1824 г. и О заграничных обстоятельствах) // Памятная книжка Семипалатинской области на 1900 год. Вып. IV. Семипалатинск, 1900. Отд. II. С. 1–117.

Коншин, 1902 – *Коншин Н.* Материалы для истории Степного края: III. О заграничных обстоятельствах. IV. Заметка о киргизских родах и султанах в Каркаралинском крае // Памятная книжка Семипалатинской области на 1902 год. Вып. VI. Семипалатинск, 1902. Отд. II. С. 1–54.

Корниенко, 2011 – *Корниенко А. В.* Загадки истории. Лжеправители. Харьков: Фолио, 2011.

Корытов, 1902 – *Корытов Н. П.* Самозванец Пулат-хан // Ежегодник Ферганской области. Вып. 1. Новый Маргелан, 1902. С. 19–39.

Костюков, 2009 – *Костюков В. П.* Буддизм в культуре Золотой Орды // Тюркологический сборник 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М.: Восточная литература, 2009. С. 189–236.

Крадин, 2004 – *Крадин Н. Н.* Политическая антропология. 2-е изд. М.: Логос, 2004.

Крамаровский, 2003 – *Крамаровский М. Г.* Фуджин для мордовского князя // Родина. 2003. № 11. С. 92–94.

Краткая повесть, 1793 – Краткая повесть о бывших в России самозванцах. СПб., 1793.

Кругов, 2005 – *Кругов М.* и др. Пиар горой, или Сепаратист Мамай. Черновик учебника другой истории России. Глава VI // Новая газета. 2005. 22 декабря. № 96. <www.novayagazeta.ru>.

Кудрявцев, 1951 – *Кудрявцев И. М.* «Послание на Угру» Вассиана Рыло как памятник публицистики XV в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 8. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 158–186.

Кузембайулы, Абиль, 2000 – *Кузембайулы А., Абиль Е.* История Республики Казахстан: Учебник для вузов. Изд. 5-е, перераб. и доп. Астана: Фолиант, 2000.

Кузнецов, 1980 – *Кузнецов В. С.* Амурсана. Новосибирск: Наука, 1980.

Кузнецов, 1985 – *Кузнецов В. С.* Нурхаци. Новосибирск: Наука, 1985.

Кузнецов, 1987 – *Кузнецов В. С.* От стен Новой столицы до Великой стены. Новосибирск: Наука, 1987.

Кузьмин, 2014 – *Кузьмин С. Л.* Легитимация теократической власти и восстановление монгольской государственности в начале XX века // Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука. Кн. 3. Ч. 1: Статьи участников 3-й Междунар. науч. – практ. конф.; сб. науч. тр. Иркутск; Улан-Батор, 2014. С. 48–67.

Кулешов, 1887 – *Кулешов В.* Русское посольство в Кашгар в 1875 году (рассказ очевидца) // Исторический вестник. 1887. № 12. С. 694–708.

Куропаткин, 1879 – *Куропаткин А. Н.* Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. СПб.: Императорское Русское географическое общество, 1879.

Кучкин, 1996 – *Кучкин В. А.* Ханы Мамаевой орды // 90 лет Н. А. Баскакову. М.: Наука, 1996.

Кычанов, 1973 – *Кычанов Е. И.* Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. М.: Наука, 1973.

Кычанов, 1980 – *Кычанов Е. И.* Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане. Новосибирск: Наука, 1980.

Кычанов, 1986 – *Кычанов Е. И.* Абахай. Новосибирск: Наука, 1986.

Кычанов, 2010 – *Кычанов Е. И.* История приграничных с

Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010.

Кычанов, Мельниченко, 2005 – *Кычанов Е. И., Мельниченко Б. Н.* История Тибета с древнейших времен до наших дней. М.: Восточная литература, 2005.

Кюгельген, 2004 – *Кюгельген А. фон.* Легитимация среднеазиатской династии Мангитов в произведениях их историков (XVIII–XIX вв.). Алматы: Дайк-Пресс, 2004.

Лакиер, 1847 – *Лакиер А.* История титула государей России // Журнал Министерства народного просвещения. 1847. № 10–11 (отд. оттиск).

Левшин, 1996 – *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы: Санат, 1996.

Лемерсье-Келькеже, 2009 – *Лемерсье-Келькеже Ш.* Волжские калмыки между Российской и Османской империями в период правления Петра Великого (по документам Османского архива) // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей: Сб. статей / отв. ред. И. А. Мустакимов, А. Г. Ситдиков. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009. С. 255–271.

Лессар, 2002 – Записка П. М. Лессара о внутреннем положении Бухарского ханства и его отношениях с Россией (1895 г.) / подгот. публ. М. А. Чепелкина // Сб. Русского исторического общества. Т. 5 (153). М.: Русская панорама, 2002. С. 96–126.

Ломакина, 1993 – *Ломакина И.* Голова Джа-ламы. СПб.; Улан-Удэ: ЭКВАРТ, 1993.

Лубсан Данзан, 1973 – *Лубсан Данзан.* Алтан Тобчи («Золотое сказание») / пер., введ., коммент., примеч. Н. П. Шастиной. М.: Наука, 1973.

Лузянин, 2003 – *Лузянин С. Г.* Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: Огни, 2003.

Лунев, 2004 – *Лунев Ю. Ф.* Государство и право узбекских ханств с XVI по XIX века. М.: АСТ, 2004.

Лэмб, 2002 – *Лэмб Г.* Бабур-Тигр. Великий завоеватель Востока / пер. Л. А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2002.

Лэн-Пуль, 1996 – *Лэн-Пуль С.* Мусульманские династии // Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков. Иоакинф. История первых четырех ханов дома Чингисова. Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии. М.; Ташкент; Бишкек, 1996. С. 320–541.

Мажитов, 2007 – *Мажитов С. Ф.* Теоретико-методологические аспекты истории движения Сырыма Датова (1783–1797) //

Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. № 2. С. 9–35.

Макглинн, 2011 – *Макглинн Ш.* Узаконенная жестокость: правда о средневековой войне / пер. с англ. В. В. Найденова. Смоленск: Русич, 2011.

Маликов, 2012 – *Маликов А.* Культура Самарканда в конце XVIII – первой половине XIX в. // Культурно-исторические процессы в Центральной Азии (древности и средневековье). In memoriam Yuri Zuev. Алматы: Дайк-Пресс, 2012. С. 290–304.

Мамадалиев, 2010 – *Мамадалиев И. А.* Крушение имперской конструкции нации // Иран-наме. 2010. № 1 (13). С. 239–245.

Манакиб, 2004 – Манакиб-и Дукчи Ишан (Аноним жития Дукчи Ишана – предводителя Андижанского восстания 1898 года) / пер. с араб., введ. и коммент. Б. М. Бабаджанова. Алматы: Дайк-Пресс, 2004.

Марко Поло, 1997 – Книга Марко Поло / пер. старофр. текста И. П. Минаева; вступит. ст., коммент. М. Б. Горнунга // Путешествия в восточные страны. М.: Мысль, 1997. С. 190–380.

Марков, 1897 – *Марков А.* Каталог джелаиридских монет. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1897.

Мартенс, 1881 – *Мартенс Ф. Ф.* Россия и Китай. Историко-политическое исследование. СПб.: Э. Гартье под фирмою Книжный склад «Российской библиографии», 1881.

Маслюженко, 2010 – *Маслюженко Д. Н.* Сибирская княжеская династия Тайбугидов: истоки формирования и мифологизации генеалогии // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 2. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2010. С. 9–21.

Матвеев, Татауров, 2012 – *Матвеев А. В., Татауров С. Ф.* Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань: Фэн, 2012.

Материалы, 1932 – Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. I. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVII вв. // Труды историко-археографического института и института Востоковедения. Материалы по истории СССР. Вып. 3. Л.: Изд-во АН СССР, 1932.

Материалы, 1996 – Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1654–1685. М.: Восточная литература, 1996.

Материалы, 2000 – Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1685–1691. М.: Восточная литература, 2000.

Материалы, 2002 – Материалы по истории Башкортостана. Т. VI: Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов

XVIII в. / авт. – сост. Н. Ф. Демидова. Уфа: Китап, 2002.

Международные отношения, 1989*а* – Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Документы и материалы. Кн. 1. М.: Наука, 1989.

Международные отношения, 1989*б* – Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Документы и материалы. Кн. 2. М.: Наука, 1989.

МИКК, 1973 – Материалы по истории киргизов и Киргизии. Т. 1. М.: Наука, 1973.

МИКХ, 1969 – Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) / сост. С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин. Алма-Ата: Наука, 1969.

Миллер, 1999 – *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. М.: Восточная литература, 1999.

Миргалеев, 2003 – *Миргалеев И. М.* Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань: Алма-лит, 2003.

Мирза Хайдар, 1996 – *Мирза Мухаммад Хайдар.* Тарих-и Рашиди. Ташкент: Фан, 1996.

МИТТ, 1938 – Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. II. XVI–XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники / под ред. В. В. Струве, А. К. Боровкова, А. А. Ромаскевича, П. П. Иванова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938.

Моисеев, 1983 – *Моисеев В. А.* Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. М.: Наука, 1983.

Моисеев, 1991 – *Моисеев В. А.* Джунгарское ханство и казахи XVII–XVIII вв. Алма-Ата: Гылым, 1991.

Моисеев, 2000 – *Моисеев В. А.* К истории занятия Кульджинского края русскими и вопрос о его возвращении Китаю в 1870–1871 гг. // Востоковедные исследования на Алтае. Вып. II. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного ун-та, 2000. С. 85–94.

Моисеев, 2001*а* – *Моисеев В. А.* К истории возвращения Кульджинского края Китаю (записка полковника П. П. Матвеева) // Тезисы докладов и сообщений Третьих научных чтений памяти профессора А. П. Бородавкина (1919–1996). Барнаул: Изд-во Алтайского государственного ун-та, 2001. С. 440–441.

Моисеев, 2001*б* – *Моисеев С. В.* Завоевание Якуб-беком Дунганского союза городов в начале 70-х гг. XIX в. и позиция России // Тезисы докладов и сообщений Третьих научных чтений памяти профессора А. П. Бородавкина (1919–1996). Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2001. С. 434–440.

Моисеев, 2003*а* – *Моисеев С. В.* Взаимоотношения России и

Уйгурского Государства Йэттишар в 1864–1877 гг.: дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2003.

Моисеев, 2003*б* – *Моисеев С. В.* Киргизы между Россией и Йэттишаром. 60–70-е гг. XIX в. // Востоковедные исследования на Алтае. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного ун-та, 2003. С. 91–99.

Моисеев, 2003*в* – *Моисеев В. А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул: Азбука, 2003.

Молотова, 2013 – *Молотова Э. М.* Мазары святых шайхов-увайсийа // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. Сер. общественных и гуманитарных наук. 2013. № 2 (288). С. 36–40.

Молчанов, 2002 – *Молчанов А. А.* Хорезмские монеты Джунаид-хана (1918–1920 гг.) // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV. Нумизматический сборник. Т. 3. М.: Нумизматическая литература, 2002. С. 236–252.

Монгольские источники, 1986 – Монгольские источники о Даян-хане. М.: Наука, 1986.

Муизз, 2006 – История Казахстана в персидских источниках. Т. III: Му'изз ал-ансаб («Прославляющее генеалогии») / пер. с перс., предисл., примеч. Ш. Х. Вохидова. Алматы: Дайк-Пресс, 2006.

Мункуев, 1965 – *Мункуев Н. Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах: Надгробная надпись на могиле Елюй Чуцая. Перевод и исследование. М.: Наука, 1965.

Мунши, 1956 – *Мухаммед Юсуф Мунши.* Муким-ханская история / пер., предисл., коммент. А. А. Семенова. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1956.

Муравьев, 1822 – Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. Ч. II. М.: Типография Августа Семена, 1822.

Мустакимов, 2009 – *Мустакимов И. А. К* вопросу об истории ногайского присутствия в Казанском юрте // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009. С. 185–189.

Мухамадиев, 1983 – *Мухамадиев А. Г.* Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М.: Наука, 1983.

Мухамадиев, 2005 – *Мухамадиев А. Г.* Древние монеты Казани. Казань: Татарское книжное изд-во, 2005.

Мухтарова, 1998 – *Мухтарова Г. Д.* Освободительная борьба казахов // Мысль. 1998. № 5. С. 89–93.

Мыськов, 2003 – *Мыськов Е. П.* Политическая история Золотой Орды (1236–1313 гг.). Волгоград: Изд-во Волгоградского

гос. ун-та, 2003.

Мэн, 2008 – *Мэн Д.* Хубилай: От Ксанаду до сверхдержавы / пер. В. Федорова. М.: АСТ; Владимир: ВКТ, 2008.

Мэн-гу-ю-му-цзи, 1895 – Мэнь-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях / пер. с кит. П. С. Попова. СПб., 1895.

Нагель, 1997 – *Нагель Т.* Тимур-завоеватель и исламский мир позднего средневековья / пер. с нем. Л. И. Ясинской. Ростов н/Д.: Феникс, 1997.

Наливкин, 1886 – *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства. Казань: Типо-литография Императорского ун-та, 1886.

Настич, 1987 – *Настич В. Н.* Улджайтимур – неизвестный золотоордынский хан // Новое в советской нумизматике и нумизматическом музееведении (к 200-летию Отдела нумизматики Эрмитажа). Краткие тезисы докладов и сообщений науч. конф. (14–16 октября 1987 г.). Л.: Государственный Эрмитаж, 1987. С. 80–82.

Натанзи, 2007 – Из «Мунтахаб ат-таварих» Му'ин ад-Дина Натанзи / пер. А. Х. Зияева // История Казахстана в персидских источниках. Т. V: Извлечения из сочинений XIII–XIX вв. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С. 47–84.

Негри, 1844 – *[Негри А.]* Извлечения из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. I. Одесса, 1844. С. 379–392.

Нестеров, 1900 – *Нестеров А. Д.* Хвалебная песнь Дос-Ходжи в честь султана Кенисары Касымова // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. XVI. Вып. 1. Казань, 1900. С. 38–57.

Ниязматов, 2010 – *Ниязматов М.* Поиск консенсуса. Российско-хивинские геополитические отношения в XVI – начале XX в. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010.

Новейшая история, 1984 – Новейшая история Китая. 1928–1949. М.: Наука, 1984.

Нурмухамедов, Жданко, Камалов, 1971 – *Нурмухамедов М. К., Жданко Т. А., Камалов С. К.* Каракалпаки (краткий очерк истории с древнейших времен до наших дней). Ташкент: Фан, 1971.

О национальном размежевании, 1934 – О национальном размежевании Средней Азии. Доклады на пленуме Средазбюро ЦК ВКП(б) (5 сентября 1934 г.) М.; Ташкент: ОГИЗ, 1934.

Образование, 1927 – Образование Киргизской автономной ССР. Материалы и документы. Фрунзе: Облисполком КАО, 1927.

Олимов, 1991 – *Олимов М.* В. В. Бартольд о национальном размежевании в Средней Азии // Восток. 1991. № 5.

Омурбеков, 2007 – *Омурбеков Т. Н.* К проблеме изучения роли

и места выдающихся личностей в истории народов Центральной Азии // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 2. М.: Ин-т российской истории РАН, 2007. С. 225–233.

Оссендовский, 1994 – *Оссендовский Ф.* И звери, и люди, и боги / пер. с англ. В. Бернацкой. М.: Пилигрим, 1994.

Пагсам-джонсан, 1991 – Пагсам-джонсан: История и хронология Тибета / пер. с тибет., предисл., коммент. Р. Е. Пубаева. Новосибирск: Наука, 1991.

Палладий, 1866 – *Палладий.* Старинное монгольское сказание о Чингисхане // Труды членов российской духовной миссии в Пекине. Т. IV. СПб., 1866. С. 1–260.

Пан, 2006 – *Пан Т. А.* Манчжурские письменные памятники по истории и культуре империи Цин XVII–XVIII вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006.

Пантусов, 1901 – *Пантусов Н. Н.* Материалы к изучению наречия таранчей Илийского округа. Вып. 6: Стихотворения о Якуб-беке, государе Кашгарии и о событиях его времени. Казань: Типо-литография Императорского ун-та, 1901.

Пантусов, 1910 – *Пантусов Н.* Город Алмалык и Мазар-Туглук-Тимур-хана // Кауфманский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края генерал-адъютанта К. П. фон Кауфмана I-го. М.: Типография Т-ва И. Н. Кушнерев, 1910.

С. 161–188.

Патканов, 1873 – *[Патканов К. П.]* История монголов по армянским источникам. Вып. I. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1873.

Пачкалов, 2004 – *Пачкалов А. В.* Новые находки кладов золотоордынских монет // Древности Поволжья и других регионов. Т. 4. Вып. V. Нумизматический сборник. М.: Нумизматическая литература, 2004. С. 158–171.

Перемышльский, 2002 – *[Перемышльский.* Письмо] Манапу Дикокаменной орды Урману Ниязбекову // Ормон хан в научных трудах и архивных материалах: Сб. материалов / сост. Ж. Токтоналиев. Бишкек: Акыл; Кыргызстан, 2002. С. 79–80.

Петров, 2005 – *Петров П. Н.* Тамги на монетах монгольских государств XIII–XIV вв. как знаки собственности // Труды международных нумизматических конференций «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков». I МНК, Саратов, 2001; II МНК, Муром, 2003. ИВ РАН. М.: Нумизматическая литература, 2005. С. 170–177.

Петров, 2006 – *Петров П. Н.* Бадахшан XIII–XIV вв. под властью монгольских ханов // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Т. II (XXVII). СПб.:

Петербургское Востоковедение, 2006. С. 496–540.

Петров, 2009 – *Петров П. Н.* Хронология правления ханов в Чагатайском государстве в 1271–1368 гг. (по материалам нумизматических памятников) // Тюркологический сборник, 2007–2008: История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М.: Восточная литература, 2009. С. 294–319.

Петровский, 1893 – *Петровский Н. Ф.* Загадочные яркендские монеты // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. VII. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893. С. 307–310.

Петровский, 2010 – *Петровский Н. Ф.* Туркестанские письма. М.: Памятники исторической мысли, 2010.

Петрушевский, 1956 – *Петрушевский И. П.* Движение сербедаров в Хорасане // Ученые записки Института востоковедения. Т. XIV. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 91–162.

Петрушевский, 1977 – *Петрушевский И. П.* Иран и Азербайджан под властью Хулагуидов (1256–1353 гг.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Наука, 1977. С. 228–259.

Пищулина, 1977 – *Пищулина К. А.* Юго-восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI веков (вопросы политической и социально-экономической истории). Алма-Ата: Наука, 1977.

ПЛДР, 1982 – Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М.: Художественная лит-ра, 1982.

Позднеев, 1883 – *Позднеев А.* Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ». Подлинный текст с переводом и пояснениями, заключающими в себе материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1883.

Позднеев, 1896 – *Позднеев А. М.* Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг. Т. 1: Дневник и маршрут 1892 г. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1896.

Покотилов, 1893 – *Покотилов Д. З.* История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634 гг. (по китайским источникам). СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893.

Поппе, 1941 – *Поппе Н. Н.* Тексты и переводы // Поппе Н. Н. Квадратная письменность. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 53–91.

Посольская книга, 1984 – Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой, 1489–1508 гг. М.: Ин-т истории СССР, 1984.

Посольские книги, 1995 – Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой, 1489–1549 гг. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1995.

Посольские книги, 2003 – Посольские книги по связям России

с Калмыцким ханством, 1672–1675 гг.: Сб. / сост. Н. Рогожин, М. Батмаев. Элиста: Джангар, 2003.

Посольские книги, 2006 – Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой, 1551–1561 гг. / подгот. текста В. В. Трепавлова, Д. А. Мустафиной. Казань: Татарское книжное изд-во, 2006.

Почекаев, 2005 – *Почекаев Р. Ю.* Правовое наследие Монгольской империи в государстве Тимуридов (по данным летописей, нумизматического и актового материала) // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной столетию со дня рождения А. М. Беленицкого (Санкт-Петербург, 2–5 ноября 2004 г.). СПб.: Ин-т истории материальной культуры РАН, 2005. С. 291–294.

Почекаев, 2006 – *Почекаев Р. Ю.* Батый. Хан, который не был ханом. М.: АСТ; СПб.: Евразия, 2006.

Почекаев, 2009*а* – *Почекаев Р. Ю.* «Вторая империя» монголов: притязания и действительность // Монгол – Оросын түүх бичлэг дэх Монголын эзэнт гүрэн (Эрднэм шинжилгээний хурлын материал) (Монгольская и российская историография Великой Монгольской империи: Сб. науч. статей конф.). Улаанбаатар, 2009. Т. 106–112.

Почекаев, 2009*б* – *Почекаев Р. Ю.* Золотая Орда в 1358–1362 гг.: династический кризис и феномен самозванства // Золотоордынская цивилизация: Сб. статей. Вып. 2. Казань: Фэн, 2009. С. 39–49.

Почекаев, 2009*в* – *Почекаев Р. Ю.* Право Золотой Орды. Казань: Фэн, 2009.

Почекаев, 2009 *г* – *Почекаев Р. Ю.* Правовая ситуация в Казахстане в составе Российской империи. Ч. 1: Правовые системы, действовавшие в Казахском ханстве в конце XVIII – первой четверти XIX вв. // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2009. № 1. С. 156–165.

Почекаев, 2010 – *Почекаев Р. Ю.* Мамай. История «антигероя» в истории. СПб.: Евразия, 2010.

Почекаев, 2011 – *Почекаев Р. Ю.* Сибирские Шибаниды в XVII в.: претензии, статус, признание // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы Междунар. конф. (Курган, 21–22 апреля 2011 г.). Курган: Курганский гос. ун-т, 2011. С. 100–104.

Почекаев, 2012 – *Почекаев Р. Ю.* Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Евразия, 2012.

Почекаев, 2013*а* – *Почекаев Р. Ю.* К вопросу о переходе власти

в государствах Чингисидов. Потомки Угедэя как компромиссные фигуры // От Онона к Темзе. Чингисиды и их западные соседи. Сб. в честь 70-летия М. Г. Крамаровского. М.: Изд. дом Марджани, 2012. С. 81–94.

Почекаев, 2013*б* – *Почекаев Р. Ю.* Ч. Ч. Валиханов и правовые преобразования в Казахстане в середине XIX в. // Страны и народы Востока. Вып. XXXIV. М.: Восточная литература, 2013. С. 333–342.

Почекаев, Почекаева 2012, – *Почекаев Р. Ю., Почекаева И. Н.* Властительницы Евразии. История и мифы о правительницах тюрко-монгольских государств XIII–XIX вв. СПб.: Евразия, 2012.

ПСРЛ, 1987 – Полное собрание русских летописей. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи. М.: Наука, 1987.

ПСРЛ, 2000*а* – Полное собрание русских летописей. Т. X: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000.

ПСРЛ, 2000*б* – Полное собрание русских летописей. Т. XI: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000.

ПСРЛ, 2000*в* – Полное собрание русских летописей. Т. XIII: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000.

Рашид ад-Дин, 1946 – *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. III / пер. с перс. А. К. Арендса; ред. А. А. Ромаскевич, Е. Э. Бертельс, А. Ю. Якубовский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946.

Рашид ад-Дин, 1952*а* – *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. 1 / пер. с перс. Л. А. Хетагурова; ред. и примеч. А. А. Семенова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.

Рашид ад-Дин, 1952*б* – *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. 2 / пер. с перс. О. И. Смирновой; примеч. Б. И. Панкратова, О. И. Смирновой; ред. А. А. Семенова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.

Рашид ад-Дин, 1960 – *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II / пер. с перс. Ю. П. Верховского; примеч. Ю. П. Верховского, Б. И. Панкратова; ред. И. П. Петрушевского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.

Ремезовская, 2005 – Ремезовская летопись по Мировичеву списку // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. II. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. С. 225–266.

Рерих, 1982 – *Рерих Ю. Н.* По тропам Срединной Азии / пер. с англ. Н. Н. Зелинского. Хабаровск: Хабаровское книжное изд-во, 1982.

Ресалэ, 1940 – Ресалэ-и-Якуби (Воспоминания о Якуб-беке

кашгарском Камиль-хана-ишана) / пер. И. Первышева // Историк-марксист. 1940. № 3 (73). С. 127–136.

Россаби, 2009 – *Россаби М.* Золотой век империи монголов / пер. с англ. С. В. Иванова. СПб.: Евразия, 2009.

Россия – Средняя Азия, 2011 – Россия – Средняя Азия. Т. 1: Политика и ислам в конце XVIII – начале XX. М.: Ленанд, 2011.

Рощин, 1999 – *Рощин С. К.* Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М.: Ин-т востоковедения РАН, 1999.

Ру, 2007 – *Ру Ж.-П.* Тамерлан / пер. с фр. Е. А. Соколова. М.: Молодая гвардия, 2007.

Русско-монгольские, 1959 – Русско-монгольские отношения 1607–1636. М.: Изд-во восточной литературы, 1959.

Рычков, 1896 – *Рычков П. И.* История Оренбургская (1730–1750). Оренбург: Типо-литография Ив. Ив. Евфимовского-Мировицкаго, 1896.

Рязанов, 1927 – *Рязанов А. Ф.* Восстание Исатая Тайманова (1836–1838 г.). Очерки по истории национального движения казахского народа. Ташкент: Типо-литография № 2, 1927.

Рязанов, 1928 – *Рязанов А. Ф.* Оренбургский край. Исторический очерк. Оренбург: Государственная лито-типография ГСНХ, 1928.

Рязановский, 1931 – *Рязановский В. А.* Монгольское право, преимущественно обычное. Харбин: Типография Н. Е. Чинарева, 1931.

Сабитов, 2008 – *Сабитов Ж. М.* Генеалогия торе. Астана, 2008.

Сабитов, 2009 – *Сабитов Ж. М.* Ханы Ногайской Орды // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 1. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009. С. 138–141.

Сабитов, 2011*а* – *Сабитов Ж.* Башкирские ханы Бачман и Тура // Сибирский сборник. Вып. 1. Казань: Фэн, 2011. С. 63–69.

Сабитов, 2011*б* – *Сабитов Ж. М.* Узбек-хан: проблема прихода к власти // Золотоордынское наследие. Вып. 2: Материалы Второй междунар. науч. конф. «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М. А. Усманова (Казань, 29–30 марта 2011 г.) / отв. ред. и сост. И. М. Миргалеев. Казань: ООО Фолиант, 2011. С. 111–116.

Савельев, 1865 – *Савельев П.* Монеты джучидские, джагатайские, джалаирские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша // Записки Императорского археологического общества. Т. XII. Вып. I. СПб., 1865. С. 1–326.

Садалова, 2006 – *Садалова Т. М.* Загадки Шуну-батыра. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское книжное изд-во «Юч-Сюмер – Белуха», 2006.

Садыков, 1972 – *Садыков А. С.* Россия и Хива в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Фан, 1972.

Саидов, 2008 – *Саидов А.* Взаимоотношения Джанидов и Сефевидов // Культурные ценности. Международный ежегодник, 2004–2006: Центральная Азия в прошлом и настоящем. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2008. С. 190–192.

Сами, 1962 – *Мирза Абдал'Азим Сами.* Та'рих-и салатин-и мангитийа (История мангытских государей) / предисл., пер., примеч. Л. М. Епифановой. М.: Наука, 1962.

Сафаргалиев, 1960 – *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1960.

Сеид-Абдул-Ахат-Хан, 1893 – Сеид-Абдул-Ахат-Хан, эмир Бухарский // Нива. 1893. № 1. С. 19–24.

Семенов, 1929 – *Семенов А. А.* Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства // Труды Средне-Азиатского гос. унта. Сер. II: Orientalia. Вып. 1. Ташкент: Изд-во Средне-Азиатского гос. ун-та, 1929.

Семенов, 1954*а* – *Семенов А. А.* Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени // Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. II. Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1954.

Семенов, 1954*б* – *Семенов А. А.* Первые Шейбаниды и борьба за Мавераннахр // Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. I: Труды академии наук Таджикской ССР. Т. XII. Сталинабад, 1954. С. 109–150.

Семенов, 1954*в* – *Семенов А. А.* Шейбани-хан и завоевание им империи тимуридов // Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. I: Труды академии наук Таджикской ССР. Т. XII. Сталинабад, 1954. С. 39–83.

Сень, 2009 – *Сень Д. В.* Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. – начало XVIII в.). Ростов н/Д.: Изд-во Южного федерального ун-та, 2009.

Сенковский, 1859 – *Сенковский О.* Историческая мифология монголо-турков // Сенковский О. Соч. Т. VII. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1859. С. 3–40.

Сергеев, 2012 – *Сергеев Е. Ю.* Большая игра 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2012.

Сидоренко, 2000 – *Сидоренко В. А.* Хронология правлений золотоордынских ханов 1357–1380 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VII. Симферополь, 2000. С. 267–288.

Систани, 2000 – *Малик Шах-Хусайн Систани.* Тарих-и ихйа алмулук (Хроника воскрешения царей) / пер., предисл., коммент. Л. П. Смирновой. М.: Восточная литература, 2000.

Скржинская, 1971 – *Скржинская Е. Ч.* Барбаро и Контарини о России. М.: Наука, 1971.

Скрынников, 1990 – *Скрынников Р. Г.* Святители и власти. Л.: Лениздат, 1990.

Скрынникова, 2005 – *Скрынникова Т. Д.* Монголы и тайджиуты – братья-соперники? // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 2. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2005. С. 110–126.

Скрынникова, 2013 – *Скрынникова Т. Д.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. Изд. 2-е, перераб., доп., испр. СПб.: Евразия, 2013.

СМИЗО, 1884 – *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I: Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1884.

СМИЗО, 1941 – Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II: Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М.; Л.: Изд-во АН ССС Р, 19 41.

Смирнов, 2005*а* – *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты: в 2 т. Т. 1. До начала XVIII в. М.: Рубежи XXI, 2005.

Смирнов, 2005*б* – *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты: в 2 т. Т. 2: В XVIII в. до присоединения его к России. М.: Рубежи XXI, 2005.

Соколов, 1965 – *Соколов Ю. А.* Ташкент, ташкентцы и Россия. Ташкент: Узбекистан, 1965.

Солощева, 2013 – *Солощева М. А.* Кукунорский мятеж 1723–1724 годов и его значение для истории Тибета // Вестник СПбГУ. Сер. 13. Востоковедение и африканистика. Вып. 1. 2013. Март. С. 58–67.

Стрелкова, 1983 – *Стрелкова И. И.* Валиханов. М.: Молодая гвардия, 1983.

Строева, 1958 – *Строева Л. В.* Борьба кочевой и оседлой знати в Чагатайском государстве в первой половине XIV в. // Памяти академика Игнатия Юлиановича Крачковского. Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. С. 206–220.

Сулейменов, Басин, 1977 – *Сулейменов Б. С., Басин В. Я.* Восстание 1916 года в Казахстане (причины, характер, движущие силы). Алма-Ата: Наука, 1977.

Султанов, 2000 – *Султанов Т. И.* Заказчики исторических книг и воля заказчика (по материалам персидских и тюркских

сочинений) // XX науч. конф. по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки (Санкт-Петербург, 6–7 апреля 1999 г.). СПб.: СПбГУ, 2000. С. 153–155.

Султанов, 2001 – *Султанов Т. И.* Поднятые на белой кошме. Потомки Чингис-хана. Алматы: Дайк-Пресс, 2001.

Султанов, 2005 – *Султанов Т. И.* Зерцало минувших столетий. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005.

Султанов, 2006 – *Султанов Т. И.* Чингис-хан и Чингисиды. Судьба и власть. М.: АСТ, 2006.

Сыроечковский, 1940 – *Сыроечковский В. Е.* Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки МГУ. Вып. LXI. 1940. С. 3–71.

Т-ов, 1908 – *Т-ов С.* Андижанское восстание и его причины // Исторический вестник. 1908. № 5. С. 659–670.

Таймасов, 2004 – *Таймасов С. У.* К вопросу о происхождении Карасакала // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2004. № 4. С. 67–70.

Таймасов, 2012 – *Таймасов С. У.* Казахские ханы и алдар-кусюмовское восстание в Башкортостане // История Казахстана: итоги научных исследований и презентация проекта десятитомной «Отан тарихы» / История Отечества: Материалы междунар. науч. – практ. конф. (Алматы, 19 апреля 2012 г.). Алматы: Ин-т истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова, 2012. С. 20–22.

Тали, 1959 – *Абдуррахман-и Талʹи.* История Абулфейз-хана / пер. А. А. Семенова. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1959.

Тарих, 1997 – Тарих-и Бадахшан (История Бадахшана) / изд. текста, пер. с перс. А. Н. Болдырева при уч. С. Е. Григорьева; введ. А. Н. Болдырева, С. Е. Григорьева; примеч., прил. С.Е. Григорьева. М.: Восточная литература, 1997.

Тепкеев, 2011 – *Тепкеев В. Т.* Первые контакты калмыков с органами управления и населением Астрахани в начале 30-х годов XVII века // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований. 2011. № 2. С. 11–17.

Терентьев, 1906*а* – *Терентьев М. А.* История завоевания Средней Азии. Т. 1. СПб.: Типо-литография В. В. Комарова, 1906.

Терентьев, 1906*б* – *Терентьев М. А.* История завоевания Средней Азии. Т. 2. СПб.: Типо-литография В. В. Комарова, 1906.

Тимковский, 1824 – *Тимковский Е.* Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах. Ч. 1. СПб.: Типография Медицинского Департамента МВД, 1824.

Тихонов, 1948 – *Тихонов Д.* Восстание 1864 г. в Восточном Туркестане // Советское востоковедение. Вып. V. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 155–17 2.

Тихонов, 1958 – *Тихонов Д.* Некоторые вопросы внутренней

политики Якуб-бека // Ученые записки Института востоковедения. Т. XVI. М., 1958. С. 109–137.

Тоган, 2010 – *Тоган А. З. В.* История башкир / пер. с турецк. А. М. Юлдашбаева; вступ. ст. А. М. Юлдашбаева, И. Тоган. Уфа: Китап, 2010.

Токтоналиев, 2002 – *Токтоналиев Ж.* Обзор архивных и других исторических документов XIX века по истории кыргызского народа (в эпоху Ормон хана) // Ормон хан в научных трудах и архивных материалах: Сб. материалов / сост. Ж. Токтоналиев. Бишкек: Акыл; Кыргызстан, 2002. С. 3–19.

Торновский, 2004 – *Торновский В. Г.* События в Монголии-Халхе в 1920–1921 годах. Военно-исторический очерк (воспоминания) // Легендарный барон: неизвестные страницы гражданской войны. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2004. С. 168–323.

Торопицын, 2012 – *Торопицын И. В.* Влияние внешнеполитических факторов на судьбу наместника Калмыцкого ханства Дондука Даши в 1740-х гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 3. С. 30–40.

Трепавлов, 1993 – *Трепавлов В. В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. М.: Восточная литература, 1993.

Трепавлов, 2000 – *Трепавлов В. В.* Бий мангытов, коронованный chief (вождества в истории позднесредневековых номадов Западной Евразии) // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000. С. 356–367.

Трепавлов, 2001 – *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. М.: Восточная литература, 2001.

Трепавлов, 2004 – *Трепавлов В. В.* Тюркские народы Поволжья и Приуралья: от Золотой Орды к Московскому царству (проблема адаптации) // Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen / Hrsg. von A. Kappeler. Wiesbaden: Harrassowitz, 2004. S. 279–292.

Трепавлов, 2007*а* – *Трепавлов В. В.* «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Восточная литература, 2007.

Трепавлов, 2007*б* – *Трепавлов В. В.* Предки «Мамая-царя». Киятские беки в «Подлинном родослове Глинских князей» // Тюркологический сборник. 2006. М.: Восточная литература, 2007. С. 319–352.

Трепавлов, 2008 – *Трепавлов В. В.* Царские ярлыки. Наследие монгольской государственности в Московской Руси // Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации: Сб. материалов Междунар. науч. конф. (Алматы, 21–23 ноября 2007 г.). Алматы:

Дайк-Пресс, 2008. С. 104–113.

Трепавлов, 2009 – *Трепавлов В. В.* [Рец. на:] Ю. М. Юсупов. История Башкортостана XV–XVI веков (социально-политический аспект). Уфа: Гилем, 2009. 192 с. // Российская история. 2009. № 5. С. 183–185.

Трепавлов, 2012 – *Трепавлов В. В.* Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Восточная литература, 2012.

Тулибаева, 2001 – *Тулибаева Ж. М.* Казахстан и Бухарское ханство в XVIII – первой половине XIX в. Алматы: Дайк-Пресс, 2001.

Тульчинский, 1996 – *Тульчинский Г. Л.* Самозванство. Феноменология зла и метафизика свободы. СПб.: Изд-во РХГИ, 1996.

Туманович, 1989 – *Туманович Н. Н.* Герат в XVI–XVIII вв. М.: Наука, 1989.

Тухтаметов, 1966 – *Тухтаметов Т. Г.* Русско-бухарские отношения в конце XIX – начале XX в. Победа Бухарской народной революции. Ташкент: Фан, 1966.

Тухтаметов, 1969 – *Тухтаметов Т. Г.* Россия и Хива в конце XIX – начале XX в. Победа Хорезмской народной революции. М.: Наука, 1969.

Тухтиев, 1989 – *Тухтиев И.* Нумизматические материалы как источник по истории Восточного Туркестана (XVIII – начало XX в.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Ташкент, 1989.

Ускенбай, 2006 – *Ускенбай К.* Улусы первых Джучидов. Проблема терминов Ак-Орда и Кок-Орда // Тюркологический сборник, 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М.: Восточная литература, 2006. С. 355–382.

Ускенбай, 2013 – *Ускенбай К. З.* Восточный Дашт-и Кыпчак в XIII – начале XV века. Проблемы этнополитической истории Улуса Джучи. Казань: Фэн, 2013.

Усманов, 1947 – *Усманов К.* Уйгурские источники о восстании в Синьцзяне 1864 года // Вопросы истории. 1947. № 2. С. 87–89.

Усманов, 1960 – *Усманов А. Н.* Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1960.

Усманов, 1972 – *Усманов М. А.* Татарские исторические источники XVII – XVIII вв. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 1972.

Успенский, 1880 – *Успенский В. М.* Страна Кукэ-нор или с прибавлением краткой истории ойратов и монголов по изгнании последних из Китая в связи с историей Кукэ-нора // Записки Императорского Русского географического общества по

отделению этнографии. Т. VI. СПб., 1880. Отд. 2. С. 57–196.

Успенский, 1987 – *Успенский В. Л.* «Илэтхэл шастир» о происхождении монгольских и ойратских княжеских родов // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 10. 1987. С. 148–165.

Успенский, 2011 – *Успенский В. Л.* Тибетский буддизм в Пекине. СПб.: НП-Принт, 2011.

Успенский, 2013 – *Успенский В. Л.* Карьера князя Дондубдорджи как отражение политики династии Цин в отношении Халха-Монголии // XVII Междунар. науч. конф. по источниковедению и историографии стран Азии и Африки «Локальное наследие и глобальная перспектива. “Традиционализм” и “революционизм” на Востоке» (24–26 апреля 2013 г.). СПб.: СПбГУ, 2013. С. 206–207.

Устав, 1830 – Устав о сибирских киргизах // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXVIII. № 29127. С. 417–433.

Утвержденное мнение, 2005 – Утвержденное мнение Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем // Казактын ата зандары. Древний мир права казахов. Т. V. Алматы: Жеті жаргы, 2005. С. 361–366.

Утемиш-хаджи, 1992 – *Утемиш-хаджи.* Чингис-наме / факсимиле, пер., транскрипция, текстол. примеч., исследование В. П. Юдина. Алма-Ата: Гылым, 1992.

Фасих, 1980 – *Фасих Ахмад ибн Джалал ад-Дин Мухаммад ал-Хавафи.* Фасихов свод / пер. Д. Ю. Юсуповой. Ташкент: Фан, 1980.

Федоров-Давыдов, 1963 – *Федоров-Давыдов Г. А.* Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. IV. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 165–221.

Федоров-Давыдов, 2003 – *Федоров-Давыдов Г. А.* Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003.

Федотов, 2004 – *Федотов Г. П.* Русская религиозность. Ч. II: Средние века. XIII–XV вв. // Федотов Н. П. Собр. соч.: в 12 т. Т. XI. М.: Мартис, 2004.

Филатова, 2008 – *Филатова И. И.* Долгий след: советская теория национально-освободительного движения и Южная Африка // Имперский вопрос – национальный ответ: Сб. статей. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. С. 237–263.

Флетчер, 2004 – *Флетчер Дж.* Средневековые монголы: экологические и социальные перспективы // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2004. С. 212–253.

Флоря, 2001 – *Флоря Б. Н.* Орда и государства Восточной Европы в середине XV в. (1430–1460) // Славяне и их соседи. Вып.

10. М.: Наука, 2001. С. 172–196.

Халиков, 1992 – *Халиков А. Х.* 500 русских фамилий булгаро-татарского происхождения. Казань, 1992.

Халим Гирай, 2004 – *Халим Гирай Султан.* Розовый куст ханов, или История Крыма / пер. А. Ильми; сост. и поясн. К. Усеинова; под ред. Н. С. Сейтягьяева. Симферополь: Доля, 2004.

Халфин, 1974 – *Халфин Н. А.* Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М.: Наука, 1974.

Хангалов, 2004 – *Хангалов М. Н.* Шоно-батор // Хангалов М. Н. Собр. соч. Т. III. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2004. С.

Ханыков, 1849 – *Ханыков Я. В.* Очерк состояния Внутренней киргизской Орды в 1841 г. // Известия Императорского Русского географического общества. 1849. Кн. 1–2. С. 27–60.

Ханыков, 1851 – *Ханыков Я.* Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 году // Вестник Императорского русского географического общества на 1851 год. Т. VI. Ч. I. Кн. 1: География историческая. 1851. С. 1–52.

Харюков, 1995 – *Харюков Л. Н.* Англо-русское соперничество в Центральной Азии и исмаилизм. М.: Изд-во МГУ, 1995.

Хасанов, 1977 – *Хасанов А. Х.* Народные движения в Киргизии в период Кокандского ханства. М.: Наука, 1977.

Хафиз Абру, 2011 – *Хафиз Абру* (*Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Лутфаллах ал-Хавафи*). Зайл-и Джами ат-таварих-и Рашиди (Дополнение к собранию историй Рашида) / пер. с перс., предисл., коммент., примеч., указ. Э. Р. Талышханова; отв. ред. И. М. Миргалеев. Казань: Яз, 2011.

Хафиз-и Таныш Бухари, 1983 – *Хафиз-и Таныш Бухари.* Шараф-наме-йи шахи (Книга шахской славы). Ч. 1 / пер. М. А. Салахетдиновой. М.: Наука, 1983.

Хафизов, 2000 – *Хафизов Г. Г.* Распад Монгольской империи и образование Улуса Джучи. Казань: Татарское книжное изд-во, 2000.

Ходжаев, 1970 – *Ходжаев Ф.* К истории революции в Бухаре и национального размежевания Средней Азии // Ходжаев Ф. Избранные труды: в 3 т. Т. I. Ташкент: Фан, 1970. С. 268–279.

Ходжаев, 1979 – *Ходжаев А.* Цинская империя, Джунгария и Восточный Туркестан (Колониальная политика Цинского Китая во второй половине XIX в.). М.: Наука, 1979.

Ходжаев, 1982 – *Ходжаев А.* Захват цинским Китаем Джунгарии и Восточного Туркестана. Борьба против завоевателей // Китай и соседи в новое и новейшее время. М.: Наука, 1982. С. 153–202.

Холмогоров, 1860 – *[Холмогоров*]. История Сербедаров (из V

тома общей истории Мирхонда «Раузатуссафа») // Ученые записки Императорского Казанского университета. Кн. IV. Казань, 1860. С. 1–52.

Храпачевский, 2009 – Золотая Орда в источниках. Т. III: Китайские и монгольские источники / пер. с кит., сост., ввод ст., коммент. Р. П. Храпачевского. М., 2009.

Хронограф, 2005 – Анонимный грузинский «Хронограф» XIV в. / пер. со старогруз. Г. В. Цулая. Вып. I. Текст. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2005.

Худяков, 2011 – *Худяков Ю. С.* Борьба за восстановление Сибирского ханства в XVII веке // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы Междунар. конф. (Курган, 21–22 апреля 2011 г.). Курган: Курганский гос. ун-т, 2011. С. 104–109.

Цааджин бичиг, 1998 – Цааджин бичиг. Цинское законодательство для монголов 1627–1694 / введ., пер., коммент. С. Д. Дылыкова. М.: Наука, 1998.

ЦГА РУз – ЦГА РУз. Ф. И-1. Канцелярия Русского Политического Агентства (Бухара). <https://zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de>.

Цендина, 1998 – *Цендина А. Д.* Хасар и Чингис в летописях Мэргэн-гэгэна и Джамбадорджи // Mongolica IV. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998. С. 30–35.

Цендина, 2002 – *Цендина А. Д.* …и страна зовется Тибетом. М.: Восточная литература, 2002.

Цендина, 2006 – *Цендина А. Д.* Живой бог и хан монголов // Восточная коллекция. 2006. Весна. С. 153–158.

Цендина, 2007 – *Цендина А. Д.* Монгольские хроники XVII–XIX веков. Повествовательные традиции. М.: Восточная литература, 2007.

Центральная Азия, 2008 – Центральная Азия в составе Российской империи / отв. ред. С. Н. Абашеев, Д. Ю. Арапов, Н. Е. Бекмаханова. М.: Новое литературное обозрение, 2008.

Цинская империя, 1989 – Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая треть XIX в. Ч. 2. Алма-Ата: Наука, 1989.

Цыбиков, 1991а – *Цыбиков Г. Ц.* Буддист-паломник у святынь Тибета // Цыбиков Г. Ц. Избранные труды. Т. 1. Новосибирск: Наука, 1991.

Цыбиков, 1991б – *Цыбиков Г. Ц.* Дневник поездки в Китай в 1909 г. // Цыбиков Г. Ц. Избранные труды. Т. 2. Новосибирск: Наука, 1991. С. 113–121.

Чернышев, 1990 – *Чернышев А. И.* Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. М.: Наука, 1990.

Чехович, 1970 – Сказание о Ташкенте / пер. О. Д. Чехович // Письменные памятники Востока. 1968. М.: Наука, 1970. С. 172–177.

Чимитдоржиев, 1979 – *Чимитдоржиев Ш. Б.* Взаимоотношения Монголии и Средней Азии в XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1979.

Чимитдоржиев, 2002 – *Чимитдоржиев Ш. Б.* Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII–XVIII вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002.

Чуан, 2010 – *Чуан Хэн.* Тогонтомор ханы цадиг. Улаанбаатар, 2010.

Чурас, 1976 – *Шах-Махмуд Чурас.* Хроника / пер., коммент., исслед. О. Ф. Акимушкина. М.: Наука, 1976.

Чхао, 2008 – *Чхао Чху-Ченг.* Распад Монгольской империи. Казань: Фэн, 2008.

Шабаев, 2004 – *Шабаев Л. Н.* Клад медных монет Тимура и Тимуридов (конец XIV – начало XVI в.) // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 6. М.: Восточная литература, 2004. С. 247–260.

Шара Туджи, 1957 – Шара Туджи. Монгольская летопись XVII в. / пер., вступ. ст., коммент. Н. П. Шастиной. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957.

Шараф-хан, 1976 – *Шараф-хан Бидлиси.* Шараф-наме. Т. II / пер., предисл., примеч., прил. Е. И. Васильевой. М.: Наука, 1976.

Шахов, 1997 – *Шахов Н.* Поход на Хиву // Мысль. 1997. № 2. С. 88–92.

Шестаков, 1933 – *Шестаков А.* Джизакское восстание 1916 г. // Красный архив. 1933. № 5 (60). С. 60–91.

Ширендыб, 1963 – *Ширендыб Б.* Монголия на рубеже XIX–XX вв. Улан-Батор, 1963.

Штейнберг, 1938 – *[Штейнберг Е.]* Андижанское восстание 1898 г. // Красный архив. 1938. № 3 (88). С. 123–181.

Эрдэнипэл, 2005 – *Эрдэнипэл.* Конечная причина религий в Монголии / пер. Ринчена, Самбу // История в трудах ученых лам. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2005. С. 155–247.

Эркинов, 2003 – *Эркинов А.* Андижанское восстание и его предводитель в оценках поэтов эпохи // Вестник Евразии. 2003. № 1. С. 111–137.

Эркинов, 2008 – *Эркинов А. С.* Тимуридский маньеризм в литературной среде Хивы при Мухаммад Рахим-хане II (на примере антологии «Маджму'а-йи шу'ара-йи Фируз-шахи») // Вестник Междунар. ин-та центральноазиатских исследований. Вып. 8. 2008. С. 58–65.

Эркинов, 2013 – *Эркинов А.* Рукопись на службе геополитики

Кокандского ханства: Мухаббат-нама как дипломатический подарок Умар-хана (1810–1822) султану Махмуду II (1808–1839) // XVII Междунар. науч. конф. по источниковедению и историографии стран Азии и Африки «Локальное наследие и глобальная перспектива. “Традиционализм” и “революционизм” на Востоке» (24–26 апреля 2013 г.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. С. 109–110.

Ювачев, 1907 – *Ювачев И.* Курбан-Джа-Датха, кара-киргизская царица Алая // Исторический вестник. 1907. № 12. С. 954–980.

Юдин, 1974 – *Юдин В. П.* Об «узурпации» власти в Казахстане во 2-й половине XIV в. беком племени кыйат левого крыла Золотой Орды Тенгиз-Бугой: Материалы итоговой науч. конф. профессорско-преподавательского состава КазГУ им. С. М. Кирова. Алма-Ата: Наука, 1974. С. 6–7.

Юдин, 1987 – *Юдин В. П.* Анонимное тюркоязычное сочинение второй половины XVI в. из Восточного Туркестана «Тазкира-йи Ходжа Мухаммад Шариф» (историко-источниковедческое введение, перевод, комментарий) // Вопросы истории и культуры уйгуров. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 4–40.

Юдин, 1988 – *Юдин В. П.* «Тарих-и Шайбани» как источник по истории казахского и каракалпакского народов // Вопросы историографии и источниковедения Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1988. С. 201–221.

Юдин, 1992*а* – *Юдин В. П.* Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая… // Утемиш-хаджи. Чингис-наме. Алма-Ата: Гылым, 1992. С. 14–56.

Юдин, 1992*б* – *Юдин В. П.* Переход власти к племенным биям и неизвестной династии Тукатимуридов в Казахских степях в XIV в. (к проблеме восточных письменных источников, степной устной историографии и предыстории Казахского ханства) // Утемиш-хаджи. Чингис-наме. Алма-Ата: Гылым, 1992. С. 57–75.

Юдин, 2001*а* – *Юдин В. П.* Могулы // Юдин В. П. Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 96–136.

Юдин, 2001*б* – *Юдин В. П.* Персидские и тюркские источники по истории казахского народа XV–XVIII вв. // Юдин В. П. Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 17–71.

Юзефович, 1993 – *Юзефович Л. А.* Самодержец пустыни. Феномен судьбы барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга. М.: Эллис Лак, 1993.

Юзефович, 1999 – *Юзефович Л. А.* Самые знаменитые самозванцы: Исторические очерки. М.: Олимп; Современник, 1999.

Юргевич, 1863 – *[Юргевич В.]* Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана о путешествии в страну приволжских венгерцев, совершенном перед 1235 годом, и письма папы Венедикта XII к хану Узбеку, его жене Тайдолю и сыну Джанибеку в 1340 году // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. V. 1863. С. 998–1006.

Юсупов, 2009 – *Юсупов Ю. М.* История Башкортостана XV–XVI веков. Уфа: Гилем, 2009.

Якунин, Кулиев, 1952 – *Якунин А. Ф., Кулиев О. К.* Восстание 1916 года в Средней Азии // Вопросы истории. 1952. № 3. С. 33–49.

Allsen, 1987 – *Allsen T. T.* Mongol Imperialism: The Politics of the Grand Qan Mongke in China, Russia, and the Islamic Lands, 1251–1259. Berkeley, 1987.

Ayalon, 1971 – *Ayalon D.* The Great Yasa of Chingiz Khan: A Reexamination // Studia Islamica. 1971. No. 33. P. 97–140.

Batsaikhan, 2009 – *Batsaikhan E. O.* Bogdo Jebtsundamba Khutuktu, the Last King of Mongolia / transl. by M. Ravjaa. Ulaanbaatar, 2009.

Biran, 1997 – *Biran M.* Qaidu and the Rise of the Independent Mongol State in Central Asia. Richmond: Curzon, 1997.

Boulger, 1878 – *Boulger D.Ch.* The Life of Yakoob Beg, Athalik Ghazi and Badaulet, Ameer of Kashgar. L., 1878.

Boulger, 1880 – *Boulger D.Ch.* Central Asian Portraits: The Celebrities of the Khanates and the Neighbouring States. Z.: W. H. Allen&Co., 1880.

Bregel, 2000 – *Bregel Yu.* The Administration of Bukhara under Manghits and Some Tashkent Manuscripts // Papers on Inner Asia. No. 34. Bloomington: Indiana University Press, 2000.

Brophy, 2011 – *Brophy D. J.* Tending to Unite? The Origins of Uyghur Nationalism. Ph. D. Diss. Cambridge, 2011.

Chambers, 2001 – *Chambers J.* The Devil's Horsemen: The Mongol Invasion of Europe. L.: Phoenix Press, 2001.

Charleux, 2011 – *Charleux I.* Kangxi/Engke Amuγulang, un empereur mongol? Sur quelques légendes mongoles et chinoises // Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines. 2011. Vol. 42. P. 1–28.

Chavannes, 1908 – *Chavannes E.* Inscriptions et pieces de chancellery chinoises de l'époque mongole // T'oung Pao. Ser II. Leide. 1908. Vol. 9. P. 295–428.

Clarke, 1880 – *Clarke F. C. H.* Kuldja // Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography. New Monthly Ser. 1880. Vol. 2. No. 8 (Aug.). P. 489–499.

Courant, 1912 – *Courant M.* L'Asie Centrale aux XVIIe et XVIIIe

siècles. Empire Kalmouk ou Empire Mantchou? Lyon: A. Rey, imprimeur-aditeur, P.:

A. Picard, libraire, 1912.

Dale, 2004 – *Dale S. F.* The Garden of the Eight Paradises. Babur and the Culture of Empire in Central Asia, Afghanistan and India (1483–1530). L.; Boston: Brill, 2004.

Dardess, 1973 – *Dardess J. W.* Conquerors and Confucians: Aspects of Political Change in Late Yuan China. N. Y.: Columbia University Press, 1973.

DeWeese, 1994 – *DeWeese D.* Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tukles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. Pensylvania: University Park, 1994.

Defremery, 1845 – *Defremery C.* Memoire historique sur la destruction de la dynastie des Mozaf eriens // Journal Asiatique. Ser. IV. T. V. Paris, 1845. P. 437–468.

Diluv Khutagt, 2009 – The Diluv Khutagt of Mongolia: Political Memoirs and Autobiography of a Buddhist Reincarnation. Ulaanbaatar: Polar Star Books, 2009.

Erkinov, 2009 – *Erkinov A. S.* The Andij an Uprising of 1898 and Its Leader Dukchi-Ishan Described by Contemporary Poets // TIAS Central Eurasian Research Series. No. 3. Tokyo, 2009.

Erskine, 1854 – *Erskine W.* A History of India under the Two First Sovereigns or the House of Taimur, Baber and Humayun. Vol. 1. L., 1854.

Forsyth, 1875 – *Forsyth T. D.* Report of a Mission to Yarkund in 1873. Calcutta, 1875.

Fræhni, 1855 – *Frœhni Ch.M.* Opusculorum postumorum. Pars prima / ed. by B. Dorn. Petropoli, 1855.

Frank, 1994 – *Frank A.* The Siberian Chronicles and the Taybughid Biys of Sibir' // Papers on Inner Asia. No. 27. Bloomington: Indiana University Press, 1994.

Franke, 1978 – *Franke H.* From Tribal Chieftain to Universal Emperor and God: The Legitimation of the Yüan Dynasty. Munich: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1978.

Godwin, 1967 – *Godwin P. H. B.* Mongol-Manchu Relations: A Study of Political Integration / Ph. D. Diss. University of Minnesota, 1967.

Golden, 2007 – *Golden P. B.* Khazar Sacral Kingship Revisited // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 2007. Vol. 60. No. 2. P. 161–194.

Grousset, 2000 – *Grousset R.* The Empire of the Steppes: A History of Central Asia. New Brunswick; New Jersey; L.: Routledge, 2000.

Hambis, 1969 – *Hambis L.* Documents sur l'histoire des Mongols a l'époque des Ming. Paris: Presses Universitaires de France, 1969.

Hayward, 1870 – *Hayward G. W.* Journey from Leh to Yarkand and Kashgar, and Exploration of the Sources of the Yarkand River // Journal of the Royal Geographical Society of London. 1870. Vol. 40. P. 33–166.

History, 2006 – The Cambridge History of China. Vol. VI: Alien regimes and border states, 907–1368 / ed. by H. Franke, D. Twitchett. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

History, 2009 – The Cambridge History of Inner Asia. The Chinggisid Age / ed. by N. Do Cosmo, A. J. Frank, P. B. Golden. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

Honda, 1958 – *Honda M.* On the Genealogy of the Early Northern Yuan // Ural-Altaische Jahrbucher. 1958. B. XXX. H. 3–4. P. 232–248.

Horikawa, 1994 – *Horikawa T.* The Problem of the Four Khans in the Early Sheybanid Dynasty // XI Turk tarih Kongresi'nden ayribasim. Ankara: Turk Tarih kurumu, 1994. S. 1707–1714.

Ibn Battuta, 1855 – Voyages d'Ibn Batoutah. T. III / trad. par C. Defremery, B. R. Sanguinetti. Paris, 1855.

Imbault-Huart, 1895 – *Imbault-Huart C.* Recit of ciel de la Conquete du Turkistand par les Chinois (1759–1760) // Bulletin de géographie historique et descriptive. 1895. P. 87–119.

Jackson, 1978 – *Jackson P.* The Dissolution of the Mongol Empire // Central Asiatic Journal. 1978. Vol. 22. No. 3–4. P. 186–244.

Jagchid, 1999 – *Jagchid S.* The Last Mongol Prince: The Life and Times of Demchugdongrob, 1902–1966. Washington: Western Washington University, 1999.

Juvaini, 1997 – *Juvaini Ata-Malik.* The History of the World-Conqueror / transl. from text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle, introd., bibliog. by D. O. Morgan. Manchester: Manchester University Press, 1997.

Kaplonski, 1993 – *Kaplonski Chr.* Collective Memory and Chigunjav's Rebellion // History and Antropology. 1993. Vol. 6. No. 2–3. P. 235–259.

Karpat, 1991 – *Karpat K. H.* Yakub Bey's Relations with the Ottoman Sultans: A Reinterpretation // Cahiers du monde russe et soviétique. 1991. Vol. XXXII. No. 1. P. 17–32.

Kashghari, 1897 – The History of the Khojas of Eastern Turkestan / Summarized form Tazkira-i-Khwajagan of Muhammad Sadiq Kashghari by R. B. Shaw // Supplement to the Journal of the Asiatic Society of Bengal. 1897. Vol. LXVI. P. I.

Kiernan, 1955 – *Kiernan V. G.* Kashghar and the Politics of Central Asia, 1868–1878 // Cambridge Historical Journal. 1955. Vol. 11. No. 3. P. 317–342.

Kim, 2004 – *Kim Hodong.* Holy War in China: The Muslim Rebellion and State in Chinese Central Asia, 1864–1877. Stanford:

Stanford University Press, 2004.

Lattimore, 1937 – *Lattimore O.* Inner Mongolia – Chinese, Japanese or Mongol? // Pacifi c Af airs. 1937. Vol. 10. No. 1 (Mar.). P. 64–71.

Lattimore, 1962 – *Lattimore O.* The Phantom of Mengkukuo // Lattimore O. Studies in Frontuer History: Collected Papers, 1928–1958. L.: Oxfrod University Press, 1962. P. 403–408.

Lockhart, 1938 – *Lockhart L.* Nadir Shah. A Critical Study Based Mainly Upon Contemporary Sources. L.: Luzak & Co., 1938.

Manz, 1998 – *Manz B. F.* Temür and the Problem of a Conqueror's Legacy // Journal of the Royal Asiatic Society. 3rd Ser. 1998. Vol. 8. No. 1 (Apr.). P. 21–41.

Manz, 2007 – *Manz B. F.* Power, Politics and Religion in Timurid Iran. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Melville, 1999 – *Melville Ch.* The Fall of Amir Chupan and the Decline of the Ilkhanate, 1327–37: A Decade of Discord in Mongol Iran // Papers on Inner Asia. No. 30. Bloomington: Indiana University Press, 1999.

Mernissi, 2006 – *Mernissi F.* The Forgotten Queens of Islam / transl. by M. J. Lakeland. Minnesota: University of Minnesota Press, 2006.

Mirgaliev, 2012 – *Mirgaliev I. M.* Dzhuchid-Ilkhanate Opposition: Reasons // Chinggis Khaan and Globalization. International Academic Conference: Program and Abstracts (November 14–15, 2012). Ulaanbaatar (Mongolia). Ulaanbaatar, 2012. P. 60.

Miyawaki, 1999 – *Miyawwaki J.* The Legitimacy of Khanship among the Oyirad (Kalmyk) Tribes in Relation to the Cinggisid Principle // The Mongol Empire and Its Legasy / ed. by. R. Amitai-Preiss, D. O. Morgan. Leiden; Boston: Brill, 1999. P. 319–331.

Morgan, 1986 – *Morgan D. O.* The "Great Yasa of Chingis Khan" and Mongol Law in the Ilkhanate // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1986. Vol. XLIX. No. 1. P. 163–176.

Morgan, 2005 – *Morgan D.* The "Great Yasa of Chinggis Khan" Revisited // Mongols, Turks and Others. Eurasian Nomads and the Sedentary World / ed. by R. Amitai, M. Biran. Leyden; Boston: Brill, 2005. P. 291–308.

Morris, 1975 – *Morris P.* The Russians in Central Asia, 1870–1887 // The Slavonic and East European Review. 1975. Vol. 53. No. 133 (Oct.). P. 521–538.

Munis, Agahi, 1999 – *Shir Muhammad Mirab Munis, Muhammad Riza Mirab Agahi.* Firdaws al-iqbal: History of Khorezm / transl. from Chagat, annot. by Yu. Bregel. Leiden; Boston; Köln: Brill, 1999.

Newby, 1996 – *Newby L.* Xinjiang: In Search of an Identity // Unity anf Identity: Local Cultures and Identities in China / ed. by T. T.

Liu, D. Faure. Hong Kong: Hong Kong University Press, 1996. P. 67–82.

Newby, 1998 – *Newby L. J.* The Begs of Xinjiang: Between Two Worlds // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. University of London. 1998. Vol. 61. No. 2. P. 278–297.

Newby, 2005 – *Newby L. J.* The Empire and the Khanate: A Political History of Qing Relations with Khoqand c. 1760–1860. Leiden; Boston: Brill, 2005.

Noda, 2011 – *Noda J.* Titles of Kazakh Sultans Bestowed by the Qing Empire: The Case of Sultan Ghubaydulla in 1824 // Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko. 2011. No. 68. P. 63–94.

Noda, Onuma, 2010 – *Noda J., Onuma T.* A Collection of Documents from the Kazakh Sultans to the Qing Dynasty // TIAS Central Eurasian Research Series. Special Iss. 1. Tokyo: University of Tokyo, 2010.

Petech, 1959 – *Petech L.* The Dalai-Lamas and Regents of Tibet: A Chronological Study // T'oung Pao. 2nd Ser. 1959. Vol. 47. Livr. 3/5. P. 368–394.

Petech, 1966 – *Petech L.* Notes on Tibetan History of the 18th Century // T'oung Pao. 2nd ser. 1966. Vol. 52. Livr. 4/5. P. 261–292.

Quatremere, 1843 – *Quatremere E.* Notice de l-ouvrage persan qui a pour titre: Matla-assaadein ou-madjma-albahrein, et qui contient l'histoire des deux sultans Schah-rokh et Abou-Said // Notices ey extraits des manuscrits de la Biblioteque du roi et autres biblioteques. T. XIV. Paris, 1843.

Rachewiltz, 1993 – *Rachewiltz I. de.* Some Refl ections on Chinggis Qan's Jasagh // East Asian History. 1993. No. 6. P. 91–104.

Radchenko, 2012 – *Radchenko S.* Carving up the Steppes: Borders, Territory and Nationalism in Mongolia, 1943–1949 // Eurasia Border Review. Vol. 3. Special Iss. "China's Post-Revolutionary Borders, 1940s–1960s". 2012. Summer. P. 11–31.

Schamiloglu, 1986 – *Schamiloglu U.* Tribal Politics and Social Organization in the Golden Horde / Ph. D. Dissertation. Columbia University, 1986.

Schuyler, 1876 – *Schuyler E.* Turkistan. Notes of a Journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja. Vol. I. L., 1876.

Schuyler, 1877 – *Schuyler E.* Turkistan. Notes of a Journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja. Vol. II. L., 1877.

Sela, 2004, – *Sela R.* Central Asia in the 18th Century: The Age of Introspection / Ph. D. Diss. Indiana University, 2004.

Sela, 2007 – *Sela R.* The "Heavenly Stone" (Kök Tash) of Samarqand: A Rebel's Narrative Transformed // Journal of the Royal Asiatic Society. 3rd Ser. 2007. Vol. 17. No. 1 (Jan.). P. 21–32.

Serruys, 1959 – *Serruys H.* Mongols Ennobled during The Early

Ming // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1959. Vol. 22 (Dec). P. 209–260.

Shajrat, 1838 – Shajrat ul atrak, or Genealogical Tree of Turcs and Tatars / transl, abridged by Col. Miles. L., 1838.

Shaw, 1869–1870 – *Shaw R. B.* A Visit to Yarkand and Kashgar // Proceeding of the Royal Geographical Society of London. Vol. 14. No. 2. 1869–1870. P. 124–137.

Smith, 1970 – *Smith J. Masson,* Jr. The History of the Sarbadar Dynasty 1336–1381 A. D. and its Sources. The Hague; Paris: Mouton, 1970.

Soni – *Soni S. K.* Looking Back to History: Inner Mongolia under Qing Rule (б.г.) // iiiafBii + ˆtiii. P. 32–53.

Soni, 2007 – *Soni S. K.* Mongolia and the Mongols: From Mongol Yuan Dynasty to Manchu-Qing Overlordship // Монгол судлалын өгүүлүүд. Essays on Mongol studies. Улаанбаатар, 2007. Т. 148–163.

Soucek, 2003 – *Soucek S.* A History of Inner Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Subtelny, 2007 – *Subtelny M. E.* Timurids in Transition. Turko-Persian Politics and Acculturation in Medieval Iran. Leyden; Boston: Brill, 2007.

Thum, 2012*a* – *Thum R.* Beyond Resistance and Nationalism: Local History and the Case of Afaq Khoja // Central Asian Survey. 2012. Vol. 31. Iss. 3. P. 293–310.

Thum, 2012Z) – *Thum R.* Modular History: Identity Maintenance before Uyghur Nationalism // The Journal of Asian Studies. 2012. Vol. 71. Iss. 3 (Aug.). P. 627–653.

Tian, 2012 – *Tian H.* Governing Imperial Borders: Insights from the Study of the Implementation of Law in Qing Xinjiang / Ph. D. Diss. Columbia University, 2012.

Tr o t t e r, 18 78 – *Trotter H.* On the Geographical Results of the Mission to Kashghar, under Sir T. Douglas Forsyth in 1873–74 // Journal of the Royal Geographical Society of London. 1878. Vol. 48. P. 173–234.

Wassaf, 1856 – Geschihte Wassaf's / Pers. Hrsg. und Deutsch Uber. von J. Hammer-Purgstall. Bd. I. Wien, 1856.

Weatherford, 2010 – *Weatherford J.* The Secret History of the Mongol Queens: How the Daughters of Genghis Khan Rescued His Empire. N. Y.: Crown Publishers, 2010.

Wing, 2007 – *Wing P.* The Jalayrids and Dynastic State Formation in the Mongol Ilkhanate. Vol. I–II / Ph. D. Diss. Chicago University, 2007.

Zarcone, 1996 – *Zarcone T.* Soufi s d'Asie centrale au Tibet aux XVIe et XVIIe siècles // Cahiers d'Asie centrale. 1996. No. 1–2. P.

325–344.

Список имен [187]

Абага (ум. 1282), ильхан Ирана, сын Хулагу

Абатай (Вачирай-хан, ум. 1588), монгольский Тушету-хан

Абахай (ум. 1643), маньчжурский правитель

Аббас I (ум. 1628), персидский шах из династии Сефевидов

Аббасиды, правящая династия Арабского халифата в Багдаде (750–1258) и Каире (1261–1517)

Абд ал-Азиз (ум. 1550), хивинский хан, затем – бухарский хан из династии Шайбанидов, сын Убайдаллаха I

Абд ал-Азиз (ум. 1680), бухарский хан из династии Аштарханидов, сын Надир-Мухаммада

Абд ал-Амин (Исфанд-султан, ум. 1601), самозванец, правитель Балха

Абд ал-Гаффар (ум. 1598/1599), бухарский царевич из династии Шайбанидов (см. также: лже-Абд ал-Гаффар)

Абд ал-Гаффар Кырыми

Абд ал-Карим (ум. 1591), кашгарский хан

Абд ал-Латиф-султан (XVI в.), узбекский царевич, сын Хамза-султана

Абд ал-Малик (Катта-тура, ум. 1909), бухарский царевич из династии Мангытов, претендент на трон, сын Музаффара

Абд ал-Мумин (ум. 1598), бухарский хан из династии Шайбанидов

Абд ал-Мумин (ум. 1748), бухарский хан из династии Аштарханидов, сын Абу-л-Файза

Абд ар-Раззак Самарканди

Абд ар-Рахим (XVIII в.), бухарский ходжа, предполагаемый отец бухарского хана Абу-л-Гази

Абд ар-Рашид (ум. 1560), кашгарский хан, потомок Тоглук-Тимура

Абд ар-Рашид (ум. кон. XVII в.), кашгарский хан, потомок Тоглук Тимура

Абд ас-Саттар-султан (ум. посл. четв. XVI в.), бухарский царевич из династии Шайбанидов

Абдаллах (ум. ок. 1369), золотоордынский хан, ставленник Мамая

Абдаллах II (ум. 1398), бухарский хан из династии Шайбанидов

Абдаллах (ум. 1670), кашгарский хан

Абдаллах (ум. 1713), узбекский царевич, правитель Балха из династии Аштарханидов

Абдугаппар Джанбусынов (ум. 1922), предводитель восстания

в Казахстане, претендент на трон

Абдул-Азиз (ум. 1876), османский султан

Абдул-Хамид II (ум. 1918), османский султан

Абдурахман Джевачи (ум. 1916), предводитель восстания в Русском Туркестане, претендент на трон

Аблай (ум. 1660-е), сибирский царевич из династии Шибанидов, внук Кучума

Аблай (ум. 1781), казахский хан Среднего жуза

Абу Бакр (ум. 534), араб. халиф

Абу Бакр (ум. 1514), кашгарский правитель из рода Дуглат

Абу Бакр Ахари

Абу Исхак (ум. 1357), персидский государственный деятель, правитель Фарса из династии Инджу

Абу Саид (ум. 1335), персидский ильхан

Абу Саид (ум. 1469), тимуридский правитель, потомок Амира Тимура

Абу Саид (ум. 1533), бухарский хан из династии Шайбанидов

Абу-л-Гази I (ум. 1664), хивинский хан из династии Арабшахидов, историк

Абу-л-Гази II (Абу-л-Мухаммад; ум. 1747), хивинский хан, сын Ильбарса III

Абу-л-Гази (ум. ок. 1800), бухарский хан из династии Аштарханидов

Абу-л-Гази (ум. после 1806), хивинский хан

Абу-л-Гази (ум. 1815), казахский хан Младшего жуза, сын Каипа

Абу-л-Мамбет (ум. 1771), казахский хан Среднего жуза

Абу-л-Мухаммад (ум. ок. 1567), хивинский царевич, правитель Мерва из династии Арабшахидов

Абу-л-Мухаммад, см.: *Абу-л-Гази II*

Абу-л-Файз (ум. 1747), бухарский хан из династии Аштарханидов

Абу-л-Файз (ум. 1783), казахский султан, правитель Среднего жуза, сын Абу-л-Мамбета

Абу-л-Хади Макрит (XVII в.), тесть Аппак-ходжи

Абу-л-Хайр (ум. нач. XIV в.), персидский царевич, сын Олджайту

Абу-л-Хайр (ум. 1468), узбекский хан из династии Шибанидов

Абу-л-Хайр (ум. 1748), казахский хан Младшего жуза

Абу-Лайс-султан (кон. XVI в.), казахский царевич

Агалак (ум. ок. 1508), тюменский хан из рода Шибанидов

Аганай (ум. ок. 1530), хивинский царевич из династии Арабшахидов

Агатай (ум. 1557), хивинский хан из династии Арабшахидов

Агбарджин-джинонг (ум. 1452 или 1453), монгольский хан, потомок Хубилая

Адай (ум. 1438), монгольский хан, потомок Угедэя

Адил-Гирей (ум. 1672), крымский хан

Азиз-Шейх (ум. 1367), золотоордынский хан

Аип б. Жолбарыс (сер. XIX в.), казахский хан Младшего жуза

Аитов М. (XIX в.), российский офицер и дипломат

Айжаркын Канаев (ум. 1930), предводитель восстаний в Казахстане, претендент на трон

Акбаш-хан (ум. после 1695), кашгарский хан

Акназар-султан, см.: *Хакк-Назар*

Актылун-хаан (ум. ок. 1243), монгольская царевна, дочь Чингис-хана

Алан-Гоа, легендарная прародительница Чингисидов

Алатай (XIV в.), золотоордынский эмир

Алгуй (Алгу; ум. 1265), чагатайский правитель

Алей (ум. 1632 или 1649), сибирский хан из династии Шибанидов, сын Кучума

Александр I (ум. 1825), российский император

Александр II (ум. 1881), российский император

Александр Македонский (Искандер Зу-л-карнайн, ум. 323 до н. э.), македонский царь, завоеватель, легендарный прародитель ряда центрально-азиатских династий

Алексеев А. К.

Алахан Абиль-оглы (ум. после 1871), предводитель антикитайского восстания в Кашгарии, султан Илийского султаната

Али (ум. 661), араб. халиф

Али, см.: *Алей*

Али б. Байду (XIII в.), персидский царевич, сын ильхана Байду

Али-Муайад (ум. 1386), султан сербедаров в Хорасане

Али-падшах (ум. 1336), персидский эмир

Алим-хан (ум. 1810), кокандский хан из династии Минг

Алимкул (ум. 1865), кокандский военный и государственный деятель, временщик

Алихан-тура (сер. XX в.), президент Восточно-Туркестанской республики

Алишер Навои (ум. 1501), тимуридский государственный деятель и поэт

Алла ад-Дин, см.: *Тармаширин*

Алла-Кули (ум. 1842), хивинский хан из династии Кунгратов

Алп-Гирей (ум. после 1588), крымский царевич

Алтакар (посл. четв. XV в.), полулегендарный башкирский хан

Алтан (ум. нач. XIII в.), монгольский нойон, родственник Чингис-хана

Алтан-хан (Гэгэн-хан, Номун-хан; ум. 1582), монгольский хан, правитель Тумэта

Алтун-Биших (перв. пол. XVI в.), полулегендарный сын Бабура, основатель кокандской династии Минг

Алтун-хан, мифический предок русского дворянского рода Чанышевых

Алтынсары (ум. после 1855 г.), казахский хан Среднего жуза, внук Абу-л-Файза

Альафранг (ум. 1304), персидский царевич, сын Гайхату, потомок Хулагу

Амангельды Иманов (ум. 1919), предводитель восстания в Казахстане

Амасанчжи-тайши (ум. посл. четв. XV в.), ойратский правитель, сын Эсена

Амбагай (ум. ок. 1161), монгольский хан

Амир Тимур (ум. 1405), чагатайский полководец и государственный деятель

Амурсана (ум. 1757), джунгарский правитель, претендент на трон

Анбарджи (XIII в.), персидский царевич, потомок Хулагу

Аничковы, русский аристократический род золотоордынского происхождения

Ануширван (ум. 1356), персидский ильхан, предположительно самозванец

Ануштегиниды, династия шахов Хорезма (1097–1231)

Аоба (Одба, Ууба, перв. пол. XVII в.), монгольский Тушету-хан аймака Хорчин, потомок Хасара

Аппак-ходжа (Хидаяталлах; ум. 1694), кашгарский святитель, узурпатор

Апраксины, русский аристократический род золотоордынского происхождения

Араб-Мухаммад-хан I (ум. 1623), хивинский хан из династии Араб-шахидов

Арабшах (ум. после 1380), золотоордынский хан, потомок Шибана

Арабшахиды, династия хивинских ханов (1511 – втор. пол. XVIII в.), ветвь Джучидов

Аргун (ум. 1291), персидский ильхан, внук Хулагу

Арик-Буга (ум. 1264), монгольский хан, внук Чингис-хана

Арингази (ум. 1833), казахский хан Младшего жуза, сын Абу-л-Гази

Арпа-хан (ум. 1336), персидский ильхан, потомок Арик-Буги

Арслан-Гирей (ум. 1767), крымский хан

Артук-Гази (ум. после 1771), хивинский хан из династии Арабшахидов

Аруктай (Аруктай-тайши, ум. 1434), монгольский государственный деятель

Асутай (XIII в.), монгольский царевич, сын Мунке

Асфендиаров С. Д.

Атаджан-тура (кон. XIX в.), хивинский царевич из династии Кунгратов, узурпатор

Атдаев С. Д.

Афтаб-айим (ум. 1830), кокандская царевна, дочь Нарбута-бия

Ахмад (ум. 1481), золотоордынский хан

Ахмад ал-Касани (Махдум-и Азам, ум. 1542), мусульманский проповедник, глава ордена накшбандийя в Средней Азии

Ахмад Танбал (Султан Ахмад Танбал, ум. 1504), ферганский эмир, узурпатор

Ахмад-Гирей (ум. ок. 1568), правитель Башкирии, затем – сибирский хан из династии Шибанидов

Ахмад-ходжа (ум. перв. пол. XVIII в.), кашгарский хан из династии белогорских ходжей

Аштарханиды, династия бухарских ханов (1601 – ок. 1800), ветвь Джучидов

Аюка (ум. 1724), калмыцкий хан

Аюрбарибада (ум. 1320), монгольский хан, китайский император династии Юань

Аюшридара (ум. 1378), монгольский хан, сын Тогон-Тэмура

Баба-султан (Баба-хан; ум. 1582), бухарский царевич из династии Шайбанидов, претендент на трон

Баба-Туклес (Ходжа-Ахмад, XIII в.), полулегендарный мусульманский проповедник в Золотой Орде

Баба-хан (ум. 1680), кашгарский хан

Бабаджанов Б. М.

Бабур (ум. 1530), тимуридский правитель, основатель империи Великих Моголов, потомок Амира Тимура

Бадари (сер. XVII в.), монгольский нойон, правитель аймака Хорчин, сын Аобы

Баджир Тук-Буга, см.: *Тук-Буга*

Бади аз-Заман (Бади аз-Заман-мирза, ум. 1517), тимуридский правитель Балха и Герата, сын Хусайна Байкары

Базарова Б. З.

Байазид (нач. XVI в.), ферганский эмир, правитель Ахси, брат Ахмада Танбала

Байбагас (ум. ок. 1640), ойратский правитель Алашаня

Байду (ум. 1295), персидский ильхан, потомок Хулагу

Бай-Мухаммад (Айчуваков, ум. 1847), казахский султан, претендент на хивинский трон

Байсункур-мирза (ум. 1499), тимуридский правитель Самарканда и Бадахшана

Баки (Баки Чаганиани, ум. после 1504), бадахшанский эмир, брат Хосров-шаха

Баки-Мухаммад (ум. 1605), бухарский хан из династии Аштарханидов

Балагчин-Багай (XV в.), воспитатель Даян-хана

Балуш (ум. ок. 1320) золотоордынский царевич, сын Токты

Баньяшили, см.: *Улджай-Тэмур*

Барлыкбай Нурымов (ум. 1929), предводитель восстания в Казахстане

Барс-Болад (ум. 1520/1544), монгольский царевич, правитель Тумэта, претендент на трон

Бартольд В. В.

Бату (ум. 1256), золотоордынский правитель, сын Джучи

Бату-Болад (Ань-ло-ван, перв. четв. XV в.), ойратский правитель

Бату-Мунке, см.: *Даян-хан*

Батур-хунтайджи (ум. 1653), ойратский правитель, основатель Джунгарского ханства

Батыр, см.: *Тауке*

Батыр (ум. 1771), казахский хан Младшего жуза

Батыр (сер. XIX в.), казахский султан, хан каракалпаков

Батырхан Ногаев (перв. четв. XX в.), киргизский манап, претендент на трон

Бахадур (нач. XVI в.), казахский хан

Бахадур-Гирей (ум. 1523), крымский царевич, астраханский хан, сын Мухаммад-Гирея I

Бахадур-Гирей II (ум. 1791), крымский хан

Бахт-Гирей (ум. 1801), крымский царевич, претендент на трон

Бачман (посл. четв. XV в.), полулегендарный башкирский хан

Баян-Кули (ум. 1359), чагатайский хан

Бейсембиев Т. К.

Бек-Кули-бек (ум. после 1897), кашгарский правитель, сын Якуб-бека

Бектер (ум. сер. XII в.), сводный брат Чингис-хана

Белгутэй (ум. нач. XIII в.), сводный брат Чингис-хана

Беляков А. В.

Бенедикт XII (ум. 1342), папа римский

Бердибек (ум. 1359), золотоордынский хан

Березин И. Н.

Береке (Аникей, перв. треть XIV в.), полулегендарный золотоордынский царевич, родоначальник рода Аничковых

Берке (ум. 1266), золотоордынский правитель, сын Джучи

Беркен Усманов (втор. пол. XIX в.), предводитель восстания в Казахстане, претендент на трон

Беркечар (ум. 1260–1270-е), золотоордынский царевич, сын Джучи

Билигту-хан, см.: *Аюшридара*

Бичурин Н. Я. (о. Иакинф)

Богдо-гэгэн II (ум. 1757), глава монгольской буддийской церкви

Богдо-гэгэн VIII (Богдо-хан, ум. 1924), глава монгольской буддийской церкви, затем – хан Монголии

Боди-Алаг-хан (ум. 1547), монгольский хан, внук Даян-хана

Болекей (ум. 1808), хивинский и казахский хан, внук Абу-л-Хайра

Болху-джинонг (ум. ок. 1470), монгольский правитель, потомок Хубилая

Бопу (кон. XVIII в.), казахский султан, сын Абу-л-Файза

Борак (ум. 1271), чагатайский правитель

Борак (ум. 1750), казахский хан

Борджигины, монгольский аристократический род, ветвью которого являлись Чингисиды

Борис Годунов (ум. 1605), московский государственный деятель, затем царь

Боромбай (XIX в.), киргизский хан племени бугу

Борте (ум. перв. пол. XIII в.), монгольская ханша, супруга Чингис-хана

Бошугту-хан, см.: *Галдан*

Брэк Дж.

Бузан (ум. 1334), чагатайский царевич, узурпатор

Бузрук-хан-тура (ум. 1867), кашгарский ходжа, претендент на трон

Букей (ум. 1815), казахский хан Младшего жуза, основатель Букеевского ханства

Букей (ум. 1817), казахский хан Среднего жуза, сын Борака

Булатовы, русский аристократический род золотоордынского происхождения

Булгаковы, русский аристократический род предположительно золотоордынского происхождения

Бурхан-султан (Шах-Бурхан-хан, ум. 1557), узбекский царевич из династии Шайбанидов, правитель Бухары

Бурхан ад-Дин-ходжа (ум. 1758/ 1759), кашгарский хан из

династии белогорских ходжей

Бурхан ад-Дин-ходжа (втор. пол. XIX в.), предводитель антикитайского восстания в Кашгарии, правитель Уч-Турфана

Буян-тайши (перв. пол. XVII в.), монгольский Бошугту-хан аймака Сунит

Буянту-хан, см.: Аюрбарибада

Ваджих ад-Дин Масуд (ум. 1344), султан сербедаров в Хорасане

Вали (Вали-бек, ум. 1386), правитель Мазандерана, потомок Хасара

Вали (ум. 1504), бадахшанский эмир, брат Хосров-шаха

Вали (ум. 1821), казахский хан Среднего жуза, сын Аблая

Вали-Мухаммад (ум. 1611), бухарский хан из династии Аштарханидов

Вали-хан-тура (ум. ок. 1866), кашгарский ходжа, претендент на трон

Ван-хан (ум. 1203), хан племени кераитов

Валиханов Ч. Ч., см.: *Чокан Валиханов*

Ванчок (ум. 1662), монгольский Дзасагту-хан

Василий II (ум. 1025), византийский император

Василий Шуйский (ум. 1611), московский царь

Вассаф

Вассиан, ростовский епископ

Вачирай-хан, см.: *Абатай*

Вебер М.

Витовт (ум. 1430), вел. князь литовский

Волконский Г. С. (ум. 1824), оренбургский военный губернатор

Вэньцзун, см.: Ток-Тэмур

Габбас-султан (ум. ок. 1800), казахский султан, сын Вали

Габдулла, герой татарско-башкирского эпоса

Газан (ум. 1304), персидский ильхан, потомок Хулагу

Гази-Гирей I (ум. 1523), крымский хан

Гази-Гирей II (ум. 1608), крымский хан

Гайхату (ум. 1295), персидский ильхан, потомок Хулагу

Галдан (Галдан Бошугту-хан, ум. 1697), джунгарский хан

Галдан-Цэрен (ум. 1745), джунгарский хан

Ганчук-Батур (ум. сер. XVII в.), монгольский хан аймака Найман

Гаумата (ум. 522 до н. э.), персидский авантюрист, самозванец

Гафуров А.

Гедиминовичи, правящая династия Великого княжества Литовского (ок. 1315–1569), Польши (1385–1569), Речи Посполитой (1569–1572)

Гийас ад-Дин Пир Али (ум. 1389), правитель Герата из династии Куртов

Годан (ум. 1251), монгольский царевич, внук Чингис-хана

Голицыны, русский аристократический род предположительно золотоордынского происхождения

Гомбо-Дорджи (ум. 1655), монгольский Тушету-хан

Григорьев А. П.

Грумм-Гржимайло Г. Е.

Груссе Р.

Губайдулла (ум. 1861), казахский султан, сын Вали, претендент на трон

Гуйличи (ум. 1408), монгольский хан, потомок Угедэя

Гумилев Л. Н.

Гун-Тэмур (ум. 1402), монгольский хан

Гуши-хан (ум. 1654), ойратский правитель Тибета и Кукунора

Гуюк (ум. 1248), монгольский хан, внук Чингис-хана

Гэгэн-хан, см.: *Шудибала*

Даваци (ум. ок. 1758), джунгарский хан

Даир (ум. 1786), казахский хан Сред него жуза, сын Борака

Дайсунг (ум. 1452), монгольский хан, потомок Хубилая

Далай-лама III (ум. 1588), глава буддийской церкви, правитель Тибета

Далай-лама V (ум. 1682), глава буддийской церкви, правитель Тибета

Даниель-ходжа (ум. 1735), кашгарский хан из династии черногорских ходжей

Данишменд (ум. 1348), чагатайский хан, потомок Угедэя

Даниял (Даниял-бий, ум. 1785), бухарский правитель из династии Мангытов

Даши-Нима (ум. 1912), монгольский Тушэту-хан

Даян-хан (ум. 1513/1544), монгольский хан

ДеВиз Д.

Девлет-Гирей (Мустафа-чобан, ум. 1624), крымский царевич, предположительно сын Фатх-Гирея I, родоначальник Чобан-Гиреев

Девлет-Гирей (ум. 1670-е), сибирский царевич из династии Шибанидов, внук Кучума, претендент на трон

Девлет-Гирей IV (ум. 1780), крымский хан

Девлет-Мухаммад (XVII в.), вымышленный царевич, сын Ураз-Мухаммада, родоначальник дворянского рода Тевкелевых

Девлет-Шейх (перв. четв. XV в.), узбекский царевич, потомок Шибана

Джа-лама (Балдан Санаев, Джамби-Джалцан, ум. 1922/1923), монгольский авантюрист, самозванец

Джаббар-Берди (ум. 1417), золотоордынский хан, сын Токтамыша

Джадык (XVI в.), казахский царевич

Джалаиры, правящая династия Ирана (1339–1431)

Джалал ад-Дин (ум. 1412), золотоордынский хан, сын Токтамыша

Джалал ад-Дин-ходжа (втор. пол. XIX в.), предводитель антикитайского восстания в Кашгарии, правитель Аксу

Джамал ал-Карши

Джамалутдин-хаджи Карабудахкентский

Джамбадорджи

Джан-Али (ум. ок. 1588), казахский султан, самозванец, претендент на трон Ташкента

Джангази (перв. пол. XIX в.), казахский султан, сын Ширгази, претендент на трон

Джангильдин А.

Джангир (ум. 1845), хан казахского Букеевского ханства

Джанибек (ум. 1357), золотоордынский хан, сын Узбека

Джанибек (ум. кон. XV в.), казахский царевич, один из основателей Казахского ханства

Джанибек-султан (ум. 1529), узбекский царевич из династии Шайбанидов

Джанторе (ум. 1809), казахский хан Младшего жуза

Джан-Ходжа (нач. XIX в.), казахский хан Среднего жуза, сын Хан-ходжи

Джаныке (ум. 1437), золотоордынская царевна, сестра или дочь Токтамыша

Джахан-Тимур (ум. ок. 1340), персидский ильхан, потомок Хулагу

Джахан-ханум (кон. XVI в.), бухарская царевна, супруга Ибадаллаха

Джахан-ходжа (ум. 1759), кашгарский хан из династии черногорских ходжей

Джахангир-мирза (ум. 1508), тимуридский правитель Ферганы, брат Бабура

Джахангир-султан (ум. нач. XVII в.), узбекский царевич из династии Шайбанидов, претендент на трон

Джахангир-ходжа (ум. ок. 1828), кашгарский ходжа, претендент на трон

Джебцзун-Дабма-хутукта (Богдо-гэгэн I, ум. 1724),

монгольский царевич, первый глава монгольской буддийской церкви

Джексон П.

Джига (XV в.), монгольский нойон, брат Мандухай

Джир-Кутлу (сер. XIV в.), золотоордынский эмир из рода Кият

Джордж Салманазар (ум. 1763), английский авантюрист, «принц Формозы»

Джувейни, Ата-Малик Алла ад-Дин

Джумагазий Журганов (перв. четв. XX в.), предводитель восстания в Казахстане, претендент на трон

Джумкур (ум. 1264), персидский царевич, сын Хулагу

Джунаид-хан (ум. 1938), хивинский хан, узурпатор

Джучи (ум. 1225/1227), золотоордынский правитель, сын Чингис-хана

Джучи (ум. 1811), казахский султан, сын Абу-л-Файза

Джучи-Хасар, см.: *Хасар*

Джучиды, потомки Джучи, правители Золотой Орды, постордынских государств, Бухарского и Хивинского ханств

Джушкаб (ум. 1289), персидский царевич, сын Джумкура, внук Хулагу

Дзайагату-хан, см.: *Ток-Тэмур*

Дильшад-хатун (ум. сер. XIV в.), персидская царевна, супруга Хасана Бузурга

Динбай (ум. 1584), правитель Башкирии, затем – ногайский бий

Дионисий Младший (ум. 216 до н. э.), тиран Сиракуз

Дионисий Старший (ум. 367 до н. э.), тиран Сиракуз

Дмитрий Донской (ум. 1389), московский князь, великий князь владимирский

Догулан-тайджи (ум. сер. XV в.), монгольский нойон, потомок Хачиуна

Дондук-Даши (ум. 1761), калмыцкий хан, внук Аюки

Дондук-Омбо (ум. 1741), калмыцкий хан, внук Аюки

Дорджи (перв. пол. XVII в.), монгольский Буянту-хан аймака Муминган, потомок Хасара

Дува (Дува-хан; ум. 1306/1307), чагатайский хан

Дувановы, русский аристократический род золотоордынского происхождения

Дуглаты, правители Кашгарии (сер. XV в. – 1514)

Дукчи-ишан (Мухаммад-Али-халифа, ум. 1898), предводитель антироссийского восстания в Фергане, «хан»

Дурра-Тимур (ум. 1330), чагатайский хан, сын Дувы

Дэлбэг (ум. 1415), монгольский хан

Дэмчиг-Донров (ум. 1966), монгольский царевич, правитель

Внутренней Монголии, Дэ-ван марионеточного государства Мэнцзян

Дюдюбек (XVII в.), сибирский царевич, потомок Кучума

Едигей, см.: *Идигу*

Едигер (ум. 1562), сибирский правитель из династии Тайбугидов

Еке-Кадан (XIII в.), монгольский царевич, потомок Чингис-хана

Еке-нойон, см.: *Тулуй*

Елеазар Уильямс (ум. 1858), авантюрист, лже-Людовик XVII

Елена Глинская (ум. 1538), московская правительница, мать Ивана IV Грозного

Елюй Чу-цай (ум. 1244), государственный деятель Монгольской империи

Ерден Сандыбаев (XIX в.), казахский ага-султан

Есу (XIII в.), монгольский царевич, внук Чагатая

Есу-Мунке (ум. 1251/1252), чагатайский правитель, сын Чагатая

Есудар (ум. ок. 1388), монгольский хан потомок Арик-Буги

Есун-Тэмур (ум. 1328), монгольский хан, китайский император династии Юань

Есунке (Есунке-ака, XIII в.), монгольский царевич, сын Хасара

Жалел-Масум Исматуллаев (ум. 1929), предводитель восстания в Казахстане, претендент на трон

Жанна д'Арк (ум. 1431), фр. полит. деятель

Железный Хромец, см.: *Амир Тимур*

Жуй-цзун, см.: *Тулуй*

Жэньцзун, см.: *Аюрбарибада*

Зангир (нач. XVIII в.), казахский хан

Зарлык (сер. XIX в.), казахский султан, хан каракалпаков

Захир ад-Дин Мухаммад Бабур, см.: *Бабур*

Златкин И. Я.

Зубайр Раги (ум. ок. 1508), бадахшанский эмир

о. Иакинф, см.: *Бичурин Н. Я.*

Ибадаллах-султан (ум. 1585), бухарский царевич из династии Шайбанидов, брат Абдаллаха II

Ибак (Сайид-Ибрахим; ум. 1495), тюменский хан, потомок Шибана

Ибн Баттута

Ибн Халдун

Иван Калита (ум. 1340), московский князь, великий князь владимирский

Иван Шея-Булгак (XIV в.), золотоордынский эмир, мнимый родоначальник русских княжеских родов Булгаковых, Голицыных и Куракиных

Иван III (ум. 1505), московский великий князь

Иван IV Грозный (ум. 1584), московский царь

Иван Иванович (ум. 1582), московский царевич, сын Ивана Грозного

Идигу (ум. ок. 1420), золотоордынский государственный деятель, основатель Ногайской Орды

Иликей (ум. после 1868), казахский султан, претендент на трон Младшего жуза

Илйас, см.: *Сулейман*

Ильбарс I (ум. ок. 1525), хивинский хан из династии Арабшахидов

Ильбарс III (ум. 1740), хивинский хан

Ильбасар (ум. ок. 1310), золотоордынский царевич, сын Токты

Ильбасмыш, см.: *Ильбасар*

Ильчигидай (ум. 1328), чагатайский хан, сын Дувы

Ильбек (ум. ок. 1376), золотоордынский хан, потомок Шибана

Ильджидай-нойон (XIII в.), монгольский государственный деятель

Ильтузар (ум. 1806), хивинский хан из династии Кунгратов

Ильяс-Ходжа (ум. 1366/1370), могулистанский и чагатайский хан

Имам-Кули (ум. 1652), бухарский хан из династии Аштарханидов

Инаки, см.: *Кунграты*

Инджуиды, династия правителей Фарса (1336–1357)

Инцзун, см.: *Шудибала*

Иоанн I Цимисхий (ум. 976), византийский император

Иртышак (XII–XIII вв.), легендарный сибирский правитель, прародитель династии Тайбугидов

Иса, см.: *Исатай*

Исатай (перв. пол. XIV в.), золотоордынский эмир из рода Кият, предок Мамая

Исатай Тайманов (ум. 1829), казахский батыр, полит. деятель

Ислам-Гирей I (ум. 1537), крымский царевич, претендент на трон

Исмаил («Исмаил-хан»; ум. 1563), правитель Башкирии, затем – ногайский бий

Исмаил (ум. ок. 1682), кашгарский хан

Исмаил Сефеви (ум. 1524), персидский шах, основатель династии Сефевидов

Исфанд-султан, см.: *Абд ал-Амин*

Исфендиар (ум. 1918), хивинский хан из династии Кунгратов

Исхаков Д. М.

Ишан-хан-тура (Мухаммад-Аминходжа, Катта-хан; ум. ок. 1866), кашгарский ходжа, претендент на трон

Ишим (ум. 1624), сибирский хан из династии Шибанидов, сын Кучума

Ишим (ум. 1628), казахский хан

Ишим (ум. перв. четв. XVIII в.), казахский султан, претендент на трон Яркенда

Ишим (ум. 1797), казахский хан Младшего жуза

Ишим-султан (ум. нач. XVIII в.), хивинский царевич из династии Арабшахидов, претендент на трон

Йазди, Шараф ад-Дин Али

Йулкутлуг (нач. XIV в.), персидский царевич, потомок Хулагу

Каганбек (ум. кон. XIV в.), золотоордынский хан из династии Шибанидов

Кадак (XIII в.), монгольский царевич, сын Чагатая

Кадан (XIII в.), монгольский царевич, сын Угедэя

Кадыр-Али-бий Джалаири

Кадыр-Берди (ум. 1419), золотоордынский хан, сын Токтамыша

Кажулай-багатур (XII в.), брат Хабула

Казаган (ум. 1358), чагатайский эмир

Казан (ум. 1346), чагатайский хан

Каип (ум. 1791), хивинский хан, хан каракалпаков, казахский хан Младшего жуза, сын Батыра

Каипгали (ум. 1857), казахский султан, претендент на трон Младшего жуза

Каландар-бек (ум. 1863), претендент на кокандский трон из династии Минг

Камар ад-Дин (ум. после 1390), могулистанский эмир из рода Дуглат, узурпатор

Каммала (ум. 1297), монгольский царевич, сын Хубилая

Канаат Абукин (перв. четв. XX в.), киргизский манап, претендент на трон

Канай (ум. нач. XVII в.), сибирский царевич из династии Шибанидов, сын Кучума, претендент на трон

Канг-си (ум. 1722), китайский император из династии Цин

Каполнаш О.

Кара-Девлет-Гирей (ум. 1717), крымский хан

Кара-Джари (лже-Тимур-Таш, ум. 1339), персидский самозванец

Кара-Хулагу (ум. 1251/1252), чагатайский правитель, внук Чагатая

Карасакал (ум. 1749), самозванец, претендент на башкирский трон, затем на джунгарский трон

Каратай (ум. 1826), казахский султан, претендент на трон Младшего жуза

Карачар (XIII в.), золотоордынский царевич

Карим-Берди (ум. 1416), золотоордынский хан, сын Токтамыша

Касым (ум. 1827), казахский хан Младшего жуза, правнук Абу-л-Хайра

Кауфман К. П. фон (ум. 1882), туркестанский генерал-губернатор

Кашин (ум. 1235), монгольский царевич, сын Угедэя, отец Хайду

Кебек (ум. 1326), чагатайский хан, сын Дувы

Кебек (ум. 1420-е), золотоордынский хан, сын Токтамыша

Кенесары (ум. 1847), казахский султан, претендент на трон, внук Аблая

Кепек-Тимур (ум. ок. 1374), могулистанский эмир

Кильдибек (ум. 1357), золотоордынский царевич, внук хана Узбека (см. также: лже-Кильдибек)

Кислянский Л. К. (XVII в.), иркутский воевода

Кичик-хан-тура (втор. пол. XIX в.), кашгарский ходжа, претендент на трон

Кияты, монгольский аристократический род, ветвью которого являлись Борджигины

Козлов П. К. (ум. 1935), российский монголовед, путешественник

Койричак (ум. ок. 1397), золотоордынский хан

Конал Артанов (втор. пол. XIX в.), предводитель восстания в Казахстане, претендент на трон

Конкуртай (ум. 1284), персидский царевич, сын Хулагу

Константин VII Багрянородный (ум. 959), византийский император

Константин VIII (ум. 1028), византийский император

Крым-Гирей (ум. 1769), крымский хан

Крюковы, русский аристократический род золотоордынского происхождения

Куджу (ум. 1236), сын Угедэя, отец Ширэмуна

Кузбай Апасов (втор. пол. XIX в.), предводитель восстания в

Казахстане, претендент на трон

Кул-Булад, см.: *Фатх-Гирей*

Кулук-султан (Кутлук-султан, ум. 1530-е), тюменский хан, потомок Шибана

Кулькан (ум. 1238), монгольский царевич, сын Чингис-хана

Кульна (ум. 1360), золотоордынский хан

Кунграты, династия хивинских ханов (1804–1920)

Куракины, русский аристократический род предположительно золотоордынского происхождения

Курмиши (XIII в.), монгольский царевич, внук Угедэя

Курты, династия правителей Герата (1245–1381)

Кучкин В. А.

Кучук (втор. пол. XVII в.), сибирский царевич из династии Шибанидов, правнук Кучума, претендент на трон

Кучум (ум. ок. 1600), сибирский хан, потомок Шибана

Кучумовичи, династия сибирских ханов (1563 – сер. XVII в.), ветвь Джучидов

Кюгельген А. фон

Лашкар-кушбеги (ум. ок. 1841), кокандский государственный деятель

лже-Абд ал-Гаффар (ум. 1605), хан каракалпаков, самозванец

лже-Кильдибек (ум. 1362), золотоордынский хан, самозванец

лже-Пулад-хан, см.: *Мулла Исхак*

лже-Тармаширин, см.: *Тармаширин*

лже-Тимур-Таш, см.: *Кара-Джари*

лже-Шахрух (ум. 1863), кокандский хан, самозванец

лже-Эренг (ум. 1695), хивинский хан, самозванец

Лжедмитрий I (ум. 1606), московский самозванец

Лжедмитрий II (ум. 1610), московский самозванец

Лжедмитрий III (ум. 1611), московский самозванец

Лигдан (ум. 1634), монгольский хан

Ли Шиминь (Тайцзун, ум. 1649), китайский император династии Тан

Лубсан Данзан

Лубсан-Шоно (ум. 1732), джунгарский царевич, претендент на трон

Лукман (ум. кон. XIV в.), претендент на трон Мазандерана, потомок Хасара

Лутфаллах Чусти (XVI в.), ферганский ходжа

Лутфи (ум. 1462), тимуридский поэт

Лхавсан (ум. 1717), ойратский правитель Тибета и Кукунора, потомок Гуши-хана

Людовик XVI (ум. 1792), фр. король

Людовик XVII (ум. 1795), фр. претендент на трон

ал-Макризи

Максуд-Гирей (ум. 1780), крымский хан

Малик Ашраф (ум. 1356), персидский государственный деятель, внук Чопана

Малик-шах Систани

Малла-хан (ум. 1862), кокандский хан из династии Минг

Мамай (ум. 1380), золотоордынский государственный деятель

Мамбеталий (втор. пол. XIX в.), предводитель восстания в Казахстане, претендент на трон

Мамук (ум. 1497), тюменский и казанский хан, потомок Шибана

Мангыты, династия бухарских эмиров (1785–1920, фактически с 1756)

Мандугул (ум. ок. 1467), монгольский хан, потомок Хубилая

Мандухай (ум. 1509), монгольская ханша

Маненбай, см.: *Джангази*

Мансур (ум. 1426), ногайский бий, сын Идигу

Марко Поло

Масум-хан-тура (XVIII в.), кокандский ходжа, потомок Махдум-и Азама

Маты (ум. 1824), казахский хан Младшего жуза, правнук Абу-л-Хайра

Махагэргэс (Мэргус-хан; ум. ок. 1453), монгольский хан

Махамбет Утемисов (ум. 1846), батыр Букеевского ханства

Махаму (Шун-нин-ванум; 1418), ойратский вождь, монгольский государственный деятель

Махди (Махди-ходжа; ум. перв. пол. XVIII в.), кашгарский хан из династии белогорских ходжей, сын Аппар-ходжи

Махди-султан (ум. 1511), узбекский царевич, потомок Шибана

Махдум-и Азам, см.: *Ахмад ал-Касани*

Махмуд II (ум. 1839), османский султан

Махмуд Ялавач (ум. 1251), хорезмский купец, монгольский государственный деятель

Махулихай-онг (ум. сер. XV в.), монгольский государственный деятель, потомок Белгутэя

Мелик-огул (XIII в.), монгольский царевич, сын Угедэя

Менгли-Гирей I (ум. 1515), крымский хан

Менгу-Тимур (ум. 1280), золотоордынский хан

Менгу-Тимур (ум. 1282), персидский царевич, сын Хулагу

Мехмед IV (ум. 1691), османский султан

Мидрибала (ум. кон. XIV в.), монгольский царевич, претендент на трон

Мин, китайская династия (1368–1644)

Минг, династия кокандских правителей (с сер. XVI в.), ханов (ок. 1799–1876)

Миндигул Юлаев, см.: *Карасакал*

Мирза Хайдар, см.: *Мухаммад-Хайдар Дуглат*

Мирхонд

Мокуш Шабданов (перв. четв. XX в.), киргизский манап, претендент на трон

Молон (ум. 1462), монгольский хан

Морган Д.

Мубарак-шах (ум. ок. 1508), бадахшанский эмир

Мубариз ад-Дин Мухаммад (ум. 1364), персидский правитель из династии Музаффаридов

Музаффар (ум. 1885), бухарский эмир из династии Мангытов

Музаффар-бек (ум. ок. 1870), кокандский царевич из династии Минг, претендент на кашгарский трон

Музаффариды, династия правителей Фарса (1340–1393)

Муизз ад-Дин Хусайн (ум. 1370), правитель Герата из династии Куртов

Мулла Исхак (ум. 1876), кокандский хан, самозванец, лже-Пулад-хан

Мунис, Шир-Мухаммад

Мунке (ум. 1259), монгольский хан, внук Чингис-хана

Муравьев Н. Н. (Муравьев-Карский; ум. 1866), российский дипломат, военный и государственный деятель

Мурад V (ум. 1904), османский султан

Мурад-Гирей (ум. 1695/1696), крымский хан

Мурат Кучуков (Султан-Мурад, ум. 1708), самозванец, предводитель башкирского восстания

Муртаза (кон. XVI в.), астраханский царевич, мнимый родоначальник дворянского рода Мустафиных

Муса (ум. 1337), персидский ильхан, потомок Хулагу

Муса (ум. 1502), бий Ногайской Орды

Мустафа, см.: *Девлет-Гирей*

Мустафины, русский аристократический род золотоордынского происхождения

ал-Муфаддал

Мухаммад (ум. 532), пророк, основатель ислама

Мухаммад (Пир Хусейн, ум. ок. 1337), персидский ильхан, потомок Хулагу

Мухаммад Исхак-Вали (Ходжа-и Калан, Ишан-и Калан; ум. 1599), мусульманский святитель, сын Ахмада ал-Касани,

основатель династии черногорских ходжей

Мухаммад Садык Кашгари

Мухаммад Шайбани (Мухаммад Шайбани-хан, Шайбани-хан; ум. 1510), бухарский хан

Мухаммад-Али-хан (Мадали-хан, ум. 1842), кокандский хан из династии Минг

Мухаммад-Амин (ум. 1518), казанский хан

Мухаммад-Амин (ум. кон. XVI в.), мусульманский святитель, сын Ахмада ал-Касани, основатель династии белогорских ходжей

Мухаммад-Амин (ум. ок. 1692), кашгарский хан

Мухаммад-Амин (ум. 1855), хивинский хан из династии Кунгратов, сын Алла-Кули

Мухаммад-Амин-ходжа, см: *Ишан-хан-тура*

Мухаммад-Булак (ум. 1380), золотоордынский хан, ставленник Мамая

Мухаммад-Гирей I (ум. 1523), крымский хан

Мухаммад-Гирей II (ум. 1584), крымский хан

Мухаммад-Гирей III (ум. 1629), крымский хан

Мухаммад-Джахангир (ум. перв. пол. XV в.), тимуридский правитель, претендент на трон, правнук Амира Тимура

Мухаммад-Ибрахим-хан (ум. 1601), узбекский царевич, правитель Балха из династии Шайбанидов

Мухаммад-Кули-бек (ум. ок. 1870), кокандский царевич из династии Минг, претендент на кашгарский трон

Мухаммад Курбан Сардар, см.: *Джунаид-хан*

Мухаммад-курчи (нач. XVI в.), бадахшанский эмир

Мухаммад-Мумин, см.: *Акбаш-хан*

Мухаммад-Рахим (ум. 1758), бухарский хан из династии Мангытов

Мухаммад-Рахим I (ум. 1825), хивинский хан из династии Кунгратов

Мухаммад-Рахим II (ум. 1910), хивинский хан из династии Кунгратов

Мухаммад-Салим-султан (ум. нач. XVII в.), узбекский царевич из династии Шайбанидов, претендент на трон

Мухаммад-Султан-мирза (ум. 1403), тимуридский государственный деятель, внук Амира Тимура

Мухаммад-Тимур-султан (ум. 1514), бухарский царевич, сын Мухаммада Шайбани-хана

Мухаммад Тоглук (ум. 1351), султан Делийского султаната

Мухаммад-Хайдар Дуглат

Мухаммад-хан (ум. 1609), кашгарский хан

Мухаммад-Хусайн (ум. 1508), могулистанский эмир из рода Дуглат, отец историка Мухаммад-Хайдара Дуглата

Мухаммад-шах (XV в.), могулистанский эмир из рода Дуглат, сын Худайдада

Мыськов Е. П.

Мэд-Юсуф-ходжа (Мухаммад-Юсуф-ходжа; ум. после 1830), кашгарский ходжа, претендент на трон

Мэнду-орлук (XV в.), монгольский нойон

Мэргэн-гэгэн Лубсандамбиджалцан

Мюрид (ум. 1364), золотоордынский хан

Надир-Мухаммад (Надир-Мухаммад-хан; ум. 1651), бухарский хан из династии Аштарханидов

Надир-шах (ум. 1747), персидский шах из династии Афшаров

Наймадай (XIII в.), монгольский царевич, потомок Тэмугэ-отчигина

Наку (XIII в.), монгольский царевич, сын Гуюка

Нарбута-бий (ум. втор. пол. XVIII в.), бухарский государственный деятель из династии Мангытов

Нарбута-бий (ум. ок. 1809), кокандский правитель из династии Минг

Нарин-Кадан (XIII в.), монгольский царевич, потомок Чингис-хана

Насанцогт (ум. 1900), монгольский Тушету-хан

ан-Насир (ум. 1341), египетский султан из династии мамлюков

Насир-мирза (ум. 1515), тимуридский правитель Бадахшана, брат Бабура

Наср ад-Дин (ум. кон. XIX в.), кокандский хан из династии Минг, сын Худояра

Насруллах (ум. 1860), бухарский эмир из династии Мангытов

Натанзи, Муин ад-Дин

Наурус (ум. 1360), золотоордынский хан

Начин (XIII в.), монгольский царевич, внук Угедэя

Наян (ум. 1288), монгольский царевич, потомок Тэмугэ-отчигина

Никифор II Фока (ум. 969), византийский император

Николай II (ум. 1918), российский император

Нинцзун, см.: *Ринчинбал*

Ногай (ум. 1299), золотоордынский царевич, узурпатор

Нойан-Болод, см.: *Унэ-Болод*

Норбо (ум. 1661), монгольский Дзасагту-хан

Нур ад-Дин (ум. ок. 1419), золотоордынский государственный деятель, сын Идигу

Нур ад-Дин (ум. 1667), кашгарский царевич, сын Абдаллаха

Нур-Мухаммад-хан (Нурум-хан, ум. нач. XVII в.), хивинский

царевич, правитель Мерва предположительно сын Абу-л-Мухаммада

Нурали (ум. 1790), хивинский хан, затем казахский хан Младшего жуза, сын Абу-л-Хайра

Нуржан Кияшев (перв. четв. XX в.), предводитель восстания в Казахстане, претендент на трон

Нурхаци (ум. 1626), маньчжурский правитель, основатель китайской династии Цин

Оболгаир, см.: *Абу-л-Хайр*

Огул-Гаймиш (ум. 1252), монгольская ханша, супруга Гуюка

Ойрадтай (Урадай, ум. ок. 1425), монгольский хан

Олджайту (ум. 1316), персидский ильхан

Олджетей-хатун (ум. перв. четв. XIV в.), персидская царевна, дочь Аргуна, супруга Хусайнургана

Олег Иванович (ум. 1402), великий князь рязанский

Омар-хан (ум. 1822), кокандский хан из династии Минг

Омар-Шейх (ум. 1394), тимуридский государственный деятель, сын Амира Тимура

Омар-Шейх (ум. 1494), тимуридский правитель Ферганы, отец Бабура

Омарбай Бармаков (ум. 1929), предводитель восстания в Казахстане, претендент на трон

Омбо (перв. пол. XVII в.), монгольский хан Тумэта

Онсом, см.: *Ван-хан*

Орда-Шейх (ум. 1359), золотоордынский хан

Орду (ум. 1251), золотоордынский царевич, сын Джучи

Ормон (Ормон Ниязбек уулу, Урман Ниязбеков; ум. 1855), киргизский хан

Осман-батыр (Оспан-батыр; ум. 1951), предводитель антикитайского восстания в Кашгарии, «хан»

Оспан Шолаков (перв. четв. XX в.), предводитель восстания в Казахстане, претендент на трон

Очирту-тайджи (Очирту Цэцэн-хан; ум. 1677), ойратский хан Алашаня

Падшах-ханым (ум. ок. 1695), кашгарская царевна, супруга Аппак-ходжи

Падшах-ходжа (ум. 1853), кокандский ходжа, претендент на трон

о. Палладий (Кафаров)

Палеологи, династия императоров Византии (1261–1453)

Перовский В. А. (ум. 1857), оренбургский генерал-губернатор

Петр III (ум. 1762), российский император

Петров П. Н.

Пир-Мухаммад (ум. 1407), тимуридский правитель, внук Амира Тимура

Пир-Мухаммад II (ум. 1601), бухарский хан из династии Шайбанидов

Пир-падшах (Пирак-падшах; ум. 1410), правитель Мазандерана, потомок Хасара

Пир-Хусейн, см.: *Мухаммад-хан*

Плано Карпини, И. де

Поздняя Цзинь, китайская (маньчжурская) династия (1616–1636)

Покотилов Д. З.

«Принцесса Карабу» (ум. 1865), английская авантюристка

Пугачев Е. И. (ум. 1775), российский самозванец

Пулад (сер. XIV в.), золотоордынский хан из династии Шибанидов

Пулад-Гази (ум. после 1783), хивинский хан из династии Арабшахидов

Пулад-Тимур (ум. 1367), золотоордынский эмир, правитель Волжской Булгарии

Пулад-хан (Пулад-бек; втор. пол. XIX в.), кокандский царевич из династии Минг

Пуладчи (ум. ок. 1360), могулистанский эмир из рода Дуглат

Рабчжампа (XVII в.), глава тибетской религиозной секты кармапа

Раджаб (ум. 1725/1728), хивинский царевич, хан Самарканда

Рахим-Кули (ум. 1846), хивинский хан из династии Кунгратов

Рашид ад-Дин

Рашид ад-Дин-ходжа (Хан-ходжа; ум. ок. 1867), предводитель антикитайского восстания в Кашгарии

Рашипунцуг

Ринчен-Дорджи (ум. 1755), монгольский царевич

Ринчен-тусалакчи (ум. нач. XX в.), претендент на трон Тушету-хана

Ринчинбал (ум. 1332), монгольский хан, китайский император династии Юань

Роман I Лакапин (ум. 948), византийский император

Россаби М.

Рустам-Мухаммад (Рустам-Мухаммад-султан; ум. после 1642), узбекский царевич из династии Аштарханидов, претендент на трон

Рустам-хан-тура (XIX в.), кокандский ходжа, претендент на трон

Рыкин П. О.

Рюриковичи, русская княжеская (с 862 г.), затем царская династия (1547–1598)

Рязанов А. Ф.

Саадат-Гирей I (ум. 1538/1539), крымский хан

Сабитов Ж. М.

Садык (ум. 1910), казахский султан, сын Кенесары

Сайид-Алим-хан (ум. 1944), бухарский эмир из династии Мангытов

Сайид-Ахмад (ум. ок. 1455), золотоордынский хан

Сайид-Ахмад (ум. ок. 1552), ногайский бий, претендент на ханский трон

Сайид-Ибрахим, см.: *Ибак*

Сайн-Мандухай, см.: *Мандухай*

Саламат-Гирей (ум. 1610), крымский хан

Салахмир (XIV в.), золотоордынский эмир, родоначальник ряда русских дворянских родов

Салих-султан (ум. ок. 1605), хивинский царевич из династии Арабшахидов, претендент на трон, потомок Хасан-Кули

Самур (ум. перв. четв. XV в.), монгольская царевна, дочь Элбэга

Сандован (нач. XX в.), последний наместник (амбань) империи Цин в Монголии

Санчиров В. П.

Сарымсак (Саали-ходжа; ум. нач. XIX в.), кашгарский ходжа

Сарымсак, см.: *лже-Шахрух*

Сатай, см.: *Сатай Догуланг*

Сатай Догуланг (XV в.), приближенный Мандухай

Сатибек-хатун (ум. сер. XIV в.), персидская ханша, потомок Хулагу

Сатук-хан (ум. 1434), чагатайский и могулистанский хан, потомок Чагатая

Саукым (ум. 1843/1844), казахский султан, претендент на трон Младшего жуза

Сафаргалиев М. Г.

Сахиб-Гирей I (ум. 1551), крымский хан

Сахиб-Гирей II (ум. 1775), крымский хан

Сача-бэки (ум. ок. 1196), монгольский нойон, родственник Чингис-хана

Сверре (Сверрир; ум. 1202), норвежский король

Сегиз-бей (сер. XIV в.), золотоордынский эмир, правитель Запьянья

Сейл Туркебаев (втор. пол. XIX в.), предводитель восстания в

Казахстане, претендент на трон

Селим-Гирей I (ум. 1704), крымский хан

Сенковский О. И.

Серкизовы, русский аристократический род золотоордынского происхождения

Сефевиды, династия персидских шахов (1499–1736)

Сидоренко В. А.

Скобелев М. Д. (ум. 1882), российский военачальник

Скрынникова Т. Д.

Сорхактани (ум. 1252), супруга Тулуя

Сперанский М. М. (ум. 1839), российский государственный деятель

Сталин И. В. (ум. 1953), генеральный секретарь ЦК ВКП(б), затем – ЦК КПСС

Старковы, русский аристократический род золотоордынского происхождения

Строева Л. В.

Суйду (XIV в.), дочь Койричака

Сукай (ум. 1296), персидский царевич, сын Юшмута

Сулейман (ум. 1344), персидский ильхан, потомок Хулагу

Сулейман I Великолепный (ум. 1566), османский султан

Султан Мурат Акрам Тюряев (нач. XX в.), претендент на киргизский трон

Султан Мухаммад Бадахши (ум. 1466), последний шах («зулкарнайн») Бадахшана

Султан-Али (ум. 1410), претендент на трон Мазандерана, потомок Хасара, сын Пир-падшаха

Султан-Али (ум. ок. 1450), чагатайский хан, потомок Угедэя, ставленник Улугбека

Султан-Ахмад (ум. 1410), персидский правитель из династии Джалаиров

Султан-Ахмад-мирза (ум. 1494), тимуридский правитель Самарканда

Султан-Ахмад-хан (ум. 1504), могулистанский хан, потомок Тоглук-Тимура

Султан-Гирей, см.: *Карасакал*

Султан-Масуд (Султан-Масуд-мирза, ум. нач. XVI в.), тимуридский правитель Хисара и Бадахшана

Султан-Махмуд (ум. 1402), чагатайский хан, потомок Угедэя, ставленник Амира Тимура

Султан-Махмуд (ум. перв. четв. XV в.), сын Идигу

Султан-Махмуд-мирза (ум. 1495), тимуридский правитель Бадахшана и Самарканда

Султан-Махмуд-хан (ум. 1508), могулистанский хан, потомок

Тоглук-Тимура

Султан-Мурад, см.: *Мурат Кучуков*

Султан-Мурад-бек (ум. 1875), кокандский царевич из династии Минг, претендент на трон

Султан-Саид (ум. 1533), кашгарский хан, потомок Тоглук-Тимура

Султан-Саид-султан, см.: *Баба-хан*

Султан-Сайид (ум. 1865), кокандский хан из династии Минг

Султан-Увайс (ум. 1374), персидский правитель из династии Джалаиров

Султан-Хаджи, см.: *Мурат Кучуков*

Султан-Хан-торе (XIX в.), ферганский мусульманский святитель, наставник Дукчи Ишана

Султан-Хусайн-мирза, см.: *Хусайн Байкара*

Султан-шах (ум. 1766), бадахшанский правитель

Султанбек Шолакулы (ум. 1930), предводитель восстания в Казахстане, претендент на трон

Султанов Т. И.

Сун, китайская династия (960–1279)

Сутай, см.: *Самур*

Суюргатмыш (ум. 1388), чагатайский хан, потомок Угедэя, ставленник Амира Тимура

Сырым Датулы (Срым Датов; ум. 1802), казахский батыр, бий, полит. деятель

Сэнгэ-хунтайджи (ум. 1671), джунгарский правитель

Сэчен-Дзоригту-хан (перв. пол. XVII в.), монгольский хан аймака Аохан

Таваккул-Кутлуг (ум. 1335), монгольский царевич, потомок Угедэя

Таваккул-Мухаммад-хан (ум. 1599), казахский хан

Тагай (ум. ок. 1378), золотоордынский эмир, правитель Мохши

Тай-цзун, см.: *Угедэй*

Тайбуга (XIII в.), полулегендарный соратник Чингис-хана, правитель Сибири

Тайбугиды, династия сибирских правителей (кон. XV в. – 1563)

Тайдин-ди, см.: *Есун-Тэмур*

Тайдула (ум. 1360), золотоордынская ханша, супруга Узбека

Тайпин (Сян-и-ван; перв. четв. XV в.), ойратский правитель

Тамерлан, см.: *Амир Тимур*

Тан, китайская династия (618–907)

Таргутай-Кирилтух (ум. нач. XIII в.), монгольский правитель

рода тайчиут, соперник Чингис-хана

Тармашини, см.: *Тармаширин*

Тармаширин (Алла ад-Дин, ум. 1334), чагатайский хан, см. также: лже-Тармаширин

Татищев В. Н. (ум. 1750), российский государственный деятель, историк

Тауке (ум. 1715/1718), казахский хан

Тахир (ум. 1741), хивинский хан, ставленник Надир-шаха

Таян-хан (ум. 1204), хан найманов, соперник Чингис-хана

Тевкелев А. И. (ум. 1766), российский офицер и дипломат

Тевкелевы, русский аристократический род золотоордынского происхождения

Тенгиз-Буга (ум. ок. 1361), золотоордынский эмир из рода Кият

Тилля-хан (сер. XIX в.), кашгарский военачальник

Тильбе-бек (нач. XVI в.), ферганский эмир, правитель Маргинана, брат Ахмада Танбала

Тимур, см.: *Амир Тимур*

Тимур (ум. 1824), казахский хан Младшего жуза, внук Абу-л-Хайра

Тимур-бек (вторая пол. XIV в.), золотоордынский хан, ставленник Хаджи-Черкеса

Тимур-Гази (ум. 1764), хивинский хан из династии Арабшахидов

Тимур-Кутлуг (ум. 1399), золотоордынский хан

Тимур-Таш (ум. ок. 1328/1329), персидский государственный деятель, сын Чопана (см. также: *лже-Тимур-Таш*)

Тимур-Ходжа (ум. 1362), золотоордынский хан из династии Шибанидов

Тимур-Шейх-оглан (нач. XV в.), узбекский царевич, потомок Шибана

Тимуриды, династия правителей Чагатайского улуса (1370–1507)

Тинибек (ум. 1342), золотоордынский хан, сын Узбека

Тогачар (XIII в.), монгольский царевич, внук Тэмугэ-отчигина

Тоглук-Тимур (ум. 1362), могулистанский и чагатайский хан, предположительно потомок Чагатая

Тоглук-Тимуриды, династия правителей Могулистана и Кашгарии (1347 – кон. XVII в.)

Тогон (Тогон-тайши; ум. ок. 1439), ойратский правитель

Тогон-Тэмур (ум. 1370), монгольский хан, китайский император династии Юань

Тогрул, см.: *Ван-хан*

Тогус-Тэмур (ум. 1388), монгольский хан

Тойнби А. Дж.

Ток-Тэмур (ум. 1332), монгольский хан, китайский император династии Юань

Токта (ум. 1312), золотоордынский хан

Токта-Гун (XIII в.), монгольский царевич, потомок Тэмугэ-отчигина

Токтамыш (ум. 1406/1407), золотоордынский хан

Токтамыш-Гирей (ум. 1608), крымский хан

Токта-ханым (ум. 1695), хивинская ханша, мать Эренг-Мухаммада

Тохудар (ум. 1284), персидский ильхан, сын Хулагу

Трепавлов В. В.

Тришин (нач. XX в.), претендент на казахский трон

Туга-Тимур (ум. 1250-е), золотоордынский царевич, сын Джучи

Туга-Тимур (ум. 1353), персидский ильхан, потомок Хасара

Туга-Тимуриды, ветвь Джучидов, давшая начало правящим династиям Золотой Орды, пост-ордынских государств, Бухарского и Хивинского ханств

Туглу-бай (перв. четв. XV в.), золотоордынский эмир

Тук-Буга (перв. четв. XIV в.), полулегендарный золотоордынский эмир, узурпатор

Тукель-Буга (ум. 1313), претендент на золотоордынский трон, сын Токты

Тула-Буга (ум. 1291), золотоордынский хан

Тулан (первая пол. XVII в.), монгольский Дугурэн-хан аймака Огнигуд, потомок Тэмугэ-отчигина

Тулуй (ум. 1232), сын Чингис-хана, регент Монгольской империи

Туляк, герой татарско-башкирского эпоса

Тура-хан (Ураз-хан; посл. четв. XV в.), полулегендарный башкирский хан

Туракина (ум. 1246), монгольская ханша, супруга Угедэя

Туру-Байху, см.: *Гуши-хан*

Тэб-Тэнгри (Кокэчу; ум. 1208), монгольский шаман и государственный деятель

Тэмугэ-отчигин (ум. 1246), монгольский узурпатор, брат Чингис-хана

Тэмуджин, см.: *Чингис-хан*

Тэмур (ум. 1307), монгольский хан, китайский император династии Юань, внук и наследник Хубилая

Уатон У. (сер. XIX в.), секретарь британской администрации в Бомбее

Убайдаллах (сер. XIX в.), киргизский манап племени сары-багыш

Убайдаллах I (ум. 1539/1540), бухарский хан из династии Шайбанидов

Убайдаллах II (ум. 1711), бухарский хан из династии Аштарханидов

Убаши (ум. 1774), калмыцкий правитель, потомок Аюки

Угедэиды, ветвь Чингисидов, правившая в Монголии и Чагатайском улусе

Угедэй (ум. 1241), монгольский хан, сын Чингис-хана

Угэчи-Хашиг (нач. XIV в.), ойратский правитель

Узбек (ум. 1341), золотоордынский хан

Улджай-Тимур, см.: *Тимур-бек*

Улджай-Тэмур (ум. 1412), монгольский хан

Улуг-Мухаммад (ум. 1445), золотоордынский, затем казанский хан

Улугбек (ум. 1449), тимуридский правитель, внук Амира Тимура

Унгерн Р. П. фон (Унгерн-Штернберг; ум. 1921), российский офицер, монгольский «хан»

Унэ-Болод (ум. кон. XV в.), претендент на монгольский трон, потомок Хасара

Ураз-Мухаммад (ум. 1610), казахский султан, касимовский хан

Урук-Кутэн (ум. кон. XIII в.), монгольский царевич, потомок Угедэя

Урунгташ (XIII в.), монгольский царевич, сын Мунке

Урус (ум. 1377), золотоордынский хан

Усек (XVI в.), казахский царевич

Ускенбай К. З.

Усхал-хан, см.: *Тогус-Тэмур*

Утемиш-хаджи

Ухагату-хан, см.: *Тогон-Тэмур*

Фазыл (Фазыл-тура; ум. втор. пол. XVIII в.), претендент на бухарский трон из династии Мангытов, внук Мухаммад-Рахима

Фаларис (VI в. до н. э.), тиран Агригента

Фасих Хавафи

Фатима (ум. 633), дочь пророка Мухаммада

Фатх-Гирей I (ум. 1596), крымский царевич, претендент на трон

Фатх-Гирей (XVII в.), крымский царевич из династии Чобан-Гиреев, сын Девлет-Гирея

Федор Иванович (ум. 1598), московский царь

Феофано (X в.), византийская императрица, мать Василия II и Константина VIII

Фузули (ум. 1556), узбекский поэт

Хабибулла-ходжа (втор. пол. XIX в.), предводитель антикитайского восстания в Кашгарии

Хабул (ум. ок. 1148), монгольский хан, предок Чингис-хана

Хабуту-Хасар, см.: *Хасар*

Хадан (ум. ок. 1165), монгольский хан

Хадан (ум. кон. XIII в.), монгольский царевич, потомок Хачиуна

Хаджи-Гирей II (ум. 1689), крымский хан

Хаджи-Хамза (ум. 1344), иранский сановник

Хаджи-Черкес (ум. 1375), золотоордынский эмир, правитель Хаджи-Тархана

Хази (Хаджи; нач. XVIII в.), руководитель башкирского восстания, предполагаемый сибирский царевич, потомок Кучума

Хайдар (Хайдар-тура; ум. 1826), бухарский эмир из династии Мангытов

Хайду (ум. 1301), монгольский хан, внук Угедэя

Хайшан (ум. 1311), монгольский хан, китайский император династии Юань, внук Хубилая

Хаким-хан-тура (ум. кон. XIX в.), кашгарский ходжа, претендент на трон

Хакк-Назар (ум. 1580), казахский хан

Халил-Султан (ум. 1411), тимуридский правитель, внук Амира Тимура

Хамза-султан (ум. 1511), узбекский царевич, потомок Шибана

Хан-Булат (сер. XVI в.), чингисидский хан, ставленник ногайского бия Сайид-Ахмада

Хан-Мирза (ум. 1520), тимуридский правитель Бадахшана

Хан-ходжа (ум. 1758/1759), кашгарский правитель из династии белогорских ходжей

Хан-Ходжа (ум. 1799), казахский хан Среднего жуза, сын Борака

Ханзаде-бегим (ум. 1545), тимуридская царевна, сестра Бабура, супруга Мухаммада Шайбани

Хасан Бузург (Шайх Хасан, ум. 1356), персидский правитель из династии Джалаиров

Хасан Джури (ум. 1342), духовный предводитель сербедаров в Хорасане

Хасан Кучак (ум. 1344), персидский государственный деятель, внук Чопана

Хасан-Кули (ум. ок. 1530), хивинский хан из династии

Арабшахидов

Хасар (Джучи-Хасар; ум. 1210-е), монгольский царевич, брат Чингис-хана

Хафиз Абру

Хачиун (ум. нач. XIII в.), монгольский царевич, брат Чингис-хана

Хитрово, русский аристократический род золотоордынского происхождения

Ходжа (XIII в.), монгольский царевич, сын Гуюка

Ходжа-Ахмад, см.: *Баба-Туклес*

Ходжа-Ахмад (ум. 1749), казахский султан, сын Абу-л-Хайра, претендент на башкирский трон

Хондемир

Хосров-султан (ум. ок. 1602), хивинский царевич из династии Арабшахидов, претендент на трон, потомок Ильбарса

Хосров-шах (ум. 1505), бадахшанский эмир, узурпатор

Хошала (ум. 1329), монгольский хан, китайский император династии Юань

Хубилай (ум. 1294), монгольский хан, китайский император династии Юань, внук Чингис-хана

Худайдад (ум. ок. 1425), могулистанский эмир из рода Дуглат, сын Пуладчи

Худояр (ум. 1882/1883), кокандский хан из династии Минг

Хуй-Мунке (ум. перв. четв. XV в.), монгольский хан, потомок Хасара

Хулагу (ум. 1265), ильхан Ирана, внук Чингис-хана

Хулагуиды, династия ильханов Ирана (1258–1357), ветвь Чингисидов

Хуладжу (ум. 1289), персидский царевич, сын Хулагу, узурпатор

Хулан-хатун (ум. нач. XIII в.), монгольская ханша, младшая супруга Чингис-хана

Хусайн Байкара (ум. 1506), тимуридский правитель Герата

Хусайн-гурган (ум. ок. 1320), родоначальник династии Джалаиров

Хутукту-хан, см.: *Ринчинбал*

Хутукту-хан, см.: *Хошала*

Хутула (ум. ок. 1161), монгольский хан, сын Хабула

Хучар (ум. нач. XIII в.), монгольский нойон, родственник Чингис-хана

Хызр (ум. 1361), золотоордынский хан из династии Шибанидов

Хызр (перв. четв. XV в.), золотоордынский эмир

Хызр-Ходжа (ум. 1399), могулистанский хан, сын Тоглук-

Тимура

Хэ-цютао

Цзяцин (ум. 1820), китайский император династии Цин

Цин, китайская династия (1636–1911)

Цогт-тайши (ум. 1637), монгольский царевич, правитель Кукунора

Цу-Мэргэн (ум. 1671), монгольский Дзасагту-хан

Цыбиков Г. Ц.

Цэван-Рабдан (ум. 1728), джунгарский хан

Цэгэн (сер. XVII в.), монгольский Сэчен-хан аймака Муминган, потомок Хасара

Цэрен-Дондук (ум. 1738), калмыцкий хан, сын Аюки

Цэцэн-хан, см.: *Очирту-тайджи*

Цяньлун (ум. 1796), китайский император династии Цин

Чавту (XIII в.), монгольский царевич, сын Белгутэя

Чагатаиды, династия чагатайских правителей, затем – ханов (1227 – сер. XV в.)

Чагатай (ум. 1242), монгольский царевич и государственный деятель, чагатайский правитель, сын Чингис-хана

Чанышевы, русский аристократический род золотоордынского происхождения

Ченгунджаб (Шадар-ван; ум. 1757), монгольский царевич, правитель хотогойтов, предводитель антикитайского восстания

Чжан-му

Чжу Юаньчжан (ум. 1398), китайский император, основатель династии Мин

Чинг-Тимур (XIII в.), монгольский царевич, внук Чагатая

Чингисиды, потомки Чингис-хана, давшие начало многим правящим династиям государств Евразии

Чингис-хан (ум. 1227), монгольский хан

Чини-тура (XIX в.), кокандский ходжа, претендент на трон

Чинкай (ум. 1251), канцлер Монгольской империи

Чобан-Гиреи, ветвь Гиреев, династии крымских ханов

Чойбалсан Х. (ум. 1952), премьер-министр МНР

Чокан Валиханов (ум. 1865), казахский султан

Чокре (ум. 1416), золотоордынский хан

Чолхан (ум. 1327), золотоордынский царевич

Чопан (ум. 1328), персидский государственный деятель

Чопаниды, династия правителей Азербайджана (1336–1357)

Чоросы, династия ханов Джунгарии (1635–1758)

Чу-Мэргэн-нойон, см.: *Елюй Чуцай*

Чул-Булад, см.: *Адил-Гирей*

Шадибек (ум. ок. 1409), золотоордынский хан

Шайбаниды, династия бухарских ханов (1500–1601), ветвь Джучидов

Шайбани-хан, см.: *Мухаммад Шайбани*

Шайх Хасан Бузург, см.: *Хасан Бузург*

Шайхим-султан (втор. пол. XVI в.), узбекский царевич из династии Шайбанидов

Шамс ад-Дин Али (ум. 1353), султан сербедаров в Хорасане

Шараф-хан Бидлиси

Шарле И.

Шах-бегим (ум. нач. XVI в.), бадахшанская царевна, супруга Юнус-хана

Шах-Бурхан-хан, см.: *Бурхан-султан*

Шах-Мансур (ум. 1393), персидский правитель из династии Музаффаридов

Шах-Махмуд Чурас

Шах-Мурад (ум. 1800), бухарский эмир из династии Мангытов, сын Данияла

Шах-Тимур (ум. 1736), хивинский царевич из династии Арабшахидов, претендент на трон

Шахбаз-Гирей (ум. 1793), крымский царевич, претендент на трон

Шахин-Гирей (ум. 1787), крымский хан

Шахрух (ум. 1447), тимуридский правитель, сын Амира Тимура

Шибан (ум. 1250-е), золотоордынский царевич, сын Джучи

Шибаниды, потомки Шибана, сына Джучи, правившие в Золотой Орде, Бухарском ханстве (см.: *Шайбаниды*), Хивинском ханстве (см.: *Арабшахиды*), Сибирском ханстве (см.: *Кучумовичи*)

Шигай (ум. 1825), казахский султан, регент Букеевского ханства, претендент на трон

Шиктур (ум. кон. XIII в.), монгольский царевич, потомок Хасара

Шинлакар (ум. кон. XIII в.), монгольский царевич, потомок Хачиуна

Шира-Хитад (перв. пол. XVII в.), монгольский Тушету-хан аймака Муминган, потомок Хасара

Ширгази (ум. 1728), хивинский хан из династии Арабшахидов

Ширгази (ум. 1818), казахский хан Младшего жуза, сын Каипа

Ширгази (ум. 1845), казахский хан Младшего жуза, внук Абу-л-Хайра

Шировул (XIV в.), чагатайский эмир

Ширэмун (ум. 1260-е), монгольский царевич, внук Угедэя

Шишкины, русский аристократический род золотоордынского происхождения

Шлагенвейт А. (ум. 1857), немецкий ученый и путешественник

Шорман Кучуков (XIX в.), казахский ага-султан

Шотан (Шортан; ум. после 1860), казахский хан Среднего жуза, племянник Алтынсары

Шудибала (ум. 1323), монгольский хан, китайский император династии Юань

Шукур-Дайчин (ум. после 1671), калмыцкий правитель

Шуньди, см.: *Тогон-Тэмур*

Шуньчжи (ум. 1662), китайский император из династии Цин

Эбуген (ум. кон. XIII в.), монгольский царевич, потомок Кулькана

Элбэг (ум. 1399), монгольский хан

Элдэн-тайши (втор. пол. XVII в.), ойратский нойон

Эмиль-Ходжа (нач. XIV в.), чагатайский царевич, сын Дувы

Энхэ (ум. 1392), монгольский хан

Эргэнэ (ум. 1260/после 1266), чагатайская правительница, супруга Кара-Хулагу

Эренг-Мухаммад (Эренг-хан; ум. 1694), хивинский хан из династии Арабшахидов

Эркинов А. С.

Эсен (Эсен-тайши; ум. 1454/1455), ойратский правитель, монгольский узурпатор, сын Тогона

Эсен-Буга (Эсен-Буга-хан; ум. 1318), чагатайский хан, сын Дувы

Эсен-Тукан (перв. пол. XV в.), монгольский царевич, претендент на трон

Эсэху (ум. ок. 1425), ойратский правитель

Эчжэ (ум. 1641), монгольский царевич, сын Лигдана

Юань, китайская династия (1271–1368), ветвь Чингисидов

Юдин В. П.

Юлбарс (ум. 1670), кашгарский хан, потомок Тоглук-Тимура, сын Абдаллаха

Юн-ло (ум. 1424), китайский император из династии Мин

Юнус-хан (ум. 1487), могулистанский хан, потомок Тоглук-Тимура

Юнус-ходжа (ум. 1801/1802), правитель Ташкента

Юшмут (XIII в.), персидский царевич, сын Хулагу

Ядгар (ум. ок. 1469), узбекский хан из династии Арабшахидов

Ядгар (ум. 1713/1714), хивинский хан из династии Арабшахидов

Ядгар-Мухаммад-султан (втор. пол. XVI в.), узбекский царевич из династии Шайбанидов, сын Ибадаллаха

Ядгар-Султан-бегим (перв. четв. XVI в.), тимуридская царевна, сестра Бабура

Якуб (ум. ок. 1446), казанский царевич, сын Улуг-Мухаммада, мнимый предок рода Булатовых

Якуб-бек (ум. 1877), кашгарский правитель, основатель государства Йеттишар

Янги (перв. пол. XIV в.), чагатайский царевич

Яри-бек (Яри-бек-хан; ум. 1707), правитель Бадахшана

Яхья Керраби (ум. 1356/1358), султан сербедаров в Хорасане

Яхья-ходжа (ум. 1694), кашгарский хан из династии белогорских ходжей, сын Аппак-ходжи

Summary

The book *Legitimacy of Power, Uzurpers and Impostors in States of Eurasia: The Turko-Mongol World, 13th – beginning of the 20th cent.* by Roman Pochekaev gives the evolution of factors of legitimacy in fi ght for power, history of usurpations and impostures in the states of Chinggisids and their successors since the beginning of the Mongol Empire in the 13th cent. to the last attempts of creating of independent Turko-Mongol Khanates in the fi rst half of the 20th cent. We could say that the history of these states was in fact the history of usurpations and (to a smaller extent) impostures. Nevertheless, author doesn't tell the "sequential" history of Turko-Mongol usurpers and impostors as chain of political biographies, but attempts to fi nd certain tendencies of claims to throne at dif erent stages of the Turko-Mongol history, to discover types of usurpations and impostures, their legal substantiations.

Undoubtedly, such claims were daring challenges to the rightful monarchs and claimants for the throne. That's why dif erent types of usurpations as well as impostures were dif erent challenges to the "Golden Blood Line" of Chinggisids.

The part I, "*Factors of Legitimacy in Imperial Epoch*", gives the examples of usurpations in the Mongol Empire and its immediate successive states of the imperial type – Golden Horde, Yuan Empire, Ilkhanate, Chagatay state by representatives of Chinggisid ruling family in 13–14th cent. (with some typical examples of the post-imperial period of 16–17th cent.). It could seem strange because each descendant of spear side of Chinggis Khan dynasty had right to become a khan. Nevertheless, a lot of them could be characterized as usurpers as they attempted to get the throne with legal abuses.

The chapter 1, "*References to Law and Testament*", describes cases of usurpations in the 13th cent. As laws of Chinggis Khan after his death still were solid, all attempts to obtain a power should be justifi ed by legal rules. So, each pretender had to fi nd rightful substantiation for his claims. It was easier to fi nd them during the periods of interregnum, that's why many attempts of usurpation were made after death of one khan and before election of his successor; the most ef ective became reference to law or testament of previous monarch which could be interpreted in the interests of concrete claimant. Another type of usurpation took place when two (or more) pretenders were elected as it should be in accordance with law: they became usurpers in opinion of their competitors, and only victory in war made one of them "legal monarch" and another subsequently, "rebel".

In the chapter 2, "*From the Empire to Empires: New Arguments in Claims for Power*", new political conditions are analyzed as well as new substantiations of fi ght for power in the Golden Horde, Yuan Empire, Ilkhanate and Chagatay state. Reference for law and testament were no longer ef ective and pretenders claimed the throne as elder representatives of the dynasty, or of cial co-rulers (and heirs) of former khans. If pretender couldn't fi nd such argument he accused legal monarch and in this case transformed from rebel to legal claimant who defended law and order. Sometimes such accusations had strange consequence: all descendants of accused (and condemned) monarch also were deprived of right to ascend the throne and, thus became "usurpers by origin" if still dared to fi ght for power.

The part II, "*Collapse of Empires: 'Old' and 'New' Factors of Legitimacy*", devoted to period of dissolution of imperial Chinggisid states when political authority of the "Golden Blood Line" decreased and its members lost their monopoly for supreme power in the Turko-Mongol states. New pretenders of non-Chinggisid origin challenged them in fi ght for the throne.

In the chapter 3, "*The Genealogical Factor*", is described the fi ght for power of some pretenders who still relied on factor of origin as the were relatives of Chinggisids: as descendants of khans' daughters and sisters of descendants of more distant relatives of Chinggis Khan by spear side. This relation to Chinggisids was demonstrated by using khan's title, issuing khan's decrees ('yarlks'), as well as by continuation Chinggisids' policy in international, military, trade and even cultural (including historical works and poetry) fi elds.

Substantial part of non-Chinggisid pretenders, however, couldn't fi nd ties with the "Golden Blood Line" and had to fi nd "new" factors to justify their claims. In the chapter 4, "*Religious Factor*", are analyzed attempts to obtain the throne by pretenders who relied on religious substantiations of their rights. In the Turkic world there were, as a rule, descendants of respected Moslem clergymen (especially seyids and hojas who were considered as descendants and relatives of the Muhammad the Prophet). In Mongol states another type of religious legitimating was widespread: will of Buddhist hierarchs (as Dalai Lama of Tibet or Bogd Gegen of Mongolia) to ascend khan's title by concrete rulers even of non-Chinggisid origin.

And the third (also "new") factor is examined in the chapter 5, "*Regional Factor*". Disintegration of Chinggisid empires caused fi ght of dif erent lines of Chinggis Khan's descendants for power in new-founded states. Permanent change of dif erent monarchs on the thrones as well as recurrent leaving of own state in search of more prestigious and rich one forced local population to reject the right of Chinggisids to rule and give power to native leaders – not rare

descendants of former Chinggisids' of cialls.

The part III, "*Steppe Empires under the Power of Settled Empires: Foreigh Factor of the Fight for Power*", devoted to period of 16th – beginning of the 20th cent. (with prelude in the end of the 14–15th cent.) when Turko-Mongol states were placed under authority of foreign empires such as Ottoman, Chinese, Russian. It caused the appearance of new types of non-legitimate rulers.

In the chapter 6, "*Attempts of Establishment of the Foreign Suzerainty and the Problem of Legitimacy of Foreign Protégés*", dif erent types of non-legitimate monarchs are characterized: Chinggisid khans who already were in power but than became vassals of foreign monarchs; Chinggisid khans who ascended the throne with help of foreign suzerains; non-Chinggisid khans supported by foreign monarchs as alternative rulers in Turko-Mongol states.

The chapter 7, "*New Substantiations of Taking Power during the Foreign Suzerainty*", is about monarchs which came to power not with support but by direct order of suzerains. Attitude of subjects to such khans was dif erent at the early stage of foreign suzerainty (when such protégés were considered as usurpers) and the later one (when order of suzerain became the main factor of legitimacy, even more important than Chinggisid origin). There also in this chapter cases of ascension the thrones of the Turko-Mongol states by foreign monarchs are analyzed. Such "khans" themselves, as a rule, didn't need in justifying of their power, but new subjects made legal substantiations to present their power in the Turko-Mongol world not a conquest and submission but as a legitimate rule. One more new type of usurpation appeared in the period of foreign suzerainty was connected with election of khans from hereditary Chinggisids and with observance of all legal rules but without confi rmation of suzerain. Such khans (absolutely legitimate in the previous period of independence) thus became the usurpers!

The chapter 8, "*National Liberation Movement As Argument to Claim the Power*", devoted to another factor of legitimating of pretenders' claims: using the national liberation movement as argument to ascend the throne. Of course, such argument could be used only during the period of foreign dominance. And if one group of pretenders came to power relying only on national liberation movement, another used more sophisticated means of legitimating their claims for power. So, descendants of former infl uent clergymen used religious factor (which was described in details in the forth chapter) in the new way: religion became the factor of unifi cation for fi ght against conquerors, and religious leaders, thus, became national ones! Some rulers appointed by foreign authorities were able to understand that their states were ready to fi ght against suzerains and, refusing factor of foreign

support, relied on national factor to save and increase own power.

The part IV, "*Impostors in the Turko-Mongol States*", is about pretenders who tried to obtain the throne posing themselves as legal claimants. As in other states and epochs, peaks of impostures were in times of troubles when real claimants were eliminated in very short terms and this facts were not known to the most part of people.

In the chapter 9, "*Types of Impostors*", dif erent categories of pretenders are described: ones posed themselves as real members of ruling families, others pretended to be fi ctitious princes; specific group of impostors was presented by princes whose origin was not clear and they were recognized as legal heirs by one part of subjects and as usurpers by another one. Besides that some cases of impostures couldn't be attributed to one of above mentioned types (for example, adopted or legitimized sons, persons who pretended not to be members of royal families but subjects of foreign suzerains, etc.).

In the chapter 10, "*Limits of Claims for Power*", author analyzed the "scale of ambitions" of specific impostors. So, pretenders for the throne of regional level had chance to obtain and save power for some time, as for claimants for supreme power, practically all of them were disclosed and killed or executed. In this connection it's interesting to mention rather specific group of impostors who quite didn't attempt to reach the regional or supreme power: some carpet-baggers posed themselves as rulers (who, in fact was already dead) or descendants of khans to get protection or to improve own well-being.

The part V, "*Usurpers and Impostors of History*", devoted to historiography phenomenon: some rulers became usurpers and impostors in historians' opinion. The cases of such accusations hurled by medieval historians are examined in the chapter 11, "*Usurpers and Impostors in the Medieval Historiography*", and the same accusation from the scientists of the 19th – beginning of the 21th cent. – in the chapter 12, "*Usurpers and Impostors in the Modern Historiography*".

The research is based on the wide range of historical sources (chronicles, of cial documents, memoirs of contemporaries, etc.) as well as on research works since 18th to the beginning of the 21th cent.

notes

Примечания

1

«Золотой род» (Алтан уруг) – распространенный в чингисидской историографии эпитет династии Чингисидов.

Впрочем, сам Т. Барфилд весьма скептически оценивает вероятность действительной принадлежности всех правителей, считавшихся Чингисидами, к потомству Чингис-хана.

3

Среди довольно многочисленных работ, посвященных истории Чингисидов в разных государствах и регионах, можно выделить труд, охватывающий историю практически всех чингисидских династий (за исключением чисто монгольской ветви) на протяжении всего времени их правления [Султанов, 2001; 2006].

Соотношение этих терминов уже становилось предметом исследования (см., напр.: [Безкоровайная, 2010]).

Отметим, что ситуация с наследованием власти в чингисидских государствах не была уникальной: аналогичный порядок существовал и в Византийской империи, где даже после того как власть императоров-базилевсов стала передаваться в рамках одной династии, формально сохранялись избрание и официальная церемония инаугурации. Даже в случае, если на престол всходил сын предыдущего монарха, в течение длительного времени являвшийся его официальным соправителем (см.: [Карпов, 2011, с. 52–53]).

6

Сразу стоит отметить, что за всю историю чингисидских государств лишь очень немногие монархи предпринимали попытки установить четкий порядок престолонаследия, в частности, можно вспомнить примеры золотоордынского хана Узбека и бухарского хана Мухаммада Шайбани, пытавшихся ввести передачу трона от отца к сыну. Кроме того, в ряде случаев подобная передача осуществлялась de facto, без формального закрепления статуса сына как потенциального преемника отца.

7

В другой части «Сборника летописей» Рашид ад-Дин отмечает, что «юрт, ставки, [имущество], казна, [семья], эмиры, нукеры, гвардия и личное войско Чингис-хана были в его подчинении» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 107].

8

Интересно, что и сам Угедэй прекрасно осознавал прочное положение Тулуя, что нашло отражение в его словах, произнесенных на курултае, который все же состоялся в 1228 или 1229 г. Рашид ад-Дин излагает этот сюжет следующим образом: «Согласно завещанию Чингис-хана, достоинство каана утвердили за Угедей-кааном. Сначала сыновья и царевичи единодушно сказали Угедей-каану: “В силу указа Чингис-хана тебе нужно с божьей помощью душой отдаться царствованию, дабы предводители непокорных были готовы служить [тебе] жизнью и дабы дальние и ближние, тюрки и тазики [все] подчинились и покорились [твоему] приказу”. Угедей-каан сказал: “Хотя приказ Чингис-хана действует в этом смысле, но есть старшие братья и дяди, в особенности старший (sic! – *Р. П.)*брат Тулуй-хан достойнее меня, [чтобы] быть облеченным властью и взять на себя это дело; так как по правилу и обычаю монголов младший сын бывает старшим в доме, замещает отца и ведает его юртом и домом, а Улуг-нойон – младший сын великой ставки. Он день и ночь, в урочный и неурочный час находился при отце, слышал и познал порядки и ясу. Как я воссяду на каанство при его жизни и в их присутствии?” Царевичи единогласно сказали: “Чингис-хан из всех сыновей и братьев это великое дело вверил тебе и право вершить его закрепил за тобой; как мы можем допустить изменение и переиначивание его незыблемого постановления и настоятельного приказа?” После убедительных просьб и многих увещеваний Угедей-каан счел необходимым последовать повелению отца и принять указания братьев и дядей и дал согласие» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 19]. Конечно, отказ Угедэя от предложенного ему трона в значительной степенью являлся данью традиции: еще с давних времен монгольские ханы при воцарении должны были вести себя подобным образом, предлагая «более достойные» кандидатуры – так поступал в свое время и сам Чингис-хан, когда ему впервые был предложен ханский титул [Палладий, 1866, с. 93–94; Козин, 1941, с. 137] (см. также: [Грумм-Гржимайло, 1926, с. 405–406]). Правда, интересно отметить, что при описании обстоятельств воцарения Тэмуджина – будущего Чингис-хана автор «Сокровенного сказания» не упоминает, что он отказывался от предлагаемого ему трона. Лишь впоследствии, когда избравшие его родичи изменили ему, откочевав к кераитскому Ван-хану, Тэмуджин через своих послов укорил их, напомнив, что такой отказ имел место, и у каждого из них был шанс стать ханом вместо самого Тэмуджина.

9

Обоснованные доводы в пользу фактического соправительства Угедэя как законно избранного хана и Чагатая как главы рода и правителя западного крыла империи приводит В. В. Трепавлов [1993, с. 77–78].

10

Л. Н. Гумилев считает версию о «героической смерти» Тулуя реальным фактом [Гумилев, 1995, с. 124]. Из придворных историков монгольских ханов только Алла ад-Дин Джувейни (1226–1283) отмечает, что Тулуй умер из-за пьянства: в последние годы жизни он слишком активно «предавался круговороту чаш вина с утра и до самого вечера» [Juvaini, 1997, p. 549] (см. также: [Россаби, 2009, с. 36]; ср.: [Мэн, 2008, с. 26–27]). Любопытно, что Джувейни писал свою «Историю завоевателя мира» по приказу хана Мунке – сына Тулуя, и тем не менее включил в нее такое сообщение. Вероятно, в глазах Чингисидов пьянство не было таким уж страшным пороком – и в самом деле многие из представителей «золотого рода» известны в истории своим пристрастием к алкоголю (подробнее см.: [Гатин, 2011]).

11

Зная о позиции Тулуя, нельзя не увидеть некоторого лукавства в вышеприведенном утверждении Рашид ад-Дина [1960, с. 110].

12

Согласно позднесредневековой «Истории Эрдэни-дзу», Годан страдал от какой-то кожной болезни под названием «алаг-марья», от которой он, впрочем, позднее излечился, якобы проникнувшись идеями буддизма [История, 1999, с. 149].

13

В «Алтан Тобчи» Лубсана Данзана Арик-Буга, как и его отец Тулуй, назван «владыкой», т. е. «эзеном» [Лубсан Данзан, 1973, с. 244]: этот термин и в современном монгольском языке означает «хозяин дома» [БАМРС, 2002, с. 402]. Вместе с тем уже современник Арик-Буги и Хубилая, среднеазиатский автор Джамал ал-Карши (не являвшийся сторонником ни одного из соперников) подчеркивал, что Арик-Буга, остававшийся после Мунке правителем «коренного юрта», «замещал его временно, а не сменил его» [Карши, 2005, с. 123].

14

В связи с этим представляется некорректным утверждение Л. Н. Гумилева о том, что Хубилая поддержали лишь его воины, да и то преимущественно немонгольского происхождения, тогда как «из Чингисидов… только два принца: Кадан, сын Угедея, и Тогачар, сын Тэмугэ-отчигина» [Гумилев, 1992*а*, с. 165].

15

Историк-нумизмат П. Н. Петров, обратив внимание, что золотоордынские монеты с именами Мунке и Арик-Буги чеканились только в Булгаре, высказал интересное и небезосновательное предположение о том, что Мунке (а вслед за ним – Арик-Буге) принадлежали какие-то владения в этом регионе Золотой Орды [Петров, 2005, с. 171]. Впрочем, на наш взгляд, тот факт, что Берке признал наследником Мунке именно Арик-Бугу, а не Хубилая, позволяет говорить о поддержке им именно этого великого хана.

16

Средневековый арабский автор ал-Муфаддал утверждает, что «Берке оказал помощь Арикбуге, и они (сообща) поразили войско Кубилая» [СМИЗО, 1884, с. 188]. Это сообщение, с полным доверием воспринятое, в частности, Е. П. Мыськовым [2003, с. 80], однако не подтверждается другими источниками. Еще Р. Груссе отмечал, что помощь Арик-Буге со стороны Берке не была существенной [Grousset, 2000, p. 397].

17

Э. Шаванн и А. П. Григорьев вообще переводят титул тайцзы как «наследный принц» [Григорьев, 1978, с. 24; Chavannes, 1908, p. 369].

18

Стоит отметить, впрочем, что основной целью курултая был передел владений и сфер влияния в Средней Азии, в результате чего Чагатайский улус в очередной раз лишился значительной части территорий в пользу Золотой Орды и Хайду (см.: [Караев, 1995, с. 22–23, 25]).

19

Например, золотоордынский хан Менгу-Тимур (который и получил ханский титул в Улусе Джучи благодаря инициативе Хайду по созыву Таласского курултая 1269 г.) сначала не признал ханского титула Хайду и в первой половине 1270-х годов демонстрировал всяческую поддержку Хубилаю. Однако когда он убедился, что позиции последнего в Монголии усилились, во второй половине того же десятилетия стал поддерживать Хайду (подробнее см.: [Почекаев, 2012, с. 63–64]).

Часть упомянутых ярлыков (в первую очередь ярлыки Чингис-хана и Угедэя) в дальнейшем была подтверждена Мунке и его преемниками: еще юаньские императоры в ряде своих жалованных грамот отмечали, что эти акты являются подтверждением привилегий, дарованных Чингис-ханом и Угедэем (см., напр.: [Поппе, 1941, с. 63–69]).

Наиболее подробно эта точка зрения обоснована американским исследователем Д. Морганом [Morgan, 1986; 2005] (ср.: [Rachewiltz, 1993]).

Д. Морган с иронией отмечает, что нормы Ясы (как законодательства) были недоступны для тех, кто должен был бы их соблюдать, т. е. для подданных монгольских ханов [Morgan, 1986, p. 169]. Петербургский востоковед А. К. Алексеев попытался устранить это противоречие, предположив, что Яса поначалу распространялась только на самих Чингисидов, но со временем стала регулировать отношения во всей Монгольской империи и ее улусах [Алексеев, 2008, с. 39]. Однако его выводам противоречат, с одной стороны, сведения средневековых авторов о том, что Яса была публично провозглашена на курултае 1206 г. [Рашид ад-Дин, 1952*б*, с. 135], а с другой – утверждение ал-Макризи о том, что еще и в XV в. она была недоступна (подробнее см.: [Ayalon, 1971, p. 100–105]).

23

Так, Хубилай в свое время выдавал ярлыки о признании Борака правителем Чагатайского улуса, Абагу – монгольского Ирана, а Менгу-Тимура – Улуса Джучи (Золотой Орды) [Рашид ад-Дин, 1946, с. 67; 1960, с. 98, 168].

В подтверждение своей позиции Т. И. Султанов приводит действительно яркий пример подобной формы наследования: в течение 1309–1334 гг. на троне Чагатайского улуса к власти поочередно приходили пять братьев – пять сыновей хана Дувы: Эсен-Буга, Кебек, Ильчигидай, Дурра-Тимур и Тармашини.

Своеобразным подтверждением этого вывода служит судебное решение Мухаммада Шайбани-хана, основателя Бухарского ханства, разбиравшего спор о наследстве между внуком от умершего старшего сына и вторым сыном покойного. Не найдя устраивавшего его решения в мусульманском праве (а хан склонялся к мысли о приоритете внука), он вынес решение, велев «поступать по установлению Чингис-хана» [Ибн Рузбихан, 1976, с. 59–60]. Как видим, в данном случае ни о каком лествичном праве речи не идет.

Впрочем, вероятно, в данном случае мог учитываться не только сам факт занятия соответствующего поста, но и проявленные за время обладания им способности и качества в сфере управления, военном деле и т. п. – что, как отмечает Т. И. Султанов, рассматривалось как одно из веских оснований для претензий на трон [Султанов, 2006, с. 90].

27

Личная консультация Дж. Брэка (J. Brack) докторанта Мичиганского университета (29.06.2014) на конференции «Mobility and Transformations: Economic and Cultural Exchange in Mongol Eurasia» (Иерусалим, 29.06–02.07.2014).

28

Хутба – упоминание имени правителя в пятничных и праздничных молитвах, считалась одним из признаков верховной власти в мусульманском мире (см., напр.: [Алексеев, 2006, с. 95]).

29

Надо отметить, что калга-султан Ислам-Гирей до воцарения своего дяди дважды официально признавался ханом под именем Ислам-Гирея I (1524, 1532), поэтому вступление Сахиб-Гирея I на трон он посчитал посягательством на его законные права и с 1535 г. вновь стал именовать себя ханом [Смирнов 2005*а*, с. 304–306; Халим Гирай, 2004, с. 30] (см. также: [Гайворонский, 2007, с. 187–199]).

Л. В. Строева полагает, что Тармаширин вступил на престол сразу после смерти своего брата Кебека в 1326 г., и уже тогда ревнители кочевых традиций выступили против него, одновременно с ним провозгласив ханом его другого брата Дурра-Тимура. Однако другие исследователи полагают, что Тармаширин пришел к власти уже после смерти упомянутого брата [Караев, 1995, с. 41; Петров, 2009, с. 304–307].

Расплывчатость этой формулировки позволяет исследователям строить разные версии относительно повода для убийства Тинибека. Например, А. П. Григорьев предположил, что Тинибек мог принять участие в заговоре против своего отца Узбека в 1339 г. [Григорьев, Григорьев, 2002, с. 41–42]. Основанием для такого предположения послужило письмо папы римского Бенедикта XII хану Узбеку, в котором упоминается о заговоре против хана, причем мятежники едва не ворвались в ханский дворец [Юргевич, 1863, с. 1003].

32

По сведениям армянских средневековых историков, в вину Тохудару было поставлено и незаконное пленение самого Аргуна, которого ильхан взял в плен вскоре после казни его сообщников [Патканов, 1873, с. 49–50].

33

Примечательно, что от самой казни свергнутых правителей Ногай предпочел устраниться – несомненно, чтобы впоследствии не давать повода обвинить себя в незаконной расправе с членами дома Чингис-хана (см.: [Веселовский, 1922, с. 39].

Характерно, что заговорщики не вернули трон отстраненному от власти наследнику – сыну хана Хайшана, а вызвали из Монголии куда менее легитимного претендента – Есун-Тэмура, по некоторым известиям вообще принадлежавшего даже к потомству не Хубилая, а его брата Арик-Буги [Лубсан Данзан, 1973, с. 250].

Следует также отметить, что Арпа-хан оттолкнул от себя многих еще и тем, что, осознавая проблематичность своих прав на трон, приказал казнить многих царевичей-Чингисидов, находившихся в это время в Иране – причем не только потомков Хулагу, но, например, и несколько представителей рода Угедэя [Хафиз Абру, 2011, с. 147]. По всей видимости, он опасался, что если уж ему, потомку Арик-Буге, удалось занять трон в другом чингисидском государстве, это окажется возможным и для потомства Угедэя.

36

Автор «Му’изз ал-ансаб» приводит следующую генеалогию Данишменда: «Данишмандча, сын Хундуна, сына Турджана, сына Малика, сына Угедэя» [Муизз, 2006, с. 60]. Абу-л-Гази-хан называет Данишменда сыном Хайду [Абуль-Гази, 1996, с. 89].

Стоит отметить, впрочем, что противостояние эмиров Мавераннахра ханам из Могулистана началось еще при жизни отца Ильяс-Ходжи – Тоглук-Тимур-хана, однако ему еще удавалось удерживать власть над обоими улусами.

38

Путаница в источниках «цветовых» обозначений правого и левого крыльев Золотой Орды вызывала (и продолжает вызывать) оживленные дискуссии исследователей (подробнее см.: [Ускенбай, 2006]).

39

Мы ограничиваемся здесь примером из истории Монгольской империи и Монгольского ханства, хотя потомки Угедэя неоднократно занимали троны и в других государствах Чингисидов (подробнее см.: [Почекаев, 2013*a*]).

40

В монгольских источниках фигурирует, впрочем, некий ойратский Гуйлинчи-багатур [Золотое сказание, 2005, с. 42; Лубсан Данзан, 1973, с. 259–260], однако исследователи не отождествляют его со сходным по имени ханом.

41

По мнению некоторых исследователей, Адай-хан являлся потомком Джучи-Хасара, брата Чингис-хана [Hambis, 1969, p. 187].

42

О. Палладий (Кафаров) в своем варианте перевода излагает и вопрос Угедэя и ответ Чингис-хана в более простой форме. Угедэй говорит: «…только боюсь, что мои дети и внуки будут люди без достоинств и не могут наследовать престола». На что Чингис-хан ему отвечает: «Если все дети и внуки Огэдая будут люди неспособные, то неужели из моих потомков не найдется ни одного порядочного?» [Палладий, 1866, с. 145].

43

Родственным связям киятов и тайджуитов посвящено специальное исследование [Скрынникова, 2005].

44

Согласно Марко Поло, Наян мог выставить до 400 000 воинов [Марко Поло, 1997, с. 245], что, конечно же, является преувеличением.

45

По мнению П. Джексона, Наян являлся для Хайду таким же конкурентом в борьбе за власть над Монголией, как и Хубилай, и его уничтожение войсками Юань было выгодно потомку Угедэя (см.: [History, 2009, p. 41]).

Версия Л. Н. Гумилева о том, что Наян выступил поборником идей христианства против «буддиста» Хубилая [Гумилев, 1992*а*, с. 169], представляется слишком экстравагантной, хотя и основывается на сообщении Марко Поло [1997, с. 248]. Общеизвестна нерелигиозность монгольских правителей – особенно в имперскую эпоху, когда ханы вполне рационально старались не отдавать явного предпочтения ни одной из религий, последователи которых являлись их подданными.

47

Потомок Угедэя с таким именем в источниках нами не обнаружен, возможно, речь идет о представителе «уруга Кутэна», т. е. семейства Годана, второго сына Угедэя. Этот царевич (союзник Мунке, сына Тулуя, в борьбе за ханский престол) управлял Тибетом, однако после его смерти монгольские ханы взяли этот регион под свое прямое правление, так что недовольство потомков Годана тибетской политикой Хубилая вполне могло привести их в лагерь противника основателя династии Юань.

48

Согласно Рашид ад-Дину, после казни Наяна, «уругом Тогочара» (т. е. родовыми владениями семейства Тогачара, внуком которого был Наян) стал ведать его родственник Токта-Гун [Рашид ад-Дин, 1960, с. 185].

49

Разные источники содержат различные варианты генеалогии Туга-Тимура. Согласно «Муизз ал-ансаб», его генеалогия выглядит следующим образом: «Тагай-Тимур б. Судай б. Баба-бахадур б. Абукан б. Бакса б. Джучи-Хасар» [Муизз, 2006, с. 28]. Хафиз Абру в «Дополнении к собранию историй Рашида» приводит следующую генеалогию: «Тогай-Тимур б. Судай Ке'ун б. Баба бахадур б. Анукан б. Имкан б. Тур б. Джуджика б. Йисука из рода Откина, брата Чингис-хана» [Хафиз Абру, 2011, с. 156]. Как видим, Хафиз Абру несколько путано излагает генеалогию этого правителя, считая его потомком «Откина», т. е. Тэмугэ-отчигина, но при этом достаточно четко выводя его происхождение от «Джуджика ибн Йисука», т. е. Джучи-Хасара, сына Есугай-багатура, что, вероятно, более соответствует действительности. Безымянное «Родословие тюрков», которое некоторые исследователи считают переработкой сочинения мирзы Улугбека «История четырех улусов» (см.: [История, 2006, с. 385–286]), содержит следующую родословную, в которой некоторые имена также искажены: «Тогай Тимур, сын Сури, сына Баба Бахадура, сына Абукана, сына Алькана, сына Тури, сыга Джудже, сына Кибада, сына Юсукай Бахадура и брата Чингис-хана» [Shajrat, 1838. p. 315]. Наконец, в сочинении Шараф-хана Бидлиси генеалогия Туга-Тимура представлена так: «Туга-Тимур б. Сури б. Баба-Бахадур б. Абу-Бука б. Амакан б. Тури-бахадур б. Джучи Касар» [Шараф-хан, 1976, с. 58].

К этому средству впоследствии неоднократно прибегали узурпаторы трона с целью повысить свою легитимность. Например, претендент на трон Кокандского ханства Султан-Сайид за свое кратковременное правление (1862–1865) трижды был возведен на трон посредством курултая: сначала в Маргилане (1862 г.), затем в Коканде после его захвата (1863 г.) и, наконец, снова в столице, когда он вернулся туда после того, как был изгнан своим соперником Худояром (1865 г.) [Бабаджанов, 2010, с. 250–251, 254–255, 278].

Абу Бакр Ахари, впрочем, отмечает, что Туга-Тимур «замыслил захватить иранский престол» [Ахари, 1984, с. 114].

52

Муса-хан был схвачен и казнен Шайхом Хасаном Кучаком, правителем Азербайджана [Хафиз Абру, 2011, с. 157]. По данным Фасиха Хавафи, Муса-хан был убит в июле 1336 г. [Фасих, 1980, с. 60].

53

Различные источники датируют это событие от 1341 до 1343 г.

Впрочем, в 1523 г. ногайские предводители практически аналогичным образом предательски убили на пиру крымского хана Мухаммад-Гирея I и его сына астраханского хана Бахадур-Гирея, и их не остановила принадлежность этих правителей к «золотому роду» [Сыроечковский, 1940, с. 57; Трепавлов, 2001, с. 166–169] (см. также: [Гайворонский, 2007, с. 144]).

Высказывались предположения, что и Адай-хан был потомком Джучи-Хасара [Hambis, 1969, p. 187].

О его правлении упоминают среднеазиатские авторы (подробнее см.: [Бира, 1978, с. 164]). Д. З. Покотилов отождествил Ойрадтая с самим Аруктаем-тайши [Покотилов, 1893, с. 39].

Такую версию со ссылкой на «Мин ши» высказывают некоторые исследователи (см.: [Grousset, 2000, p. 505; Hambis, 1969, p. 121]).

Впрочем, некоторые современные исследователи сомневаются в достоверности этого сочинения, считая, что его составители «в искаженном виде представляли события монгольской истории» [Билигсайхан, 2008, с. 18–19].

Обращает на себя внимание титул Махулихая – онг, т. е. монголизированный вариант китайского титула ван (царь, царевич, правитель), которым поначалу обладали лишь потомки Хасара, но в эпоху междоусобиц получили право носить и потомки других братьев Чингис-хана [Владимирцов, 2002*б*, с. 437].

Эти опасения выражены в молитве Мандухай-хатун, обращенной к Алангоа:

«Если Ноян-Булат-Ун возьмет меня за себя, говоря с пренебрежением о малолетстве твоего потомка, и его удержи своими арканами» [Алтан-Тобчи, 1858, с. 183] (ср.: [Лубсан Данзан, 1973, с. 279; Шара Туджи, 1957, с. 148]).

61

Согласно официальной версии персидских хронистов, смещение Джахан-Тимура произошло «по причине неспособности… [к управлению]», поскольку ильхан, номинально предводительствовавший войсками, проиграл сражение с Шайхом Хасаном Кучаком, правителем Азербайджана и соперником Хасана Бузурга [Шараф-хан, 1976, с. 70]. То есть речь идет об обоснованном, в соответствии с чингисидской традицией, смещении с трона того, кто терпит поражение: следовательно, божественное покровительство ему ослабло, и его следует заменить более успешным правителем.

По мнению некоторых исследователей, «бахадур-хан» был официальным титулом Джалаиров.

63

Имя Амира Тимура чеканилось на монетах вместе с именами его подставных ханов – Суюргатмыша и Султан-Махмуда, что тем не менее не дает оснований утверждать о его монархических амбициях, поскольку фактическое соправительство хана-Чингисида и его бекляри-бека (амир ал-умара в иранской и среднеазиатской традиции) имело определенное распространение в тюрко-монгольских государствах (подробнее см.: [Почекаев, 2005, с. 291]).

Интересно отметить, что Шахрух также провозгласил себя халифом и султаном и, в отличие от Джалаиров и собственного отца, официально объявил, что отменяет в своих владениях Ясу Чингис-хана (см.: [Бартольд, 1966*б*, с. 48; Manz, 2007, p. 20, 28]).

Например, Али-пад(и)шах из племени ойрат – фактический правитель при Муса-хане, одном из последних ильханов-Хулагуидов (при том, что и сами ильханы в персидских источниках упоминались с титулом падишаха) [Хафиз Абру, 2011, с. 35, 59 и след.; Шараф-хан, 1976, с. 67–68].

По мнению Д. З. Покотилова, Тогон, действительно намеревавшийся стать ханом, сам отказался от этого намерения и возвел на трон Дайсунг-хана [Покотилов, 1893, с. 46].

Интересным представляется сообщение монгольских летописей, на которое обратил внимание еще И. Я. Златкин: ойратские предводители соглашались поддержать Агбарджин-джинонга (брата Дайсунг-хана – потомка Хубилая) в борьбе за монгольский трон при условии, что он, став ханом, пожалует титул джинонга, т. е. своего официального соправителя и наследника, именно Эсен-тайши. По-видимому, именно отказ Агбарджина повлек заговор ойратов, результатом которого стала гибель его самого и его приближенных [Златкин, 1964, с. 30–31].

При обсуждении этого события на конференции «Средневековые тюрко-татарские государства» (Казань, март 2012 г.) рязанский исследователь А. В. Беляков отметил, что курултай, избрав Мухаммад-Рахима ханом, фактически «сделал» его Чингисидом. Нельзя не согласиться с тем, что действительно это выглядело именно так.

См. подробнее гл. 4 наст. изд.

Чингисидское происхождение Фазыла не отмечено в бухарских источниках, однако следует иметь в виду, что Мухаммад-Рахим был женат не только на дочери Абу-л-Файз-хана Бухарского, но и Ширгази-хана Хивинского (вдове другого хивинского хана Ильбарса), а его брат, отец Нарбута-бия – на еще одной дочери Абу-л-Файза [Бейсембиев, 2004*а*, с. 107–108 (примеч. 4)]. Соответственно, есть основания допускать, что хотя бы в одном из родителей Фазыл-тура могла течь чингисидская кровь.

71

Сведения о статусе Абу-л-Гази-хана в правление Шах-Мурада противоречивы: согласно большинству бухарских письменных источников, Шах-Мурад уже с самого начала своего правления низложил хана и управлял сам с титулом эмира. Однако некоторые источники, а также нумизматические материалы свидетельствуют о том, что Абу-л-Гази номинально стоял во главе Бухарского ханства еще в 1790-е годы. Современные исследователи склонны полагать, что он окончательно лишился трона и даже был вынужден покинуть Бухару уже по воцарении эмира Хайдара (подробнее см.: [Бейсембиев, 2004*а*, с. 107 (примеч. 3)]).

Название «Бухарское ханство» тем не менее даже и в период эмирата «по инерции» продолжало применяться, в том числе и в российских официальных актах XIX – начала XX в. и в историографии (см.: [Арапов, 2002, с. 132 (примеч. 2)]).

Характерно, что в официальной российской имперской документации, а также в прессе последние эмиры Бухары периодически упоминались то с ханским титулом, то без него (см., напр.: [Кончина, 1911; Сеид-Абдул-Ахат-Хан, 1893; ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 31, д. 735/22]).

Сыновья бухарских эмиров назывались «тореджан», что подчеркивало их право на верховную власть по рождению [Лессар, 2002, с. 99].

75

По разным сведениям, это был третий или даже пятый хивинский хан с таким именем.

Впрочем, ханам из династии Кунгратов это не помешало в дальнейшем вновь вводить по своей воле налоги, не предусмотренные шариатом – салгут, даях, чуп-пули и др. [Лунев, 2004, с. 90, 98].

Интересно отметить, что в самом начале своего правления Алим-хан издавал распоряжения от имени неназванного хана и лишь некоторое время спустя сам стал использовать ханский титул [Бартольд, 2002 *г*, с. 463].

Подобное явление можно отметить, например, в политике Великих Комнинов, правителей Трапезундской империи. В конце XIII в., под давлением Палеологов, отвоевавших Константинополь у крестоносцев, они были вынуждены отказаться от «универсальности» титула императора, став титуловаться уже не «василевсами и автократорами ромеев», а «василевсами и автократорами всего Востока, Ивирии и Ператии» [Карпов, 2011, с. 58]. На наш взгляд, нечингисидские правители Средней Азии, стараясь удержать завоеванные позиции, также решили отказаться от «универсальной» власти по всей Pax Mongolica, на которую могли претендовать лишь ханы-Чингисиды и сосредоточились на отстаивании ханских титулов, но в масштабе сравнительно небольших государств в пределах бывшего Чагатайского улуса.

79

Абд ар-Раззак Самарканди упоминает Султан-Махмуда в контексте переговоров Идигу и хана Джалал ад-Дина, сына Токтамыша: хан требовал от мангытского вождя, среди прочих условий мирного договора, выдачи Султан-Махмуда. Можно предположить, что он имел опасения относительно претензий сына Идигу на ханский трон как потомка Джучидов по материнской линии и, по-видимому, намеревался устранить его.

80

Согласно некоторым исследованиям, Мансур, один из сыновей Идигу, активно действовавших в первой четверти XV в., был чингисидом по материнской линии: он родился от Суйду, дочери хана Койричака [Ускенбай, 2013, с. 237 (примеч. 10)]. Однако, насколько нам известно, ни Идигу, ни сам Мансур не пытались разыграть эту «чингисидскую карту», и Мансур, подобно отцу, добивался фактической власти, получая должность беклярибека от своих ставленников-Чингисидов на ханском троне (подробнее см.: [Трепавлов, 2001, с. 93–94]).

81

В. В. Трепавлов предполагает, что речь может идти о будущем казахском хане Хакк-Назаре (см.: [Трепавлов, 2001, с. 191–195]; см. также: [Исхаков, 2009*б*, с. 81]).

Именно поэтому на некоторых этапах истории Мангытского юрта – Ногайской Орды – имели место случаи, когда два или даже больше представителя династии Идигу одновременно становились бекляри-беками при разных ханах-Джучидах и, соответственно, начинали гражданскую войну в борьбе за власть в собственном юрте, имея, таким образом, равные права на власть – и в силу статуса, и в силу происхождения (см.: [Трепавлов, 2001, с. 94, 146–155]).

83

Согласно некоторым сведениям, Аппак-ходжа был женат на тетке кашгарского хана Юлбарса, однако, учитывая, что ее отцом был некий Абу-л-Хади Макрит [Чурас, 1976, с. 317 (примеч. 327)], можно сделать вывод, что супруга Аппака принадлежала к Чингисидам по женской линии, соответственно, сам ходжа не мог считаться гураганом – ханским зятем.

84

Об обосновании прав Галдана Бошугту-хана на ханский титул см. след. параграф этой главы.

Ч. Ч. Валиханов прямо называет Аппака «наместником» Галдана, хотя и отмечает, что ходжа был возведен на трон именно как верховный светский правитель Кашгарии [Валиханов, 1986*б*, с. 138].

Согласно Мухаммаду Садыку Кашгари, Мухаммад-Амин был младшим братом Исмаила [Kashghari, 1897, p. 37], однако по другим источникам он был сыном его брата Баба-хана (или Султан-Саид-султана), правителя Хами и Турфана [Материалы, 2000, с. 440 (примеч. 9); Международные отношения, 1989*а*, с. 344; Чурас, 1976, с. 323 (примеч. 363)].

Об этом прямо говорит Ч. Ч. Валиханов [1986*б*, с. 138].

88

За свое деяние Падшах-ханым получила прозвище Джаллад-ханым – «ханша-палач», или «ханша-мясник» (см.: [Kashghari, 1897, p. 39]).

Впрочем, на этот раз претензии на трон потомка ходжей не только не были удовлетворены, но и сам он вместе со своими родителями вскоре попал в опалу и был изгнан из Коканда.

Не случайно последний монарх Монголии – Богдо-хан, до своего воцарения являвшийся главой монгольской буддийской церкви – Богдо-гэгэном (Джебдзун-Дамба-хутуктой VIII), первым делом после избрания вступил в брак со своей давней сожительницей, что ранее ему как священнослужителю запрещалось, и узаконил своего сына от нее [Цендина, 2006, с. 155–156; Юзефович, 1993, с. 99–100; Batsaikhan, 2009, p. 99]. Интересен также один из его титулов, «Многими возведенный», который был призван подчеркнуть легитимность его прихода к власти – избрание на курултае в соответствии с чингисидскими обычаями.

Правда, Г. Ц. Цыбиков упоминает о претензиях на трон после смерти бездетного Тушету-хана целого ряда священнослужителей из числа его родственников: «Сегодня пришел ко мне один весьма словоохотливый халхасский лама-старожил… Говорил о смерти прежнего тушету-хана, затем его преемника – ламы, потом о споре за наследство, исчезновении неудачливого претендента лхасского рабчжамбы, о домогательстве Ринчэна-тусалакчи при надзирателе прикяхтинских караулах, старавшегося поставить ханом своего сына, и, наконец, о наследовании Даши-Нимы» [Цыбиков, 1991*б*, с. 120]. Сам Г. Ц. Цыбиков не датирует описываемые события, однако судя по упоминанию Даши-Нимы, они имели место в 1900 г. после смерти Тушету-хана Насанцогта, наследником которого и стал Даши-Нима. Впрочем, это, по-видимому, один из довольно редких случаев претензий буддийских священнослужителей на светскую власть, объяснявшийся глубоким династическим кризисом в аймаке Тушету-хана.

Власть Лхавсана была настолько велика, что он упразднил институт регента (светского правителя Тибета при Далай-ламе) и в 1706–1717 гг. осуществлял также и его функции [Petech, 1959, p. 378].

93

Согласно отчету иркутского воеводы Л. К. Кислянского, Галданом Бошугту-ханом было «взято бухарейских городов с 40, владеет де ими Бушухту-хан. И с тех де городов емлет Бушухту-хан их дань на себя» [Материалы, 2000, с. 339].

В. П. Санчиров (личная консультация во время конференции «Сазыкинские чтения», Санкт-Петербург, 16.06.2010) указал автору, что под «Ургой» в данном случае следует понимать кочевую ставку самих джунгарских правителей, а не город в Халхе, хотя представляется странным, что литейное производство могло располагаться именно в кочевой ставке.

Кроме того, многие из них полагались на другой фактор легитимации – поддержку иностранных сюзеренов (см. гл. 7 наст. изд.).

А. фон Кюгельген полагает, что эмир Хайдар был заинтересован в военной помощи Бухаре со стороны Османской империи. Однако, принимая во внимание отдаленность этих государств друг от друга, более вероятным представляется желание бухарского монарха заручиться духовной поддержкой султана, которая, возможно, пресекла бы недружественные действия соседних мусульманских государей по отношению к Бухарскому эмирату. Что касается намерения Хайдара подчиниться султану, то и в данном случае следует, вероятно, понимать его как духовное подчинение. Дело в том, что уже при вступлении на бухарский трон в 1800 г. Хайдар принял титул «амир ал-муминин», т. е. «повелитель верующих», считавшийся наивысшим в мусульманских государствах (см.: [Гафуров, 1987, с. 62; Кюгельген, 2004, с. 87]). Логично предположить, что отчаянная ситуация, в которой он оказался к 1819 г., побудила его отказаться от этого титула и признать в качестве единственного «повелителя верующих» султана-халифа.

Вместе с тем нельзя не отметить, что, когда китайские войска уже после смерти Якуб-бека вторглись в Кашгарию, кашгарский посол при дворе османского султана обратился к последнему с требованием вмешаться и своим авторитетом защитить интересы Кашгарии – «части Османского государства» перед китайцами [Васильев, 2009, с. 98].

По монетным данным он известен как Улджай-Тимур (см.: [Гаев, 2002, с. 22; Гончаров, 2005, с. 99; Настич, 1987]). У Ибн Халдуна этот хан упоминается под именем Кутлуг-Тимура [Кайдарова, Ускенбай, 2004, с. 76; Schamiloglu, 1986, p. 175].

Анализ башкирских преданий дает основание для утверждений о наличии у башкир собственных ханов еще в домонгольский период (см.: [Исянгулов, 2012]).

В башкирских родословных также упоминается, что среди башкир были свои «тюря», т. е. представители ханского рода, которых местные родоплеменные подразделения признавали своими ханами [Башкирские родословные, 2002, с. 379] (см. также: [Исянгулов, 2008, с. 32, 39–40, 44]).

101

«Альтернативная» версия происхождения «ханов» Акназара и Исмаила, предложенная Ж. М. Сабитовым [2009, с. 140–141], представляется необоснованной.

102

Различные исследователи датируют гибель Ильяс-Ходжи от 1363 до 1370 г.

Впрочем сами могулы также не оставались в долгу, в свою очередь, прозвав чагатайцев (население Мавераннахра) «караунас», т. е. полукровками [Султанов, 2006, с. 176–177].

Любопытно отметить, что приход к власти в Могулистане хана-Чингисида не повлиял на политику Амира Тимура. В 1390-е годы он, уже от имени своего нового хана Султан-Махмуда, по-прежнему организовывал походы на Могулистан, пока наконец Хызр-Ходжа, потерпевший ряд поражений, не заключил с ним мир, фактически признав вассалитет от Тимура и выдав за него замуж свою дочь (см.: [Гумилев, 1992*б*, с. 439–440]). Несколько иначе строил свою политику Улугбек, который в 1420-е годы старался возвести на могульский трон своего ставленника Сатук-хана – потомка Хызр-Ходжи [Караев, 1995, с. 74–77].

Интересно отметить, что после завоевания Кашгарии империей Цин китайские власти учли тот факт, что семейство Дуглатов в свое время правило этим регионом и продолжало пользоваться влиянием в нем: ряд Дуглатов были привлечены Цинами на службу, а один из них в первой половине XIX в. даже был наместником Кашгара и Яркенда. Несмотря на это, в 1864 г. восставшие против китайского владычества кашгарцы попытались именно этого аристократа провозгласить своим лидером [Kim, 2004, p. 37–38].

Безусловно, мы не собираемся утверждать, что кашгарские ханы-Чингисиды сосредоточились исключительно на оборонительных действиях и не вели завоевательных войн: Султан-Саид и в особенности его сын Абд ар-Рашид, а также потомки последнего неоднократно организовывали походы против казахов, киргизов, узбеков Бухарского ханства. Однако в отличие от своих предков, Тоглук-Тимура и Ильяс-Ходжи, они намеревались именно присоединить к своим владениям новые территории, а не перебраться в завоеванные области.

107

Обратим внимание, что даже в чингисидских государствах существовали институты «старших» и «младших» ханов, и первые выдавали вторым именно ярлыки. Кстати, таким ханом-Чингисидом, признающим авторитет другого монарха, был свергнувший Тайбугидов сибирский хан Кучум, получавший ярлыки от бухарского Абдаллаха II [Материалы, 1932, с. 296] (см. также: [Матвеев, Татауров, 2012, с. 33]).

108

По некоторым сведениям, Джахангир-мирза сумел спастись от узурпатора и присоединился к Бабуру и могулистанским ханам.

Данный раздел книги подготовлен при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014/2015 гг. (проект № 14–01–0010).

110

В источниках прямо сообщается, что Койричак принял из рук Амира Тимура знаки ханской власти – «царские доспехи, золотошвейную шубу и золотой ремень» [Йазди, 2008, с. 198]. В соответствии с восточным протоколом это являлось свидетельством официального признания зависимости от выдавшего эти регалии, тем более Йазди прямо сообщает, что Амир Тимур «назначил его ханом».

111

Б. З. Базарова считает, что Баньяшили (санскритское Пуньяшири, т. е. «добродетельный») было титулом Гун-Тэмур-хана, правившего в 1399–1402 гг. [Базарова, 2006, с. 229].

Полный титул Лигдана звучал следующим образом: «Хутукту-Суту-Чингис-Даймин-Сэчен-хаган» [Базарова, 2006, с. 229–230].

113

По крайней мере так сообщали послы ойратского Галдана Бошугту-хана на приеме у иркутского воеводы Л. К. Кислянского [Материалы, 2000, с. 339].

114

Мунис именует Тахира сыном Вали-Мухаммада [МИКХ, 1969, с. 467; Munis, Agahi, 1999, p. 66], однако вряд ли это соответствует истине, поскольку Вали-Мухаммад погиб в 1611 г. Вероятно, поэтому С. Д. Атдаев полагает, что Тахир приходился этому хану внуком [Атдаев, 2010, с. 64]. По-видимому, «сын Вали-Мухаммада» следует понимать как «потомок» – вероятно, он происходил от тех сыновей и внуков свергнутого хана, которые после его смерти осели в Иране.

115

Примечательно, что за свое выступление по воле русских властей Абд ал-Малик был лишен отцом права наследования трона и изгнан из Бухарского эмирата. Его последующие попытки завладеть троном, таким образом, официально считались узурпаторством (см.: [Арендаренко, 1974, с. 44, 61; Тухтаметов, 1966, с. 39–40]).

Позднесредневековые монгольские летописцы называют его «Ойрадтаем», т. е. «ханом ойратов» (см., напр.: [Лубсан Данзан, 1973, с. 259]).

Кроме того, от маньчжуров получили ханские титулы и некоторые владетели аймаков из рода Чингисидов, о которых речь пойдет ниже.

Впрочем, это не устраняло противоречий между калмыцкими правителями и местными властями, в частности, в первой половине 1740-х годов имел место длительный конфликт между астраханским генерал-губернатором В. Н. Татищевым и наместником Дондук-Даши, которого не устраивало лишь номинальное правление Калмыцким ханством, причем по некоторым сведениям, наместник даже планировал откочевку из русских владений в Среднюю Азию [Торопицын, 2012, с. 31–34].

119

В принципе, Иван IV мог иметь основания утверждать, что в его жилах течет чингисидская кровь: по материнской линии он был потомком бекляри-бека Мамая, который, как известно, был женат на дочери золотоордынского хана Бердибека. Правда, жен у Мамая было несколько, поэтому нет твердой уверенности, что Елена Глинская, мать Ивана Грозного, происходила от потомка Мамая именно от этого брака, хотя некоторые современные авторы считают именно так (см., напр.: [Абдулаева, 2009]).

Идея обоснования права на власть с помощью государственных и правовых символов предшествующих государей и династий к новым применялась в самые различные времена и эпохи, и уже с XVIII в. стала предметом изучения (см.: [Глушаков, 2003, с. 8–9]).

Соответственно, в позднесредневековой монгольской историографической традиции все императоры Мин – потомки Юн-ло именовались монгольскими (вернее, монголизированными китайскими) именами: Хонгши-хаган, Чжингтунг-хаган, Санда-хаган и т. д.

Интересно отметить, что именно в 1636 г. название маньчжурской династии было изменено с Поздней Цзинь на Цин [Soni, б.г., p. 41]. Исследователи связывают этот шаг с подчинением монголов, с чем можно согласиться: обретя власть над Монголией, маньчжуры уже не могли довольствоваться именем династии, некогда покоренной предками своих же новоявленных вассалов.

123

Благодарю О. Каполнаша, любезно предоставившего мне монгольский оригинал своей статьи и соответствующий фрагмент русского перевода.

Французская исследовательница И. Шарле обращает внимание, что император Канг-си (он же монгольский хан Энхэ-Амугулан) мог признаваться монголами своим верховным ханом, поскольку в нем текла кровь Борджигинов: его бабка была княжной из хорчинского рода, потомков Джучи-Хасара [Charleux, 2011, p. 2]. Однако эта версия не объясняет, почему его отец и дед также были признаны монголами в ханском достоинстве.

Например, после смерти Менгли-Гирея I в 1515 г. султан Селим I прямо-таки был вынужден назначить ханом его старшего сына и калга-султана Мухаммад-Гирея I: тот был настолько влиятелен, что мог себе позволить воцариться в Крыму и без султанского соизволения (см.: [Гайворонский, 2007, с. 120–121]).

126

Казус с борьбой за престол хана Боди-Алага и его дяди, регента Барс-Болада, нуждается в дополнительном изучении, поскольку имеет место значительная противоречивость монгольских источников, заключающаяся в определении степени «малолетства» Боди-Алаг-хана, которое и послужило предлогом для регентства Барс-Болада, а по сути – узурпации им власти. Большинство источников сходится на том, что Боди-Алаг родился в 1504 г. [Монгольские источники, 1986, с. 85], следовательно, если Даян-хан умер в 1513 г., его наследник и в самом деле был малолетним и нуждался в регентстве. Однако если принять в качестве года смерти Даян-хана 1543 г., то 39-летний Боди-Алаг никак не мог быть малолетним. Согласно «Шара Туджи», он вступил на престол в 1544 г. в возрасте сорока одного года [Шара Туджи, 1957, с. 149], т. е. если принять эти сведения, то «регентство» Барс-Болада весьма и весьма затянулось. Либо же на самом деле влиятельный царевич, являвшийся к тому же старшим родственником официального наследника Даян-хана, откровенно узурпировал власть.

Поскольку основатели Букеевского ханства в свое время откочевали именно из Младшего жуза, формально они в какой-то мере являлись нижестоящими по отношению к его правителям. Неудивительно, что оба претендента на ханский титул в Букеевском ханстве апеллировали к суду Ширгази-хана.

Примечательно, что еще в 1759 г. оренбургские власти предлагали Аблаю принять ханский титул, но требовали взамен значительное число заложников в обеспечение его верности России, на что султан пойти не захотел и от предложения отказался [Андреев, 1998, с. 36 (примеч. 30)].

Интересно отметить, что цинские власти отказались признавать Аблая подданным Российской империи: в декабре 1779 г. был даже издан специальный указ императора Цяньлуна, в котором он заявлял, что относительно перехода Аблая в российское подданство «нам остается делать вид, что об этом не знаем и не считаем нужным выражать свое мнение» [Цинская империя, 1989, с. 101].

130

После вынужденного отказа Губайдуллы от титула власти империи Цин попытались возвести на ханский трон еще одного своего ставленника – Алтынсары, внука Абу-л-Файз-султана, который титуловался ханом и регулярно обменивался посланиями с пекинским двором вплоть до 1855 г., когда решил уступить ханский титул своему племяннику Шотану (Шортану). Последний в течение некоторого времени вопринимался Цинами как узурпатор, однако позднее они признали и его в ханском достоинстве. Впрочем, в отличие от потомства ханов Аблая и Абу-л-Хайра, эти последние ставленники империи Цин на казахском троне большим влиянием не пользовались и проводниками китайской политики в Казахстане так и не стали. Шотан вообще проживал вне пределов Русского Казахстана: его владения располагались в подконтрольных Китаю областях Тарбагатая и Кобдо (см.: [Цинская империя, 1989, с. 30–32; Noda, Onuma, 2010, p. 75–80, 136–137]).

131

Связи Ширгази с Хивинским ханством могли объясняться его родством: он был правнуком (внуком дочери) хивинского хана Ширгази, в честь которого, возможно, получил свое имя (см.: [Ерофеева, 2003, с. 21]).

Аринғази вызвал неудовольствие хивинских властей тем, что вел переговоры о союзе и подданстве с Бухарским эмиратом, поскольку приходился близким родственником «по женскому колену» бухарскому эмиру Хайдару [Ерофеева, 2003, с. 21–22].

Известны имена еще нескольких потомков хана Абу-л-Хайра, в разное время носивших ханские титулы в Младшем жузе, которые не признавались российскими властями: внуки Абу-л-Хайра – Каратай, Болекей и Тимур, правнуки Касым и Маты [Ерофеева, 2007, с. 393]. Однако, насколько известно, они не признавали суверенитет какого-то другого иностранного монарха. Аналогичным образом нет таких сведений и в отношении потомков хана Борака – его сына Букея и внука Чингиса, считавшихся ханами, но не признававшихся в этом качестве русской администрацией [Букейханов, 1901, с. 13; Ерофеева, 2001, с. 121].

Правда, сведений о том, что Садык получил ханский титул, не имеется.

По мнению Ж. М. Сабитова, он являлся сыном Абу-л-Гази из рода Джадыков – еще одного «альтернативного» хана казахского Младшего жуза, не признанного российскими властями [Сабитов, 2008, с. 113].

Тем не менее ближе к концу Второй мировой войны, напуганный «коммунистической угрозой», Дэ-ван организовал во Внутренней Монголии сопротивление Советской Армии и действовал в союзе с японцами, после поражения которых попал в плен к гоминдановским властям, которые посадили его под арест вплоть до падения своего режима [Дудин, 2014, с. 35].

137

См. часть IV наст. изд.

В участии Абу-л-Хайра в башкирских событиях начала XVIII в. нет ничего невозможного: известно, что примерно в это время он находился в Поволжье, пребывая при дворе калмыцкого хана Аюки, у которого многому научился в области военного дела, причем обстоятельства, при которых он покинул Поволжье, исследователям остались неизвестны [Ерофеева, 2007, с. 128–130]. Вполне вероятно, что именно с участием в башкирском восстании и полученной в бою с русскими войсками раной (о чем также упоминается в документах, посвященных восстанию) и было связано возвращение Абу-л-Хайра в родные казахские степи.

139

Вполне вероятно, речь шла о самозванце Султан-Мураде (о котором см. гл. 9 наст. изд.).

Нурали, старший сын Абу-л-Хайра, в это время находился в Оренбурге, в честь чего губернские власти даже устроили «великий трактамент» с пушечным салютом и фейерверком [Добросмыслов, 1900, с. 22].

Примечательно, что Абу-л-Хайр и впоследующие годы не оставлял попыток возвести Ходжа-Ахмада на башкирский трон, что не могло не беспокоить российские власти. Так, когда в 1747 г. сын казахского хана обратился к властям за разрешением жениться на знатной казанской татарке, Коллегия иностранных дел нашла повод отказать ему [Игнатьев, 2013]. Несомненно, за этим решением стояло опасение властей, что укрепление связей Абу-л-Хайра и Ходжа-Ахмада с Поволжьем путем породнения с местной знатью позволит им и далее претендовать на башкирский трон.

Примечательно, что потомки хана Аблая, к каковым относился и Кенесары Касымов, как правило, не получали значительных постов в системе администрации пореформенного Казахстана, лишь отдельные потомки Аблая (причем только в ближайшее время после реформы 1822 г.) сумели добиться поста старших султанов. Позднее эта ветвь казахских Чингисидов была фактически отодвинута от власти. В результате даже полностью лояльный российским властям Ч. Ч. Валиханов, избранный в ага-султаны в 1862 г., не был утвержден Омским генерал-губернатором (см.: [Стрелкова, 1983, с. 241–242]). Надо полагать, русские власти опасались вручать представителям этого властного и амбициозного рода какие-либо полномочия даже на уровне местной администрации.

Интересно отметить, что Боромбай и Ормон состояли в свойстве (дочь Ормона была выдана замуж за сына предводителя племени бугу) [Омурбеков, 2007, с. 229], однако это, как видим, не привело к прекращению вражды между ними.

Впрочем, в ряде случаев сами же представители волостного и аульного управления «возмущали народ», становились во главе отрядов восставших (см., напр.: [Восстание, 1960, с. 530]).

Правда, в составе войск Амангельды Иманова имелись также и «пятидесятники», тогда как в армиях средневековых тюрко-монгольских кочевников такая воинская единица отсутствовала.

Любопытно, что Абдугаппар был избран главным ханом в Тургайской области, тогда как остальные (Оспан Шолаков, Айжаркын Канаев и проч.) считались ниже его по статусу, будучи «волостными ханами» [Восстание, 1960, с. 739]. Таким образом, как видим, казахи успели привыкнуть к административному делению, введенному «Степными положениями» 1868 и 1891 гг. и даже в какой-то степени учитывали его при восстановлении своих традиционных властных институтов!

147

По некоторым сведения, некий Султан Мурат Акрам Тюряев также «предназначался ханом иссык-кульским над мятежниками» [Восстание, 1937, с. 44–45].

С. Д. Асфендиаров почему-то называет этого хана Касымом Оспановым, хотя в документах он фигурирует как Оспан Шолаков.

149

Согласно информаторам У. Уатона, секретаря английской администрации в Бомбее, одним из первых попытавшегося дать описание Восточного Туркестана, Джахангир-ходжа был схвачен сторонником черногорских ходжей – противников его рода [Анваров, 1994, с. 15], однако другими источниками и исследованиями такая версия не подтверждается.

Современные исследователи, впрочем, отмечают, что в государствах Средней Азии титул «тура» стал принадлежать потомкам пророка Мухаммада, вытеснив более известный их титул «сайид» (см.: [Кавахара, 2010, с. 124]). Надо полагать, использование ими «чингисидского» титула объясняется тем, что традиционно сайиды и ходжи, наравне с потомками Чингис-хана, в Средней Азии относились к «белой кости», т. е. наиболее привилегированной части аристократии (подобнее см.: [Кляшторный, Султанов, 2009, с. 329]).

Позднее Садык помирился с Якуб-беком, прибыл к нему в Кашгарию и даже породнился: кашгарский правитель выдал за него замуж вдову своего покойного сына [Кенесарин, 1992, с. 52]. Надо полагать, родство с султаном-Чингисидом кашгарский правитель намеревался использовать в качестве дополнительного фактора легитимации своей власти в бывших чингисидских владениях.

Отметим, что титул «хан» у туркмен обозначал вовсе не монарший статус, а принадлежность к привилегированному сословию – что-то вроде «бая» у казахов или киргизов (точно так же, как в сфевидском Иране ханами назывались не монархи, а родоплеменные вожди – аналоги тюркских беков).

153

Примечательно, что борьбу против советской власти Джунаид-хан начал еще в конце 1917 г., хотя Советская Россия официально заявила, что признает полную независимость Хивинского ханства. Ради борьбы с советской властью узурпатор пошел даже на сговор с представителем Временного правительства, с сентября пребывавшим в Хиве (см.: [Тухтаметов, 1969, с. 125–126]).

В противном случае остается согласиться с М. Россаби, считавшим, что восстание Ченгунджаба не имело конкретной цели и являлось всего-навсего очередным всплеском недовольства монголов против засилья маньчжурских властей (см.: [Kaplonski, 1993, p. 242]).

155

В трудах ученых монгольских лам Ченгунджаб и Амурсана характеризовались как изменники, мятежники против законной власти императора [Джамбадорджи, 2005, с. 142–143] (а также: [Успенский, 2011, с. 116]).

В пользу предположения о нелояльности Якуб-бека Султан-Сайид-хану свидетельствует тот факт, что на раннем этапе своего правления в Кашгарии эмир чеканил монеты с именем его свергнутого предшественника Малла-хана [Гаврилов, 1927, с. 10].

157

Якуб-бек при жизни официально так и не был признан в качестве хана, однако он нередко фигурирует с таким титулом в более поздней кашгарской историографии (см., напр.: [Усманов, 1947, с. 89]).

158

Согласно отчетам российских дипломатов в Центральной Азии, первые контакты Якуб-бека с англичанами были установлены гораздо раньше: еще в 1867 г. они предлагали ему помощь в борьбе с Бурхан ад-Дином – конкурентом Якуб-бека в борьбе за власть в Восточном Туркестане [Сергеев, 2012, с. 125; Kiernan, 1955, p. 320–322].

159

Отношениям государства Якуб-бека с Российской империей посвящен ряд специальных исследований [Моисеев, 2003*а*; 2003*в*].

Отметим, однако, что в отношениях с другими государствами Якуб-бек демонстрировал неприязнь к Кокандскому ханству и лично к хану Худояру (см., напр.: [Кулешов, 1887, с. 694]).

161

Кара-Джари был слугой-гулямом Хаджи-Хамзы – заместителя настоящего Тимур-Таша.

Правда, по мнению В. А. Сидоренко, «самозванство» вышеупомянутого золотоордынского претендента Кильдибека также заключалось лишь в том, что он, будучи племянником покойного хана Джанибека (сыном его брата Иринбека), выдавал себя за его сына [Сидоренко, 2000, с. 284], однако сообщения источников позволяют с уверенностью утверждать, что Кильдибека следует считать все же «лже-Кильдибеком».

По мнению Т. К. Бейсембиева такая незавидная участь лже-Шахруха объясняется еще и тем, что его выдавали за потомка Омар-хана, ветвь которого не пользовалась поддержкой населения в отличие от ветви его брата Алим-хана, к которой принадлежали и законный хан Худояр, и его брат Малла-хан, и большинство последующих претендентов. В подтверждение своего предположения исследователь упоминает, что в одно время с самозваным Шахрухом был умерщвлен еще один претендент на трон – Каландар-бек, несмотря на то что был подлинным сыном того же Мухаммад-Али-хана б. Омар-хана, на происхождение от которого претендовал и самозванец.

В шайбанидской историографии, представители которой создавали свои труды при дворе Абдаллаха II, его противник Шах-Бурхан-хан обычно предстает как малозначительный удельный правитель, к тому же обладающий массой качеств, позволяющих отнести его к «непопулярным, ставшим одиозными фигурам» [Султанов, 2006, с. 77–78]. Однако в последующей бухарской историографии он представлен как законный обладатель бухарского престола и верховной власти (см., напр.: [Мунши, 1956, с. 58–59]).

По выражению Хафиза Абру, Хасан Бузург «определил его на султанат» [Хафиз Абру, 2011, с. 153]. Автор «Родословия тюрков» специально подчеркивает, что «нет сомнения, что он происходил от Хулагу» [Shajrat, 1838, p. 314], что как раз заставляет заподозрить обратное.

166

Согласно Хафизу Абру, Ануширван происходил из рода кавийан [Хафиз Абру, 2011, с. 181–182].

Интересно отметить, что Лобсан-Шоно со временем стал одним из популярных эпических персонажей многих монгольских народов (в том числе и бурят, казалось бы, не имевших никакого отношения к событиям его жизни), однако в их эпосе имя «Шоно-батыра» никоим образом не связывают с Карасакалом (см., напр.: [Хангалов, 2004]).

Претензии Карасакала считаться и султаном-Чингисидом, и джунгарским тайджи приводили к историографическим казусам: например, известный исследователь истории Оренбуржья и Казахстана А. Ф. Рязанов писал, что Карасакал «выдавал себя за султана Гирея, брата Джунгарского хана» [Рязанов, 1928, с. 36]!

169

По утверждению Ч. Ч. Валиханова, Борак действовал в интересах Галдан-Цэрена, которым был подкуплен [Валиханов, 1985*в*, с. 9].

170

По другим сведениям на трон прочили малолетнего племянника Дукчи-и-шана, а сам он был провозглашен «помощником халифа» и должен был стать регентом (см.: [Кастельская, 1980, с. 73]).

Тем не менее нельзя не отметить связь Дукчи-ишана с представителями правящих кругов бывшего Кокандского ханства. В частности, он являлся мюридом Султан-хана-торе, по некоторым сведениям, активно участвовавшим в интригах против хана Худояра (см.: [Манакиб, 2004, с. 46–47]). Кроме того, согласно материалам следствия по итогам Андижанского восстания, среди его участников было немало бывших кокандских сановников, оставшихся не у дел после ликвидации ханства, да и ранее несколько авантюристов, боровшихся против российской власти в Фергане, выдавали себя за потомков ханов Коканда [Штейнберг, 1938, с. 127, 136].

Впрочем, проекты реформ религиозной политики России в Средней Азии, предложенные туркестанской администрацией по итогам восстания, не получили значительного развития.

По некоторым данным, его имя было Амур, однако подозреваем, что в этом случае Балдан сам мог принять его: ведь «Амур Санаев» очень напоминает «Амурсана», перерожденцем которого он себя объявил!

Известно, что еще в 1913 г. Р. фон Унгерн, тогда еще только сотник, прибыл в Монголию с намерением присоединиться к Джаламе, чтобы вместе с ним бороться против китайцев. Однако русский консул в Кобдо настрого запретил ему это [Рощин, 1999, с. 10].

Кстати, начиная с 1930-х годов, появилось несколько самозванцев, выдававших себя за самого барона Унгерна, «чудесно спасшегося» от расстрела в 1921 г. и за его сыновей [Юзефович, 1999, с. 343–348]. Однако поскольку их действия не были связаны с борьбой за власть в тюрко-монгольских государствах (самозванцы пытались добиться признания в Европе и Америке), в этой книге мы не рассматриваем их случаи.

Отдельная история связана с головой Джа-ламы, которая была отрублена и выставлена на всеобщее обозрение, а затем, после долгих перипетий, попала в петербургскую Кунсткамеру. Этой теме посвящена отдельная работа [Ломакина, 1993].

177

Примечательно, что и в первые десятитетия XX в. идея восстановления Кокандского ханства оставалась актуальной, в частности такую цель ставила перед собой так называемая Кокандская автономия, существовавшая в 1917–1918 гг. [Козловский, 1928, с. 34].

Неслучайно А. В. Беляков охарактеризовал Чингисидов в Московском царстве как «лишних людей», так и не сумевших найти свое предназначение на новой Родине [Беляков, 2012].

179

Кадыр-Али-бий Джалаири традиционно отождествляется с государственным деятелем Сибирского ханства, фигурирующим в русских летописных источниках под именем-титулом «Карача» (см., напр.: [Трепавлов, 2012, с. 21]). Будучи приближенным хана Кучума из рода Шибанидов, являвшегося к тому же вассалом своих бухарских родичей Шайбанидов, Кадыр-Али имел возможность доступа к бухарским архивам, в которые могло попасть и хивинское историческое сочинение в результате неоднократных завоевательных походов бухарских правителей на Хиву.

Впрочем, чисто гипотетически можно допустить, что если предполагаемый «башкир Тук-Буга» входил в окружение хана Токты, покровительствовавшего буддизму, он вполне мог принять эту религию.

Справедливости ради, впрочем, стоит отметить, что подобной точки зрения придерживался и сам В. П. Юдин [1992*б*, с. 69], которого, как казахстанского исследователя, никак невозможно заподозрить в желании приукрасить историческое прошлое башкирского народа.

Эту же версию высказал и Ж. М. Сабитов (по его словам, «независимо» от нас) [Сабитов, 2011*б*, с. 114]. Обстоятельства убийства Узбеком сына хана Токты изложены персидскими авторами Абу Бакром Ахари [Ахари, 1984, с. 100] и Хафизом Абру [СМИЗО, 1941, с. 141]. При этом только первый из них называет имя убитого сына Токты – Илбасмыш, который, согласно сведениям арабских авторов, умер раньше отца, в 709 г. х. (1309/1310 г.) [СМИЗО, 1884, с. 123, 384, 513]. Полагаем, причина ошибки заключается в том, что Ильбасар-Ильбасмыш еще при жизни отца играл значительную роль в золотоордынской политике и был известен также в соседних государствах, тогда как о других сыновьях Токты (Тукель-Буге и Балуше) за рубежом ничего известно не было.

183

А. Гафуров, посвятивший анализу имени Шайбани-хана небольшое исследование, посчитал, что «Шайбак» – это искаженная форма тюркского имени «Шайибек», означавшего «могучий», и именно это имя якобы носил на самом деле Шайбани-хан [Гафуров, 1987, с. 57–58]. Однако исследователь не учел, что привлекшие его внимание формы «Шахибек» и «Шайбак» впервые появляются в сочинениях чагатайских и персидских авторов – Мирзы Хайдара (личного недруга Шайбани-хана), Шараф-хана Бидлиси, Малик-шаха Систани и др. Несомненно, враждебно настроенные к Мухаммаду Шайбани авторы старались исказить не только его образ, но и имя. Подобная игра слов при написании имен враждебных Ирану правителей была характерна для персоязычных авторов: например, Убайдаллах-хан, племянник Шайбани-хана, назван ими «Убайд-хан» (см., напр.: [Шараф-хан, 1976, с. 159, 290]). В результате почтенное имя «хан – раб Аллаха» превратилось в бессмысленное «раб-хан». Видимо, имя «Шах-Бахт», полученное Мухаммадом Шайбани при рождении, под язвительным пером персидских авторов подверглось подобной же обработке: вместо «царского счастья» и получился «шах бека»!

В. В. Трепавлов, использовавший «Чингис-наме» в переводе В. П. Юдина, равно как и в результате собственных исследований, обнаружил некоторое сходство сообщений в сочинении Утемиша-хаджи и русскоязычном памятнике второй половины XVI в. «Подлинный родослов Глинских князей». Так, в обоих источниках говорится о значительной роли представителей рода Киятов в Золотой Орде, в частности, Джир-Кутлу и его сына Тенгиз-Буги [Трепавлов, 2007*б*, с. 335–338]. Однако исследователь ни слова не говорит о попытке узурпации ими власти в Синей Орде.

Д. М. Исхаков, впрочем, не без оснований говорит о неопределенности сведений этих источников и, соответственно, подвергает сомнению результаты базирующихся на них исследований [Исхаков, 2009*а*, с. 98–99].

186

В сочинении дагестанского автора Джамалутдина-хаджи Карабудахкентского упоминается титул «шавхал-хан» [Джамалутдин, 2001, с. 53]. Однако его труд, написанный на рубеже 1910–1920-х годов, вряд ли можно счесть аутентичным источником.

187

В список включены имена и фамилии, упоминаемые в основном тексте и примечаниях.